

2011

Известия УрГУ. Серия 2

№ 2 (90)

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Голынец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор Издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- В. М. Амиров**,
канд. филол. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 2 (90)

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 1999 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Л. С. Соболева

Заместитель главного редактора

Д. А. Редин

Члены редколлегии

Н. Н. Баранов (отв. за выпуск)

С. В. Гольнец

Е. П. Алексеев

О. В. Зырянов

В. Д. Камынин

Л. С. Лихачева

А. В. Маркин

Ю. А. Русина (отв. за выпуск)

А. В. Шаманаев (отв. за выпуск)

А. М. Плотникова

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Мохов А. С., Боровиков Д. С.* Логофеты стратиотиков в Византии VII—XI вв. ... 6
- Суровень Д. А.* Влияние китайско-корейских переселенцев аябито на государственность и культуру Ямато V в. 20
- Лугинин Л. М.* Влияние внутривосточной обстановки на внешнюю политику Московского государства (1618—1634) 36
- Камьшин В. Д., Шапошиков Г. Н.* Из истории государственного регулирования развития средств связи в СССР в 1920-е гг. 50
- Костякова Ю. Б.* Формирование образа врага в прессе Хакасии в годы Великой Отечественной войны 60
- Морре Х., Безбородов Ю. С., Каримов Д. А., Белозеров М. А.* Формирование интеграционного Индонезийско-нидерландского союза: предложения и преимущества 69
- Мангилева А. В.* Письма епископа Пермского и Екатеринбургского Иустина (Вишневого) Ф. Л. Карпинскому. Публикация источника 76

ФИЛОЛОГИЯ

Лингвистика

- Кабинина Н. В.* Значение русских именных компонентов в исследовании регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) 81
- Соловар В. Н.* Структура и семантика моделей элементарных простых предложений хантыйского языка с событийными пропозициями (на материале казымского диалекта) 90
- Скребова Е. Г.* Характеристика коммуникативно-текстовых функций сложно-подчиненных длительно-временных предложений немецкого языка 96

- Царегородцева Н. В.* Антонимические корреляции с семантикой движения в составе английских паремий 106

Литературоведение

- Волкова Т. Ф.* Повесть об Акире Премудром в печорской рукописной традиции 113
- Афанасьева Э. М.* Мотив имени в эстетическом комплексе М. Ю. Лермонтова 1830 г. («Дереву» и «Мое завещание») 129
- Пехал З.* «Нос» Н. В. Гоголя как реконструкция пересказа события 134
- Синегубова К. В.* Ценность мира детства в творчестве Елены Гуро 141
- Черепанова Н. Б.* Поэтика вальса в лирике В. В. Гофмана 149
- Гуменная Г. Л.* «Болтовня» и повествовательная манера в поэме Тимура Кибирова «Сортиры» 156

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Пичугина О. К.* Колористические особенности живописно-пластической системы итальянских мастеров первой половины XVII в. 164
- Борщ Е. В.* Трансформация русской книжной гравюры в произведениях французских иллюстраторов XVIII в. 170
- Пермякова Е. В.* Образ Вацлава Нижинского во французском искусстве начала XX в. 185
- Николаев Р. М.* Роль традиционных ценностей в становлении новой культурной идентичности советского народа в довоенный и военный периоды 196

СОЦИОЛОГИЯ

- Савченко И. А.* Культурная идентичность как индикатор маргинальных тенденций 209

ИСТОРИЯ

УДК 94(495)“680/1088” + 356.3(495)

А. С. Мохов
Д. С. Боровиков

ЛОГОФЕТЫ СТРАТИОТИКОВ В ВИЗАНТИИ VII–XI ВВ.*

На материале нарративных и сигиллографических источников рассматривается ряд вопросов, связанных с эволюцией ведомства логофета стратиотиков в Византии VII–XI вв. Основное внимание уделено выявлению лиц, возглавлявших военную логофессию, и составлению их *cursus honorum*. Установлено 23 лица, занимавших пост логофета стратиотиков в период с 680 по 1088 г.

Ключевые слова: Византия; военно-административная система; логофет стратиотиков; просопография; сигиллография.

Важная особенность византийской военной системы заключалась в том, что ведомства, которые отвечали за финансовое обеспечение и материальное снабжение вооруженных сил, являлись составной частью гражданского, а не военного аппарата управления. В VII–XI вв. одной из подобных структур было ведомство логофета стратиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ). История военной логофессии неоднократно рассматривалась в специальной литературе. Исследователями были установлены основные функции данного административного органа [см.: Вугу, р. 90–91; Dölger, р. 21–22; Haldon, 1984, р. 284–285, 314–317] и состав должностных лиц, подчиненных логофету стратиотиков [см.: Oikonomidès, 1972, р. 314; Laurent, 1981, р. 263–264]. Несмотря на это, многие вопросы, связанные с эволюцией ведомства логофета стратиотиков, до сих пор не нашли отражения в историографии. Речь идет в первую очередь о просопографических исследованиях, а именно о выявлении

* Публикация в рамках исследования, выполненного при финансовой поддержке ФЦП Министерства образования и науки Российской Федерации «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК 02.740.11.0578).

лиц, возглавлявших военную логофессию на протяжении четырехсот лет ее существования.

Логофеты стратиотиков упоминаются в источниках достаточно редко. В 1971 г. французским византинистом Рудольфом Гийаном было опубликовано исследование, посвященное истории военной логофессии Византии. Кроме того, в данной работе приведен перечень логофетов стратиотиков, состоящий из 18 человек [см.: Guillard, 1971, p. 25–31]. Однако за последние годы, благодаря публикации новых нарративных источников и сигиллографического материала этот список может быть существенно увеличен.

В историографии сложились две основные гипотезы о времени возникновения военной логофессии. По мнению Ф. И. Успенского, Г. А. Острогорски, Н. Икономидиса и других исследователей, ведомство существовало уже к 626–627 гг., т. е. ко времени первого упоминания фем в письменных источниках. А значит, создателем военной логофессии считается император Ираклий (610–641), который провел ряд реформ, заложивших основы «фемного» строя [см.: Успенский, с. 196–198; Острогорски, 152–157; Oikonomidès, 1975, p. 1–8]. По мнению сторонников данной гипотезы, первое упоминание логофета стратиотиков в источниках относится к 626 г. [Chronicon Paschale, 721.8; Guillard, 1971, p. 25–26].

Другая точка зрения основана на представлении о фемной реформе как о длительном процессе, который сопровождался постепенной заменой устаревших позднеантичных институтов управления на новые, более эффективные [Haldon, 1993, p. 180–183]. Сторонники данной теории считают, что в VII в. были реорганизованы службы, находившиеся в подчинении у преторианского префекта и магистра оффикий (*praetorian prefect, magister officiorum*), а сами эти должности ликвидированы. Место старых административных структур заняли логофессии, число которых постепенно увеличивалось. Например, полномочия преторианского префекта были разделены между логофетами идики, геникона и стратиотиков [Semenov, p. 440–449; Stein, p. 150–151]. Что касается упомянутого в «Пасхальной хронике» «славнейшего патрикия и логофета Феодосия» (Θεοδόσιος ὁ ἐνδοξότατος πατριῆς καὶ λογοθέτης), который 2 августа 626 г. принимал участие в переговорах с аварским хаганом во время осады Константинополя, то из текста источника вовсе не следует, что он был главой военной логофессии. Скорее всего, Феодосий был логофетом геникона [Chronicon Paschale, 694.8–9, 721.8; см.: Jones, p. 347, 1298].

Сторонниками теории о позднем возникновении фем установлено, что термин λογοθέτης упоминается в документальных источниках с IV в. [см.: Seesk, p. 1183–1187]. Более того, первоначальные полномочия военного логофета не были связаны со стратиотским землевладением, так как система стратий сформировалась только к началу VIII в. [см.: Haldon, 1979, p. 33–34]. До этого времени обязанности логофета стратиотиков в значительной степени совпадали с функциями некоторых позднеантичных чиновников, ведавших денежными и натуральными раздачами в вооруженных силах (*procurator castrensis, ὁ τοῦ στρατολέδου ὑπαρχος*) [Oehler, p. 2320–2321].

Наиболее раннее достоверное упоминание логофета стратиотиков в письменных источниках относится к 680 г. [см.: Вугу, р. 90]. Кроме того, седьмым

веком датируется группа моливдовулов (подвесных свинцовых печатей) «военных логофетов», опубликованных В. Лораном и Г. Закосом [см.: Laurent, 1981, p. 264–266; Zacos, Veglery, p. 560–563]. Однако точная датировка печатей VII в. вызывает значительные трудности. В связи с этим можно предположить, что часть этих булл может быть отнесена ко времени ранее 680 г. и в целом датирована второй половиной VII в. В приведенном ниже списке византийских логофетов стратиотиков они не учтены.

Список составлен в хронологическом порядке на основании данных исторических хроник и документальных источников VII–XI вв., а также сфрагистического материала средневизантийского периода.

1. Ю л и а н — апоипат, патрикий и логофет стратиотиков. Он входил в число тринадцати синклитиков, которые присутствовали на заседаниях VI Вселенского (III Константинопольского) собора, проходившего с 7 ноября 680 по 16 сентября 681 г. Юлиан принимал участие только в тех заседаниях, на которых присутствовал император Константин IV (668–685). В списке патрикиев он занимает пятое место и во всех случаях упоминается как «славнейший апоипат, патрикий и στρατιωτικῶ λογοθέτου» [Mansi, vol. 11, p. 209, 217, 221, 229, 317, 328, 333, 380, 388, 456, 625; Деяния Вселенских соборов, 1908, т. 6, с. 20, 24, 26, 29, 71, 73, 75, 78, 100, 104, 138, 216; Guiland, 1971, p. 30, nr. 7].

2. Е в л а м п и й — патрикий и логофет стратиотиков. Печать VIII в. [Laurent, 1981, p. 266, nr 534]. Опубликованы еще две печати патрикия Евлампия, λογοθέτου τοῦ σακελλίου καὶ τοῦ στρατιωτικῶ [Zacos, Veglery, p. 561, nr 801a–b]. Судя по сфрагистическому типу все эти моливдовулы необходимо отнести к иконоборческому времени. Вероятно, на одном из этапов своей карьеры Евлампий одновременно исполнял обязанности главы императорского казначейства (сакеллы) и военной логофесии. Следует также отметить, что его должность в финансовом ведомстве указана в легенде булл первой, как более важная.

3. И о а н н — придворный евнух, императорский остиарий, сакелларий и логофет стратиотиков. Он несколько раз упоминается в письменных источниках. В июне 781 г. императрица Ирина отправила силы малоазийских фем (τὰ περατικὰ θέματα) для защиты горных проходов (τὰς κλεισοῦρας) от возможного арабского нападения. Во главе войск она поставила своего доверенного евнуха сакеллария Иоанна (σακελλάριον ἐπὶ τοῦ οἰκειακόν). Халиф ал-Махди (775–785) направил в Верхнюю Месопотамию крупные силы, которые встретились с византийской армией у населенного пункта Мелон, недалеко от крепости Адат. В битве арабы потерпели поражение, многие из них погибли, остальные с позором бежали [Theophanis Chronographia, 455.2–8; Encyclopaedia of Islam, p. 20].

Иоанн также упоминается среди участников VII Вселенского (II Никейского) собора (24 сентября — 23 октября 787 г.). Кроме него, официальным представителем императорской власти в Никее являлся только апоипат, патрикий и комит «богохранимого императорского Опсикия» Петра [Prosopographie, Bd. 3, S. 560–561, Nr. 5920]. Известно, что Иоанн присутствовал на первых пяти заседаниях собора, а в его «Деяниях» он упоминается как

«императорский остиарий и логофет логофесии стратиотиков» и «высокопочтеннейший логофет» (βασιλικῷ ὀστιαρίου καὶ λογοθέτου τοῦ στρατιωτικοῦ λογοθέσιου, ὁ μεγαλοπρεπέστατος λογοθέτης). Необходимо отметить, что Иоанн не только присутствовал на соборе, но и выступал перед собравшимися церковными иерархами. В частности, на втором заседании логофет подтвердил подлинность послания, полученного собором от римского папы Адриана I (772—795), а на третьем высказал свое мнение по поводу участия митрополита Неокесарии Григория, покаявшегося иконоборца [Mansi, vol. 12, p. 999, 1051, 1076, 1114, 1118; 13, p. 1, 157; Деяния Вселенских соборов, 1909, т. 7, с. 36, 62, 75, 90, 92, 110, 184].

В 788/89 г. Иоанн вновь командовал войсками. В «Хронографии» Феофана говорится, что императрица Ирина назначила сакеллария и логофета стратиотиков (τὸν σακελλάριον καὶ λογοθέτην τοῦ στρατιωτικοῦ) Иоанна руководить армией, отправленной в Южную Италию против франков. Помимо войск, отправленных из столицы, в состав византийской армии вошли контингенты фемы Сицилия. Командовал ими патрикий Феодор, также евнух из ближайшего окружения императрицы Ирины [Theophanis Chronographia, 454.25—455.2; 455.26—456.1; см.: Prosopographie, Bd. 2, S. 486—487, Nr. 1515; 4, S. 437, Nr. 7578]. Вместе с армией в Италию отправился также сын последнего лангобардского короля Дезидерия (756—774) патрикий Адельгис (Теодот). В сражении с войсками Карла Великого византийцы были разгромлены, погибло до 4 тыс. воинов, еще 1 тыс. попала в плен. Логофет Иоанн, по сообщению Феофана, также оказался в плену и принял «ужасную смерть» [Theophanis Chronographia, 464. 2—8; см.: Guiland, 1971, p. 30, nr 6; Winkelmann, p. 86].

Таким образом, Иоанн выполнял функции логофета стратиотиков по крайней мере с 787 по 789 г. Кроме того, он был императорским остиарием и сакелларием. Первая из этих должностей — придворная, и до конца IX в. ее занимали исключительно евнухи. Формально в обязанности остиария (от лат. *ostiarius* — привратник) входило представление должностных лиц императору или императрице. Однако известно, что эти доверенные лица византийских василевсов исполняли самые разнообразные поручения правящих особ [см.: Guiland, 1967, p. 286—288]. В 80-е гг. VIII в., когда императрица Ирина боролась за власть в стране с группировкой высших военачальников, именно остиарию Иоанну она доверяла командование войсками [см.: Ringrose, p. 134]. Другая должность, которую занимал Иоанн, связана с финансовым ведомством. Сакелларий — это хранитель императорской казны (σακέλλη), в VII—VIII вв. на этот пост наиболее часто назначались придворные евнухи [см.: Вугу, p. 84—86; Oikonomidès, 1972, p. 312]. Отметим также, что Иоанну могли принадлежать две печати — «ипата, логофета стратиотиков» и «патрикия, императорского протоспафария, логофета стратиотиков» [Laurent, 1981, p. 267, nr 535—536].

4. Георгий — логофет стратиотиков в правление императора Феофила (829—843). Он упоминается в хрониках Иосифа Генесия, Продолжателя Феофана, Иоанна Скилицы. Византийские авторы пишут, что в последние годы царствования Феофила во дворце появилась арабская гадалка, к услугам ко-

торой обращались как сам император, так и его приближенные. Одному из них, Константину Трифиллию, она предсказала, что в царствование Василия (Василия I Македонянина, 867–886. — *Авт.*) он и его сыновья будут лишены имущества и пострижены в монахи, а некий «Георгий, ведущий стратиотские книги» (Γεώργιον δὲ τὸν τὰς στρατιωτικὰς δέλτους ἐπειλημμένον) найдет свою смерть на ипподроме за участие в мятеже [Iosephi Genesisii, 50.1–4; Theophanes continuatus, 122.11–14]. Иоанн Скилица называет Георгия стратиотиком (Γεωργίῳ τῷ Στρατιωτικῷ) [Ioannis Scylitzae, 73.72–73], что позволяет считать его главой военной логотесии. Известна также печать Георгия, императорского протоспафария и логофета стратиотиков, которую издатель датирует концом IX — началом X в. [Laurent, 1981, p. 268, nr 538].

Этот сюжет, заимствованный авторами X–XI вв. из более раннего источника, не совсем понятен. Например, неясно, какое отношение имеет Георгий к Константину Трифиллию. Сын Константина Никита возглавлял ведомство императорских имуществ (ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ σεκρέτου) [Iosephi Genesisii, 50.1]. Ни о каком участии Трифиллиев в мятежах против Василия I в источниках не сообщается. Однако в хронике Продолжателя Феофана упоминается о мятеже патрикия, стратига Фракисия Симватия и патрикия, комита Опсикия Георгия Пигана летом 867 г. Когда восстание было подавлено и его предводители захвачены, император приказал конфисковать их имущество, ослепить и отправить в изгнание [Theophanes continuatus, 240.5–241.10; см.: Prosopographie, Bd. 2, S. 26, Nr. 263; 4, S. 287, Nr. 7169]. По нашему мнению, Георгий, логофет стратиотиков, был родственником Константина Трифиллия, но нет никаких оснований отождествлять его с Георгием Пиганом [ср.: Guiland, 1971, p. 30, nr 4].

5. **М а р и н** — патрикий и логофет стратиотиков. Он принимал участие в завершающем (десятом) заседании IV Константинопольского собора 869/70 г. В списке из 20 синклитиков он назван на шестом месте (*Marino, magnificentissimo patricio et logotheta militari*) [Mansi, vol. 6, p. 158; см.: Лебедев, с. 195; Guiland, 1971, p. 30, nr 9]. В «Деяниях» собора также несколько раз упомянут патрикий Марин, protoscriniario (протоаскрит, глава императорской канцелярии) [Mansi, vol. 16, p. 81, 96, 134]. Однако никаких оснований для отождествления Марина, «военного логофета», и Марина, протоскриниария, нет.

6. **К о н с т а н т и н** — императорский протоспафарий и логофет стратиотиков (λογοθέτη τοῦ στρατιωτικοῦ). Печать конца IX — X в. [Laurent, 1981, p. 268–269, nr 539].

7. **Ф е о ф и л а к т** — императорский протоспафарий и λογοθέτη στρατιωτικοῦ. Моливдовул датирован издателем X в. [Laurent, 1952, p. 98–99, nr 184].

8–9. **Л е в** — императорский протоспафарий и логофет стратиотиков, В. Лораном были опубликованы две его печати [Laurent, 1981, p. 270–271, nr 542–543]. Они оттиснуты разными буллотириями, и лицевые стороны моливдовулов отличаются. На первой печати (nr 542, первая половина X в.) изображен св. Николай и помещена круговая надпись: «Святой Николай, помоги своему рабу», а на второй (nr 543, середина X в.) — патриарший крест на трех ступенях и круговая надпись «Господи, помоги своему рабу». Судя по иконографии

булл, они принадлежали разным людям; а кроме того, по сфрагистическому типу вторая печать более поздняя.

10. В а р д а н и й — императорский протоспафарий и логофет стратиотиков. Печать X в. [Ibid., p. 271, nr 544].

11. Н и к и т а — анфипат, патрикий, императорский протоспафарий и στρατιωτικοῦ λογοθεσίου. Издатели датируют моливдовул X в. [Jordanov, Zheкова, p. 94, nr 237].

12. Ф е о д о р Д а ф н о п а т — патрикий и логофет стратиотиков (конец 50-х гг. X в.). Карьера этого известного политического деятеля и писателя началась при Романе I Лакапине (920–944), когда он сначала был ἐπί τοῦ χαρμηλείου («хранитель чернильницы», личный секретарь императора), а затем занял должность протоасикрита, получив титул патрикия. В период единоличного правления Константина VII Багрянородного (944–959) Дафнопат был смещен с поста главы императорской канцелярии и назначен логофетом стратиотиков (ἀπὸ στρατιωτικῶν) [Theophanes continuatus, 470.7–8; Ševčenko, p. 216, nr 38]. Однако при Романе II он вновь получил высокий пост эпарха Константинополя и титул магистра [см.: Сюзюмов, с. 295–302; Théodore Daphnopatis, p. 7–10; Markopoulos, 1981, p. 96–97].

13. С и м е о н Л о г о ф е т — магистр и логофет стратиотиков. Начало 60-х гг. X в. [см.: Каждан, с. 143]. О том, что он занимал эту должность, известно из поэмы, посвященной Константину VII и написанной самим Симеоном не ранее 959 г. В заглавии произведения автор называет себя πατρικίου καὶ ἀ(πρωτο-)σηρητικῆς τοῦ νυνὶ μαγίστρου καὶ στρατιωτικοῦ («патрикий и протоасикрит, ныне магистр и логофет стратиотиков»).

Личности Симеона Логофета (Симеона Магистра) посвящено большое количество исследований. В основном они касаются его литературной деятельности и проблемы его отождествления со знаменитым агиографом начала XI в. Симеоном Метафрастом [см.: Каждан, с. 126–143; Ševčenko, p. 216–220; Laurent, 1981, p. 209, nr 441; p. 277–278, nr 554; Kazhdan, 1982–1984]. О служебной карьере Симеона Магистра известно немного. Его возвышение происходит при Романе I, но и в годы единоличного правления Константина VII он продолжал занимать высокие должности. Известно, что он был патрикием и протоасикритом [см.: Ševčenko, p. 215–217, nr 37] и, возможно, логофетом дрома [см.: Darrouzès, p. 33–34, 145–146]. Не исключено, что на посту главы императорской канцелярии Симеон Логофет сменил Феодора Дафнопата, попавшего в немилость у императора и отправленного служить логофетом стратиотиков.

Следует отметить, что логофеты стратиотиков, известные по сфрагистическим памятникам X — первой половины XI в., в большинстве случаев являлись императорскими протоспафариями. Это соответствует их рангу согласно документальным источникам данного времени [см.: Oikonomidès, 145.11, 249.11]. Что же касается их положения в административной иерархии Византии, то оно было достаточно низким. Военные логофеты в этот период не играли ключевой роли ни в гражданском, ни в военном управлении империей.

Исключение составляют лишь последние годы правления Константина VII Багрянородного и царствование его сына Романа II (959–963), когда на посту

главы военной логофесии появляются весьма влиятельные лица с титулами патрикиев или магистров. В данное время при дворе сформировались две мощные бюрократические группировки во главе с Василием Лакапином (незаконнорожденный сын Романа I) и Иосифом Врингой [см.: Guiland, 1967, p. 182—184, 205—206; Brokkaag, p. 199—234]. Между ними развернулась ожесточенная борьба за контроль над системой гражданского управления Византии. Большое значение в этой борьбе играл контроль над ключевыми постами в столичных ведомствах и при дворе (логофет дрома, протоасикрит, протовестиарий, паракимомен). Должность логофета стратиотиков в их число не входила, являясь второстепенной. В связи с этим на посту главы военного ведомства оказывались некоторые представители группировки, которая на тот момент терпела поражение в политической борьбе. Назначение на эту должность с постапротоасикрита, например, было унижительным понижением по службе.

И. И. Шевченко в комментариях к поэме Симеона Магистра, посвященной Константину VII, писал, что назначение на пост логофета стратиотиков было для Симеона повышением по сравнению с его предыдущей должностью протоасикрита. Американский исследователь указывал на то, что данное назначение сопровождалось присвоением титула магистра [см.: Ševčenko, p. 216]. Однако из заголовка поэмы не следует, что Симеон стал магистром уже после смерти Константина VII. Выше уже говорилось, что после свержения с престола Романа Лакапина Симеон Логофет сохранил влияние при дворе. Это было возможно лишь в том случае, если он примкнул к группировке паракимомена Василия Лакапина. После этого он был назначен протоасикритом, а титул магистра мог получить в последние годы правления Константина Багрянородного.

В 959 г., после смены императора, политическое господство перешло к придворной партии во главе с Иосифом Врингой. Сторонники Василия Лакапина быстро лишились высоких должностей, а Симеон Магистр был назначен логофетом стратиотиков. Продолжатель Феодана пишет, что бывший военный логофет Феодор Дафнопат получил титул магистра и пост эпарха Константинополя, причем помощников ему подобрал и назначил сам паракимомен Иосиф Вринга [Theophanes continuatus, p. 470.7—18]. Это свидетельство не оставляет сомнений в том, что Феодор входил в число сторонников Вринги.

Таким образом, Симеон Логофет и Феодор Дафнопат оказались участниками политической борьбы, входя в разные придворные группировки. Они меняли друг друга сначала на должности протоасикрита (Симеон Магистр сменил Феодора Дафнопата), а затем — на посту логофета стратиотиков (вновь Симеон Магистр сменил Феодора Дафнопата).

14. Павел — протоспафарий ἐπί τοῦ Χρυσотριγλίνου, судья ипподрома и στρατιωτικῆ λογοθέτιῳ. Печать конца X — начала XI в. [Laurent, 1981, p. 271—272, nr 545; ср.: Schlumberger, p. 352—353]. Владелец печати служил одновременно в двух ведомствах — военном, которое возглавлял, и судебном. Кроме того, он был обладателем почетного титула протоспафария Хрисотрикллина, что не было связано в начале XI в. с исполнением каких-либо обязанностей [см.: Вугу, p. 111—113; Oikonomidès, 1976, p. 138, 148—149].

В сборнике судебных постановлений «Пира», составленном после 1034 г., упоминается дело о наследовании имущества некоего Павла, стратиотика (ὁ στρατιωτικὸς Παῦλος) [Jus Graecoromanum, 57.18–19]. В завещании он, желая сохранить свое имущество для несовершеннолетних сыновей, назначил эпитропов («хранителей»), которые должны были временно управлять этой его собственностью. После достижения детьми Павла совершеннолетия эпитропы обязались передать имущество им. Первоначально суд оспорил данное завещание, но магистр Евстафий Ромей сумел добиться вступления документа в силу и тем самым защитил интересы сыновей Павла. В. Лоран предполагал, что печать логофета стратиотиков Павла могла принадлежать завещателю. Однако для подобного отождествления недостаточно оснований. Автор «Пир» не мог не упомянуть, что Павел сам был судьей. Кроме того, речь явно идет о деле мелкого чиновника, а не руководителя ведомства. Возможно, Павел служил в логофесии стратиотиков в должности хартулария.

15. П о ф — патрикий, препозит, ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος и στρατιωτικῶ λογοθέτῳ. Моливдовул первой половины XI в. [Zacos, p. 398, nr 877]. Печать принадлежала придворному евнуху, на что указывают титулы препозита и китонита [см.: Guiland, 1967, p. 351–353; Oikonomidès, 1972, p. 300, 305]. Учитывая, что после 1025 г. евнухи вновь стали занимать высокие должности в гражданской и военной администрации империи, датировка буллы может быть скорректирована.

16. Аэтий Никерит (?) — императорский протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου θ στρατιωτικοῦ λογοθεσίου. В. Лоран датировал данную печать первой половиной XI в. Кроме того, он указывал на ошибку резчика при изготовлении матрицы (Νίχη- вместо Νίχε- в патрониме Νίχερίτης) и предполагал, что это работа провинциального мастера [Laurent, 1981, p. 273, nr 547]. В. Зайбт и А. Вассилиу, согласившись с датировкой моливдовула, но предложили другой вариант прочтения легенды: не «логофет стратиотиков», а «стратиг Фессалоники» [см.: Wassiliou, Seibt, S. 134]. Следует отметить, что это предположение весьма спорно, так как с конца X в. Фессалоникой управляли дуки, стратиги в эту фему не назначались [см.: Kühn, S. 209–213].

17. М и х а и л В р и н г а — патрикий, анфипат, вест, вестарх и στρατιωτικῶ λογοθέτῳ. Печать XI в. В. Лоран указывал, что она могла принадлежать Михаилу Стратиотику, занимавшему императорский престол в 1056–1057 гг. [Laurent, 1981, p. 272, nr 546]. Если это предположение верно, то моливдовул следует датировать 40–50-ми гг. XI в.

О приходе Михаила VI к власти подробно пишет Иоанн Скилица. Когда императрица Феодора тяжело заболела, ее окружение, желая сохранить власть, выбрало ей в преемники престарелого синклитика Михаила, который давно служил по военному ведомству. Последняя представительница македонской династии согласилась с выбором своих приближенных, и после ее смерти Вринга был провозглашен императором [Ioannis Scylitzae, 480.31–40; Lupus Protospatrius, p. 273; см.: Скабланович, с. 190–193]. Вопрос о том, какую должность занимал Михаил VI до этих событий, остается открытым. Вне всякого сомнения, одним из этапов его карьеры была служба в логофесии

стратиотиков. Об этом упоминают Иоанн Скилица (Μιχαήλ πατρίκιον τὸν Στρατιωτικόν), Михаил Атталиат (Μιχαήλ... τὸ τοῦ στρατιωτικοῦ) и другие источники (Μιχαήλ ὁ γέρων, ὁ ἀπὸ στρατιωτῶν, ὁ Βρίγγας) [Ioannis Scylitzae, 480.32–33; Michaelis Attaliothae, 52.19–22; Schreiner, т. 1, р. 160, Chr. 15.14; т. 2, р. 150]. Однако нельзя утверждать, что Вринга был избран в преемники Феодоре, занимая пост логофета стратиотиков. Основным аргументом против этого является его почтенный возраст.

18. **Е в ф и м и й** — анфипат, патрикий и *στρατιωτικῶ λογοθέτη*. Печать середины XI в. [Cheynet, р. 416, nr 43]. В хронике Иоанна Скилицы говорится, что в 1049/50 г. некоторые «архонты Города» были обвинены в подготовке мятежа против Константина IX Мономаха (1042–1055). Во главе злоумышленников стояли Никифор и Михаил, сыновья патрикия Евфимия. После раскрытия заговора Никифор был без суда отправлен в ссылку, его имущество конфисковали. Другие обвиняемые избежали наказания [Ioannis Scylitzae, 471.8–13].

О самом Евфимии в письменных источниках больше не сообщается. Однако известно, что его сын Никифор до участия в заговоре 1050 г. служил судьей в феме Фракисий. В Житии преп. Лазаря Галесийского упоминается, что в изгнании Никифор пробыл недолго [Delehaeye, р. 541, A–C] и после возвращения в Константинополь был восстановлен на государственной службе. В одной из частных коллекций хранится печать «Никифора, проедра, логофета геникона, сына патрикия Евфимия» [Cheynet, р. 416, nr 69]. Другой сын Евфимия также известен по данным сфрагистики. Опубликован его моливдовул: «Михаил, сын Евфимия, магистр, вест и судья Фракисия» (вторая половина XI в.) [см.: Catalogue of Byzantine Seals, vol. 3, р. 9, nr 2.18]. Таким образом, сыновья логофета стратиотиков Евфимия, несмотря на причастность к заговору при Константине IX, достигли высоких должностей и титулов. Кроме того, в надписях своих печатей они указывали на родство с Евфимием, что свидетельствует о значительном влиянии и известности этого чиновника в столичных бюрократических кругах.

19. **Р о м а н** — императорский протоспафарий, судья вила и *στρατιωτικῶ λογοθέτη*. Моливдовул датируется серединой XI в. [Лихачев, с. 30, № 24; Laurent, 1981, р. 274, nr 548]. Известна еще одна печать, принадлежавшая Роману, патрикию, анфипату, судье вила и *στρατιωτικῶς λογοθέτης*. Она также датируется серединой XI в. О принадлежности этих двух булл одному лицу свидетельствуют сходные иконографические изображения на лицевой стороне печатей [Zacos, р. 399, nr 880; Laurent, 1981, р. 275, nr 549; Seibt, S. 48]. Легенды моливдовулов указывают на то, что Роман совмещал службу в военной логофесии с исполнением судебных функций. Матрица второй печати, по всей видимости, была заказана после получения Романом более высокого титула.

На форзаце одной из византийских рукописей, находящихся в библиотеке Ватикана (Vatic, gr. 765), сохранилась запись от имени императорского протоспафария, судьи вила и ипподрома, логофета стратиотиков Романа Генесия. Здесь же названо имя его жены — Евпрепия (Ἐυπρέπια). Почти полное совпадение этого текста с легендой первой печати позволяет предположить, что владельцем обеих булл являлся Роман Генесий [см.: Laurent, 1981, р. 274].

Столичная аристократическая фамилия Генесиев известна с середины IX в. Среди ее представителей патрикий Константин — друнгарий вила при Михаиле III (842—867), патрикий Фома — логофет дрома при Льве VI (886—912), а также, возможно, автор «Истории царей» патрикий Иосиф Генесий [Markopoulos, 1986, p. 105—107]. Во второй половине X — XI в. в письменных источниках упоминаются двое представителей этой семьи по имени Роман. О первом из них сообщает Симеон Магистр (см. выше № 13) в письме неизвестному адресату. Он пишет, что патрикий Роман Генесий, внук логофета Фомы, назначен стратигом. Издатель текста Ж. Даррузе установил, что речь идет о феме Пелопоннес, а написано письмо было около 981 г. [Dargouzès, p. 100—101, ep. 4.5—7].

Второй Роман, сын патрикия Генесия, упоминается в связи с делом, которое рассматривал церковный суд при патриархе Сергии (1001—1019). Роман направил в эту судебную инстанцию прошение о вступлении в брак. Он хотел жениться на дочери *οἰκονόμος τῶν εὐαγῶν οἰκῶν* («эконома священных имуществ», великого куратора), а разрешение патриарха потребовалось потому, что брат его невесты (Евреи?) уже был женат на Агафе, двоюродной сестре Романа. Дело было решено в пользу Генесия, суд установил между ним и невестой родство в седьмой степени. К сожалению, сам текст документа утрачен, но о нем сохранились упоминания в трактате о брачном праве Димитрия, митрополита Кизика и синкелла, написанном в 1029—1038 гг. [Patrologiae, p. 1113, C—D; Grumel, p. 331, nr 822; Laurent, 1934, p. 301—304].

Печати Романа, логофета стратиотиков, могли принадлежать именно этому представителю семьи Генесиев. Его знатное происхождение позволяло претендовать на вступление в брак с дочерью великого куратора. Кроме того, сам факт рассмотрения прошения Романа лично патриархом Сергием позволяет включить Генесиев в число самых влиятельных семей константинопольской знати.

О дальнейшей карьере Романа Генесия свидетельствуют еще две печати с метрическими надписями. На лицевой стороне этих моливдовулов помещено изображение святого Георгия. Легенда первого из них: «Роман Генесий, патрикий, ипат, великий хартуларий, судья вила и Вукеллария» [Catalogue of Byzantine Seals, vol. 4, p. 6—7, nr 1.15], а второго — «Роман Генесий, магистр, вестарх и эпарх» [Laurent, 1981, p. 557—558, nos. 1018—1019]. Обе буллы датируются серединой XI в. Таким образом, карьера Романа Генесия на императорской службе началась в военной логофесии, а завершилась на посту эпарха Константинополя.

20. В а р и с (Βαρϛ) (?) — протоспафарий (патрикий) (?) и *λογοθέτη στρατιωτικοῦ*. Печать середины XI в. [Laurent, 1952, p. 98, nr 183]. Из-за плохой сохранности моливдовула имя и титул его владельца восстановлены гипотетично. Прочтение должности, напротив, сомнения не вызывает [см.: Seibt, S. 198].

21. Н и к о л а й — *λογοθέτης τῶν στρατιωτικῶν*. Конец 60 — начало 70-х гг. XI в. Ему была посвящена эпитафия, написанная Михаилом Пселлом. Из этого текста следует, что Николай был другом Пселла и отцом его ученика (имя не упоминается). По всей видимости, логофет стратиотиков погиб в сражении [Michaelis Pselli, p. 216—219; Guiland, 1971, p. 31, nr 12]. Издатели эпитафии предположили, что она была посвящена либо Николаю Вране, либо Николаю

Маврокатакалону. Однако эти военачальники действовали в конце XI в., в правление Алексея I Комнина (1081–1118) [см.: Любарский, с. 506], а Михаил Пселл умер гораздо раньше, около 1078 г. Кроме того, текст посвящен не профессиональному военному, а гражданскому должностному лицу. Отметим, что во второй половине XI в. только император Роман IV Диоген (1068–1071) брал с собой в походы против сельджуков гражданских чиновников, составлявших его «полевую канцелярию». В 1069 г. в очередной кампании на Востоке при войске находился и сам Михаил Пселл. В «Истории» Михаила Атталиата сообщается о гибели в битве при Манцикерте нескольких высокопоставленных гражданских чиновников. Возможно, логофет стратиотиков Николай был среди них или же погиб раньше, во время сражений с тюрками в Северной Сирии или Каппадокии [см.: Michaelis Attaliothae, 167.11–17; Мохов, с. 284, 293].

22. М и х а и л Р а д и н — магистр, вестарх и *στρατιωτικῶ λογοθέτῳ*. В. Лоран датировал моливдовул второй половиной XI в. [Laurent, 1981, p. 275, nr 550]. Известна также более ранняя печать этого чиновника: «Михаил Радин, патрикий, вестарх и логофет стратиотиков». В. Зайбт и А. Вассилиу датируют обе буллы 50–70-ми гг. XI в. [Wassiliou, Seibt, S. 45, Nr. 128–129]. Их принадлежность одному лицу не вызывает сомнений, так как изображения на лицевой стороне печатей идентичны.

По письменным источникам известно несколько представителей семейства Радинов по имени Михаил. Однако только один из них мог быть логофетом стратиотиков, остальные либо жили значительно позже (конец XIII — XV в.) [см.: Prosopographisches Lexikon, Nr. 23980–23999], либо являлись церковными иерархами [см.: Grumel, p. 94–95].

Около 1067 г. Михаил Пселл написал монодию на смерть проедра Михаила Радина, своего бывшего ученика. В ней говорится о том, что покойный занимал высокую должность в провинции. Исполняя свои обязанности, Радин тяжело заболел. Когда император (Константин X Дука) разрешил доставить его в столицу, врачи уже ничего не могли сделать и Михаил скончался. Далее Пселл перечисляет многочисленные добродетели покойного: он был красив, умен, обаятелен, любил свою семью, особенно мать и младшего брата Христофора. Все родные сильно скорбели о своей утрате, а жена Михаила вскоре также умерла [Gautier, p. 91–93, 112–126].

Михаил Радин принадлежал к провинциальной аристократической семье из Анатолика, родственной Аргирам и Дукам. С начала XI в. они известны в основном как гражданские чиновники в фемах и в столичных ведомствах [см.: Polemis, p. 171–172; Stavrakos, S. 331; Wassiliou, Seibt, S. 44–45]. Карьера Михаила известна только по сфрагистическим данным, так как монодия Михаила Пселла точных свидетельств об его *cursus honorum* не содержит. По всей видимости, Радин начал служить в столице и стал логофетом стратиотиков. Потом он перешел в провинциальную администрацию. Опубликована печать Михаила Радина, проедра и претора Фракия (вторая половина XI в.) [Sceaux byzantin, p. 142–143, nr 202]. Для этого времени должность претора большой малоазийской фемы, обладавшего значительными полномочиями и властью, была зна-

чительно привлекательнее поста главы второстепенного столичного ведомства. Считать назначение Михаила Радина во Фракисий понижением по службе было бы ошибочно.

23. Н и к и т а — магистр и логофет стратиотиков (ὁ μάγιστρος Νικήτας καὶ στρατιωτικὸς λογοθέτης) [Βρανούση, Νυσταζοπούλου—Πελεκίδου, 339.234]. В апреле 1088 г. он среди прочих чиновников упоминается в нескольких документах, выпущенных императорской канцелярией по поводу дарования монастырю Св. Иоанна Богослова на о. Патмосе различных привилегий и освобождения от налогов.

Никита — последний глава военной логофесии, упоминаемый в письменных источниках. Печати логофетов стратиотиков, которые датировались бы позднее 80-х гг. XI в., также неизвестны. В историографии сложилось мнение, что вскоре Алексей I Комнин упразднил данное ведомство в рамках широкомасштабной военно-административной реформы. Однако в поздневизантийских текстах упоминается придворный титул военного логофета. В XIV в. это был чин IV группы первого разряда, но его служебные обязанности в источниках не обозначены [см.: Guiland, 1971, p. 30, nr 8; Поляковская, с. 204, 210].

Подводя итоги, отметим, что за четыреста лет существования военной логофесии (80-е гг. VII — 80-е гг. XI в.) могут быть определены 23 человека, возглавлявших данное ведомство. Логофеты стратиотиков VII—XI вв. не играли основополагающей роли в административной системе Византии. Их следует отнести скорее к средней бюрократии, чем к высшим гражданским функционерам. Зачастую логофеты стратиотиков одновременно занимали более значимые посты в финансовом или судебном ведомствах. Необходимо отметить, что проблема совмещения должностей в административном аппарате Византии требует специального исследования.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. 3-е изд. Т. 6—7. Казань, 1908—1909.

Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // *Византийский временник*. 1959. Т. 15. С. 125—143.

Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. М., 1900.

Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. Прил. 1. СПб., 1911.

Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество : к истории византийского предгуманизма. СПб., 2001.

Мохов А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068—1071 гг.) // *Античная древность и Средние века*. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 275—296.

Острогорски Г. История на Византийската държава. София, 1996.

Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // *Античная древность и Средние века*. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 193—212.

Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Кн. 1. СПб., 2004.

Созюмов М. Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата // *Византийское обозрение*. Вып. 2. Юрьев, 1916. С. 295—302.

- Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи // Изв. Рус. археол. ин-та в Константинополе. 1900. Т. 6, вып. 1. С. 154–207.
- Βρανούση Ε., Νυσταζοπούλου–Πελεχίδου Μ.* Βυζαντινά έγγραφα της μονῆς Πάτμου. Τ. 1. Ἀθήναι, 1980.
- Brokkaar W. G.* Basil Lacapenus // *Studia byzantina et neohellenica Neerlandica*. Amsterdam, 1972. Vol. 3. P. 199–234.
- Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art* / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Vol. 3–4. Washington, 1996–2001.
- Cheyne J.-Cl.* Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse // *Travaux et mémoires*. 1994. Vol. 12. P. 391–478.
- Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorfius. Vol. 1. Bonnae, 1832.*
- Darrouzès J.* Épistoliers byzantins du Xe siècle. Paris, 1960.
- Delehaye H.* Vita St. Lazari auctore Gregorio monacho // *Acta Sanctorum*. Novembris. T. 3. Brussels, 1910. P. 508–588.
- Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig ; Berlin, 1927.
- Encyclopaedia of Islam* / ed. B. Lewis. Vol. 3. Leiden ; London, 1986.
- Gautier P.* Monodies inédites de Michel Psellos // *Revue des études byzantines*. 1978. T. 36. P. 83–151.
- Grumel V.* Titulature de métropolités byzantines. I. Les métropolités syncelles // *Études byzantines*. 1945. T. 3. P. 92–114.
- Grumel V.* Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1: Les actes de patriarches, fasc. 2–3 : Les Regestes de 715 a 1206. Paris, 1989.
- Guilland R.* Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // *Revue des études byzantines*. 1971. Vol. 29. P. 5–115.
- Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. T. 1. Berlin ; Amsterdam, 1967.
- Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550–950 : a study on the origins of the stratotika ktemata. Wien, 1979.
- Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and the Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984.
- Haldon J. F.* Byzantium in the seventh century: the transformation of a culture. Cambridge, 1993.
- Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin ; N. Y., 1973.*
- Iosephi Genesisii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmüller-Werner, 1. Thurn. Berlin, 1978.*
- Jones A. H. M.* The prosopography of the later Roman Empire / ed. by J. R. Martindale. Vol. 3. Cambridge, 1992.
- Jordanov I., Zhekova Z.* Catalogue of Medieval Seals at the Regional historical Museum of Shumen. Shumen, 2007.
- Jus Graecoromanum / ed. I. Zepos, P. Zepos. Vol. 4. Athens, 1931.*
- Kazhdan A.* Symeon Logothete // *Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. Kazhdan. Vol. 3. N. Y. ; Oxford, 1991. P. 1982–1984.
- Kühn H.-J.* Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.
- Laurent V.* Réponses canoniques inédites du patriarcat byzantin // *Echos d'Orient*. 1934. T. 33. P. 298–315.
- Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
- Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. 2: L'administration centrale. Paris, 1981.
- Lupus Protospatarius / ed. G. Cioffari, R. Lupoli Tateo // Antiche cronache di Terra di Bari. Bari, 1991. P. 261–276.*

- Mansi G. D.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Vol. 11–13. Florentiae, 1766; Vol. 16. Venetii, 1771.
- Markopoulos A.* Joseph Bringas: Prosopographical problems and ideological trends // Symmeikta. 1981. Vol. 4. P. 87–115.
- Markopoulos A.* Quelques remarques sur la famille des Génésioi aux IX–X siècles // Зборник радова Византолошког института. 1986. Кн. 24–25. P. 103–108.
- Michaelis Attaliothae* Historia / ed. I. Bekkeri. Bonnae, 1853.
- Michaelis Pselli* Scripta minora magnam partem adhuc inedita / ed. E. Kurtz, F. Drexl. T. 1. Milan, 1936.
- Oehler J.* Annona militaris // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1893. Bd. 1, Hbd. 2. Col. 2320–2321.
- Oikonomidus N.* Les listes de préséance byzantines des IX et X siècles. Paris, 1972.
- Oikonomidus N.* Les premiers mentions des thèmes dans le chronique de Théophane // Зборник радова Византолошког института. 1975. Кн. 16. P. 2–8.
- Oikonomidus N.* L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et Mémoires. 1976. Vol. 6. P. 125–152.
- Patrologiae* cursus completus. Series graeca / Rec. J.-P. Migne. Vol. 119.
- Polemis D. I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968.
- Prosopographie* der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / hrsg. von F. Winkelmann. Bd. 2–4. Berlin ; N. Y., 2000.
- Prosopographisches* Lexikon der Palaiologenzeit / erst. E. Trapp. Bd. 10. Wien, 1990.
- Ringrose K. M.* The perfect servant: eunuchs and the social construction of gender in Byzantium. Chicago, 2003.
- Sceaux* byzantin de la collection Henri Seyrig. Catalogue raisonné J.-Cl. Cheynet, C. Morrison, W. Seibt. Paris, 1991.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884.
- Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975–1977. T. 1–2.
- Seeck O.* Discussor // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1905. Bd. 5, Hbd. 2. Col. 1183–1187.
- Seibt N., Seibt W.* Siegel der Sammlung Orghidan – eine Nachlese zur Edition V. Laurents // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2003. Bd. 53. S. 195–203.
- Seibt W.* Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // Studies in byzantine sigillography. 1987. Vol. 1. S. 287–299.
- Semenov A.* Über Ursprung und Bedeutung des Amtes der Logotheten in Byzanz // Byzantinische Zeitschrift. 1910. Bd. 19. S. 440–449.
- Ševčenko I.* Poems on the Deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes // Dumbarton Oaks Papers, 1969–1970. Vol. 23–24. P. 187–228.
- Stavrakos Chr.* Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000.
- Stein E.* Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919.
- Thüodore* Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès, L. G. Westerink. Paris, 1978.
- Theophanes* continuatus / Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838.
- Theophanis* Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.
- Wassiliou A.-K., Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Teil 2 : Zentral- und Provinzialverwaltung, Wien, 2003.
- Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung. Berlin, 1985.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals / ed. by J. Nesbitt. T. 2. Berne, 1984.
- Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. T. 1, pt. 1. Basel, 1972.

Статья поступила в редакцию 12.01.2011 г.

УДК 94(520) + 94(510) + 325.14(520:510) +
+ 811.581 + 811.521

Д. А. Суровень

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЯБИТО НА ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРУ ЯМАТО V В.*

Анализируются сведения древнеяпонских источников о роли китайско-корейских переселенцев *аябито* (“ханьцев”), возглавляемых Ван Ином (яп. Вани) и принцем Ати-но оми (кит. А-чжи-ваном), в жизни Ямато V в. Материалы об этом содержатся в «Кодзики», «Нихон-сёки», «Когосюи», «Синсэн-сёдзи-року». В данной работе показано, каким образом мигранты *аябито* оказали влияние на развитие письменности, учености, государственный аппарат управления, на появление летописания и исторических записей, а также на приспособление китайской письменности к записи слов японского языка в Ямато V в.

Ключевые слова: древняя Япония; Ямато; Нинтоку; Ё-садзаки; Ритю; Идзаховакэ; Ван Ин; Вани; Ати-но оми; ая; Ямато-но ая; Хигаси-но ая; области Кавати и Ямато; «Кодзики»; «Нихон-сёки»; «Когосюи»; «Синсэн-сёдзи-року».

Переселенцы с материка, обладавшие более высокими общественными и культурными навыками, прибыли в страну, где уже формировалась государственность, на службу которой они были сразу поставлены. Предпочтительное использование иммигрантов в аппарате управления, делопроизводстве, специализированном ремесле и прикладном искусстве, в окружении правителя, на службе подымающегося конфуцианства, а впоследствии буддизма неизбежно повышало их социальное положение и престиж [см.: Воробьев, с. 72].

Следствием распространения навыка письма в Ямато, в чём также была заслуга людей аябито («ханьцев»), стало то, что в V в. государство Ямато начало обмениваться официальными документами с Китаем, что подтверждает существование в Японии людей, искусных в выражении мыслей письменно [см.: Konishi, p. 167]. Так, китайские источники сообщают, что в 425 г. посольство от правителя, называемого китайцами «Цзань» (яп. Ё-садзаки / Нинтоку¹ [около 418-425/427 годы испр. хрон.]), привезло в Южный Китай письменный доклад (кит. бъяо). «Сун-шу» в разделе «Во-цзюань» говорит: «Тай-цзу [Вэнь-ди, 424–453], 2-й год Юань-цзя [425]. Цзань опять прислал [посла по имени] Цао-да (яп. Сё-тацу или Томо-мити / Томо-сато / Томо-тё) [в ранге] “сыма” (начальник военного отряда, воевода, начальник войскового приказа) поднести доклад [и] дань местными изделиями»² [Сун-шу, Тай-цзу, 2-й год Юань-цзя]. «Нань-ши»: «При Вэнь-ди, во второе лето правления Юань-цзя [Юань-цзя — С.Д.], 425, Цзань ещё прислал Сы-ма Цао-да с докладом и мест-

* Продолжение статьи автора, опубликованной в предыдущем номере [см.: Суровень, 2011, с. 169–194].

¹ См.: [Исида, с. 20; Хасимото, с. 592; Кодзики, 1968, с. 17; Нихон дзэнси, с. 316; Бураку-си..., с. 19; Воробьев, с. 26; Hashimoto, p. 7; Lewin, p. 30; Wedemeyer, p. 105; Нихон-но акэбоно, с. 28, 29; Дьяконова, с. 213].

² [太祖 元嘉二年、讚又遣司馬曹達、奉表獻方物。] [цит. по: Ямао, с. 294].

³ [文帝 元嘉二年、讚又遣司馬曹達、奉表獻方物。] [Нань-ши, св.79-й, Бе-чжуань, Дуньи, Вого-пу].

ными произведениями»³ [Нань-ши, гл. 79, Во-го, 425 год] [Бичурин, с. 44]. В «Цэ-фу вай-чэнь-бу-фэн цэ» под 2-м годом Юань-цзя говорится: «В этот год японский [правитель] Цзань прислал посла поднести доклад (письменный документ) [и] дань местными изделиями»⁴ [Цэ-фу вай-чэнь-бу-фэн цэ, 2-й год Юань-цзя].

В начале царствования государя Идзахо-вакэ (др.-яп. *Изапо-вакэ*/ Р и тō, 426/27—432 испр. хрон.) аябито Вани-киси (Ван Ин) и Ати-но оми были назначены «хранителями сокровищ» [Ямао, с. 294]. Произошло это так. Ати-но атаэ, за помощь новому монарху в борьбе за власть был впервые назначен на пост «казначея» (яп. *кура-но кан*)⁵ [Кодзики, св. 3-й, Ритю; Когосюи, Ритю] [см.: Nihongi, p. 309, pg 1; Когосюи, с. 95; Ивахаси, с. 4]. Он стал во главе «*кура-но тукаса*» (совр.-яп. *кура-но цўкаса* — управления сокровищницы⁶), созданной в 9-й день 1-го месяца 6-го года правления [431/32 год испр. хрон.] для руководства «внутренней сокровищницей» (яп. *ути-кура, ути-но кура*)⁷ [см.: Воробьев, с. 223; Синто..., с. 418, п. 154]. Ути-кура появилась, по сведениям «Когосюи», именно в это время. Ещё со времен Дзимму при дворе Ямато существовала «священная сокровищница» (*ими-кура, ими-но кура*) [см.: Nihongi, p. 309, п. 1; Синто..., с. 417, п. 153], в основном для хранения принадлежностей культа, бывших в распоряжении монархов как верховных жрецов [см.: Суровень, 1998, с. 175—198]. Теперь для хранения личного имущества правителей была создана ути-кура [Reischauer, p. 127; Синто..., p. 417, п. 153; с. 418, п. 418]. «Кроме “священной сокровищницы” [яп. *ими-кура*] была создана “внутренняя сокровищница” [яп. *ути-кура*], где казённая собственность раскладывалась по видам и хранилась» [цит. по: Nihongi, p. 309, п. 1]. «По достижении [царствования государя Ритō, управлявшего Поднебесной] в Позднем дворе Вака-сакура в [местности] Иварэ, Три Кара (кор. Самхан) подносили дань поколение за поколением, не прерываясь. [Поэтому] по-соседству со “священной кладовой” (ими-кура) также построили сверх того дворцовую сокровищницу (*ути-кура* — досл. “внутреннюю сокровищницу”), [чтобы] отдельно получать и помещать казённое имущество (яп. *каммоцу*, кит. *гуāнь'у*)»⁸ [Когосюи, Ритю; Kogoshūi, Richy⁹]. В «Сёку-ин-рэй»

³ 『册府外臣部封册』、元嘉二年:「是年、倭讚、遣^レ使奉^レ表献^レ方物。」[цит. по: Ямао, с. 294].

⁴ 藏官 — яп. *кура-но кан*/ *дзōкан* — ‘чиновник кладовой/ сокровищницы’. [Кодзики, 1968, с. 227; Кодзики, 2001, с. 314; см.: Kojiki, p. 363, pg 1]; где 藏 — яп. *кура*, кит. *цзан* — *суц*, 1) склад; кладовая; хранилище; амбар; сокровищница... [БКРС, т. 4, с. 267].

⁶ 藏職 — яп. *кура-но тукаса*, яп. *кура-но цўкаса* — управление сокровищницей [Нихон сёки, 1957, с. 329; Нихон сёки, 1997, с. 325]; где 職 др.-яп. *тукаса*, кит. *чжй* — *суц*, 1) должность, служебный пост...; 2) служба; служебные обязанности (функции)...; 3) дело, работа...; 4) управление... [БКРС, т. 4, с. 211]. В «Тайхō-рё»: 職 — яп. *сикки* — особое (отдельное) управление какого-либо министерства [Свод законов..., с. 338].

⁷ 内藏 — яп. *ути-кура* — ‘внутренняя сокровищница’; 内藏 — кит. *н'эй-цзан* — 1) дворцовое хранилище, дворцовая сокровищница... [БКРС, т. 3, с. 328].

⁸ 「至^レ於^レ後、磐余稚櫻朝、三韓貢^レ獻奕世、無^レ絶。齋藏之傍更^レ建^レ内藏、分^レ収^レ官物。」 [Когосюи; Когосюи, с. 95].

⁹ Ср.: «В царствование государя (Ритю), жившего во дворце Ноти-но Иварэ-[но] Вака-сакура в [местности] Иварэ, помимо “священной кладовой”, которая до этого времени использовалась [для хранения имущества] и божества и государя, была воздвигнута дворцовая сокровищница (яп. *ути-кура*. — С. Д.), чтобы хранить имущество государева хозяйства, потому что со времён [корейского] похода государыни Дзингу Корея продолжала платить дань Японии, и, следовательно, в течение многих лет наше государственное богатство очень сильно увеличилось» [Kogoshūi, p. 41].

говорится: «Управление “внутренней сокровищницы” имеет одного начальника [управления], который имеет в ведении золото и серебро, драгоценные камни, драгоценную утварь, парчу и атлас, тонкий шёлк, ковры и матрацы, и редкие предметы, присланные как дань различными варварскими народами» [цит. по: Nihongi, p. 309, not. 1]. Для полного обеспечения деятельности «казначей» Ати-но атаэ получил в дар «земли на прокорм» (кит. *лян-ди*)¹⁰ в частную собственность [Кодзики, 2001, с. 315, п. 7] [Кодзики, св. 3-й, Ритю].

По сообщению «Когосюи», в качестве помощника для Ати-но атаэ («записывать приход-расход») был назначен Ван Ин (яп. *Вани*, прибывший из Пэкче в Японию в 405 г. испр. хрон.) [см.: Nihongi, p. 309, not. 1; Воробьев, с. 223]. «По этой причине было приказано Ати-но оми совместно с учёным мужем (яп. *хакасэ*) Вани (кор. *Ван Ином*) из [страны] Кудара (кор. *Пэкче*) записывать этой [‘внутренней сокровищницы’] расход [и] приход. Кроме того, впервые учредили корпорацию сокровищницы (яп. *кура-бэ*, *кура-но бэ* — досл. «управление сокровищницы»)»¹¹ [Когосюи, Ритю; Kogoshūi, Richū¹²]. Таким образом, специально для выполнения функций, связанных с деятельностью «ути-кура», была организована корпорация «кура-но бэ» («корпорация сокровищницы»; ещё читают как *кура-пито-бэ* — ‘корпорация людей сокровищницы’)¹³ из неполноправных свободных, находившихся на государственной службе [Нихон-сёки, св.12-й, Ритю, 6-й год пр., 1-й месяц, 9-й день; Кодзики, св. 3-й, Ритю]. На русский язык термин *кура-хйто-бэ* (др.-яп. *кура-пито-бэ*) ещё переводят как «корпорация “кладовщиков”». Комментаторы текста «Когосюи» указывают, что в штате «великой сокровищнице» (б-кура) насчитывалось 60 человек, в отделе «внутренней сокровищницы» (ути-кура) — 40 человек. Это были люди из корпорации сина-бэ, исполнявшие различные обязанности в данном ведомстве, к ним причислялись и переселенцы с материка, поскольку ведомство контролировало ремесленную деятельность, которую в основном исполняли переселенцы [Синто..., с. 418, п. 155]. Кроме того, по сведениям «Синсэн-сёдзи-року», Ати-но оми стал предком рода Кура-хйто (досл. «людей кладовой / сокровищницы»)»¹⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св. 27-й <ая>, Кура-хйто].

Впоследствии, как сообщает «Когосюи», в правление государя Юряку (О-хацусэ, др.-яп. *Опо-патусэ*, 457—479) после создания в 472 г. «Великой сокровищницы», люди из кланов Кōти-фуми-но удзи (Кавати-но фуми др.-яп.

¹⁰ 「給^レ糧地。」 [Кодзики, 1968, с. 227; Кодзики, 2001, с. 314]; где 給 — кит. *цэй* — 2) давать бесплатно, дарить (*что-л.*); жаловать (*чем-л.*)... [БКРС, т. 2, с. 455]; 糧 *вм.* 糧 — кит. *лян* — *суц.* 1) хлеб в зерне; зерновые, хлеба...; 4) питание, рацион; прокорм (*напр. чиновника*); кормовой, на питание [Там же, с. 210].

¹¹ 「仍令^レ阿知使主与百濟博士王仁記^レ其出納。始更定^レ藏部。」 [Когосюи; Когосюи, с. 95].

¹² Ср.: «Ати-но оми и учёный мудрец Вани из Кудара [кор. *Пэкче*] были поэтому назначены чиновниками, ведущими записи (поступлений на склад. — *С. Д.*), с обязанностью руководства счетами и отчётами [внутренней] сокровищницы, и затем впервые учредили наследственную корпорацию, прикреплённую к [внутренней] сокровищнице [яп. *кура-но бэ*]» [Kogoshūi, p. 41].

¹³ 藏部 — яп. *кура-но бэ* — досл. “корпорация сокровищницы” [Нихон сёки, 1957, с. 329]. В «Когосюи» такие же сведения [см.: Когосюи, с. 95; Nihongi, p. 309, pg 1].

¹⁴ 「藏人(くらひと)。...阿智王の後なり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 27-й].

Канути-но пуми — ‘западных писцов’, потомков Ван-ина [Kogoshūi, p. 80, pot. 97]) и Ямато-фуми-но удзи (‘восточных писцов’, потомков Ати-но оми¹⁵) были назначены вести учёт и статистические записи или сводки [Радуль-Затуловский, с. 101]. «[Люди] кланов Ямато-но фуми (досл. «восточных писцов») [и] Кавати-но фуми (досл. «западных писцов») вели записи для сверки (яп. *канроку*)¹⁶ [имущества] в их счѣтных книгах (яп. *бо*, кит. *бў* — возможно, на дощечках для записи распоряжений)¹⁷ [трѣх сокровищниц]»¹⁸ [Когосюи, Юряку; Kogoshūi, Yūryaku¹⁹].

Таким образом, указывают исследователи, с того времени начинается усиленное влияние на систему государственного управления Ямато традиций административных систем управления, сложившихся в Корее и Китае. Появление китайских иммигрантов на островах способствовало консолидации централизованного режима [см.: Воробьев, с. 69].

М. Н. Пак указывает, что китайские переселенцы из Пэкче «сыграли важную роль в распространении в соседней Японии (по-корейски: в государстве *Вэ*, или Ямато) не только китайской письменности... а также своих собственных достижений в развитии ремесел и искусств и, очевидно, в составлении официальных хроник и иной литературы» [Пак, с. 9]. Японские исследователи указывают, что запись событий древнеяпонской истории могла начаться в конце IV — начале V в., в царствования государей Ёдзина (Хомуда) и Нинтоку (Ќ-садзаки) [Нихон-но акэбоно, с. 171].

Возникновение государственного летописания предположительно можно отнести к началу V в. н. э., когда прибывший из Пэкче в 404 г. [испр. хрон.] ученый муж А-чжи-ки (яп. *Атики*) стал предком рода Атики-но фумибито/ фухйто (др.-яп. *пумибито/ пунито*)²⁰, чье название записывалось китайским иероглифом *ши* — «историк, придворный летописец». Это могло означать, что фухйто делали какие-то исторические записи (например, как считает Мори Киёси, клановые записи) [см.: Мори, с. 317] [Нихон-сёки, св. 10-й, Ёдзин, 15-й год пр.; Nihongi, X, 10–11]. В «Синсэн-сёдзи-року» прямо упоминается писец-летописец (яп. *фухйто*, кор. *са*, кит. *ши*) по имени Ару-но фухйто (кор. *Ану*), прибывший из Пэкче в Японию и ставший предком рода Курэ-хатори-но мияцуко (др.-яп. *Курэ-патори-но мияцуко* — досл. «управляющие

¹⁵ 倭書直氏 — яп. *Ямато-но фуми-но атаи-но удзи* — досл. «клан руководителей в ранге атаи восточных писцов» [Ямао, с. 281; Kogoshūi, p. 80, pot. 97].

¹⁶ 勘録 — яп. *канроку* — досл. «записи для сверки»; где 勘 — яп. *кан*, кит. *кāнь* — гл. 1) сверять, выверять... [БКРС, т. 3, с. 557].

¹⁷ 簿 — яп. *бо* — список; конторская книга [ЯРУСИ, с. 451]; 簿 кит. — *бў* — *суц.* 1) счѣтная книга, реестр, журнал для записей... 2) дощечка для записи распоряжений... [БКРС, т. 3, с. 62].

¹⁸ 「東西文氏 勘録 其簿。」 [Когосюи; Когосюи, с. 96].

¹⁹ Ср.: «...И два рода Фуми (писцов) на восток и на запад от резиденции правителя были назначены чиновниками для того, чтобы вести счѣтные книги для податей, хранимых в трѣх сокровищницах...» [Kogoshūi, p. 42].

²⁰ 「阿直史」 — яп. *Ати-но фумибито* [Кодзика, 2001, с. 266]; 「阿直岐史」 — яп. *Атики-но фумибито* [Нихон сёки, 1957, с. 277]; где 史 — др.-яп. *пуми-бито*, яп. *фуми-бито*; кит. *ши* — [придворный] историограф, летописец [БКРС, т. 4, с. 68].

[ткачихами] уской [южно-китайской] одежды»²¹ [Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й, Курэ-хатори-но мияцуко].

Роды фумибито (фухйто) изначально были кланами грамотеев (фуми), производивших необходимые административно-хозяйственные записи (учёт налоговых поступлений, ведение счетов, составление описей, проведение переписей), составлявших документы в дипломатической переписке с соседними странами (Китаем и Кореей) и ставших переводчиками, придворными учёными, придворными историографами и хронистами [Кузнецов и др., с. 42, 43; Сэнсом, с. 69; Судо, с. 13—14; Воробьев, с. 70]. В течение долгого времени они писали только по-китайски [Норито..., с. 222, п. 1; Кузнецов и др., с. 43].

А. Н. Мещеряков указывает, что наиболее многочисленные личные контакты с носителями континентальной культуры осуществлялись не посольствами, а достаточно мощным потоком переселенцев с Корейского полуострова. Как свидетельствуют генеалогические списки «Синсэн-сёдзи-року» (815 г.), в высшей элите японского общества около одной трети людей были недавними выходцами из Кореи [Мещеряков, 1998, с. 87]. Анализ обширного списка родов писцов-историков (др.-яп. *пунито*, яп. *фухйто*) в «Синсэн-сёдзи-року» показывает, что они были переселенцами с континента. К аябито ('ханьцам') относились следующие роды писцов-летописцев. От основателя династии Ранняя Хань императора Гао-цзу [206—195 гг. до н. э.] (через ряд его потомков) происходило несколько родов писцов: **1.** Фуми-но сукунэ (через Луань-вана и Ванина), **2.** Фуми-но имики (через Унико-но обито) [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й]. Потомками основателя династии Поздняя Хань императора Гуан-у-ди [26—57 гг. н. э.] (также через ряд его отпрысков) являлись: **3.** Ябэ-но фухйто (досл. «Восьми дворов писцы-летописцы»). «...Происходят от императора Чжан-ди (76—88 гг.) — внука императора Гуан-у-ди из династии Поздняя Хань»²². **4.** Такэвока-но фухйто. «...Являются потомками Шэнь Цзинь-ван (яп. Син-кин-но кими)»²³. А чуть выше сказано: «...Шэнь Цзинь-ван (яп. Син-кин-но кими) — потомок в седьмом поколении императора Гуан-у-ди из династии Поздняя Хань...»²⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й]. **5.** Потомками ещё одного императора династии Поздняя Хань Лин-ди (168—188 гг.) был род писцов Танива-но фухйто (досл. «Писцы [области] Танива»). «Являются потомками Кёдзицу-но кими (кит. *Сяожу-вана*) — потомка в 8-м поколении императора Лин-ди из династии Поздняя Хань»²⁵ [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й]. **6.** Потомками безымянного ханьского вана был род Танабэ-но фухйто. «...Происходят от [человека по имени] Тисō (кит. *Чжи-цзун*) — потомка Хань-вана»²⁶. Возможно, под Хань-

²¹ 「呉服造(くれはとりのみやつこ)。百済国の人、阿彌史より出づ。」[Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й].

²² 「八戸史(やべのふひと)。後漢の光武帝の孫、章帝より出づ。」[Там же].

²³ 「武丘史(たけをかのふひと)。<...>慎近王の後なり。」[Там же].

²⁴ 「後漢の光武帝の七世孫、慎近王の後なり。」[Там же].

²⁵ 「丹波史(たにはのふひと)。後漢の靈帝の八世孫、孝日王の後なり。」[Там же, св. 21-й].

²⁶ 「田辺史(たなべのふひと)。漢王の後、知惣より出づ。」[Там же, св. 23-й].

ваном имеется в виду Лю Бан (основатель империи Хань, будущий Гао-цзу), носивший до принятия титула императора (кит. *хуан-ди*) звание Хань-ван [см.: Сыма Цянь, с. 187]. Хотя это звание могли иметь и другие люди, управлявшие областью Хань. 7. Дважды в «Синсэн-сёдзи-року» упомянут род писцов-летописцев *О-хара-но фухито*, который «...происходил от ханьца [по имени] Си-син Лингуй (яп. *Сай-сэй Рэйки* — досл. «Рэйки [кит. Лингуй] из западного рода»)»²⁷ [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, 27-й]. Однако следует обратить внимание, что в 24-м свитке сведения о роде *О-хара-но фухито* помещены в разделе о кланах, предками которых были выходцы из Пэкче. И запись в 24-м свитке отличается от того, что сообщалось в 21-м и 27-м свитках. «[Род] *О-хара-но фухито*. Происходят от ханьцев [из рода] Му-син (кор. *Мок-сонъ*, яп. *Моку-сэй*) [по имени] Алюсу (кор. и яп. *Арюсо*) [и из рода] Си-син (яп. *Сай-сэй*) [по имени] Лингуй (яп. *Рэйки*)»²⁸ [Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й]. Судя по всему, эта запись оказалась в разделе родов из Пэкче благодаря первому ханьцу из рода Му-син по имени Алюсу (кор. *Мок-сонъ Арюсо*, яп. *Моку-сэй Арюсо*). По-корейски название китайского рода Му, из которого происходил Алюсу (Арюсо), звучит как «Мок». Из «Суй-шу» известно, что род Мок был одним из восьми знатнейших родов государства Пэкче: «В стране восемь больших фамилий-родов (*сси*): род Са, род Ён, род Хёп, род Хэ, род Чон, род Кук, род Мок, род Мё»²⁹ [Суй-шу, Дунъи-чжуань, Бо-цзи] [цит. по: Ким Бусик, с. 358, п. 44; см.: Бичурин, с. 88]. Следовательно, предки рода *О-хара-но фухито* были китайцами (ханьцами) по происхождению, но прибыли в Японию не сразу из Китая, а через Корею, прожив некоторое время в землях государства Пэкче. Таков список писцов-летописцев из людей аябито. И это не считая родов писцов-летописцев, происходивших из китайского государства Вэй (220—265), а также корейцев (пэкчесцев, силласцев, когурёсцев). Следует обратить внимание на то, что все первые кланы писцов-летописцев (исходя из их наследственных званий [кабанэ] — *обито*, *сукунэ*, *имики*, *фумибито*, *фухито*, которые носила аристократия Ямато) относились к категории знатных полноправных свободных. Им были подчинены созданные позднее корпорации *фумибито-бэ*, *фуми-бэ* и *фуми-но имики-бэ* [ср.: Норито..., с. 222, п. 1] [частица «бэ» указывает на принадлежность этих людей к корпорации неполноправных свободных].

Первое упоминание о начале исторической фиксации событий на местах (по сообщению «Нихон-сёки») относится к 4-му году правления Ритю (429 г. испр. хрон.; трад. 403 г.). Осенью, в 8-й месяц, 8-й день «впервые во всех владениях (яп. *куни*) установлены [должности] провинциальных летописцев (кит. *го-ши*, др.-яп. *куни-но пуми-пито*, совр.-яп. *куни-но фумибито* — досл. «писцы-летописцы области [*куни*]»), [чтобы] записывать слова и дела, передавать

²⁷ 「大原史(おほはらのふひと)。漢の人、西姓令貴 より出づ。」[Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й]. То же самое записано в 27-м свитке.

²⁸ 「大原史(おほはらのふひと)。漢の人、木姓阿留素西姓令貴 より出づ。」[Там же, св. 24-й].

²⁹ 「國中 大姓 有^レ八族、沙氏、燕氏、劬氏、解氏、貞氏、國氏、木氏、苗氏。」[Суй-шу, Бо-цзи-цзюань 『隋書』 百濟伝; Суй-шу, Дунъи-цзюань 『隋書』 東夷傳].

(доводить до сведения) желания (или записи) четырех сторон [света]»³⁰ [Нихон-сёки, св. 12-й, Ритю, 4-й год, 8-й месяц]. Примером таких «провинциальных летописцев» являются роды писцов Танива-но фухйто (досл. «Летописцы [области] Танива»)»³¹, Цукуси-но фухйто (досл. «Летописцы [области] Цукуси»)»³², Ябэ-но фухйто (досл. «Летописцы [местности] Ябэ» [в Северном Кюсю, в нынешней префектуре Сага]), Митати-но фухйто (досл. «Летописцы [местности] Митати [уезда Оми области Микава-но *куни*]»), Таруми-но *фухйто*, Ёхара-но фухйто, Фунадо-но фухйто, Ё-агата-но фухйто, Танабэ-но фухйто, Ёсато-но фухйто, Симаки-но фухйто, Маки-но фухйто, Кувахара-но фухйто, Такэвока-но фухйто, Хаяси-но фухйто, Ару-но фухйто. Здесь в первой части кланового звания указывается название местности, где находилось место пребывания данных писцов—летописцев, а далее идёт их наследственное звание «фухйто» [Синсэн-сёдзи-року, свитки 3, 5, 21, 23, 24, 25, 27, 28-й]. Кониси Дзинъити отмечает, что в Ямато в то время были интеллектуалы, способные использовать китайские иероглифы для записи сведений об общественных и частных делах [Konishi, p. 168]. Материалы данных столичных и провинциальных летописцев до нас не дошли³³, но, вероятно, были использованы в более поздних исторических сочинениях.

Исследователи, исходя из характера материалов «Кодзики», пришли к следующему выводу. «Правления “императоров” охарактеризованы с разной полнотой. Для некоторых из них приводятся лишь генеалогические данные, являющиеся единственным общим для всех правлений элементом, структурирующим текст. По всей вероятности, наиболее ранним прототипом летописи послужили генеалогические списки, оглашаемые во время ритуала погребения императора с целью передачи магической силы предков следующему правителю» [Мещеряков, 1991, с. 26]. В «Кэмбриджской истории Японии» говорится: «Предполагают, что приблизительно в V веке японцы обладали разного типа письменными записями на китайском языке, хотя сохранились только некоторые надписи на зеркалах и мечях, а также письмо, которое государь Юряку отправил ко двору китайской династии Сун в 478 году» [The Cambridge...,

³⁰ 「始之於諸國 置^レ國史、記^レ言事、達^レ四方志。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 328]; 國史 — яп. *кокуси* / *куни-но фумибито* — «провинциальные летописцы, летописцы во владении (яп. *куни*)», где 史 — яп. *си*, кит. *шй* — 1) история; анналы; летопись; 2) [придворный] историограф, летописец (записывающий слова и деяния монарха); 3) наблюдатель, регистратор. [БКРС, т. 4, с. 68]; 達 — кит. *да*, яп. *тацу* — достигать, доходить [до]... передавать (*кому-л.*, *что-л.*), доводить до сведения [БКРС, т. 4, с. 104–105]; 志 — яп. *си*, кит. *чжи* — стремление, желание, воля; *вм.* 誌 — запись, заметка; обзор, описание [Там же, с. 850–851]. Ср.: с переводом В. Астона: «Local Recorders were appointed for the first time in various provinces, who note down statements, and communicated the writings of the four quarters» [Nihongi, p. 307]; в переводе Е. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова: «...Во всех провинциях впервые были учреждены летописцы. Они записывали все события и доставляли записи со всех четырех сторон света» [Нихон сёки, 1997, с. 324]; см. также: [Нихон-но кэнгоку, с. 55; Мори, с. 316; Нихон дзэнси, с. 320; Бураку-си..., с. 20; Коростылев, с. VII–VIII; Радуль-Затуловский, с. 201].

³¹ 「丹波史(たにはのふひと)。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й].

³² 「筑紫史(つくしのふひと)。」 [Там же].

³³ Может быть, погибли или сгорели (например, при пожаре 645 г., когда погибло несколько исторических источников [Нихон сёки, св. 24-й, Когёку, 4-й год, 6-й месяц, 13-й день, Nihongi, XXIV, 25].

р. 170]³⁴. Таким образом, какие-то письменные материалы должны были существовать. Без них просто невозможно создать хронику за длительный период, но характер этих материалов неизвестен. Кроме документов двора Ямато, это могли быть и какие-нибудь местные документы (вроде генеалогических списков кланов [см.: Воробьев, с. 5, 6, 9; Мори, с. 317] или записей о корпорациях).

На такую мысль наводит сообщение «Нихон-сёки» о том, что уже на следующий год после создания должностей провинциальных летописцев [в 430 г. испр. хрон.] «главный хранитель повозок, Курума-моти-но кими, отправился в Цукуси-но куни, чтобы сделать перепись (яп. *котоготоку катори* — досл. «полное исчисление»)³⁵ [подведомственной ему] корпорации Курума-моти-бэ, и взял с собой людей из корпорации жрецов каму-бэ (кит. *сышэнь-чжэ*; др.-яп. *камубэ-ра-тами* — досл. «те, кто [связаны] со смертью»[?])³⁶» [Нихон-сёки, св. 12-й, Ритю, 5-й год пр., 10-й месяц] [см.: Нихон сёки, 1997, с. 325]. Как видно из сообщения, люди жреческой корпорации каму-бэ также способны были составлять документы. Подобные реестровые списки упомянуты в 485 г.: «[Имя его] вычеркнули из посемейных списков (кит. *цзи-чжан* — досл. «реестровых свитков»)³⁷...» [Нихон-сёки, 1957, с. 409; см.: Нихон сёки, 1997, с. 385]. О родословной Отараси-хэйко³⁸ (др.-яп. *Опотараси-нико/Кэйкё*, 337 — около 343 г. испр. хрон.) в «Кодзики» сообщается: «Всего детей у государя Опотарасипико — занесённых в реестры (яп. *року*. — С. Д.) двадцать один»³⁹. Исследователи указывают, что в те ранние годы просвещённости знание письменности в основном использовалось для ведения отчётов, проверки государственных назначений на должность и для заверки линии генеалогического происхождения знатных лиц [The Cambridge..., р. 170; Судо, с. 14]. Д. Э. Миллс указывает: «Кажется разумным предположить, что однажды стало возможным, с введением в Японии китайской письменности, иметь и вести записи. Они должны были вестись не только для официальных, но также и для частных целей и что по крайней мере правящие роды должны были иметь традицию поручать [кому-либо] делать записи. Как рано такая практика могла развиваться,

³⁴ Перевод письма на русский язык см.: [Суровень, 2008, с. 16–18].

³⁵ 「車持君行^レ於筑紫國而悉校^レ車持部。兼取^レ死神者。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 329]; где 悉 — кит. *сй* — наречие «полностью, всецело, целиком, сполна; досконально, подробно; все, всё» [БКРС, т. 4, с. 887]; 校 — яп. *катори*; *ошибка* (см.: Нихон-сёки, 1957, с. 329, прим.) вм. 校 — кит. *цзяо* — глагол 1) сверять (тексты); выверять...; 6) считать, исчислять; мерить [БКРС, т. 4, с. 55].

³⁶ 死神者 — яп. *камубэ-ра-но тами* — досл. «люди из жреческой корпорации» [Нихон-сёки, 1957, с. 329]; в тексте употреблён знак 死, который, видимо, является ошибкой, вм. 死 — кит. *сы* — умирать, умерший; смерть [БКРС, т. 7, с. 303]; где 死神 — кит. *сышэнь* — смерть [Там же, с. 304].

³⁷ 籍帳 — кит. *цзи-чжан* — досл. «реестровые свитки» [Нихон-сёки, 1957, с. 409]; где 籍 — кит. *цзи* — *суц.* 1) дощечки для письма; записи; опись, каталог; книги... 2) список, реестр (особенно: *кадастровый, фискальный*); 3) место приписки... [Там же, т. 2, с. 560]; 帳 — кит. *чжан* — *суц.* ...3) *бухг.* счёт, опись... 5) свиток (с надписью)... [Там же, т. 3, с. 409].

³⁸ О нём см.: [Суровень, 2002, с. 180–196].

³⁹ 「凡此大帶日子天皇之御子等所録^レ廿一王。」 [Кодзики, 1968, с. 123; Кодзики, 1994, с. 68]; где 録 — яп. *року*, кит. *лү* — гл. 1) делать записи, отметки, записывать...; *суц.* 1) запись... список, опись, перечень, каталог... [БКРС, т. 3, с. 819].

мы не знаем...» [Mills, p. 120]. Однако Судо Кадзуаки отмечает, что знатные люди разных рангов стремились оставить о себе память в виде родовых записей [Судо, с. 14].

Распространение письменности и начало письменной фиксации событий порождали необходимость увеличения штата ведомств, в которых работали писцы. Поэтому при Юряку в 10-м месяце 458 г. была создана корпорация писцов-летописцев *фуми-хито-бэ* (др.-яп. *пуми-пито-бэ*), при этом определили дворы людей *фуми-хито-ко* (др.-яп. *пуми-пито-ко*)⁴⁰. Многие из членов этой корпорации были натурализовавшимися иммигрантами из Кореи [см.: Konishi, p. 252, not. 30; p. 310, 433]. В «Синсэн-сэдзи-року» сообщается, что корпорация *фуми-хито-бэ* (записано иероглифами: *фуми-хито-ко* — досл. «дворы летописцев») «...являлись потомками Хань-ши Дэн Дэ (яп. *Кан-си Тō Току* — досл. «[человек по фамилии] Тō [имени] Току из южнокорейского рода») — человека из [города] Хань-чэна»⁴¹ [Синсэн-сэдзи-року, св. 27-й, *Фуми-хито-бэ*]. В «Нихон-сёки» упоминаются имена двух членов этой корпорации *фуми-хито-бэ*, которым особо благоволил государь Юряку — это Муса-но сугури Ао (др.-яп. Аво) и Хакатоко (др.-яп. *Пагатоко*), занимавшего пост Хи-но Кума-но тами-но цукаи (др.-яп. *Пи-но Кума-но тами-но тукапи*) [см.: Нихон сёки, 1997, с. 349; Konishi, p. 310]. Исследователи отмечают, что имена этих писцов ясно указывают на их корейско-китайское происхождение (из потомков ханьских поселенцев) [см.: Konishi, p. 310; Нихон сёки, 1997, с. 481, п. 16], т. е. на принадлежность к аябито.

В «Нихон-сёки» и «Синсэн-сэдзи-року» рассказывается история, произошедшая в 6-м месяце 465 г. с людьми из двух родов писцов — Хаку-сон (др.-яп. *Паку-сон*), из клана Танабэ-но фубито (яп. *фухито*, др.-яп. *пубито*), и Карё, из клана Фуми-но обито (др.-яп. *Пуми-но обито* — досл. «глав писцов», основателем которого был Ван Ин [см.: Воробьев, с. 68; Игнатович, с. 41], прибывший в Японию в 405 г. [испр. хрон.]). Исследователи подчёркивают, что Паку-сон и Карё — имена выходцев с материка (китайско-корейского происхождения)⁴² [Нихон сёки, 1997, с. 484, п. 52]. «Синсэн-сэдзи-року» с некоторыми подробностями тоже говорит об этих событиях. Источник поясняет, что люди рода Танабэ-но фухито являются отпрысками Тоёки-ири-хико-но микото — сына государя Мимаки (Судзина) через его потомка в 5-м поколении по имени Така-

⁴⁰ 史人部 — др.-яп. *пуми-пито-бэ*, яп. *фуми-хито-бэ* — досл. «корпорация писцов-летописцев»; 史人戸 — др.-яп. *пуми-пито-ко*, яп. *фуми-хито-ко* — досл. «дворы писцов-летописцев»; причём в примечаниях к изданию «Нихон сёки» сделано примечание, что в одном из списков вместо иероглифа 戸 — яп. *ко* («двор») использован иероглиф 部 — яп. *бэ* («корпорация», «подчинённые люди») [Нихон-сёки, 1957, с. 364; см.: Konishi, p. 310].

⁴¹ 「史戸(ふみひとべ)。漢城の人、韓氏鄧徳の後なり。」[Синсэн-сэдзи-року, св. 27-й].

⁴² 加龍 — яп. *Карё*, кор. *Карён*, кит. *Цзялун*; 伯孫 (в «Нихон сёки»), 百尊 (в «Синсэн-сэдзи-року») — др.-яп. *Паку-сон*, яп. *Хаку-сон*, кор. *Пэк-сон* (по «Нихон-сёки») или *Пэк-чон* (по «Синсэн-сэдзи-року»), кит. *Бо-сунь* (по «Нихон-сёки») или *Бо-цзунь* (по «Синсэн-сэдзи-року») [Нихон сёки, 1957, с. 378; Синсэн-сэдзи-року, св. 3-й].

хасэ-но *кими*⁴³, потомками которого, в свою очередь, были Нука-но кими и его сын — Хаку-сон, живший в правление государя Юряку⁴⁴.

В «Нихон-сёки» говорится: «Осенью, в 7-м месяце⁴⁵, в день новолуния мидзуноэ-но тацу (т. е. в 1-й день месяца. — С. Д.) из провинции Капути-но куни донесли: “Дочь человека по имени Паку-сон из рода Танабэ-но пубито, в уезде Асука-бэ, [была] замужем за Карё, Пуми-но обито, из уезда Пуруити...”» [Нихон сёки, 1997, с. 361]. «Синсэн-сёдзи-року» уточняет: «В царствование государя Ё-хацусэ-но Вакатакэ-но сумэра-микото (посмертное почётное имя [кит. *шуй*] — Юряку) [жил] сын Нука-но кими [по имени] Хаку-сон... Сыном Хаку-сона [был] Таку-сон. [Его] внуком [был] Сира. [Ему] в царствование [государыни, получившей] посмертное почётное имя (кит. *шуй*) Когёку (642—645) было даровано правительницей заливное поле (*та*) в [местности] Ямасйта [области] Кавати (др.-яп. Капути). Как объясняют документы (бунсё), по этой причине [Сира] стал [носить наследственное звание] Танабэ-но фубито...»⁴⁶ [Синсэн-сёдзи-року, св.3-й, (98) Симоцукэно-но асоми, Камицукэно-но асоми].

Кониси Дзиньити указывает, что корпорации фуми-хйто-бэ была поручена запись событий того времени, а также древних легенд [см.: Konishi, p. 252; 252, nr 30; 310, 433]. Акима Тосио, исследуя сказание о Корейском походе государыни Дзингү, пришёл к выводу, что его ядро сложилось в V в. — в период «пяти правителей» Японии (яп. *ва-но го-д*)⁴⁷, так как претензии на главенство Японии над корейскими государствами были зафиксированы в V в., что нашло отражение в китайской хронике «Сун-шу», где приведён текст писем, посланных японскими государями к китайским императорам в V в. Японские правители требовали, чтобы китайцы признали японское главенство над южной Кореей [Акима, р. 163]. А эта идея заложена в японской интерпретации итогов Корейского похода государыни Дзингү. По мнению Кониси Дзиньити, различные сказания (*сэцува*)⁴⁸ были записаны, очевидно, во второй половине V в. Но

⁴³ 「(左京、皇別) 下毛野朝臣。崇神天皇、皇子 豊城入彦命之後也。日本紀合。(左京、皇別) 上毛野朝臣。下毛野朝臣、同祖 豊城入彦命、五世孫多奇波世君之後也。[Синсэн-сёдзи-року, в 3 ч., с. 168]; ср.: とよきいりひこのみこと 「下毛野朝臣(しもつけののあそみ)。崇神天皇の皇子、豊城入彦命の後なり。日本紀に合へり。上毛野朝臣(かみつけののあそみ)。下毛野朝臣と同じき祖。豊城入彦命の五世孫、たかはせのきみ 多奇波世君の後なり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 3-й].

⁴⁴ 「大泊瀬幼武天皇[諡雄略]。御世、努賀君、男百尊。」 ср.: 「おほはつせのわかたけのすめらみこと 大泊瀬幼武天皇 [諡は雄略]の御世に、ぬかのきみ 努賀君 こはくそん の男、百尊。」 Там же.

⁴⁵ В русском переводе указание на «7-й месяц» пропущено [ср.: Нихон сёки, 1997, с. 361; Нихон сёки, 1957, с. 378].

⁴⁶ 「大泊瀬幼武天皇[諡雄略]。御世、努賀君、男百尊... 百尊、男徳尊。孫斯羅。諡皇極。御世、賜河内山下、田。以解文書、為田辺史。」 [Синсэн-сёдзи-року, в 3 ч., с. 168]; ср.: 「おほはつせのわかたけのすめらみこと 大泊瀬幼武天皇 [諡は雄略]の御世に、ぬかのきみ 努賀君 こはくそん の男、百尊... 百尊の男、とくそん 徳尊。孫、斯羅。諡は皇極の御世に、河内の山下の田を賜ひ、文書を解れるを以て、たなべのふひと 田辺史と為れり。」 [Синсэн-сёдзи-року, св. 3-й].

⁴⁷ 倭の五王 — яп. *ва-но го-д* — досл. «пять японских правителей» [Акима, р. 163].

⁴⁸ 説話 — яп. *сэцува* — повествование, предание; легенда [ЯРС, с. 498].

до начала VII в. эта запись была в некрупных размерах [Konishi, p. 252; 252, п. 30; 310, 433]. Исследователь подчёркивает, что наличие таких канцелярских работников может объяснить то, как люди Ямато были способны составлять официальные документы, адресованные двору китайской династии Сун [Konishi, p. 310].

Благодаря заслугам китайских переселенцев, среди японской придворной знати также стал распространяться китайский письменный язык вэньянь (яп. *камбун* — досл. «ханьские письма») ⁴⁹ [см.: Пасков, с. 72; Кузнецов и др., с. 43]. Исследователи указывают, что распространению китайской письменности в Японии способствовало к о н ф у ц и а н с т в о, завезённое в страну в V в. [см. об этом: Кузнецов и др., с. 43] китайцами (в 405 г. [испр. хрон.] [см.: Aston, p. 46; Nihongi, p. 262, nr 5; The Cambridge..., p. 454]. Ван Ин привез с собой конфуцианский сборник речей Конфуция «Лунь-юй» ⁵⁰, который содержал основные сведения о классических учениях её мудрецов [Нихон сёки, 1997, с. 466, п. 32]). Желание дойти до истоков конфуцианской доктрины было серьёзным стимулом к развитию образованности среди японцев [Сэнсом, с. 70]. Правда, Дж. Б. Сэнсом так определяет способности я п о н с к и х учеников того времени. «Необходимо, однако, сделать некоторое различие между письмом и чтением. По ряду причин... научиться читать по-китайски намного проще, чем писать, и поэтому, вероятнее всего, многие ученики-японцы могли с помощью учителя читать по складам отрывки из китайских книг, но сами не были способны составить текст или написать больше чем несколько китайских иероглифов. Постепенно, под руководством иностранных наставников, они приобретали некоторые знания о содержании канонических книг, привезённых в Японию — это “Лунь-юй” (“Беседы и суждения”)... затем пять главных классических рукописей — “Ши-цзин” (“Книга песен”), “Шу-цзин” (“Книга документов”), “Ли-цзин” (“Книга ритуалов”), “И-цзин” (“Книга перемен”), “Чунь-цю” (“Весны и осени”). Возможно, главным препятствием быстрому распространению письменности в Японии была чисто техническая трудность передачи слов агглютинативного, полисиллабического языка (каковым является японский) — знаками, созданными для моносиллабического китайского, — трудность, усиленная различием в произношении звуков в этих языках. До появления подходящего способа передачи... японец, чтобы использовать китайское письмо, должен был выучить китайский язык, совершенно отличный от японского по словарному составу, синтаксису и идиомам» [Сэнсом, с. 69–70]. Судо Кадзуаки указывает, что для японцев было очень сложно писать по-китайски правильно. Недостаточное знание китайского языка приводило к тому, что люди путали похожие иероглифы, нарушали порядок слов, вставляли лишние иероглифы. Содержание таких текстов не позволяло отнести их к текстам, написанным правильным китайским языком [Судо, с. 16]. Потребовались один-два века, пока японцы стали способными воспринять китайскую культуру с помощью китайских иероглифов [см.: Konishi, p. 310]. Однако исследователи полагают,

⁴⁹ 漢文 — яп. *камбун* — досл. «ханьские письма».

⁵⁰ 『論語』 — кит. *Лунь-юй* [Кодзики, 2001, с. 266; см.: Ямао, с. 281].

что в V в. японцы уже имели различные типы систем письма на китайском языке, хотя с тех времён сохранились только надписи на зеркалах и мечях, а также письмо Юряку 478 г. [см.: The Cambridge..., p. 170].

Так или иначе, большое количество версий в тексте «Нихон-сёки» даёт основание ученым предполагать, что сильные и могущественные роды имели своё представление о мифологической истории и, может быть, даже письменные своды на этот счет [см.: Ермакова, с. 46; см.: Судо, с. 14], которые прежде всего составлялись китайско-корейскими иммигрантами, находившимися на службе у отдельных кланов, хотя и сами японцы могли попытаться применить свои навыки для составления каких-нибудь кратких и простых записей. Сама многовариантность повествования «Нихон-сёки» свидетельствует о том, что при составлении свода использованы данные, хранителями которых были разные роды [Мещеряков, 1997, с. 93]. Примером сохранившейся краткой генеалогии отдельного знатного рода Ямато является эпиграфическая надпись (состоит из 115 иероглифов) на мече из кургана Инарияма (датируемая 471 г. [см.: Дой и др., с. 376; The Cambridge..., p. 454; Ямао, р. 371; Hong, p. 257, nr 4; Мещеряков, Грачёв, с. 128]), где перечислены восемь поколений предков по мужской линии некоего Вовакэ-но оми (Вовака-но оми), родоначальником которых назван основатель рода Абэ-удзи — Опо-пико (совр.-яп. *Ō-hiko*) — сын государя Кōгэна (начала IV в. [испр. хрон.]) [см.: Ямао, с. 362, 367]. Другим примером может служить древнеяпонский источник «Фудай» («Генеалогии» — досл. «Ранги [порядок] в систематической родословной записи [реестре]») ⁵¹, цитируемый в «Нихон-сёки» [см.: Нихон-сёки, 1957, с. 400; см.: Нихон-сёки, 1997, с. 376] и «Кудзи-хонки» (во вводной части раздела «Кэндзо-тэннō»), сообщающий некоторые генеалогические сведения о кланах второй половины V в. Цитата рассказывает о семье отца Кэндзо — принца Итинобэ-но Осипа [Нихон-сёки, св. 15-й, Кэндзō; Кудзи-хонки, св. 8-й (8), Кэндзо]. Генеалогические материалы были использованы при составлении «Тэйки» и «Кудзи» в первой половине VI в., а также при написании в 620 г. «Тэннō-ки», «Кокъюки» и «Хон-ки». Такие клановые записи были затребованы правительственными органами в 691 г. «Восемнадцати родам было приказано представить записи о могилах их предков...» (др.-яп. *пака-но пуми*, яп. *хака-но фуми*) ⁵², представлявших собой некое подобие родословных, генеалогические материалы которых использовались при составлении исторических сочинений [Нихон-сёки, св. 30-й, Дзито, 5-й год, 8-й месяц, 13-й день] [Нихон-сёки, 1997, с. 386, п. 99; Мещеряков, 1997, с. 92]. Таким образом, материалы источников показывают, что в V—VII вв. существовало значительное количество

⁵¹ 譜第 — яп. *Фудай* [Нихон-сёки, 1957, с. 400; см.: Нихон-сёки, 1997, с. 376]. 譜第 — кит. *pǔdì* — 1) происхождение, родословная; генеалогия; 2) родня, родственник; где 譜 — кит. *pǔ* — сущ. 1) систематическая записи (особенно: родословная); схема (особенно: родословное древо); систематический (порядковый) перечень; список, реестр [БКРС, т. 2, с. 555]; 第 — кит. *dì* — сущ. 1) ряд, порядок; серия; ранг; степень...; гл. 1) определить порядок (ранжир), расставить по порядку [Там же, т. 3, с. 547].

⁵² 「詔十八氏... 上進^レ其祖等 墓記。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 411; Нихон-сёки, 1997, с. 283; см.: Уэда и др., с. 275].

«клановых историй», содержащих генеалогию и краткую историю отдельных знатных родов Ямато, которые, по-видимому, были записаны не без участия китайско-корейских переселенцев.

Исследователи указывают, что, несмотря на ограниченное количество известных нам древнеяпонских письменных материалов V в., анализ того, что дошло до нас, подтверждает предположение, что первые хроники Японии, особенно «Нихон-сёки» и «Кодзики», базировались на источниках V–VI вв., которые уже больше не существуют, а также на информации, полученной из летописей Пэкче [см.: The Cambridge..., p. 170].

Кроме того, эпиграфические тексты V в. показывают, что китайские иероглифы в японских текстах стали использоваться фонетически, в качестве силлабем (знаков, обозначающих слог), для передачи звукового состава японских слов [см.: Иофан, с. 89, п. 2; Пинус, с. 291] — существительных, которые являлись собственными именами (названия местностей, официальные звания и титулы, имена людей) [см.: Murayama, Miller, p. 405]. Здесь были реализованы заложенные в китайской письменности возможности передачи звучаний слов. Связано это с тем, что китайская письменность, изначально базируясь на пиктографических и идеографических знаках, развиваясь, со временем включила в свой состав большое количество фоноидеограмм (использующие при одинаково звучащих сложных графемах-фонетиках так называемые «ключи» — детерминативы, обозначающие разные группы вещей и явлений) [см.: Крюков и др., с. 222–223]. Фоноидеографическая структура многих иероглифов делала возможным использование чисто фонетического способа письма, так как произношение таких иероглифов было предсказуемым для опытного читателя в силу того, что было фиксированным в каждом диалекте китайского языка. В этом случае можно было использовать определённые знаки чисто фонетически без учёта его значения. И нашлись люди, которые смогли реализовать эту возможность [см.: The Cambridge..., p. 460–461]. Ещё начиная с III в. н.э. китайцы сами изобрели такой способ транскрибирования иностранных слов, пришедших в Китай из Индии через Центральную Азию вместе с буддийскими манускриптами. Некоторые слова санскритского языка и имена китайцы приняли как часть своего буддийского словаря и читали их по слогам, используя иероглифы только в их фонетическом качестве. Именно эта система, уже используемая в буддийских записях, попала в Корею и (видимо, при посредстве переселенцев) Японию. Китайские иероглифы в Корее нередко стали использовать исключительно для записи звучания корейских слов, вне связи с их значением [см.: Курбанов, с. 25; The Cambridge..., p. 306; Пинус, с. 290, 291]. Данную систему письма, полученную из Китая, японцы применили для транскрибирования слов своего родного языка, который (подобно санскриту) был полисиллабическим [см.: The Cambridge..., p. 461]. Подобный способ записи применялся и в материалах, существовавших до «Кодзики», в том числе и не дошедших до нашего времени [см.: Пинус, с. 291]. Сначала транскрибировались отдельные слова: антропонимы (имена людей), титулатура (титулы правителя и наследственные звания) [см.: Мещеряков, Грачёв, с. 106] и топонимы (географические названия). Так, в «Нихон-сёки» (в начале раздела о

государе Юряку, где рассказывалось о деяниях 456 г.) есть примечания, указывающие на существование каких-то записей, фиксирующих события того периода, в которых японские личные и клановые имена уже фиксировались китайскими иероглифами (отсутствие в этих первоисточниках указаний на эти имена и привело к появлению данных примечаний): «В тот день один из сановников (др.-яп. *оно-тонэри*. — С. Д.) двора (иероглифы его рода отсутствуют...)» [Нихон сёки, 1997, с. 343] (досл. «недостаёт [яп. *какэру*⁵³] иероглифов его наследственного звания [яп. *кабанэ*]») ⁵⁴; «Приближенные (яп. *тонэри-домо*. — С. Д.) принца (их имена отсутствуют)...» [Там же, с. 345] (досл. «недостаёт [яп. *какэру*] иероглифов его личного имени [яп. *на*]») ⁵⁵. В дальнейшем это создавало основу для перехода к фонетическому транскрибированию отдельных частей текста (песен, сакральных формул, религиозных текстов и т. п.), а затем — и к фонетической системе записи текстов целиком [см.: Konishi, p. 336; Судо, с. 7]. Лингвистические особенности эпиграфических надписей V в. указывают на начало процесса адаптации китайской письменности для нужд японского языка (при этом угадывается роль корейского языка как посредника между китайским и японским). Не прямая имитация, а некоторое переосмысление исходных реалий говорит об окончании этапа слепого ученичества [см.: Мещеряков, Грачёв, с. 106].

Таким образом, можно отметить несколько направлений в развитии японского общества, государства, культуры и народности, где влияние китайско-корейских переселенцев из этнической группы аябито в V в. проявилось наиболее ярко. Во-первых, прежде всего это роль аябито в распространении китайской письменности. Во-вторых, китайцы на Японских островах стали проводниками китайской учёности. В-третьих, их знания были применены на государственной службе и для государственного строительства, с данного времени началось влияние традиций китайской и корейской системы государственного управления на развитие древнеяпонской государственности. В-четвёртых, навыки и знания людей аябито оказались очень полезными в международных отношениях, и в частности в дипломатической деятельности. В-пятых, по-видимому, с людьми аябито связано появление летописания, традиции фиксации событий при дворе Ямато и на местах, составление первых (в основном не дошедших до нас) кратких исторических записей о делах в государстве и истории отдельных знатных родов, письменной фиксации генеалогического материала. В-шестых, именно китайско-корейские переселенцы сделали первые попытки приспособить использование китайских иероглифов для записи японских слов и японских предложений, что имело далеко идущие последствия. Наконец, количество переселенцев оказалось таким значительным, что они, постепенно смешавшись с коренным населением, оказали влияние на этнический облик древних японцев.

⁵³ 闕 — яп. *какэру*, в соч.: *кэцу* — доставать; омоним. и синоним. 欠 — см.: [ЯРУСИ, с. 619; ЯРС, с. 218].

⁵⁴ 「大舍人 (闕^レ姓字也)...」 [Нихон-сёки, 1957, с. 358].

⁵⁵ 「其舍人等 (闕^レ名字也)...」 [Там же, с. 359].

- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. Т. 2. М.; Л., 1950.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. 2—4.
- Бураку-си-ни* кансүру соготэки кэнкю *部落史に関する総合的研究*. Токио, 1956.
- Воробьев М. В.* Япония в III—VII веках. М., 1980.
- Дой Тосиро* 土肥 俊郎, *Касай Тосио* 河西 敏雄, *Накадзима Тосихару* 中島 利治, *Самицу Ямато* 佐光 大和, *Сайтама-кофун-кара-но сюцудохин* (кинсаку-мэй тэцүкэн)-но сайгэн какбони кан-суру кэнкю 埼玉古墳からの出土品 (金錯銘鉄剣) 再現加工に関する研究 // *Нихон кйкай-гаккай бунсё* (“С” хэн) *日本機械学会文集* (С編). 1995. Ноябрь. Т. 61, № 591. С. 375—381.
- Дьяконова Е. М.* Древняя Япония // *История древнего мира: упадок древних обществ*. М., 1989. С. 211—219.
- Ермакова Л. М.* «Нихон сёки» — культурный полицентризм и выбор культуры // *Нихон сёки : анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1. С. 5—70.
- Ивахаси Коята* 岩橋 小彌太. Дзёдай канри сэйдо-но кэнкю 上代官吏制度の研究. Токио, 1964.
- Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии : очерк ранней истории. М., 1987.
- Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М., 1974.
- Исида Итирō* 石田 一浪. Синва то рэкйси 神話と歴史. Токио, 1960.
- Ким Бусик*. Самгук саги. Т. 2. М., 1995.
- Когосюи // *Синто: путь японских богов*. Т. 2. СПб., 2002. С. 84—100.
- Когосёби* (в одном свитке [с предисловием]) *古語拾遺* 一卷 【加序】[Электронный ресурс] // *Когосёби 『古語拾遺』*. Токио, 1985. URL: <http://www.neonet.to/kojiki/siryu/kogojuu1.txt>.
- Кодзики* *古事記*. Токио, 1968. Т. 2. (Нихон котэн дзэнсё 日本古典全集).
- Кодзики* *古事記*. Токио, 2001. («Нихон котэн бунгаку дзэнсё 日本古典文学全集»).
- Коростылев В.* Очерк истории Японии. СПб., 1888.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988.
- Курбанов С. О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX века. СПб., 2002.
- Мещеряков А. Н.* «Нихон сёки»: историческая мысль и культурный контекст // *Нихон сёки : анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1. С. 71—110.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- Мещеряков А. Н.* Информационные и коммуникативные процессы в эпоху Нара (710—784) // *Корея: история, экономика, культура, филология*. М., 1998. С. 82—95.
- Мещеряков А. Н., Грачёв М. В.* История древней Японии. М., 2002.
- Мори Киётō* 森清人. Нихон синси 日本新史. Токио, 1962.
- Нань-ши*. Свиток 79-й : Бе-чжуань, Дуньи, Вогу-пу 『南史』卷七十九 列伝 東夷 倭國条. URL: <http://www.rekihaku.ac.jp/kenkyuu/shinpo/nito.html>.
- Нихон дзэнси* 日本全史. Т. 1. Токио, 1958.
- Нихон сёки : Анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1.
- Нихон-сёки* 日本書紀 («Кокуси-тайкэй» 国史大系). Токио, 1957. Ч. 1. Т. 1.
- Нихон-но акэбоно* 日本のあけぼの / сост. Сано Ямато 佐野 大和. Токио, 1959.
- Нихон-но кэнгоку* 日本の建国. Токио, 1957.
- Норито. Сэммё. М., 1991.
- Пак М. Н.* Ким Бусик как историк // *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. 2. М., 1995. С. 9—32.
- Пасков С. С.* Япония в Раннее Средневековье. М., 1987.
- Пинус Е. М.* У истоков японской письменности // *Кодзики : записи о деяниях древности : свиток 1-й*. СПб., 1994. С. 285—296.
- Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.
- Свод законов «Тайхорё». Т. 1. М., 1985.

- Синсэн-сёдзи-року* : в 3 ч. 新撰姓氏録 // *Сазки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкё. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』. Токио, 1962.
- Синсэн-сёдзи-року. Свитки 1–30 新撰姓氏録. 全三十卷 // 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (*Сазки Арикиё*. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио, 1962) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html>.
- Синто: путь японских богов : очерки по истории синто. Т. 1. СПб., 2002.
- Судо Кадзуаки*. Японская письменность от истоков до наших дней. М., 2006.
- Суй-шу : Бо-цзи-цзюань 『隋書』百濟伝. URL: <http://members3.jcom.home.ne.jp/sadabe/kanbun/kudara-kanbun7-zuisho.htm>.
- Суй-шу : Дунъи-цзюань 『隋書』東夷傳. URL: <http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/zui-toui.html>.
- Суровень Д. А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С. 175–198.
- Суровень Д. А.* Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Отараси-хэйко (государя Кэйко) // Пробл. отеч. и зарубеж. истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург, 2002. С. 180–196.
- Суровень Д. А.* Японо-корейские и японо-китайские отношения и внешняя политика государства Ямато в конце 50-х – 70-е годы V века // Урал. востоковедение : междунар. альманах. Екатеринбург, 2008. Вып. 3. С. 16–18.
- Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 2. М., 2003.
- Энсон Дж. Б.* Япония. Краткая история культуры. СПб., 1999.
- Уэда Масааки* 上田 正明, *Мори Кёити* 森浩一, *Ямада Мунэмуцу* 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. Токио, 1980.
- Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тоё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкё 東洋史上より見たる日本上古史研究. Токио, 1956.
- Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай фкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио, 1983. ЯРС – Японско-русский словарь. М., 1984.
- ЯРУСИ – *Фельдман-Конрад Н. И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977.
- Akima Toshio*. The Myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingy's Subjugation of Silla // Jap. J. of Religious Studies. 1993. № 20/2–3. P. 95–185.
- Aston W. G.* Early Japanese History // Trans. of the Asiatic Society of Japan. Yokohama, 1889. Vol. 16. P. 39–75.
- Hashimoto Masukichi*. Ancient Japan Studied in the Light of Far Eastern History // *Хасимото Масукити*. Тоё-си-дзё-ёри-митару нихон-дзё-ко-си-кэнкё. Токио, 1956. P. 1–7.
- Hong Wontack*. Paekche of Korea and the Origin of Yamato Japan. Seoul, 1994.
- Kogoshū: Gleanings from Ancient Stories. Tokyo, 1926.
- Kojiki: Records of Ancient Matters / Transl. by B.H. Chamberlain. Tokyo, 1982.
- Konishi Jin'ichi*. A History of Japanese Literature: The Archaic and Ancient Ages. Princeton, 1984. Vol. I.
- Lewin B.* Aya und Hata. Wiesbaden, 1962.
- Mills D. E.* The Takahasi Uzibumi // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1954. Vol. XVI, № 1. P. 113–133.
- Murayama Shichiro, Miller Roy Andrew*. The Inariyama Tumulus Sword Inscription // J. of Jap. Studies. 1979, Sum. Vol. 5, N 2. P. 405–438.
- Nihongi: Chronicles of Japan from the Earliest Times to A. D. 697. L., 1956. Pt. 1.
- Reischauer R. K.* Early Japanese History. Princeton ; London, 1937. Pt. A.
- The Cambridge History of Japan: Ancient Japan*. Vol. 1. Cambridge ; N. Y., 1993.
- Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. Tokyo, 1930.

Статья поступила в редакцию 1.12.2010 г.

УДК 94(470)“1618/1634” + 321.013 + 930

Л. М. Лугинин

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (1618–1634)

Исследуется влияние внутривнутриполитической жизни Московского государства в первой трети XVII в. на внешнюю политику. Доказывается активная деятельность России на международной арене. Анализируется взаимодействие различных ветвей государственной власти в этот период.

Ключевые слова: Московское государство в XVII в.; внутренняя и внешняя политика; историография.

Взаимосвязь внутренней и внешней политики являются одной из тех политологических и исторических аксиом, которые обычно воспринимаются без доказательств. Однако связь эта не постоянна: существуют исторические периоды, когда она может существенно усиливаться или снижаться, что обусловлено различными факторами, в том числе и случайными, оказывающими как позитивное, так и негативное воздействие на состояние государственной власти. Внешнеполитический курс часто может свидетельствовать о природе режима, его слабостях или силе. Типичны ситуации, когда слабая власть ищет укрепления в активном участии в международных делах и конфликтах, а сильная власть стремится к изоляции от международных дел.

В России в годы Смуты, когда под сомнение были поставлены легитимность и суверенность правления, существовал риск нарушения территориальной целостности страны. Внешняя политика должна была стать тем инструментом, который мог устранить угрозы потери политической самостоятельности и подтвердить право государя на власть в стране. В 1618–1634 гг. были сформулированы и обозначены основные принципы политики правящей династии Романовых.

Обозначенная в заглавии проблема косвенно затрагивалась рядом исследователей отечественной истории. Существует обширная дореволюционная и советская историография, которая охватывает не только традиционные исследования внутренних государственных процессов, но и внешнеполитические вопросы во временном интервале между Деулинским перемирием 1617 г. и Смоленской войной 1632–1634 гг.¹

¹ Среди наиболее ранних работ стоит отметить «Историю России» С. М. Соловьева, в которой автор придерживается комплексного подхода к истории и периодически соотносит взаимное влияние политических событий [Соловьев]. Масштабное исследование Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648)» в первую очередь посвящено рассмотрению вопросов региональных международных отношений, но при этом автор часто апеллирует к событиям внутреннего характера как к определяющим направление действий государств на внешней арене [Форстен]. Существовали работы и обзорного характера, дававшие общее представление о взаимоотношениях России и отдельных стран. В таких трудах прослеживалось изменение отношений с иностранными державами в зависимости от правления и текущего состояния Московского государства. Среди них можно выде-

В современной российской историографии не только мало внимания уделяется рассмотрению и анализу фактического материала по истории внешней политики России этого периода и делаются попытки доказать не вполне очевидную мысль о том, что Москва фактически не участвовала в европейских делах и не оказывала влияния на международную систему. В частности, Е. И. Кобзарева считает, что после Смуты «Россия не имела возможности проводить активную внешнюю политику» [История внешней политики..., с. 221].

Такой подход не является новым: он был сформулирован рядом историков до 1917 г. и продолжен советскими исследователями. Большинство исследователей, рассматривая деятельность Московского государства на международной арене, часто ограничиваются вопросами конфликтов России с соседними государствами. Так, у Д. И. Иловайского отмечается, что в период после избрания Михаила Романова «была эпоха сравнительного затишья, наступившего после разрушительных бурь Смутного времени... Собственно, только одно событие нарушает ее относительное однообразие и бесцветность — это Смоленская эпопея» [Иловайский, с. V]. Так же и Н. Н. Устрялов, описывая последствия Деулинского перемирия, анализирует Смоленскую войну 1632–1634 гг. [см.: Устрялов, с. 310–311]. Эти положения развивались и в советский период: характерным примером может служить «История дипломатии» (1941), авторы которой просто опускают рассмотрение исторического периода после Смуты, переходя от вопросов Деулинского перемирия 1618 г. к Русско-польской войне 1654–1667 гг., кратко упоминают события Поляновского мира 1634 г. [см.: История дипломатии, с. 227].

Обращение к опубликованным источникам позволяет прийти к иным заключениям. Выходя из состояния внутренней анархии, Московское государство не только не замкнулось в изоляции, но и очевидно наращивало свою внешнеполитическую активность. Это подтверждается сопоставлением статистических данных о международных контактах России и некоторых европейских государств в 1618–1634 гг. Для сравнения взяты периоды 1601–1617 гг. и 1635–1650 гг. и сведения о количестве отправленных и принятых посольств и посланников (гонцов) с помощью количественной оценки (табл.).

Если в качестве базового показателя для анализа интенсивности дипломатического обмена с участием Московского государства принять период 1601–1617 гг. (100 %), то в сравнении с 1618–1634 гг. и 1635–1650 гг. становится

лить, к примеру, «Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях» А. Б. Лакиера [1895]. В советский период был издан целый ряд монографий, касающихся внешней политики России в XVII в. Среди них особенно выделяются работы О. Л. Вайнштейна «Россия и Тридцатилетняя война» [Вайнштейн] и Б. Ф. Поршнева «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» [Поршнев]. Основное внимание авторов уделялось внешнеполитическим событиям и международной обстановке, в которой находилась Россия, но также исследовались и аспекты внутренней политики, оказывавшие влияние на те или иные акты во внешних делах. Нельзя не отметить работы Б. Н. Флоря «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.» [Флоря], А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» [Новосельский], И. П. Шаскольского «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством» [Шаскольский].

Международные контакты России*

Контрагент	1601—1617				1618—1634				1635—1650			
	Посольство		Посланники		Посольство		Посланники		Посольство		Посланники	
	Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло
Англия	3	5	1	2	2	2	4	14	1	2	2	9
Нидерланды	1	1	2	2	2	2	4	11	1	1	3	8
Империя	2	3	4	7	1	1	—	—	—	—	—	—
Речь Посполитая	6	10	5	9	2	2	7	4	5	2	17	25
Швеция	3	4	—	3	2	4	—	1	2	2	1	—
Дания	2	2	4	5	2	1	12	10	2	2	9	7
<i>Итого</i>	17	25	16	28	11	12	27	40	11	9	32	49
Интенсивность, %	100	100	100	100	65	48	169	143	65	36	200	175

* Источники: [Бангыш-Каменский, т. 1, 3; РИБ, т. 16; РИО, т. 38, 116, 137, 148; ЧОИДР, кн. 3].

очевидно, что снижение внешнеполитической активности не происходило. Принимая во внимание тот факт, что с Речью Посполитой в 1623—1634 гг. были разорваны дипломатические отношения, и исключив статистику по ней из таблицы, можно заметить существенный рост интенсивности дипломатического обмена в период 1618—1634 гг. Вполне объяснимо и увеличение числа используемых посланников и гонцов, происходящее на фоне снижения количества посольств. Отправка послов из России была связана с существенными финансовыми затратами: послами назначались, как правило, представители аристократических фамилий, и чем выше был ранг посла, тем большая свита ему полагалась и тем больше расходов ложилось на казну [см. Котошихин, с. 33—34]. После Смуты экономика Московского государства была существенно расшатана, и отправка послов часто была нецелесообразна с финансовой точки зрения.

Россия, подписав в 1617 г. мир со Швецией в Столбове, все еще находилась в состоянии войны с Речью Посполитой, и ряд территорий Московского государства находился под контролем противника. Поляки считали, что «борьба различных группировок в русском обществе» позволит им включить Россию в состав своего государства [см.: Флоря, с. 210]. Центральной российской власти к этому моменту удалось добиться некоторой политической стабильности на собственных территориях: к 1614 г. удалось «избавиться» от И. М. Заруцкого, в 1614—1615 гг. — подавить восстания казаков М. И. Баловнева, татар и черемисов, а к 1618 г. преодолеть последствия голода и практически полностью ликвидировать самозванческую тенденцию внутри страны [см.: Станиславский, с. 151]. Причины социальных столкновений и внутреннего противостояния различных политических группировок находились в прямой связи с вопросом международного признания царя Михаила. Чем настойчивее были претенденты, тем выше были риски гражданского неповиновения. В целях укрепления внутренних позиций нового монарха требовалось добиться отказа польского короля Сигизмунда III и его сына Владислава от московского престола. Временное приостановление активных военных действий поляками в 1614—1617 гг. позволило российскому правительству собраться с силами и даже организовать в 1616 г. наступление на «Литовскую землю». Усиливавшаяся царская власть и растущая активность Москвы вызывали у польской шляхты серьезные опасения. Это привело к постановлению Варшавского сейма от 4 июля 1616 г. возобновить военные действия против России и добиться воцарения там королевича Владислава [см.: Муханов, с. 3].

В Европе в 1618 г. началась Тридцатилетняя война. Обострившееся политическое противостояние габсбургского блока и держав антигабсбургской направленности вело к нарастанию военных действий. Это нарушало сложившиеся торговые связи, разоряло экономически активные слои населения, разрушало основы системы хозяйствования. В таких условиях европейские державы обратили внимание на Московское государство, стоявшее в некоторой стороне от европейского конфликта. Во многом определяющую роль в выборе своего места в войне для России сыграл конфессиональный фактор. Лояльность российского правительства к протестантам и усилившееся в годы Смуты неприятие католиков [см. об этом: Цветаев, с. 2—7] обеспечили поддержку Москвой

держав, выступавших против претензий Габсбургов на гегемонию. Россия, в свою очередь, интересовала европейцев прежде всего своими стратегически важными для войны в Европе ресурсами (зерно, строевой лес, сера, селитра, пенька и др.), доступ к которым был ограничен военным положением внутри и вокруг страны. В связи с этим протестантские Англия и Нидерланды, ведущие торговые державы Европы, выступили в качестве посредников для урегулирования войны со Швецией, окончание которой позволяло нарастить товарный обмен с Москвой².

Мирный договор в Столбове, заключенный в феврале 1617 г., провозгласил русско-шведский антипольский союз, и шведы открыли военные действия против Польши на Балтике. Английский посол Д. Дикс в мае 1618 г. от лица короля демонстрировал намерения заключить союзный договор с Москвой и оказать ей финансовую помощь [см.: Бантыш-Каменский, с. 104]; правительство Нидерландов, приняв в июне 1618 г. российского посла И. Баклановского, обязалось прислать порох, свинец, пушечные снаряды и фитили [см.: РИО, т. 116, с. 164]. Вдобавок Земский собор 1618 г., постановивший продолжать войну с поляками, продемонстрировал общую тенденцию к росту поддержки элитой страны своего государя и готовность отстаивать независимость.

С другой стороны, государство не было еще настолько сильно, чтобы обеспечить победу в войне с Речью Посполитой. Население Московского государства устало от непрекращающихся военных действий и открыто не подчинилось приказам центральной власти. Начались измены среди аристократии: на сторону поляков перебежали боярские и дворянские семьи [см.: Муханов, с. 17]. Царские воеводы В. Куракин и И. Бутурлин жаловались государю, что дети боярские не являлись на службу, игнорируя их требования [см.: Акты, с. 151—152], в Москве происходили волнения среди казаков, создавшие угрозу власти Михаила Романова изнутри [см.: Соловьев, с. 1146]. Но и Речь Посполитая была измотана длительными войнами, которые она вела не только с Россией, но и со Швецией и Османской империей. Польская шляхта была настроена на завершение конфликта; в инструкциях послам Киевского воеводства, отправленным на Варшавский сейм 1618 г., содержались требования скорейшего заключения мира с Россией [см.: Архив, с. 116—129].

Таким образом, обе стороны склонялись к миру, и в октябре 1618 г. начались переговоры. По условиям Деулинского перемирия, подписанного в декабре 1618 г., в Москву в 1619 г. из польского плена вернулся Филарет, отец царя Михаила. 24 июня 1619 г. он был интронизирован иерусалимским патриархом Феофаном III как Московский патриарх. Это событие имело огромное политическое значение: оно не только укрепляло позиции Михаила Романова на царском престоле (Москва получила патриаршество как царствующий град), но и повторно (впервые после учреждения на Руси патриаршества в 1589 г.) демон-

² Собственно, и само Московское государство было заинтересовано в связях с Англией и Нидерландами, т. к., развивая отношения с ними, можно было торговать с Европой в обход Швеции и Дании, устанавливавших большие пошлины за право прохода через балтийские проливы и остановки в своих портах.

стрировало замещение патриархом Московским места папы Римского в традиционной христианской пентархии. Патриарх соотносился с папой, а царь соответственно воспринимался как наследник власти Византийской империи [см.: Успенский, с. 496–509]. Москва, таким образом, становилась соперницей Священной Римской империи и папства, открыто демонстрирующей свои имперские амбиции.

Возвращение из плена Филарета и утверждение его на патриаршем престоле не только обозначили идейные основы формирования внешней политики России, но и привели к установлению двоевластия. Патриарх³ стал фактическим соправителем царя Михаила, получив официальное именование Великого государя, и оказывал существенное влияние на формирование международного курса государства, выразившегося в выработке в 1620-е гг. жесткой антипольской позиции Москвы. Причиной такого курса стал комплекс противоречий, существовавших в польско-русских отношениях. Сигизмунд III и королевич Владислав не отказывались от претензий на московский престол и не признавали легитимность новой династии, создавая угрозу нового вторжения и подрывая своим непризнанием статус Московского государства на европейской арене. За спиной Речи Посполитой стояли Священная Римская империя и папство, к которым апеллировали польские власти в своих претензиях на российский трон [см.: *Historica Russiae Monumenta*, р. 409–411], стремившиеся к вовлечению Москвы в имперско-католическую орбиту влияния.

Принятие антипольского курса и расширение сотрудничества с государствами антигабсбургской коалиции происходили в России на фоне борьбы между сторонниками внешнеполитических линий патриарха Филарета и главы Посольского приказа И. Грамотина, выступавшего выразителем идей пропольски настроенной части боярства [см.: Поршневу, с. 190]. Это противостояние продолжалось в период с 1619 г. (когда в Москву вернулся Филарет) до 1627 г. (когда И. Грамотин был отправлен в ссылку), определяя деятельность Москвы в международных делах и ставя их в некоторую зависимость от личных пристрастий лидеров политических элит.

Другим аспектом влияния внутренней политики на внешние дела было проведение «всеобщей переписи государству» с целью успокоения населения, увеличения доходов казны и роста военного потенциала [см.: Устрялов, с. 309]⁴. Здесь власть стремилась к урегулированию внутрисоциального положения и нормализации отношений с ведущими европейскими державами, преследуя обычную цель укрепления своего авторитета как внутри страны, так и вовне.

Чтобы добиться поддержки западных государств и поднять престиж новой династии, не вызывая агрессии соседей и не нарушая их интересов, оптимальным

³ Филарета можно считать даже дважды патриархом. Он не только возглавлял церковные институты, но, учитывая патриархальную систему семейных отношений, являлся главой рода Романовых, в т. ч. и царя Михаила.

⁴ Таким образом, фактически государи проводили политику реформирования для подготовки к будущей войне в целях ревизии условий Деулинского перемирия.

вариантом было заключение брака с представительницей правящего европейского дома. С целью сватовства были отправлены посольства Ю. Родионова и А. Кекерлина в «Цесарию и другие немецкие земли» в 1621 г. [см.: Бантыш-Каменский, с. 19], А. Львова к датской королевской семье в 1621 г. [см.: РИБ, т. 16, с. 581–583], а в 1623 г. написан запрос в Швецию [см.: Иловайский, с. 35]. Отовсюду ко двору приходил вежливый отказ, связанный, очевидно, с неуверенностью европейских правящих домов в устойчивости власти Романовых. Неудачи в использовании метода установления матримониальных связей практически не повлияли на внешнюю политику России в целом. Это были своего рода попытки Москвы найти наиболее короткий и удобный путь улучшения международного положения государства, параллельно стремясь к поиску в Европе союзников, способных усилить российские позиции без создания родственных связей.

Наиболее удачным здесь было взаимодействие с Англией, правительство которой было заинтересовано в российских сырьевых рынках. В результате переговоров, продолжавшихся в 1619–1623 гг., был подписан договор об оборонительном союзе и торговле [см.: Лакиер, с. 61]. Несмотря на то, что этот документ не был ратифицирован, фактически он действовал вплоть до свержения короля Карла I, определяя дружественный характер отношений Москвы и Лондона. На западном направлении в это время удалось также перевести в латентную фазу конфликт с Данией, который разворачивался на Русском побережье Белого моря за право обладать этой областью. Если в 1614–1622 гг. претензии датского короля Христиана IV на нее выражались только номинально — в принятии титула властителя Северного Калотта (включавшего русскую Лопскую область), то в 1623 г. датчане провели небольшую провокационную военную операцию, окончившуюся разграблением московских владений в районе Колы и острова Кильдин [см.: РИБ, т. 16, с. 589–603]. Правительству царя Михаила, не поддававшемуся на провокации, удалось не только не допустить эскалации конфликта, который был определенно не нужен России, так как могла возникнуть угроза одновременной войны на два фронта, но и не пойти на уступки датчанам, оставив северные земли за собой. Риск оказаться в войне сразу с несколькими противниками для Москвы действительно существовал. В 1621–1622 гг., когда шло нарастание датско-московских противоречий, патриарх Филарет смог добиться усиления своего влияния среди бояр, и антипольская линия в Москве взяла верх: началась подготовка к войне с Польско-Литовским государством.

В 1621 гг. между Речью Посполитой и Турцией вспыхнула Хотинская война. Польско-турецкий конфликт носил затяжной характер, и начавшиеся военные действия стали результатом эскалации осложнившихся в начале XVII в. отношений. Задачей Турции и вассального ей Крыма было втянуть в военные действия Россию, обеспечив силовой перевес над поляками [см.: Новосельский, с. 99]. Для этих целей в Москву в сентябре 1621 г. прибыло турецкое посольство Ф. Кантакузина, ходатайствовавшее о союзе против Варшавы. В то же время против Польши на Балтике выступила Швеция. Было очевидно, что у России появился реальный шанс пересмотреть условия Деулинского переми-

рия 1618 г., став третьей силой, выступившей против поляков. Если во время переговоров с турецкой делегацией патриарх был вынужден ответить отказом (государи не были готовы к принятию такого решения без участия консультативных органов), то на Земском соборе в октябре 1621 г. ему удалось добиться постановления о подготовке к войне, а весной 1622 г. подтвердить прошлогодние решения на вновь созванном соборе. Момент, однако, был упущен: турки вышли из войны, подписав с поляками перемирие 9 октября 1621 г., а затем и Хотинский мирный договор [см.: *Naruszewicz*, р. 326–331]; Густав II Адольф в 1622 г. после Митавской битвы заключил с Сигизмундом III перемирие до 1625 г. Несмотря на это, в 1622 г. по инициативе Москвы были разорваны официальные дипломатические отношения с Варшавой (и не возобновлялись уже до 1634 г.) [см.: Бантыш-Каменский, с. 117].

Разрыв русско-польских отношений происходил на фоне ответного посольства И. Кондырева и Т. Бормосова в Константинополь, состоявшегося в октябре 1622 — апреле 1623 г., т. е. в период, когда к султану уже прибыл К. Збаражский, посол Сигизмунда III, для подтверждения хотинских договоренностей и установления длительного мира. Согласно донесениям французского посла в Османской империи, целью московских посланников было склонить Порту к антипольскому союзу и скорейшему развязыванию войны, обещая субсидии вплоть до 400 тыс. талеров в год [см.: *Historia Russiae Monumenta*, р. 421–423]. По мнению А. А. Новосельского, опирающегося на российские архивные данные об этом посольстве, задачи у И. Кондырева и Т. Бормосова были как раз обратные: избегать любых предложений о союзе, не упоминать о предыдущих предложениях Ф. Кантакузина и, по возможности, оказывать влияние на турецко-польские переговоры в пользу России (в хотинских договоренностях Порты обязала Речь Посполитую не нападать на московские земли и вести себя миролюбиво) [см.: Новосельский, с. 103–105]. Если согласиться, что по инструкциям российских послов требовалось осуществлять только протокольные действия и убедиться в миролюбивом настрое Турции по отношению к Москве, то ясно, что к осени 1622 г. Россия в войну с Польшей вступать незамедлительно уже не собиралась. В то же время внутренние распорядительные документы царя Михаила за лето 1622 г. носят весьма двоякий характер и в некоторой степени опровергают мирный настрой государя. Так например, царский наказ вновь назначенным воеводам в Вязьму требовал от них по приезде фактически готовиться к войне: накапливать припасы, вести разведку в Литовских землях, провести смотр детей боярских, стрельцов, казаков и других служилых категорий, а также своего рода маневры [см.: *Акты*, с. 170–175]. Здесь следует учесть, что в Москве знали о мирном настрое польского правительства, которое не могло себе позволить и не желало в 1622 г. войны ни с кем, в том числе и с Россией. В августе 1622 г. Сигизмунд III писал своим представителям на межевых съездах на границу, чтобы они всеми силами убеждали московских уполномоченных лиц в «продолжении... обоюдного мира» [Муханов, с. 187]. Оборонительных ресурсов у пограничных территорий в 1622 г. было вполне достаточно, а активно готовиться к войне при желании сохранить мир было бы совершенно неразумным. Требования же к вяземским воеводам говорят о том,

что, вполне возможно, Россия готовилась выступить против поляков в начале 1623 г. (в конце 1622 г. о выступлении речи быть не могло: военные кампании, как правило, не начинались в зимний период). Но, как известно, военные действия против поляков Россия вплоть до 1632 г. не начала. Соответственно и вопрос об истинных целях посольства в Константинополь и намерениях государей остается открытым.

Вполне возможно, что сильное влияние на свертывание военных приготовлений оказали внутренние боярские распри, которые имели место также в 1622 г. После провала брачных дипломатических инициатив было решено выбрать царю невесту в среде аристократии. Вокруг царской женитьбы развернулся серьезный конфликт, ставший очередным противостоянием московских элит: боярские семьи, не гнушаясь интриг, стремились навязать государю своих невест. Наиболее сильные столкновения происходили между Романовыми и Салтыковыми. Возможное усиление влияния рода Салтыковых было опасно, потому что они в годы Смуты выступали последовательно в поддержку Лжедмитрия II, королевича Владислава и Сигизмунда III, а в дальнейшем олицетворяли пропольскую боярскую группировку. Борьба за матримониальное влияние на царя окончилась только после того, как Салтыковых отправили в ссылку, а Михаил Романов остановил свой выбор на «дочери незначительного дворянина» [Соловьев, с. 1163–1164].

Противоборство антипольской и пропольской внешнеполитических линий закончилась в 1625 г. Относительно этого события у Б. Ф. Поршнева говорится о некоем подобии государственного переворота в Москве под лозунгом объявления войны Польше, о чем в 1625 г. сообщали шведские осведомители в Стокгольм [см.: Поршнева, с. 190]. Г. В. Форстен также упоминает о неких столкновениях интересов боярских групп при дворе Романовых, но уже в контексте доклада шведских резидентов о польском посольстве, которое прибыло в Москву летом 1625 г. и предложило выступить совместно с польскими войсками против Густава II Адольфа в обмен на территориальные уступки и заключение вечного мира [см.: Форстен, 1894, с. 206–207]. Между тем ранее уже отмечалось о разрыве дипломатических контактов между Варшавой и Москвой еще в 1622 г., и сведения о польско-русских переговорах в 1625 г. выглядят не вполне достоверно (несмотря на приведение всего текста донесения у Г. В. Форстена). Известия же о «перевороте» вполне могут иметь под собой место (сам Б. Ф. Поршнева не дает ссылку на источник). В 1625 г. под влиянием патриарха Филарета была выпущена новая государственная печать с добавлением в титул Михаила слова «самодержец», что стало своего рода демонстрацией восстановления полноты царской власти и «устранения ограничительных боярских притязаний» [Иловайский, с. 43]. Это означало и успех Филарета Никитича в борьбе с И. Грамотиным, что ознаменовалось снятием последнего в 1626 г. с руководства Посольским приказом и ссылкой в Алатырь [см.: Терещенко, с. 13]. После этого Россия начала сближаться со странами антигабсбургского блока и демонстрировать готовность к войне с Речью Посполитой. Если в 1624 г. царская администрация рассылала приказы «о роспуске ратных людей по домам» [Акты, с. 194], то в 1625 г. воеводам даются указы о сборе детей

боярских и дворян на службу в приграничные районы [Акты, с. 195–201]. Стягивание войск к московско-литовской границе происходило, судя по всему, ввиду начала датского периода Тридцатилетней войны и очередного этапа Шведско-польской войны в Прибалтике. Наиболее вероятно, что эти действия носили все-таки оборонительный характер (война с поляками без союзников была для патриарха Филарета предприятием сомнительным) и в вооруженный конфликт Москва вступать не собиралась, но тем не менее помощь антигабсбургским силам она начала оказывать все более активно.

Если на протяжении 1620-х гг. наиболее крупными торговыми партнерами России были Англия и Нидерланды [см.: РИО, т. 116, с. 8], то во второй половине 1620-х гг. к фактически монополизированным ими с согласия московского правительства рынкам зерна была допущена Дания⁵, вступившая в 1625 г. в войну со Священной Римской империей. Российские государи, несмотря на прошлые разногласия с королем Христианом IV, понимали важность поддержки борьбы датчан с габсбургско-католическим блоком и фактически субсидировали хлебные поставки Копенгагену в 1627–1631 гг., ежегодно подтверждая право беспошлинного вывоза его датским купцам [см. РИБ, т. 16, с. 603–621]. После выхода Дании из войны и заключения ею Любекского мира с империей в 1629 г. Россия пыталась продолжить сотрудничество с ней в военно-политической области (предлагалось создание тройственного датско-шведско-русского союза), но потерпела неудачу [см.: Соловьев, с. 1185].

Удаление И. Грамотина из Посольского приказа и переход контроля над ним к патриарху Филарету внесли корректировки во внешнюю политику России и активизировали ее в направлении поиска военно-политического союзника. Если во время посольства Э. фон Бремена и Унгерна, отправленных в Москву Густавом Адольфом в начале 1626 г., на предложение короля вступить в союз против Речи Посполитой и поднять на войну запорожских казаков и крымских татар было отвечено вежливым отказом (грамота царя Михаила королю Густаву Адольфу от 26 апреля 1626 г. [Форстен, 1893, с. 83–85]), то во время следующего посольства Бенгарта и Рубцова осенью 1626 г. государями было обещано в войну вступить в случае нарушения польским королем условий Деулинского перемирия [Дело о приезде шведских послов Бенгарта и Рубцова].

Демонстрация готовности Москвы вступить в войну с Речью Посполитой не осталась незамеченной в Европе. К тому же она была подтверждена реальными действиями: московские военные отряды в составе шведских войск участвовали в боевых действиях против поляков в Прибалтике, о чем в 1627 г. сообщали французские наблюдатели в Польше и Швеции [см.: Форстен, 1893, с. 90–92]. К государям направлялись посольства тех европейских держав, которые были более всего заинтересованы во вступлении России в войну с Польско-

⁵ Это действительно знаковое событие. Зерно в годы Тридцатилетней войны стало одним из мощнейших инструментов спекуляции: стоимость ластан ржи, к примеру, в 1605–1623 гг. выросла на амстердамском рынке примерно в 5 раз [РИО, т. 116, с. 179]. Таким образом, Москва оказывала существенную экономическую поддержку Копенгагену.

Литовским государством. Наряду со шведскими, голландскими и английскими дипломатами в Москве побывали представители Семиградья и Франции. Сначала в 1629 г. состоялось французское посольство Деэ де Курменена, настойчиво подталкивавшего Михаила Романова к союзу со шведами и скорейшему вступлению в войну с поляками [Материалы о посольстве Деэ де Курменена]. В 1630 г. к царю Михаилу прибыло посольство А. Талейрана и Ж. Руссея, представлявшее трансильванского правителя Бетлена Габора, и предложило проект четверного союза (Порты, Швеции, Семиградья и России) против Империи и Польши [см.: Бантыш-Каменский, с. 157–158].

Царь Михаил и патриарх Филарет с настороженностью относились к подобным предложениям. Демонстрируя политическую поддержку антигабсбургскому блоку во второй половине 1620-х гг., они не вступали ни в какие официальные союзы и не открывали военных действий. Правительство выжидало удобного момента для начала войны с Речью Посполитой, а до того шла методичная подготовка к ней страны и устройство в армии полков по шведскому образцу. Если сначала реформирование велось самостоятельно, то в 1630 г. в Москву прибыл полковник А. Лесли-младший, направленный Густавом Адольфом с военно-информационной миссией: были представлены королевские предложения по реорганизации московской армии и обсуждены планы будущих военных действий с поляками. На службу в Россию нанимались офицеры и солдаты из европейских стран, по разрешению шведского короля было размещено производство легких пушек, ставших символом побед шведов в Германии в начале 1630-х гг., начались поставки современных вооружений для пехотных полков западного типа. Формирование новых полков шло столь активно, что уже к 1629 г., как сообщали полковые воеводы, не хватало мест для размещения служилых людей [см.: Акты, с. 253]. Государевым наказом с 1630 г. по стране собирались безземельные дворяне для обучения у «немецких» полковников А. Лесли и Ф. Нецнера [см.: Там же, с. 300–301, 309] и формировались склады с военными запасами в «украинных городах» [Там же, с. 325].

Царь и патриарх обещали шведам начать военные действия летом 1631 г., но так и не пошли на это. Возможно, причина заключалась в волнениях, которые начались среди казаков [Там же, с. 335], но, вероятнее всего, правительство под влиянием М. Б. Шеина (со времен обороны Смоленска в годы Смуты за ним закрепилась слава успешного военачальника) просто считало, что страна не готова к войне как в финансовом, так и в военном плане, а также вновь хотело заручиться поддержкой населения. В течение 1631 г. государи наполняли казну и завершали формирование армии [см.: Иловайский, с. 54]. Земский собор 1632 г. постановил объявить войну Польско-Литовскому государству и утвердил дополнительные налоги и сборы для поддержки кампании. Воспользовавшись междуцарствием в Польше, Россия разорвала Деулинское перемирие, начав Смоленскую войну (1632–1634). Ход и события конфликта достаточно исследованы, но для данной работы важно рассмотреть ситуацию вокруг этого предприятия.

Московское царство вступило в войну на западе, не укрепив южные рубежи, чем спровоцировало новую волну татарских набегов 1630-х гг. Занимаясь

реформированием армии, правительство не решило вопрос об усилении южных рубежей: известны жалобы воевод на плохое состояние укреплений [см.: Акты Московского государства, с. 374] и сняв существенное количество войск с пограничных городов. Государи считали, что если не провоцировать Крым казачьими набегами донцов, то можно в некоторой степени застраховаться от крымских вторжений, но оказались очевидно не правы [см.: Новосельский, с. 200–201]⁶. Нападения крымских татар провоцировали служилых людей южных районов России на дезертирство из действующей армии, из-под Смоленска, ослабляя ее и без того постоянно снижавшийся боевой потенциал. Сосредоточение всех ресурсов на войну с Речью Посполитой, снижение численности гарнизонов в укрепленных городах «украинных» земель и общая экономия затрат на крымском направлении оказали существенное и далеко не положительное влияние на Смоленскую кампанию.

Кроме ошибок, касавшихся политики на южном направлении, был допущен ряд внутренних просчетов, оказавших воздействие на войну с Речью Посполитой. Принципы назначения командующего армией, основывающиеся на системе учета придворных заслуг (попытка назначения боярина Д. М. Черкасского) и «сострадальчеством в польском плену» патриарха (назначение М. Б. Шеина) [см.: Иловайский, с. 55] вместо оценки его военных талантов, самым негативным образом сказывались на результатах военных действий. Последствиями такого подхода стали медленное продвижение войск к Смоленску и нерешительность в столкновениях с польско-литовскими отрядами, повлекшие за собой не только общее снижение боеспособности, но и дезертирство, болезни, внутренние распри между солдатами и офицерами и конфликты с наемниками.

Политические ошибки допускали не только сами государи. В 1632 г. по инициативе воеводы М. Б. Шеина был создан отряд И. Балаша с целью ведения военных действий против поляков на польских территориях. Отряд этот стал основой для формирования очередного «воровского» движения, к которому примыкали дезертиры, казаки, крестьяне и др. Властям пришлось открыть своеобразный второй фронт против внутреннего противника, силы которого питались за счет государственной армии. Восставшие уводили людей из-под Смоленска, ослабляя и без того редееющее войско Шеина, вступали в бой с лояльными Москве отрядами, разоряли деревни и города [см.: Акты, с. 474–477, 480, 499]. Все это отнюдь не способствовало успеху в Смоленской войне.

В октябре 1633 г. скончался патриарх Филарет. Это событие символизировало окончание открытого антипольского курса страны, что стало очевидно после возвращения из ссылки дьяка И. Грамотина и утверждения его главой Посольского приказа весной 1634 г. [см.: Терещенко, с. 13]. Предшествовавшая этому событию смерть Густава II Адольфа в конце 1632 г. и последовавшая перемена во внешнеполитической жизни Стокгольма убеждали Москву

⁶ Требование о сдерживании казаков было обычным для Крымского ханства в отношении России и Польши. Оно звучало практически на каждом переговорах как с Москвой, так и с Варшавой. Собственно, и набеги Бахчисарая часто оправдывал провокациями, которые совершали казаки в отношении Крыма.

в необходимости сворачивать военные действия. Еще до смерти патриарха в 1633 г. в Швецию было назначено посольство Пушкина, Неверова и Горихвостова с целью втянуть наконец шведов в войну с Речью Посполитой. Государственный совет Швеции не только отказался от прямого столкновения с Польшей, но и долгое время не желал подтверждать условий вечного мира в соответствии со Столбовским договором [см.: Форстен, 1894, с. 435–439]. Последнее событие стало в некоторой степени неожиданностью для Москвы и убедило российское правительство в бесперспективности продолжения войны. Несколько позднее в письме датскому королю Христиану IV Михаил Романов, уведомляя об окончании войны с поляками, отмечал, что, кроме внешнеполитических неудач, на ход войны повлияли «измена» М. Б. Шеина и других бояр, «смута среди ратных людей» [РИБ, т. 16, с. 669–676]. В то же время были и очевидные успехи внешней политики, ставшие следствием Смоленской войны.

Среди основных достижений Поляновского мира 1634 г. был отказ польского короля Владислава IV от претензий на московский престол. Несмотря на в целом неудовлетворительный для России исход войны, она несомненно способствовала выполнению одной из основных задач внешней политики Михаила Романова — укреплению суверенной царской власти и росту авторитета московских государей в Европе. Внешнеполитическая активность московского правительства в период между польскими войнами в 1618–1632 гг. дала возможность государству выйти из дипломатической изоляции, возникшей в результате внутренних потрясений Смуты, когда соседствующие с Россией страны стремились прирастить территории за ее счет. События Тридцатилетней войны, начавшейся в 1618 г., повлекли за собой рост интереса со стороны европейских держав к Московскому государству, оказавшемуся важным, а иногда и единственно доступным источником ресурсов, необходимых для ведения военных действий. Используя свой сырьевой потенциал для восстановления экономики, Москва укрепила центральную власть, успокоила регионы и покончила с открытым противоборством боярских группировок, оказывавшим существенное влияние на выработку внешнеполитического курса. Ход Смоленской военной кампании 1632–1634 гг. показал неготовность страны к войне и недостаточность тех мер, которые были предприняты патриархом Филаретом и царем Михаилом для ее подготовки. Просчеты, допущенные государями во внутренних и внешних делах, не позволили сформировать до конца боеспособную армию и приготовить Россию к реализации внешних задач. Тем не менее избранный ими курс позволил сначала добиться признания легитимности правления новой династии от государств антигабсбургского блока, а затем устранить претензии польской ветви династии Ваза на власть в Московском государстве и добиться нивелирования угрозы потери суверенитета. Сосредоточившись в следующие годы на внутренних делах и накопив достаточно сил, Россия к середине XVII в. приобрела значительное влияние в Восточной Европе.

Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. Т. 1. СПб., 1890.
Архив Юго-Западной России : в 34 т. Киев, 1861. Т. 1, ч. 2.

- Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) : в 3 ч. Ч. 1, 3. М., 1897.
- Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. : очерки из истории Московского государства первой половины XVII в. М., 1947.
- Дело о приезде шведских купцов Бенгарта и Рубцова* // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 267–278, 339–340.
- Иловайский Д. И.* История России : в 5 т. Т. 4. М., 1894–1899.
- История дипломатии* : в 3 т. Т. 1. / под ред. В. П. Потемкина М., 1941.
- История внешней политики России* : в 5 т. Т. 1. / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1999.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859.
- Лакиер А. Б.* Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI и XVII столетиях. СПб., 1855.
- Материалы о посольстве Деэ де Курменена* // РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12, 227–229.
- Муханов П. А.* Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834.
- Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М., 1948.
- Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- РИБ. Т. 16. СПб., 1897.
- РИО. Т. 38. СПб., 1883; Т. 116. СПб., 1902; Т. 137. М., 1912; Т. 142. М., 1913.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 29 т. Т. 6–10. СПб., 1896.
- Станиславский А. А.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
- Терещенко А. В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837.
- Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (византийская модель и ее переосмысление). М., 1998.
- Устрялов Н. Г.* Русская история : в 5 ч. Ч. 1. СПб, 1855.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.
- Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях : в 2 т. Т. 2. СПб, 1893.
- Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом : в 2 т. Т. 2. СПб., 1894.
- Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
- ЧОИДР. Кн. 3 (182). М., 1897.
- Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., 1964.
- Якубов К. Я.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.
- Naruszewicz A.* Historia J. K. Chodkewicza : в 2 т. Т. 2. Warszawa, 1819.
- Historica Russiae Monumenta* / ab A. J. Turgenevio : в 2 т. Т. 1. Petropoli, 1842.

Статья поступила в редакцию 29.10.2010 г.

УДК 338(09) + 332.025.28 + 621.39(09)

**В. Д. Камынин
Г. Н. Шапошников****ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ СВЯЗИ В СССР В 1920-Е ГГ.**

Дается анализ законодательства, на основе которого в годы новой экономической политики в СССР развивалась отрасль связи. Выделяются этапы в развитии законодательной базы, определяются факторы, оказывавшие влияние на функционирование средств связи в стране.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики; законодательство; связь; новая экономическая политика.

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике поставили новые задачи перед средствами связи молодой советской республики. В «героический период» русской революции в этой отрасли получили гипертрофированное развитие политическая и военно-административная функции. В первое мирное десятилетие необходимо было расширить ее социально-экономическую и культурную функции. Это потребовало выработки целого комплекса мер, направленных на удовлетворение информационных потребностей не только властей, но и населения. С переходом к мирному строительству советская политическая элита вела напряженный поиск новых моделей и наиболее рациональных систем управления и финансирования средств передачи данных. В 1920-е гг. были заложены основы нормативно-юридической базы, системы управления, механизмов трудовой мотивации, которые прочно утвердились на протяжении советского периода.

Для изучения этого вопроса в распоряжении исследователей имеется достаточно широкая источниковая база, в которую входят официальные публикации партийных и советских документов, публикации документов на страницах периодической печати, а также ведомственные издания документов. Одним из первых, кто предпринял анализ партийных документов по вопросам развития связи периода НЭПа, был работник отрасли связи С. Л. Крапивнер, и эта попытка была сделана в конце 1930-х гг. Исследователь обратил внимание на то, что в решениях X–XII съездов РКП(б) по вопросам пропаганды и агитации указывался только один метод распространения партийной пропаганды — почта [см.: Крапивнер, с. 66–67].

На разработку законодательной базы функционирования средств связи оказали влияние несколько факторов. Большую роль играли исторические традиции, выходящие из понимания связи как государственной монополии. Практика государственной регалии (монополии) на средства связи проводилась царским правительством с середины XIX в., когда в стране строились первые телеграфы, а электросвязь только формировалась в самостоятельную отрасль экономики. В соответствии с этим принципом развивалась и вся нормативно-правовая база дореволюционной России. Приоритет государственных

начал над общественными, остался незыблемым и при советской власти, что и обусловило ведущий постулат советского законодательства — государственную собственность и контроль за отраслью электросвязи.

Как и их предшественники, большевики рассматривали средства связи только как метод управления. Такое понимание роли средств связи можно найти в выступлениях заместителя наркома почт и телеграфов (НКП и Т) СССР А. М. Любовича, который считал, что в разные исторические периоды перед связью ставились разные исторические задачи, но во всех государствах монополия власти в отрасли связи была установлена раньше, чем в других отраслях экономики. Это имеет место и в социалистическом государстве, где контроль государства над связью должен быть, по его мнению, расширен и углублен [см.: Любович, с. 28]. Аналогичное обоснование роли народной связи в социалистическом строительстве в то время давали и другие специалисты данной отрасли [см.: Ховен, с. 3–5]. Новым по сравнению с предыдущим периодом было лишь то, что советские лидеры видели в коммуникациях связи средство идейного воспитания масс и инструмент классовой борьбы. Последнее способствовало неоправданному расширению идеологической и политической функций отрасли.

Это повлияло и на нормы советского законодательства, стремящегося не допустить какие-либо негосударственные формы в средства передачи данных. Если на транспорте, особенно водном, в 1920-е гг. получили развитие некоторые виды акционерных обществ с участием различных форм собственности, в т. ч. и иностранной, то в сфере связи такая практика не получила развития.

Единственным прецедентом сотрудничества государства и негосударственной структуры в это время можно назвать выдачу концессии датскому Большому северному телеграфному обществу (БСТО), которое осуществляло международный транзит по Сибирской магистрали. Датский историк К. Якобсен пишет, что это «была первая концессия, выданная советским правительством зарубежной компании», и ее уникальность заключалась в том, что деятельность данного общества в России началась еще в 1869 г., «а подпись Ленина положила начало беспрецедентному случаю преемственности в российской истории: сотрудничество БСТО с советским правительством не прекращалось вплоть до распада СССР в 1991 г. и, более того, БСТО продолжает свою деятельность и в постсоветской России» [Якобсен, с. 44].

На теоретические разработки и практику советского законодательства оказал влияние и опыт гражданской войны. Большевики высоко оценили значение коммуникаций в переломные моменты истории. В 1920 — 1930-е гг. власть рассматривала связь как метод мобилизационного развертывания и в а ж н у ю часть военно-промышленного комплекса. Первые задачи связи, отмечал А. М. Любович, — это военная и административная, а только затем развитие хозяйственного оборота той или иной территории [см.: Любович, с. 27].

Такое понимание функций связи способствовало не только установлению госконтроля, но стало теоретической основой быстрого роста ведомственных сетей и правительственной спецсвязи СССР. По масштабам ведомственные коммуникации в это время почти не уступали сетям связи общего пользования.

В царской России особой правительственной спецсвязи не существовало, получили развитие лишь связь флота и армии. Советское руководство начало свои преобразования в этой области с создания правительственной спецсвязи [см. подробнее: Астрахан и др.].

После окончания Первой мировой войны правительственная спецсвязь стала быстро формироваться во всех странах. При этом в Европе удельный вес спецсвязи в системе национальных коммуникаций оставался небольшим, а пропускная способность, защищенность и качество ее намного превосходили передачу данных на сетях связи общего пользования. В СССР, в условиях весьма ограниченных возможностей, правящая элита проводила политику селективного пользования услугами связи и непомерно большого расширения спецсвязи всех видов. По мнению советских лидеров, оперативные виды электросвязи должны были быть предназначены только для высшего звена государства. Уже в 1921—1922 гг. в Кремле работала первая советская ведомственная АТС («вертушка»). В последние годы деятельности к телефону широко прибегал В. И. Ленин. Троцкий половину дел решал через телефонную связь, а Сталин считал, что телефоном мог пользоваться управленческий аппарат и был против массовой телефонизации, т. к. рассматривал ее как идеальное средство для заговоров [см.: Ардов, с. 85; Лоренц, с. 57].

Отметим еще один важный фактор, определивший направленность нормативно-законодательной базы первого мирного десятилетия советской власти. Несмотря на известные достижения и восстановление народного хозяйства, экономика СССР оставалась малорентабельной. Острая нехватка ресурсов объективно способствовала тому, что все усилия властей сосредоточивались на нескольких особо приоритетных направлениях восстановления — оборонном комплексе, базисных отраслях тяжелой промышленности и т. п.). Как было отмечено, связь относилась к военно-оборонным отраслям, тем не менее она не получила необходимых средств для развития. Наиболее остро вопрос о финансировании строительства, реконструкции и эксплуатации линий электросвязи стоял в регионах, где собственных накоплений для развития коммуникаций не было. Это приводило к постоянной корректировке нормативной базы развития отрасли в первой половине 1920-х гг.: в зависимости от имеющихся средств центр то поддерживал инициативы регионов по развитию некоторых подвидов связи, делал ставку на хозрасчет, то усиливал централизации и командно-административные элементы права. Таковую корректировку норм права всеми субъектами можно объяснить и низкой правовой культурой их участников. На основе сложного переплетения этих объективных и субъективных факторов и формировалась нормативно-юридическая база советских коммуникаций.

Несмотря на то, что связь не вошла в число приоритетных интересов советской власти, коммунистическая партия и правительство, местные органы власти постоянно выпускали огромное количество законов, подзаконных и локальных нормативных актов, ведомственных инструкций по развитию и функционированию средств связи. Часто эти документы противоречили друг другу, и разобраться в приоритете той или иной правовой нормы в отрасли подчас не могли даже специалисты. В этих условиях приоритет отдавался решениям выс-

ших партийных и госорганов. На протяжении всех 1920-х гг. высшие партийно-государственные органы постоянно следили за развитием средств передачи данных. В таком авторитетном издании, как Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1922—1930 гг., содержатся данные о том, что только СНК СССР (часто совместно с СТО) принял 105 специальных постановлений по тем или иным вопросам совершенствования отрасли связь. Большинство этих постановлений были продублированы или адаптированы СНК и ЦИК РСФСР. К этому надо добавить, что в это время Политбюро ЦК ВКП(б) 6 раз рассматривало на своих заседаниях те или иные вопросы связи [см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 827, 834, 844, 864].

Большинство постановлений ЦИК, СТО, СНК СССР и РСФСР касалось проблем финансирования и планирования, организации и управления, взаимоотношений НКПиТ с другими ведомствами. Политбюро ЦК ВКП(б), как правило, утверждало те или иные крупномасштабные проекты (например, решение о начале строительства междугородней телефонной линии Москва — Свердловск — Магнитка — Новосибирск, телеграфно-телефонной магистрали Москва — Владивосток [см.: Там же, д. 951, л. 53] и др.). При этом, все решения Политбюро о связи относились к категории «особых папок» [см.: Там же, д. 834, л. 14; д. 808, л. 4; д. 974, л. 50; д. 871, л. 16].

За всю дореволюционную историю развития отечественной электросвязи (с середины XIX в. по 1914 г.) высшие органы Российской империи обсуждали такие проблемы не более двух десятков раз. Для регулирования правовых основ развития информационных коммуникаций существовал специальный Устав, который на практике и стал высшим законом для отрасли и ее служащих. Положениями Устава руководствовались все, кто имел отношение к разработке законодательной базы отрасли. До революции формирование нормативно-юридической базы информационных коммуникаций имело четкую структуру: законы принимались императором или Государственной думой и определяли стратегические направления совершенствования всех видов связи. Правом законодательной инициативы обладали Госсовет империи, министерства, главные управления министерств (в т. ч. Главное управление почт и телеграфов МВД). Министерства и их Главные управления имели также право принятия ведомственных нормативных актов в рамках своей компетенции.

В Советской России огромную работу по созданию нормативной базы развития средств связи взяли на себя высшие партийные и государственные органы СССР и РСФСР, все их решения автоматически приравнивались по юридической силе к закону. В решениях СНК, ЦИК, СТО СССР и РСФСР, постановлениях Политбюро и ЦК ВКП(б) по проблемам связи просматривается своеобразное совмещение юридических, политических и хозяйственных норм, переплетение административного, трудового, гражданского и уголовно-процессуального права. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в период НЭПа советское законодательство находилось еще в стадии становления и объективно, требовало многих согласований по всем вопросам на высших уровнях. Кроме того, наркоматы, в т. ч. и НКПиТ СССР, не обладали правом выдвижения законодательных инициатив, не брали на себя ответственность за разработку

юридических норм и выступали в роли исполнителей. Это и способствовало распространению практики постоянных обращений в СНК, СТО, ЦИК за помощью в решении межведомственных противоречий.

Несмотря на эти особенности, мы высоко оцениваем усилия советской и партийной элиты по формированию нормативно-юридических основ развития отрасли связи. Законодательная база была подведена под все основные направления совершенствования коммуникаций.

Основные правовые нормы о народной связи СССР в рассматриваемый период получили развитие в Кодексе о труде 1922 г., Конституции СССР 1924 г., Положении о Наркомате почт и телеграфов (1929) и Уставе советской связи (1929). Большое значение для разработки законодательства имели ведомственные документы наркома почт и телеграфов СССР, решения ЦК ВКП(б), съездов и пленумов, постановления СТО СССР и других высших государственных органов, ЦК профсоюза народной связи, решения съездов администраторов связи.

В соответствии с Конституцией СССР связь была объявлена государственной монополией. Провозглашался свободный принцип пользования связью для всех лиц, а также тайна корреспонденции. НКПиТ получал статут общесоюзного наркомата (такой статут имели только наркоматы финансов, путей сообщения, внешних дел и по морским и военным делам). Нарком связи входил в состав СНК СССР [см.: Законодательство Союза ССР о связи, с. 6].

Вся связь делилась по назначению на следующие виды: общего пользования, специального назначения и частного пользования (к последней относилась связь госучреждения в пределах предприятия, земельного участка. Она предназначалась исключительно для внутреннего пользования) [см.: Там же, с. 55–56]. Иными словами, эта юридическая норма оформляла особый статут государственной ведомственной связи. Право на владение и эксплуатацию сетями связи общего пользования принадлежала только НКПиТ [см.: Там же, с. 80].

Одним из основных нормативных актов того времени стали Правила телеграфной корреспонденции, которые устанавливали нормы посылки и доставки депеш от клиента до получателя, определяли очередность отправки депеш, устанавливали порядок пользования телеграфной сетью СССР. Летом 1923 г. СНК РСФСР официально разрешил гражданам пользоваться всеми видами телеграфной связи. При этом вводилась строгая очередность передачи депеш: сначала передавались правительственные телеграммы серий «срочная», «Г» и другие, затем телеграммы ведомств, а в последнюю очередь — частных лиц [см.: Там же, с. 96–97]. Телеграммы частным лицам, в свою очередь, делились на срочные, телеграммы с оплаченным ответом, посылкой депеш по нескольким адресам, телеграммы-доверенности и пр. Соответственно рангу депеши определялась и ее цена. Для служебных телеграмм устанавливались своя шкала срочности передачи: телеграммы-циркуляры, служебные, семафорные. Для правительственных органов сохранялась практика гражданской войны — подача зашифрованных телеграмм по сети общей связи. Такой способ передачи депеш осуществлялся на основе подзаконных нормативных актов НКПиТ. За какие-либо последствия или убытки от брака или неверно переданного текста

телеграммы граждан НКПиТ и его службы никакой ответственности не несли [см.: Там же, с. 79, 82, 87].

Пропускная способность советских коммуникаций даже в конце 1920-х гг. оставалась невысокой, а лавина корреспонденции росла. Чтобы как-то упорядочить работу телеграфов в 1929—1930 гг., СНК СССР и НКПиТ издали серию нормативных актов по еще большему ужесточению порядка передачи депеш. В соответствии с ними вводились лимиты на количество слов в депешах и наказания для тех госорганов, которые не могли сократить объемы информации по сетям электросвязи. Еще раз подтверждалась очередность передач: телеграммы населения и негосударственного сектора передавались в последнюю очередь [см.: Законодательство Союза ССР о связи, с. 132—33]. Отказ от какой-либо ответственности за брак и преимущественная отправка государственных депеш являлись показателем приоритета ведомственных интересов над общественными. Такие ведомственные нормативные акты свидетельствуют о неразвитости юридической культуры населения и несовершенстве законодательной базы того времени. Усиление ответственности, вплоть до уголовной, предусматривалось, когда брак допускался при передаче правительственных телеграмм или циркуляров наркома. В этом случае телеграфист мог быть отдан под суд.

Приоритет НКПиТ во всех ведомственных спорах по вопросам связи отстаивал и особый юридический документ — Устав почтовой, телеграфной, телефонной и радиосвязи Союза ССР, принятый в 1929 г. В это время ведомственные уставы имел только транспорт (Уставы водного, железнодорожного, воздушного транспорта). Их принятие отражало стремление власти поднять общественный статус тех секторов инфраструктуры, от которых особо зависела экономика. По дореволюционной традиции устав фиксировал ведомственные интересы, определял значимость и иерархию всех видов связи, права и обязанности участников передачи данных. В частности, в системе советских коммуникаций было юридически оформлено особое значение радиосвязи и радиовещания, важное положение телеграфа и подчиненное — всей телефонии и почты.

Как шли поиски рационального управления и законодательной базы советской телефонии? Еще в годы гражданской войны, летом 1919 г., телефонные сообщения на территории Советской республики были национализированы и формально принадлежали НКПиТ. В условиях боевых действий и разрухи центр не мог обеспечить нормальной эксплуатации местных телефонных сообщений из-за отсутствия средств. На заключительных этапах гражданской войны началась передача местных телефонных сетей в ведение региональных органов на правах аренды. К весне 1922 г. более одной трети телефонных сетей было отдано губернским исполкомам. В 1923 г. из годовой сметы НКПиТ финансирование местных телефонных сообщений было вообще убрано, т. к. государство не могло их содержать. Само ведомство оказалось не в состоянии осуществить свою хозяйственную монополию.

К этому времени стали проявляться отрицательные моменты децентрализации, поскольку на местах разгорелась борьба между органами различного подчинения за право обладания телефонными сетями. На Урале эта борьба

приняла весьма ожесточенный характер в тех губерниях, где телефония получила развитие и существовали относительно густые линии связи. Особенно преуспевал Пермский губернский исполком, который уже в 1922 г. взял под свой контроль всю сеть общей телефонной связи в губернии [см.: ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 284, л. 35, 37]. К концу 1922 г. Екатеринбургский, Челябинский, Уфимский губисполкомы также стали хозяевами всех телефонных сообщений. У многих ведомств просто отбирали их телефонное имущество и аппараты [см.: Немчинов, с. 95; Отчет Челябинского ГУБэкономсовещания СТО на 1 апреля 1922 г., с. 130].

Скоро выяснилась пагубность такой политики. Местные власти не имели ни средств, ни материального обеспечения, ни кадров для налаживания нормальной работы телефонии. Как отмечали уральские связисты, местные власти были явно удивлены, когда поняли, что телефонное хозяйство весьма сложное дело. Нужны были технические знания опытных специалистов. У губернских исполкомов таких специалистов не было [см.: Год работы ЦУТЕФа, с. 25], и они стали отказываться от содержания сетей, закрывать их. По всей стране шел процесс сокращения абонентов и закрытия ГТС. В результате в 1922 г., в стране действовало только 89 тыс. абонентов, т. е. 47,5 % по сравнению с уровнем 1913 г. [см.: Статистический справочник по хозяйству связи, с. 132]

Выход был найден в опоре на НЭП: в июне 1922 г. все местные сети, а в октябре этого года и междугородные были переведены на хозяйственный расчет и оставлены под контролем НКПиТ [см.: Реформа телефонного дела, с. 17]. Телефония традиционно считалась наиболее доходным видом электросвязи. Как полагали специалисты НКПиТ, введение хозрасчета решит если не все, то многие проблемы финансирования, позволит быстро расширить телефонную связь. ВЦИК РСФСР поддержал эту позицию, приняв в 1922 г. Положение о губисполкомках и съездах Советов. Это положение определило юридический статус телефонных станций как местных объектов, в силу этого они передавались на баланс местных органов власти [см.: Новиков, с. 55]. Для руководства всей телефонией при Наркомате связи создавалось коммерческое общество — Центральное управление телефонными сетями (ЦУТЕФ).

Были установлены государственные тарифы на услуги телефонных сетей. При этом права и компетенции местных властей и центра по управлению сетями ни законодательно, ни ведомственными инструкциями определены не были. Следствием такого законодательного казуса стала глухая борьба НКПиТ, ЦУТЕФа, высших государственных органов и регионов за обладание той или иной ГТС. Наркомат почт и телеграфов настаивал на усилении собственного контроля за телефонными сетями, а высшие государственные органы — на расширении региональных инициатив. В мае 1923 г. вопрос был окончательно решен в пользу регионов: декрет СНК РСФСР «О передаче телефонных сетей губисполкомкам» официально передал все телефонные сети местным органам власти. За НКПиТ сохранились лишь ГТС и междугородные телефонные линии, которые имели стратегическое или общегосударственное значение [см.: СУ РСФСР, ст. 290]. Необходимость такой меры обосновывалась острой нехваткой финансов в союзном бюджете.

В результате борьба центральных и региональных приоритетов, в которую оказался втянут и Урал, продолжалась. В октябре 1924 г. вопрос о развитии телефонии, ее самоокупаемости и доходах обсуждался на одном из заседаний Уралплана. Все присутствующие пришли к выводу, что телефония в крае находится в тяжелом кризисе, а хозрасчет и самоокупаемость не работают. Главная причина заключалась в низких сборах за эксплуатацию сетей и отказе многих государственных служб, и прежде всего региональных силовых структур, платить абонентскую плату [см.: ГАСО, ф. 241, оп. 1, д. 1424, л. 51]. Кроме того, в регионе отсутствовал единый хозяин в телефонном деле. Как отметил начальник Уральского округа связи А. Майстренко, ситуация в телефонии сложилась патовая. Часть уральских сетей находилась в ведении НКПиТ, другая — на балансе Уральского округа связи, третья — у исполкомов всех уровней. Общее техническое руководство сетями осуществлял округ связи, но ни у кого не было средств для развития телефонии. Руководить телефонным хозяйством, как подытожил начальник Уральского округа связи, было невозможно [см.: Там же, д. 1417, л. 9].

В ходе обсуждения вопроса мнения присутствующих разделились. Представители облисполкома считали, что все сети надо оставить на балансе области, но любыми средствами добиться ликвидации дебиторской задолженности, т. е. оплаты за услуги телефонных станций. Руководство Уральского округа связи решительно высказалось за передачу всех сетей в НКПиТ. Эту позицию поддержали и представители районов. По их мнению, центр вынужден будет выделять централизованные средства на развитие региональных сетей, а районы снимут с себя ответственность за это хлопотливое дело [см.: Там же, д. 1427, л. 112]. Какого-либо конкретного решения принято не было. Разногласия на региональном уровне были отголосками противоречивой политики и аморфного законодательства по этому вопросу. Борьба по проблемам рационального управления телефонией не утихала в это время и в СНК, СТО, НКПиТ, Наркомате финансов, Госплане СССР.

Летом 1925 г. вопрос о телефонном хозяйстве обсуждался в Госплане СССР. В докладе наркома НКПиТ было отмечено, что у наркомата нет средств для содержания местных сетей. Относительную прибыль приносят только междугородние телефонные магистрали, ГТС едва сводили концы с концами, а сельская связь оставалась убыточной. При этом нарком указал на единственный выход — передачу всех телефонных сетей в ведение НКПиТ, поскольку в условиях острого финансового кризиса и нехватки кадров, спасение только в централизации и внедрении плановых начал в телефонии [см.: Там же, л. 136]. На заседании разгорелась новая дискуссия: многие представители мест выступили против предложений наркома, другие эти предложения поддержали. В конечном итоге руководители Госплана СССР высказались за компромиссное решение: в ведении НКПиТ остаются все междугородние линии и ГТС в крупных городах, т. к. без этого наладить единое управление телефонией в стране будет сложно; низовая телефонная сеть остается в ведении региональных органов (облисполкомов). Это решение вызвало бурное негодование представителей мест. Они обвинили Госплан и НКПиТ в перекладывании самых сложных

вопросов на регионы и стремлении сбросить с себя ответственность за низовую связь. Учитывая острый накал страстей, председатель совещания нарком НК РКИ Н. М. Шверник предложил на время прекратить споры и вынести эти вопросы на обсуждение СТО и ЦИК СССР [см.: Там же, л. 153].

В конце 1925 г. этот вопрос рассматривался на заседании СТО и ВЦИК РСФСР. На нем было принято решение о передаче всех местных сетей в ведомство НКПиТ в течение трех месяцев. Передаче подлежали и сети, построенные на средства губисполкомов. В этом случае Наркомат связи возмещал капитальные затраты. В мае 1926 г. СНК СССР принял декрет об объединении всего телефонного хозяйства и радиодола под началом НКПиТ на территории СССР [см.: СЗ СССР, ст. 267; СУ РСФСР, с. 43]. С этого момента все споры о приоритете централистских и местных начал в телефонии завершились. Четырехлетние поиски лучшей модели управления телефонными сообщениями закончились в пользу централизации и усиления командно-директивных методов. Главной причиной можно назвать общее улучшение финансового состояния Наркомата связи и неспособность регионов развивать низовую телефонную сеть. Наркомат обязался содержать и расширять телефонное дело лучше и быстрее, чем регионы. Централизованное финансирование сыграло определенную положительную роль. С середины двадцатых годов размеры средств на развитие местных телефонных сетей увеличивались. Однако регионы превратились в просителей каждого телефонного номера и аппарата у центра.

Отметим еще одну причину решения СНК и ЦИК РСФСР о централизации всего телефонного дела в руках НКПиТ. Дискуссии о путях развития коммуникаций по времени совпали с первым наступлением на основы НЭПа со стороны государства, которое началось в середине 1920-х гг. и преследовало цель ограничения рыночных механизмов и борьбу с «мелкобуржуазными элементами». На практике это означало сосредоточение максимальной власти в руках центра. В 1925 г. состоялось закрытое заседание ЦК ВКП(б) по вопросам районирования и административного регулирования реформы госуправления. На нем прозвучали опасения в связи с начавшимся процессом демократизации общественной жизни и увеличением прав регионов. По мнению партийного руководства, это вело к сепаратизму, распылению средств и другим нежелательным последствиям. Уже в следующем году в стране начался перевод экономики на рельсы административного регулирования из центра [см.: Соколов, с. 60]. Мы полагаем, что одним из последствий этого решения и стала централизация всего телефонного дела в СССР. С 1928 г. телефония стала развиваться на основе единых планов и смет НКПиТ. Формально хозрасчет в этом виде электросвязи никто не отменял, но в силу низкой рентабельности телефонных станций он фактически не работал.

Таким образом, 1920-е гг. были временем творческих поисков различных моделей развития коммуникаций, быстрого развития всех видов связи и законодательной базы отрасли. Огромную роль в выработке нормативно-юридической основы советских информационных трансляций играли дореволюционные традиции и наследие политики военного коммунизма. В результате сложи-

лась нерыночная модель развития средств электросвязи, основанная на государственном монополизме. Культурологическая и хозяйственная функции связи оставались второстепенными в сравнении с мобилизационной, политической, идеологической и управленческой. Эволюцию нормативно-правовой базы и системы управления отраслью связи в это время можно разделить на два этапа.

Первый этап (1921—1925) был связан с реформой управления, переходом на окружную систему, попытками развития телефонии на основе некоторой децентрализации, региональной самостоятельности и хозрасчета. В это время государство пыталось формировать механизмы трудовой мотивации на экономических принципах и заинтересованности в повышении производительности труда.

Второй этап (1926 — начало 1930-х) характерен тенденциями централизации и госконтроля над всеми средствами оперативной связи СССР. Законодательство развивалось в сторону свертывания инициативы на местах и нэповских принципов, наращивания командно-административных методов управления и вытеснения негосударственного сектора из телеграфно-телефонного обмена. Нормативные акты были направлены на то, чтобы ограничить возможности простых граждан пользоваться оперативными видами связи — телеграфом, телефоном, радио.

Можно выделить несколько причин ужесточения советского законодательства и общего усиления командно-административных методов управления в этом секторе инфраструктуры. Как справедливо отметил В. П. Дмитриенко, НЭП вообще развивался только до тех пределов и рубежей, пока рыночный механизм не приходил в столкновение с госсектором. В государственной торговле предел рынку наступил в 1923 г., в кредитных операциях — в 1924 г., в концессиях и розничной торговле — в 1927 г., крестьянском хозяйстве — в 1928 г. [см.: Дмитриенко, с. 39] Добавим, что в середине 1920-х гг. пришел черед и электросвязи. На наш взгляд, именно с решений СНК, СТО и ЦИК СССР о централизации телефонии и радиосвязи 1926 г. и началось свертывание принципов НЭП в советских информационных коммуникациях.

Другой причиной такого поворота следует считать полную неспособность регионов наладить строительство, реконструкцию и нормальную эксплуатацию местных радио- и телефонных сетей ввиду отсутствия финансовых средств и кадров, плохого материально-технического снабжения. В это время нерыночный путь развития был присущ всей оборонной промышленности, железнодорожному транспорту и многим отраслям тяжелой промышленности. В условиях малорентабельной экономики НЭПа и низких доходов населения этот путь оставался единственно возможным и для отрасли связь.

Ардов Д. Привилегии: история с продолжением // Новое время. 1997. № 17.
Астрахан В. И., Павлов В. В., Черневский Б. Г. История создания, становления и развития правительственной связи в России : курс лекций. Ч. 1. Орел, 1995.
Год работы ЦУТЕФа // Жизнь и техника связи. 1923. № 10.

- ГАПО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 284; Ф. 241. Оп. 1. Д. 1417; 1424; 1427.
- Дмитренко В. П.* Четыре измерения НЭПа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
- Законодательство Союза ССР о связи с включением важнейших постановлений правительства РСФСР и народного комиссариата связи / сост. С. Рапопорт и С. Пулков.* М., 1932.
- Крапивнер С. Л.* Экономика связи. М., 1940.
- Лоренц Д.* Гимн компьютеру // Родина. 1996. № 11.
- Любович А. М.* Связь, ее организация и техника // Жизнь и техника связи. 1924. № 5.
- Немчинов В. С.* Народное хозяйство Урала. Екатеринбург, 1923.
- Новиков Н. В.* Телефон в СССР за десятилетие 1917–1927 гг. М., 1928.
- Отчет Челябинского ГУБэкономсовещания СТО на 1 апреля 1922 г.* Челябинск, 1922.
- Реформа телефонного дела // Жизнь и техника связи. 1922. № 4.*
- РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 808, 827, 834, 844, 864, 871, 951.
- СЗ СССР. 1926. № 36.
- СУ РСФСР. 1923. № 4; 1925. № 5.
- Соколов А. К.* Политическая система и НЭП // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
- Статистический справочник по хозяйству связи.* М., 1924.
- Ховен В.* Предисловие // Закс Э. Почта, телеграф, телефон в капиталистическом хозяйстве. М., 1931.
- Якобсен К.* Большое северное телеграфное общество и Россия : 130 лет сотрудничества в свете большой политики // Отеч. история. 2000. № 4.

Статья поступила в редакцию 28.10.2010 г.

УДК 94(470)“1941/1945” + 94(470.620) + 070

Ю. Б. Костякова

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ПРЕССЕ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

На материале прессы Хакасии рассматриваются особенности изображения фашистов в военный период и формирования «образа врага», выявляются и описываются приемы и методы воспитания у населения и военнослужащих ненависти к фашистским захватчикам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; история Хакасии; пресса; информация; идеология; фашизм.

Великая Отечественная война до сих пор является одной из самых спорных и не до конца изученных тем в научном сообществе. В настоящее время опубликовано значительное количество работ, авторы которых скрупулезно и на основе статистических и архивных данных, мемуарной литературы и других источников анализируют ее события, поступки военачальников и основных персон политики, состав, численность, вооружение, военные операции армий противоборствующих сторон, в частности фашистской Германии, вторгшейся

* Публикация в рамках исследования, выполненного при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК 02.740.11.0374).

в июне 1941 г. на территорию СССР. На наш взгляд, интерес для исследователей представляет и тот стереотип образа врага, который формировался в сознании советских граждан под воздействием пропаганды, широко использовавшей для этой цели средства наглядной агитации, кинематограф, музыку и другие виды искусства, средства массовой информации, а также под влиянием писем и рассказов фронтовиков. Образ врага, как представляет «Политический словарь», понимается как «идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте, среде» [Образ врага]. Это определение лучше всего подходит для рассмотрения процессов и результатов формирования подобного стереотипа в информационно ограниченных условиях тоталитарного режима, и прежде всего в период войны, когда информационные потоки жестко контролировались цензурой.

В последние полтора десятилетия появились работы, в которых находит отражение данная тема. Среди них можно назвать, в частности, диссертационное исследование Н. Д. Козлова, в котором автор рассматривает формы, методы и результаты воздействия на индивидуальное и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны, но в контексте традиционного для советской исторической науки тезиса о том, что коммунистическая партия «была организатором и вдохновителем борьбы советского народа против фашистских захватчиков» [Козлов, с. 405]. Более объективными можно считать исследования последнего десятилетия, например диссертационное исследование А. С. Горлова, в котором предметом изучения стали также и пропагандистские образы и символы времен Великой Отечественной войны [см.: Горлов]. Процессы формирования и изменения образа врага в советском общественном сознании в предвоенный период (1939–1941) нашли отражение в работах С. Ю. Маркелова [2004], М. В. Дьяченко [2009], В. А. Неvejeва [1999], в послевоенный период — в исследованиях Д. Ю. Асташкина [2009], А. В. Фатеева [1998]. Особо выделим последнюю работу, автор которой, отмечая многозначность и неопределенность термина «образ врага», предлагает рассматривать его как «идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества», который широко используется в пропаганде [Фатеев, с. 3].

Наиболее полно указанная тема раскрыта в научных статьях и монографиях Е. С. Сенявской. Автор, изучая психологию участников мировых и локальных войн XX в., предметно и на широкой источниковой базе анализирует условия формирования, специфику содержания и трансформацию образа врага. При этом, не ограничиваясь узкими рамками заявленной темы, она старается выйти на более масштабное обобщение проблемы, рассматривая ее в целом в историко-психологическом контексте противостояния «свой» — «чужой» [см.: Сенявская, 1999, с. 251]. Однако концентрация автором внимания на изучении сознания непосредственных участников военных столкновений оставляет за рамками исследования психологию гражданского населения, воспринимавшего реального врага и его искусственно создаваемый «образ» в силу специфических условий жизни в тылу.

Для жителей таких далеких от театра военных действий сибирских территорий, как Хакасия, основными источниками информации, особенно в первый год Великой Отечественной войны, были радиопередачи и газеты. Позже информационную картину стали дополнять рассказы эвакуированных из блокадного Ленинграда и раненых бойцов, приехавших с передовой в отпуск по ранению или проходивших лечение в эвакогоспиталях. Некоторые из подобных рассказов, записанных корреспондентами, были опубликованы в местной прессе, преимущественно в газете на хакасском языке «Хызыл аал» [см., например: Шептаев, Кокова], которая подвергалась цензуре в меньшей степени, чем русскоязычное областное издание «Советская Хакасия». Общение населения с очевидцами военных событий также происходило на встречах, организуемых в коллективах, Домах культуры и чаще всего носивших неформальный характер. Основным же источником информации служили письма солдат, призванных не только из Хакасии, но и из других регионов, которые переписывались с жителями автономии. Получаемая по таким межличностным, неофициальным каналам информация нередко противоречила той, которую публиковали СМИ, что вызывало сложности в восприятии образа врага, навязываемого пропагандой. Основное противоречие возникало при сопоставлении, например, заявлений о том, что «фашистские вояки... страшно боятся русского штыка, боятся встретиться лицом к лицу с нашими бойцами» [Мы победим], и сообщений Совинформбюро о продолжающемся под натиском агрессора отступлении Красной армии.

Нужно отметить, что представления о Германии, ее политических лидерах и армии, о фашизме в целом активно формировались еще в предвоенный период с использованием в основном материалов ТАСС, размещаемых в местной прессе под рубрикой «За рубежом». Анализ содержания областной газеты «Советская Хакасия» за период с 1939 по первую половину 1941 г. не позволил выявить публикации, где фашистская Германия открыто называлась бы врагом. Вместе с тем в прессе велась массивная пропаганда различных военных знаний, подготовки к службе в Красной армии для «обороны рубежей своего Отечества» от внешнего, но пока еще не персонифицируемого врага. Согласимся с мнением Н. Б. Арнаутова, что «к середине 1930-х гг. в СССР в целом сложился мобилизационный режим, основным вектором развития которого стало превращение страны в единый военно-трудовой лагерь («осажденная крепость»)». При этом сконструированный в годы «большого террора» образ врага, преимущественно внутреннего («враг народа»), стимулировал ожидания повсеместной и повседневной опасности и угрозы, а также служил средством достижения «монолитного единства общества («борьбы против» как средства конфликтной консолидации)» [Арнаутов, с. 18].

С началом войны место мифических врагов заняли вполне реальные иноземные захватчики, образ которых вписался в уже существующую идеологическую систему. Однако в результате этой замены, на наш взгляд, на новых врагов распространился широко бытующий в народе стереотип о быстрой победе над любым противником, сформировавшийся в результате побед Красной армии на озере Хасан и Халхин-Голе, продолжалось замалчивание реальных

потерь в советско-финской войне, а также в ходе быстрой и масштабной кампании ликвидации «врагов народа» в 1937–1939 гг. Данный фактор, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов, выделяя причины ура-патриотических настроений населения в начале войны.

Восприятие начавшейся военной кампании в регионах, далеких от линии фронта, отличалось, во-первых, устойчивостью довоенных пропагандистских штампов, во-вторых, продолжительностью сохранения «шапкозакидательских» настроений. Такой вывод следует, в частности, из анализа патриотических писем и заметок в газете «Советская Хакасия», которыми были заполнены страницы издания в течение июня — августа 1941 г. Этот факт мы можем объяснить не только недостатком информации, но и тем, что таким образом авторы пытались убедить, и в первую очередь себя, что «все будет хорошо». При этом ожидания скорейшей победы и пожелания к уходящим на фронт «вернуться до зимы» не контрастировали с содержанием публиковавшихся на соседней странице сводок Совинформбюро, в которых (особенно в первые недели войны) сообщалось о «просочившихся на территорию СССР танковых колоннах противника», об «огромных потерях гитлеровской армии» и т. д.

В первые месяцы войны в условиях острого дефицита объективной и достоверной информации о нависшей над страной угрозе людям было крайне необходимо понять, что ожидает их впереди, какие трудности предстоит преодолеть, чем придется пожертвовать ради победы. В этот период единственным источником информации являлись сводки Совинформбюро и материалы СМИ, прежде всего прессы, которые активно использовались также агитаторами в устных политбеседах. Сообщения об отступлении Красной армии, оставленных населенных пунктах шли вразрез с довоенными сценариями войны с врагом «на чужой территории» и победы «малой кровью», заставляли задумываться о скрываемых официальной пропагандой масштабах угрозы, о силе реального, а не мифологизированного врага. Лишь к октябрю стало меняться в сознании людей отношение к войне, что нашло отражение в газетных материалах.

Трансформации подверглись также приемы и методы изображения врага. Формирование его образа, как отмечает Е. С. Сенявская, происходит в ситуации реальной опасности, «под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию» [Сенявская, 1997, с. 37] и на разных уровнях — агитационно-пропагандистском и личностном. Воздействие на население Хакасии, не имевшее в большинстве своем прямого контакта с врагом, осуществлялось с использованием средств официальной пропаганды через каналы СМИ. Выделим две сферы, в которых происходило распространение пропагандистских «образов», — визуальную и вербальную. При этом каждое СМИ, в зависимости от своей специфики, использовало собственные способы воздействия на сознание аудитории. Так, например, самыми сильными средствами в арсенале радиовещания являлись музыка (концерты, музыкально-драматические композиции, фоновое сопровождение речевых передач) и живая речь (интонация, сила и тембр голоса), которые воздействовали прежде всего на эмоциональное состояние слушателей. Пресса обладала более широким арсеналом визуальных и вербальных средств,

информируя и убеждая читателей посредством изобразительных (плакаты, рисунки, карикатуры, фотографии) и лексико-семантических (собственно тексты газетных материалов) средств. В качестве основного средства воздействия на аудиторию использовались преимущественно вербальные средства, что было вызвано в первую очередь сокращением объема и формата газет, в результате чего местным изданиям в 1942 г. пришлось практически отказаться от размещения иллюстративного материала.

В первые месяцы войны одной из основных задач СМИ было проведение воспитательной работы среди трудящихся «в духе презрения и жгучей ненависти к озверевшим фашистским бандам, в духе беспредельной преданности и любви к советской родине и большевистской партии» [ГАКК, ф. П-26, оп. 3, д. 432, л. 86]. Для этого в местной прессе использовались фотографии ТАСС, иллюстрирующие зверства фашистов, особенно плакаты, представлявшие собой перепечатки наиболее известных работ плакатного искусства В. Б. Корецкого, И. М. Гоидзе, Кукрыниксов, оригинальные рисунки Р. Рунге, а также Б. Соколова — известного московского художника, оказавшегося в Абакане в эвакуации. Благодаря таким иллюстрациям образ врага визуализировался, принимал узнаваемые стереотипизированные черты, запоминался читателем газеты. Однако наибольший эффект, на наш взгляд, оказывало не изображение, а сопровождавшая его надпись — призыв, лозунг («Убей!», «Освободи!», «Кровь за кровь и смерть за смерть!», «Что ты сделал для Родины?» и пр.), которые разъясняли или усиливали смысл картины, побуждали к действию.

Большинство карикатур, также созданных местными художниками (В. Шоев, Б. Соколов), обладали высокой степенью самостоятельности содержания, композиции, приемов изображения. Но при этом в ряде деталей угадывались общие для советской военной пропаганды черты: характерные карикатурные образы Гитлера (острый крючковатый нос, челка, усики), немецкого офицера (большой живот, кресты на груди, сигара), вражеского солдата (длинная шинель, каска), что позволяло воспринимать эти рисунки в контексте всей наглядной (плакатной) агитации. Особенностью этих сатирических картин, опубликованных в газетах Хакасии, можно считать то, что местные художники практически полностью игнорировали колоритный персонаж министра пропаганды Германии Геббельса, который в центральных сатирических изданиях занимал второе по карикатурной популярности место после Гитлера. Карикатуры в областной прессе также обязательно сопровождались текстом или являлись иллюстрациями к пародиям, басням, частушкам, анекдотам, стихотворениям, публикуемым в рубрике «Окна сатиры». Вследствие этого, по нашему мнению, подобные рисунки, опубликованные в изданиях Хакасии, не могут рассматриваться как самостоятельные произведения, а оценивать эффективность их воздействия на аудиторию можно только в комплексе с вербальной составляющей.

Основная нагрузка по воспитанию ненависти к врагу и формированию его образа ложилась на текстовые газетные материалы. Во многих посланиях, публикуемых под рубрикой «Переписка с фронтом», присутствовали призывы к воинам Красной армии физически уничтожить врага. Ряд писем содержал и воспоминания авторов об их участии в Первой мировой войне («Я тоже воевал с

немцами. Мы их били, не жалели» [Комиссаров]). Анализ таких материалов показал, что адресанты представляли врага обобщенно, на основе пропагандистских стереотипов или представлений, сформировавшихся в довоенный период. Для них враг был бесформенной неперсонифицируемой массой, его необходимо было уничтожать всеми средствами, поскольку он продвигался вглубь территории Родины и угрожал мирному населению («Фашистские варвары захотели отнять у советских людей свободу; они посягнули на нашу землю, издеваются над женщинами, над детьми. Они хотят сделать нас рабами немецких баронов» [Стогова]).

Это ощущение реальной опасности для людей создавали прежде всего материалы, содержавшие детальные описания злодеяний фашистов, ставшие известными после освобождения Подмосковья и ряда других областей. Свою лепту в формирование у населения образа врага как жестокой, бесчеловечной и опасной силы вносили и солдатские письма, опубликованные в газетах. В большинстве своем такие послания содержали личные сведения, сообщения о ранениях, количестве убитых фрицев, клятвы, обещания громить врага, призывы к землякам «крепче поддерживать фронт своим трудом». Личные переживания, искренние чувства встречались в них редко и в основном при описании увиденных последствий фашистской оккупации («Мы видели трупы замученных фашистским зверьем наших братьев и сестер, мы видели трупы женщины и ее пятилетнего сына, убитых немцами при отступлении. И над этими трупами мы поклялись отомстить поганым фрицам за все их злодеяния» [За Победу!]).

В особую группу корреспонденций, присланных с фронта и опубликованных в «Советской Хакасии», мы включили заметки военнослужащих, бывших рабселькорами областных газет. При схожей с письмами тематике они имели более сложную композицию, нелинейное повествование, их авторы часто использовали художественный стиль, ярко живописуя картины войны («Мать лежит растерзанной на полу. У нее выколоты глаза, вырезаны груди, в животе торчит штык... Кошмарная картина растерзанной матери никогда не покидает меня, и я жестоко мщу фашистам за нее, за ее страдания, за слезы, за родимую кровь. Когда я уничтожаю очередного фашистского зверя, я радуюсь, я торжествую. Этот день для меня — настоящий праздник» [Зорин]). Эффект воздействия подобных материалов на читателей усиливался за счет указания на то, что автор — их земляк, житель населенного пункта Хакасии или работник определенного предприятия. Мы считаем, что это вызывало у читателей особое доверие к материалу и сообщаемым сведениям, а также усиливало негативное отношение к агрессору.

Несмотря на реализм описываемых картин и деталей, в письмах солдат часто присутствовал не реальный враг, а его образ — эмоционально окрашенный, но схематичный и обобщенный («немец-гад», «фрицы»). Воспринимая его, обыватель старался придать ему некоторую персонифицированность, зримость или образом карикатурного фашиста, или более конкретно — Гитлера, в котором многие видели главного злодея, зачинщика войны, главную угрозу, что особенно заметно в произведениях устного народного творчества. Интересный материал для изучения в этом плане представляют собой хакасские тахпахи

(частушки-песни). В 1942 г., самом тяжелом для страны, фольклорная экспедиция под руководством кандидата филологических наук Л. С. Шептаева собрала в хакасских улусах богатейший фольклорный песенный материал, часть которого опубликовала областная газета «Советская Хакасия»:

Под железными копытами
 Степь широкая гудит.
 Просчитаем зубы Гитлеру,
 Не разбойничай, бандит!
 Не срезай рога маралу —
 Заслонят хребтов кряжи.
 Не напади кровавый Гитлер —
 Как народ теперь бы жил!
 Гитлер с мыслями собачьими
 Затянул кровавый бой.
 Золотую нашу родину
 Отстоим мы головой [Новые песни...].

Персонификация врага происходила в сознании жителей тыла и за счет его национальной идентификации. Сама война не трактовалась как межнациональный конфликт, но во многих публикациях, в частности в речах лидеров государства, упоминался ее этнический аспект. Необходимо заметить, что в первые месяцы войны в газетных публикациях агрессоров именовали преимущественно по политическому признаку (*фашистская банда, фашистские собаки, гитлеровские бандиты, кровавый стервятник Гитлер, оголтелые фашистские заправилы, озверелые фашистские орды*) или по названию страны (*германские солдаты, фашистско-германские войска*), но позже все чаще стала упоминаться их национальная принадлежность (*немецкие оккупанты, немецкие варвары, немецкие изверги*). На наш взгляд, такая ситуация связана с тем, что в первые месяцы войны еще оставалась иллюзия и широко пропагандировалось мнение, что военные действия против Советского Союза не будут поддержаны немецкими трудящимися. Это подтверждается и рядом публикаций в газете «Советская Хакасия», перепечатанных из центральной прессы или полученных по каналам ТАСС, в которых «описывались» выступления немецких рабочих оккупированных территорий, трудности с материальным снабжением в Германии, недоверие немецких трудящихся к речам Геббельса и т. д. Подобные ожидания не оправдались, и ограничения в упоминании национальной принадлежности агрессоров в публикациях исчезли.

К 1944 г. частотность употребления в газете лексем «фашист» и «немец» была примерно равной, а в ряде газетных материалов 1945 г. преобладало указание именно на национальность врага. Например:

И чует немец: раздолье кончается,
 Расплаты настала пора!
 Все яростнее, злей огрызается
 Отступающая немчура [Гвоздев].

Отметим, что частота использования лексемы «немец» была выше в тех материалах, авторами которых были солдаты действующей армии или непосредственные очевидцы фашистских злодеяний. Рассмотрим это на примере выступления делегата от трудящихся Калининской области — одного из наиболее пострадавших от войны регионов. В 1942 г. жители Хакасии стали инициаторами почина по оказанию помощи калининцам: им были посланы зерно, скот, теплые вещи, предметы быта и другие посылки. Связь между двумя областями поддерживалась также на уровне переписки, которую публиковали местные издания, и обмена делегациями. Одна из них посетила Красноярский край и Хакасию зимой 1944 г. Представители Калининской области выступали перед трудящимися, делились воспоминаниями о пережитом, сообщали о достигнутых успехах, благодарили за оказанную поддержку и материальную помощь.

Кроме репортажей и отчетов с таких встреч «Советская Хакасия» опубликовала текст выступления руководителя калининской делегации Я. Шевелева, большая часть которого была посвящена описанию таких зверств фашистов, как массовые казни мирного населения, убийства, пытки, геноцид против евреев, разрушение и разорение некогда цветущего края [см.: Шевелев]. В тексте превалирует экспрессивная лексика, особо эмоциональными эпитетами награждается враг (*оголтелые полчища, немецко-фашистские варвары, фашистские звери*). Из 18 слов и словосочетаний, которыми обозначались как отдельные представители германской армии, так и в целом войска противника, в 16 встречается лексема «немец» или ее производные: в 10 случаях враги обозначаются как «немцы»/«немец», в 6 случаях используются прилагательные «немецкий» (*немецко-фашистские оккупанты, немецкие захватчики, немецкие солдаты, немецкие изверги* и др.).

Мы считаем, что под воздействием подобных материалов в контексте сообщений о военных действиях и их последствиях ненависть к солдатам вермахта, совершающим злодеяния против нашего народа, проецировалась в целом на немецкий народ, всех его представителей. В результате в сознании советских граждан сформировался устойчивый этнический стереотип (кстати, до сих пор присутствующий в бытовом сознании людей старшего поколения), основанный на следующих синонимических рядах: «немец — враг», «немецкий — вражеский».

На представления жителей тыловых территорий об агрессоре оказывали влияние рассказы вернувшихся с войны, в которых противник представал в виде одушевленных и персонифицированных существ — отдельных солдат или небольших по численности групп комбатантов. Такие повествования были более эмоциональными, чем письма и изобиловали деталями:

Немец был уже немолодой, он что-то пробурчал и бросил автомат, повалился, как стройное дерево на снег. Мы взяли его за ноги и потащили. Убитый был фашистским офицером. Какой-то немец запричитал: «Я парикмахер, я ничего не понимаю, — кричит. — Стреляйте в меня!». Но мы не стали торопиться с этим делом. Для начала мы спросили у него все, что нам было нужно [Костяков]¹.

¹ Перевод Н. В. Тодыбаевой.

Подобные истории-воспоминания в прессе Хакасии встречались в основном до 1945 г. Далее, вплоть до начала 1960-х гг., в изданиях Хакасии практически отсутствовали материалы, содержавшие воспоминания ветеранов; акцент в статьях, посвященных войне и победе, делался на заслуги всего советского народа, и прежде всего генералиссимуса Сталина. В силу этих причин основное воздействие на сознание людей оказывала официальная пропаганда.

Таким образом, во время войны у населения Хакасии был сформирован образ врага, который закрепился в сознании и памяти под влиянием психологических факторов, вызванных страданиями по погибшим близким, тяжелыми моральными переживаниями, физическими перегрузками, вызывавшими болезни («надорвался во время войны»). Война стала своеобразным разграничителем жизни («до» или «после») и основным мерилем в определении приоритета жизненных ценностей. Враг в лице немца-фашиста являлся главным злом, которое удалось победить, объединив все силы и многим пожертвовав. Сам факт победы и формирование нового образа народа-победителя создали контекст, в котором физическое уничтожение врага представало как закономерность, а поражение агрессора — как торжество справедливости, победа добра над злом. Подобные стереотипы являлись основой для воспитания патриотизма и искренней веры советских граждан в силу страны и народа, что активно и успешно использовалось официальной пропагандой на протяжении всего советского периода.

Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. — ноябрь 1938 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 21 с.

Асташкин Д. Ю. Образ немецко-фашистских оккупантов в послевоенной новгородской печати // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2009. № 52. С. 4–6.

Гвоздев А. В час салюта // Сов. Хакасия. 1945. 23 февр.

Горлов А. С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 270 с.

ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3.

Дьяченко М. В. Общественно-политические настроения в СССР накануне Великой Отечественной войны / 1939–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 186 с.

За Победу! // Сов. Хакасия. 1942. 27 нояб.

Зорин Ф. С передовой линии // Сов. Хакасия. 1942. 26 нояб.

Козлов Н. Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны : дис. ... докт. ист. наук. СПб, 1996. 455 с.

Комиссаров Н. А. Без жалости уничтожай фашистов! // Сов. Хакасия. 1941. 9 авг.

Костяков И. Фронтной блок-ноттань // Хызыл аал. 1943. 15 авг.

Маркелов С. Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук Омск, 2004. 212 с.

Мы победим // Сов. Хакасия. 1941. 28 окт.

Невежин А. В. Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне, вторая половина 30-х — начало 40-х гг. : дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. 402 с.

Новые песни хакасского улуса // Сов. Хакасия. 1942. 28 нояб.

Образ врага [Электронный ресурс] // Политический словарь. URL: http://mirslovarei.com/content_pol/obraz-vraga-4275.html (дата обращения: 7.01.2011).

Сенявская Е. В. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с. : илл.

Сенявская Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. 231 с.

Стогова А. Берегите, мои сыны, советскую власть (письмо матери) // Сов. Хакасия. 1942. 5 июля.

Шевелев Я. Крепить дружбу народов // Сов. Хакасия. 1944. 21 янв.

Шептаев Д., Кокова Д. Хайди мининь аргызым отделиениниъ командиры пол-парган (Фронтвик Н. Топанов аргызынь рассказы) // Хызыл аал. 1942. 23 сент.

Фатеев А. А. Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 14 с.

Статья поступила в редакцию 14.12.2010 г.

УДК 94(932/935) + 94(492) + 327.5

**Х. Морре
Ю. С. Безбородов
Д. А. Каримов
М. А. Белозеров**

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ИНДОНЕЗИЙСКО-НИДЕРЛАНДСКОГО СОЮЗА: ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Рассматривается международный союз Индонезии и Нидерландов — стран, объединенных исторической общностью. В результате освободительной войны Индонезия стала независимой. И уже настала пора говорить о новом векторе развития двух стран. Предлагается вариант использования монархического начала в международном союзе Нидерландов и Индонезии как объединяющее начало интеграционного объединения.

Ключевые слова: Нидерланды; Индонезия; монархия; интеграция.

Мы живем в стремительно меняющемся мире, когда происходит трансформация представлений об эффективных способах государственного управления и о реализации стоящих перед государством задач по организации общества. Глобализация и интеграция, отчасти получившие импульс развития в результате краха колониальной системы, позволяют «смешивать» и реализовывать при формировании международно-правовых союзов управленческие концепции, которые взяли все самое лучшее от международного и внутригосударственного правопорядков.

В статье рассматривается возможность и преимущества создания международного интеграционного объединения, использующего в качестве объединяющего символа монархию Нидерландов [подробнее см.: Безбородов, Каримов; Морре и др.], на основе анализа уже существовавшего подобного союза — нидерландско-индонезийского.

Сложность внедрения данных предложений состоит в том, что Индонезия долгое время находилась под властью нидерландской короны, затем добилась

независимости, но продолжает оставаться одним из стратегических партнеров Королевства Нидерландов.

Вместе с тем и в самих Нидерландах к этому союзу, вероятно, относятся скептически. Хильда Морре (один из соавторов данной статьи) придерживается мнения о том, что предлагаемый в статье союз между Нидерландами и Индонезией очень интересен с академической (по большей части — теоретической) точки зрения. Однако, анализируя существовавший и распавшийся Нидерландско-индонезийский союз (1949–1956) и пример Содружества Наций (Commonwealth of Nations), она в большей степени полагает, что в реальности предлагаемый союз между Нидерландами и Индонезией вряд ли будет жизнеспособным.

С тех пор, как Индонезия стала независимой, прошло много времени. В сравнении с этим Содружеством Наций в настоящее время уже имеет длительную историю, развиваясь со времен, когда Британская империя стала изменяться и часть ее колоний стала более независимой, превращаясь в межгосударственную организацию, состоящую в настоящее время из 54 независимых государств-членов. Нидерланды пытались использовать тот же механизм в Нидерландско-индонезийском союзе, но потерпели неудачу (некоторые российские политологи в своих исследованиях называют даже год начала «краха голландской империи» — 1918-й, когда было создано Народное собрание (Vorkraad) [см.: Сычев, с. 5–6]). В результате обе страны «шли своей дорогой» более 50 лет. Организация Индонезийско-нидерландского союза, основанного на опыте Нидерландско-индонезийского союза, кажется возвращением к старому. По словам Хильды Морре, обе стороны не проявят большого энтузиазма для участия в таком союзе.

Конечно, для Нидерландов подобный союз мог бы стать полезным, потому что Индонезия — стратегический партнер в целом регионе. Более того, союз выгоден экономически. Вопрос в том, нельзя ли эту выгоду получить другими средствами.

Кроме того, организация союза не согласуется с текущим политическим климатом Нидерландов — с «правым» правительством, поддерживаемым Партией свободы Гирта Вилдерса (известного своими антиисламскими взглядами, а Индонезия в основном мусульманская страна). Более того, для многих граждан Индонезии такой союз может показаться отголоском ига Нидерландов.

Однако российские авторы видят предлагаемую конструкцию создания и функционирования союза как один из способов организации и функционирования межгосударственного сообщества, основанного именно на равноправии и взаимовыгодном сотрудничестве. Опыт России показывает, что сохранение единства народов может сыграть благотворную роль как в экономическом, так и в геополитическом плане.

Нидерландско-индонезийский союз являлся конфедерацией (в традиционном российском доктринальном понимании), возникшей в 1949 г. в результате войны за независимость Индонезии. Предпосылки для ее формирования были заложены еще в 1942 г., когда королева Вильгельмина опубликовала воззвание, в котором изложила волю главы государства относительно реорганизации Коро-

левства Нидерландов. По ее словам, после окончания Второй мировой войны Нидерланды и колонии (Нидерландские Антильские острова, Нидерландская Гвиана — Суринам и Нидерландская Западная Индия — Индонезия) созовут конференцию, на которой выработают принципы самоуправления в пределах вопросов местного значения. Осуществить эту идею в отношении Индонезии помешала оккупация этой территории милитаристской Японией, а затем освободительная война стихийно возникшей Индонезийской Республики (часть Нидерландской Западной Индии). В результате определенного влияния советского социалистического лагеря, а также в связи с давлением Соединенных Штатов и Совета безопасности ООН Королевство вынуждено было пойти на переговоры с самопровозглашенной республикой Индонезией, на основе чего были выработаны принципы, окончательно закрепленные на Конференции круглого стола в Гааге в 1949 г. году уже с участием нового главы государства — королевы Юлианы. На этой конференции Королевство формально взяло на себя обязательство предоставить полный и безоговорочный суверенитет новой республике — Соединенным Штатам Индонезии, где Индонезийская Республика составляла один штат из 16. Западный Ириан (ныне — провинция Индонезии) не вошла в состав республики, оставаясь частью Королевства до 1962 г.

Республика обязывалась вступить в союз с Нидерландами. Примечательной особенностью данного союза являлось то, что, кроме ярко выраженных конституционных начал вроде согласования своей внешней политики с союзом, главой его (формальным, даже компромиссным) стала королева Юлиана, которая, исходя из статута Нидерландско-индонезийского союза, являлась «объединительным» инструментом для сохранения и функционирования союза.

Это международное объединение оказалось непрочным: уже в 1950 г. в Индонезии была ликвидирована федерация, в 1954 г. Индонезия провозгласила полную независимость, формально же союз был распущен в 1956 г. Дальнейшие события в Индонезии (нестабильная политика президента Сукарно и приход к власти президента Сухарто, болезненный процесс возвращения Западного Ириана) осложнили отношения двух стран (хотя индонезийские лидеры приезжали в Нидерланды, были специальными гостями королевы, сама королева прибывала с официальным визитом в Индонезию). Однако были и факты, доказывающие стремление сохранить двухсторонние связи, одним из которых стало учреждение особого индонезийского подразделения в рамках торговых ассоциаций Бенилюкса (международного объединения Нидерландов, Бельгии и Люксембурга). Поспешный уход с поста Сухарто в 1998 г. также может рассматриваться как ориентир, позволяющий утверждать о возможности образования каких-то тесных связей между двумя странами. К тому же, как показывает практика, сегодня индонезийцы уже менее «националистически» настроены по отношению к бывшей метрополии (это и государственная политика по поддержанию архитектурного наследия, и другие мероприятия), что говорит о возможности создания международного союза, но все-таки очень горды за свою независимость и боятся ее потерять.

Предпосылками для создания союза послужили неудачи Нидерландов во время индонезийской борьбы за независимость, которая закончилась подписанием

Линггаджатского соглашения (заключено 15 ноября 1946 г., ратифицировано Нидерландами 25 марта 1947 г.). Это соглашение предусматривало, что Нидерланды признают власть Индонезийской Республики на островах Ява, Суматра и Мадуро. Республика и штаты, образованные Нидерландами, должны были создать Соединенные Штаты Индонезии, которые подлежали вступлению в Нидерландско-индонезийский союз. Взамен Нидерланды обязались до 1 января 1949 г. вывести войска из Индонезийской Республики [см.: Чжан, с. 45–46]. Провал этого соглашения в результате несоответствия его политическим и экономическим интересам Нидерландов, а также в связи с планом Маршалла, не одобрявшимся националистически настроенным правительством Индонезийской Республики, послужил основой для принятия Советом безопасности ООН резолюции, согласно которой Нидерланды и Индонезия должны были избрать каждая по государству, которые, в свою очередь, сообща должны были выбрать еще одно государство, и из представителей этих трех государств создавалась Комиссия добрых услуг ООН. Индонезия выбрала Австралию, Нидерланды — Бельгию, а третьи страны избрали США (вообще США сначала поддерживали Нидерланды, оказывая королевству военную поддержку, являясь посредником в конфликтах, используя дипломатическое давление. Государственный департамент полагал, что в свете надвигающейся холодной войны сильная Европа (включая Нидерланды) будет полезнее. Позиция изменилась после сентябрьского восстания в Мадунге (индонезийском городе в западной части провинции Восточная Ява), когда стала понятна антикоммунистическая позиция республики) [см.: Чжан, с. 49–50]. Ренвильское соглашение, подписанное в результате этого сотрудничества, обязывало страны немедленно прекратить военные действия и установить демаркационную линию по так называемой «линии ван Моока» (Ван Моок — тогдашний вице-генерал-губернатор Индонезии). Соглашение фактически подтвердило раздел бывших колониальных владений Нидерландов на две части — независимую Индонезийскую Республику и Индонезию, которые должны образовать единое государство — Соединенные Штаты Индонезии.

Нидерланды на своих суверенных землях создали 15 штатов (Восточная Индонезия, Западный Калимантан, Восточный Калимантан, Юго-Восточный Калимантан, Восточная Ява, Центральная Ява, Мадуро, Пасундан, Восточная Суматра, Южная Суматра, Бангка, Белитунг, Риау, Банджар, Великий Даяк, планировалось также создание штата Центральная Ява [см.: Там же, с. 52–53]), которые предполагали до образованию единого государства создать временное федеральное правительство.

Процесс деколонизации завершился принятием соглашений Конференции круглого стола, по которому королева Юлиана получала статус «верховного главы» Нидерландско-индонезийского союза при создании его наднациональных органов, образованных на паритетных началах (конференции министров). Таким образом, королева изначально исключалась из механизма безответственного принятия решений, поскольку директивными полномочиями обладала именно конференция. Термин «верховный глава», исходя из советского опыта построения власти, скорее всего означал бы участие в принятии решений, даче

каких-то направлений или ориентиров, обязательных к рассмотрению, но не обязательных для принятия. Однако в данном случае ярко выражен демократический принцип функционирования союза.

Далее, определяя суть Нидерландской империи (в классическом понимании), политологи говорят о том, что государство изначально позиционировало себя не в политической, а в экономической и культурной сферах [см.: Каспэ, с. 13]. Правильное использование этой стратегии могло бы позволить создать союз государств без претензий на их независимость, поскольку исключает такую категорию, как «заставлять». Между тем еще до образования союза, в 1946 г., некоторые авторы цитировали высказывания одного министра Индонезийского кабинета во время заседания 8 ноября 1946 г. в Джокьякарте (которая являлась столицей до 1949 г.). Тогда, рассматривая, что лучше: полная политическая независимость (*Merdeka* — лозунг индонезийских националистов) или полная национальная свобода (как, например, в отношениях между Австралией и Великобританией, хотя их и объединяет общая личность Елизаветы II), высказывалось мнение о том, что последнее все-таки дает большую свободу действий а также возможность занимать более выгодное геополитическое положение [см.: Graham, p. 2].

Сегодня монархия (любая европейская, особенно шведская) уходит от понимания себя как некоего Божественного института, что сводит на нет и обоснование каких-то королевских привилегий. В эпоху буржуазного развития (а Нидерланды были первой страной, где произошла буржуазная революция) общество развивается по типу приоритета прав личности перед правами государства, у личности появляется какая-то автономия, куда государству вторгаться нельзя. Государство выполняет функцию арбитра, делая все, чтобы его граждане смогли реализовать свои потребности. С другой стороны, в эпоху информатизации общества, когда цениться стало не обладание каким-то материальным благом, а знания и умения о том, как это благо добыть, распределение ресурсов стало более эффективным, что снизило зависимость «простого» народа от собственников этих ресурсов (тех, кто имеет привилегии). Сегодня монархия не может существовать на основе тех привилегий, которые у нее сохранились с древних времен. Невозможность объяснить потребность монархии в таких привилегиях неминуемо приводит к замене одного режима другим. Вот почему предлагаемому союзу не нужна «средневековая» монархия.

С другой стороны, потребность в монархическом режиме можно объяснить вполне прагматично. Переход власти по наследству, т. е. какая-то «независимость» от народа, в современных условиях, когда народ чувствует себя «хозяйном» государства постоянно ставит монархическую форму правления под пристальное внимание общества: отклонение от общественного интереса, чрезмерное возвышение королевской семьи в ущерб исполнению своих государственных обязанностей, деятельность вне желания народа моментально вызывают волну критики. Монарх, который потеряет весьма значительный статус, если лишится своего поста, вынужден постоянно идти на уступки обществу, заслуживая доверие, которое и обосновывает его право на привилегии. Соответственно чем больше привилегий (например, количество дворцов, драгоценностей), тем больше

эти факты могут не понравиться народу, поэтому тем больше активности нужно предпринять монарху, чтобы обосновать факт, что он может их иметь.

С другой стороны, монарх обладает большим профессионализмом по сравнению с правительством: он выполняет свои функции в течение длительно неограниченного срока, перед вступлением на престол проходит длительную специальную подготовку. Эти факты позволяют монарху лучше понимать, насколько то или иное решение, которое предлагает правительство, применимо в данной ситуации к данным правоотношениям, и предлагать скорректировать эту позицию. Но не изменить ее, поскольку правительство в своем роде профессионал, который имеет свое обоснованное видение проблемы, более заинтересовано в его применении и положительном эффекте, под угрозой потерять свое место на следующих парламентских выборах. Правительство состоит из узко специализированных лиц, у которых, как правило, знания преобладают над опытом (у монарха — наоборот). А поскольку знание должно лежать в основе любого властного акта (ведь опыт — это механическое повторение одних и тех же действий, он может быть неправильным, но в то же время может являться примером того, какой акт лучше издать), поэтому монарх должен быть лишен возможности издавать властные акты, но должен участвовать в их издании как влиятельная сила.

Монархия (при условии правильного и ответственного выполнения своих обязанностей) больше вызывает чувство доверия, формируя определенные привычки народа, что стабилизирует положение властного аппарата. Такое положение вещей является доказательством теории Л. И. Петражицкого (1867—1931), который понимал под правом переживаемые субъектом специфические императивно-атрибутивные эмоции. Монарх — это не какая-то абстракция в форме часто сменяющихся правительств, а реальный символ государства и права одновременно, хранитель духа нации, которому нация сопереживает и доверяет.

Статус монархии, который будет урегулирован в ходе создания союза, лишит королеву функций по возможности издания актов, которые сами по себе изменяют, прекращают или влекут какие-то юридические последствия. Королева будет главой союза и в этом качестве получит только те права, которые необходимы ей как монархическому главе для исполнения своих обязанностей.

Во-первых, положения договора, регулирующие ее статус, должны изменяться только народом, что придаст ей некую независимость.

Во-вторых, ей будет дано право свободно посещать государства союза, но повестка посещения (программа мероприятий) должна согласовываться соответствующим правительством союза, которое в этом случае и обоснованно понесет ответственность за неправильные действия главы союза. Кроме того, данное положение позволяет избежать критики националистически настроенных лиц о вмешательстве иностранного главы государства в дела бывшей колонии.

В-третьих, указанное выше право будет еще и обязанностью, что заставит монарха вести более активную деятельность, а также позволит народу оценивать эту деятельность.

В-четвертых, содержание королевы как главы союза будет возложено на нидерландскую сторону, что обоснует указанные выше права королевы (ведь

может же возникнуть вопрос о том, почему не индонезийский глава государства станет главой союза), а также послужит стимулом для Индонезии вступить в данный союз (меньше затрат).

В-пятых, содержание королевы как главы союза будет определяться парламентским актом ежегодно в зависимости от того, насколько ей ту или иную деятельность необходимо оплатить. Перечень планируемой на предстоящий финансовый год деятельности, необходимых на это затрат (включая комплексы дворцов, содержание членов королевского дома и т. д.) предлагает королева по согласованию с правительствами государств союза. Поскольку королева рискует своими доходами, под угрозой критики она будет вынуждена эффективно осуществлять свою деятельность. Кроме того, предполагается, что этот закон будет определять, насколько члены королевского дома могут безвозмездно пользоваться теми или иными доходами королевы. Закон также уточнит, имеет ли королева право от своей деятельности получать прибыль (например, предоставление дворца для проведения какого-то благотворительного концерта), оставить прибыль себе и какой-налог она должна с нее уплатить. Это поможет снизить стоимость содержания королевы.

В-шестых, королева по окончании календарного года составляет отчет о своей деятельности, в котором указывает факты, на которые считает нужным обратить внимание властей государства. Этот отчет королева зачитывает на церемонии, которая ежегодно проводится в Индонезии для представителей властных структур. При этом из властей Королевства Нидерландов будут присутствовать только главы провинций и специальных муниципалитетов Нидерландов — островов, находящихся в Карибском море, губернаторы Арубы, Кюросао и Синт-Маартена (карибских государств, входящих в состав Королевства Нидерландов), а также правительство королевства. От Индонезии будут присутствовать главы провинций, правительство республики и ее президент. Такие положения, с одной стороны, помогут распределить на основе равноправия сторон компетенцию между государствами (глава союза — королева Нидерландов, но собрание властей Союза проходит в Индонезии), снизить националистические настроения за счет присутствия президента Индонезии.

Собрание властей Союза по окончании речи королевы обсуждает отчет и принимает по нему решение, которое обязательно только для той делегации, которая с ним согласилась. Это не даст возможности навязывать кому-нибудь собственную позицию.

Более того, на первом этапе (а может быть, и в последующем) функционирования Союза, когда недоверие еще очень сильно, важно внести в деятельность королевы некий элемент предсказуемости. Например, начало года (период устанавливается заранее) королева будет проводить консультации с постоянно действующими должностными лицами и органами Союза (которые, как и резиденция главы Союза с ее секретариатом — подразделением королевского двора — будут находиться в Джакарте), а также органами государств и их автономных образований для формирования списка мероприятий с участием главы Союза. Это позволит избежать критики относительно того, что глава Союза «вмешивается не в свое дело». В свою очередь, члены королевского

дома обеспечат постоянное церемониальное представительство в тех местах, где находятся политические представители королевы, что позволит снизить недовольство тем, что королева «ничего не делает» и что она «иностранный глава государства».

Безбородов Ю. С., Каримов Д. А. Монархическое начало в некоторых межгосударственных ассоциациях современного периода // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2010. № 1. С. 29–33.

Каспэ С. И. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // Полис. 2005. № 4. С. 5–29.

Морре Х., Роверс Н., Каримов Д. А. Некоторые особенности монархического правления в Нидерландах // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2010. № 2. С. 60–65.

Сычев В. Ф. Индонезия и мусульманский мир в международных отношениях XX века. Политологический анализ основных тенденций : дис. ... докт. полит. наук. М., 2005.

Чжан Чжао-цян. Политика и экономика послевоенной Индонезии. М., 1958.

Graham J. Queen as Head of Indonesian Union // The Argus. 26 Novem. 1946. P. 2.

Статья поступила в редакцию 28.10.2010 г.

УДК 27-43 + 391 + 27-42

А. В. Мангилева

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО И ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ИУСТИНА (ВИШНЕВСКОГО) Ф. Л. КАРПИНСКОМУ

Публикация источника

Публикуются два письма епископа Иустина (Вишневого) к протоиерею Екатеринбургского собора г. Екатеринбурга Ф. Л. Карпинскому, представляющие интерес с точки зрения истории провинциального быта первой четверти XIX в. В статье приводятся доказательства в пользу того, что адресатом писем был именно Ф. Л. Карпинский.

Ключевые слова: провинциальный быт; Российское библейское общество; Уральское общество любителей естествознания.

В архиве Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) сохранилось дело, содержащее «два письма неизвестному протоиерею Никона, епископа Пермского и Екатеринбургского» за 1806 и 1818 гг. Даже без просмотра самих писем очевидно, что в заголовке дела содержится ошибка: среди епископов Пермских и Екатеринбургских (этот титул существовал с 1799 г. — года открытия Пермской кафедры до 1833 г., когда в Пермской епархии было образовано Екатеринбургское викариатство, в связи с чем титул правящего архи-

ерея был изменен на титул «Пермский и Верхотурский») не было ни одного Никона. Действительно, письма подписаны епископом Иустином (Вишневым), занимавшим Пермскую кафедру с 1802 по 1823 г.

Что же касается адресата, то в свое время в связи с публикацией фрагмента одного из этих писем мною было высказано предположение, что им являлся протоирей Екатеринбургского собора Федор Львович Карпинский. Поскольку цитата из письма была опубликована в примечаниях к монографии, то аргументы в пользу подобной атрибуции не приводились. Между тем на данный фрагмент письма епископа Иустина стали ссылаться в своих работах и другие екатеринбургские исследователи [см., например: Голикова, с. 106; Шкерин, с. 227], причем уже твердо указывая, что письмо адресовано Ф. Л. Карпинскому, поэтому отождествление адресата с Ф. Л. Карпинским нуждается в доказательствах.

Во-первых, письма адресованы екатеринбургскому протоиерею, члену Екатеринбургского духовного правления. В соответствии с клировыми ведомостями Екатеринбургского уезда за 1806 г. в Екатеринбурге служил лишь один протоирей — Ф. Л. Карпинский, который занимал в это время и должность присутствующего духовного правления [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 423, л. 1 об. — 2]. Сведения о протоиерее Богоявленской церкви Екатеринбурга Н. А. Вологодском появятся лишь в клировой ведомости за 1809 г., а членом духовного правления он будет определен лишь в 1820 г. [см.: Там же, д. 431, л. 5 об. — 6; д. 438, л. 3 об. — 4]. В письме 1806 г. указаны и особенности поведения, свойственные Ф. Л. Карпинскому: «искусно играет в карты и... представляете лице забавного смехотвора». В дневнике Ф. Л. Карпинского часто упоминается игра в карты; только за январь 1798 г. встречается шесть записей о карточной игре: в двух случаях — с женой («игор до 80» [Там же, ф. 101, оп. 1, д. 470, л. 1]), в четырех — со знакомыми. Впрочем, играли, судя по записям, «в дурака», причем не брезговал этим развлечением и старообрядец (в будущем единоведец) купец Я. Ф. Толстик [см.: Дневник священника, с. 116—117]. Подтверждает дневник и сведения о «забавном смехотворе»: «Тут напал на меня Порецкий и говорил, что я всех описываю, всех пересмеиваю, еще зачем мне сулят сер. рубли, ежели Наполеон убит» [Там же, с. 139] (запись от 12 июля 1807 г.). Последнее обвинение весьма характерно: судя по всему, в Екатеринбурге сложился обычай обещать подарки соборному протоиерею в случае исполнения какого-либо желания. Сам ли Федор Карпинский выпрашивал эти приношения или вера в то, что он приносит удачу, возникла благодаря какому-то случаю, но записи о подобных посулах встречаются в дневнике неоднократно¹.

¹ «Августа 6 ч[исла] после обедни был у Аггея Степановича, он обошелся со мною весьма ласково, обещал табакерку подарить мне в 50 рублей, ежели Софья Карловна родит сына» [133]; «6 ч [исла] был в Лагере у Александра К. Модераха. Он обещал мне при Г. Карсакове золотую табакерку подарить, ежели возьмет жену по сердцу» [Там же, с. 136]. Упоминание свидетеля может говорить о том, что протоирей все-таки намекал на необходимость подношений, но, с другой стороны, обет А. К. Модераха носит явно шуточный характер, потому напомнить ему в случае чего об обещанном при свидетеле ценном подарке не помешает. Интересно также и то, что за удачу в личных делах одаривали золотом, тогда как за успех в делах государственных (подтверждение слуха о смерти Наполеона) сулили лишь серебро: до Отечественной войны было еще далеко, и местный патриотизм не процветал.

Скорее всего, екатеринбургское «высшее общество» уже привыкло к тому, что Ф. Л. Карпинский любил различные подношения, и относилось к сему факту достаточно снисходительно. Протоиерея явно балуют различными подарками по поводу и без повода, чаще всего ему подносят в дар табакерки различной стоимости. В дневнике указывается, чем примечателен тот или иной подарок, причем о Федор переживает, когда оказывается испорченной даже явно недорогая бумажная табакерка (запись от 7 сентября 1805 г.) [Там же, с. 136], так что очевидно, что ценились именно «диковинки», которые упоминает в письме 1818 г. епископ Иустин.

Еще одним (уже, можно сказать, излишним) свидетельством в пользу того, что адресатом архиерейских посланий был Ф. Л. Карпинский, является то, что письма находятся в том же фонде, что и дневник соборного протоиерея. Поступить в архив УОЛЕ эти документы могли как от А. П. Карпинского (почетного члена общества), так и от одного из учредителей УОЛЕ — Н. К. Чупина, один из старших родственников которого, секретарь Главной Екатеринбургской конторы, был зятем Ф. Л. Карпинского [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 451, л. 1 об. — 2].

Письма епископа Иустина весьма ярко характеризуют церковную жизнь Урала в первой четверти XIX в. Из важных политических событий в них упоминается открытие отделения Библейского общества в Перми. В конце 1812 г. Александр I дал согласие на открытие в Петербурге русского филиала Британского библейского общества, первое собрание которого в России состоялось в начале 1813 г. Целью общества был перевод Библии на современные языки и ее распространение. После того, как членом Библейского общества стал император, делом распространения Священного Писания горячо заинтересовались аристократы и высшее чиновничество. Быстрый рост численности членов российского филиала Библейского общества привел к тому, что в 1814 г. филиал был преобразован в самостоятельное Российское библейское общество. Письмо епископа Иустина приоткрывает тайну фантастических успехов общества в России. Пермский владыка несколько не сомневается, что вписанные заочно в число членов общества екатеринбуржцы будут только рады узнать об этом факте. Косвенным свидетельством того, что запись происходила без предварительной договоренности, является предложение епископа протоиерею в случае недостатка денег в кошельке («влагалище пеняжном») сделать вступительный взнос «диковинками»: значит, сумма взносов с потенциальными членами пермского отделения еще не обсуждалась. Повальное увлечение библейскими переводами к началу 1818 г. выглядит уже настолько привычным, что вопрос о том, вступят ли провинциальные чиновники и наиболее заметные священнослужители в местное отделение Библейского общества, даже не возникает. Архиерей в данном случае не злоупотребляет властью (в отношении чиновничества он и не смог бы этого сделать), а только проявляет любезность сродни, например, той, какой в начале этого столетия было преподнесение в подарок горнолыжного снаряжения.

Второе письмо (написанное ранее) интересно с бытовой точки зрения. Возмущенный архиерей дает очень яркую, хотя и всего несколькими словами набросанную, картинку досуга «высшего общества» провинциального города. Круг избранных здесь настолько мал, что в него получает доступ и верхушка духо-

венства, а остроумный и хорошо играющий в карты священник положительно становится местной «звездой». Интересно при этом, что епископ Иустин, отличавшийся снисходительностью и несколько чрезмерной, по мнению современников, широтой взглядов, проявляет в данном случае такую суровость (впрочем, протоиерей никакого наказания не понес, но явно был пристыжен). И весьма характерная для конца XVIII — начала XIX в. деталь: слово «философия» употребляется как синоним вольномыслия.

ДВА ПИСЬМА (1806 и 1818 гг.) НЕИЗВЕСТНОМУ ПРОТОИЕРЕЮ НИКОНА,
ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО И ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО

(Л. 1) Ваше Высокоблагословение!
Достопочтенный протоиерей!

Посланная от Вашего Высокоблагословения рыбица достигла до моего дома в целости. Она, как думаю, произошла от племени тех великих рыб, которых Апостолы своими мрежами не могли извлечь на брег, который хотя не был крут и высок. Сию вы уловили не мрежами, и не обыкновенною удицею, а орудием особого искусства. Она соблюдена будет впрок для угощения важных особ и для воспоминания вашего ко мне усердия, которое почитаю искренним. Почему и благодарю вас за сей, и толикой гостинец попремногу. Губернатора отделение Библейского общества, куда приглашено все Градо Пермское духовенство, все чиновники и прочие важнейшие жители. В сем собрании посидите и вы и прочие граждане Екатеринбургские хотя мысленно. Ибо и вы вписаны будете в число членов наряду с другими. Ежели у вас недостаточно влагалище пеняжное то можете уделить частицу от вещей, которыми уже налюбовались (л. 1 об.) которыми насмотрелись и которые вам уже не кажутся диковинкою. А отделение Библейского общества примет с благодарностию ваше приношение.

Впрочем, вседушно желая Вашему Высокоблагословию всякого блага в продолжении нового года и в другие последующие, остаюсь

Вашего Высокоблагословения
Усердный доброжелатель и слуга
Иустин, Епископ Пермский.
1818 года 1 февраля.

(Л. 2) Пречестный отец Протоиерей!

Похваляют Вас, что искусно играете в карты и что представляете лице забавного смехотвора. О сем Вашем занятии некоторые смеялись и хохотали; а я вместо Вас стыдился и краснел. Прошу Вас покорно не доводить меня до стыда своими поступками, также и до тяжкого воздыхания. Жалко мне, жалко, что Вы проиграли и просмеяли доброе у меня о себе мнение! А сия потеря не мала! Вспомните когда-нибудь, вспомните, что Вы представляете в себе лице протопопа, члена Духовного Правления и Первья в Екатеринбурге особы и что на вас прочие, а наипаче духовные взирают, примечают Ваши поступки, и те, которые не так, как вы, философствуют, соблазняются. А горе, горе тому, им же соблазн бывает. К сему я хотел нечто еще прибавить, но оставляю до другого случая.

1806 года февраля 22 дня. *Иустин,*
Епископ Пермский и Екатеринбургский
[ГАСО, ф. 101 (УОЛЕ), оп. 1, д. 503].

Байдин В. И. Дневник священника / В. И. Байдин, С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич, М. Ю. Нечаева // Урал. ист. вестн. 1995. № 2. С. 114–143.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 423, 431, 438, 451; Ф. 101. Оп. 1. Д. 470, 503.

Голикова С. В. Православие в повседневной жизни городского населения Урала (XVIII–начала XX в.) // Уральский город XVIII – начала XX в.: проблемы социальной истории : сб. ст. Екатеринбург, 2004. С. 75–114.

Шкериц В. А. От Тайного общества до Святейшего синода : декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005.

Статья поступила в редакцию 21.01.2011 г.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373.21 + 811.161.1'373.6

Н. В. Кабина

ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ ИМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА

На материале топонимии Архангельского Поморья*

Русские именные компоненты — антропонимы и топонимы, включенные в прецедентные отношения — способны затемнить субстратную топонимическую картину и поэтому требуют особого внимания исследователя. В связи с этим анализируется авторский опыт изучения топонимии Архангельского Поморья и формулируется ряд положений, значимых для будущих исследований в области субстратной топонимии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропоним; Архангельское Поморье; русские именные компоненты; прецедентный; субстрат; топоним; этимология.

С топонимическим субстратом Русского Севера, несмотря на длительную историю его изучения, связано еще много нерешенных вопросов. Их решение зависит, с одной стороны, от качества и объема языковых данных, с другой стороны — от детализированной разработки применяемых в топонимии исследовательских методов. В их числе — предложенный А. К. Матвеевым метод семантического моделирования, подразумевающий идентификацию части субстратных топооснов Русского Севера путем перевода на финно-угорские языки компонентов русской топонимической системы [см.: Матвеев, 1969; 1976]. Этот метод с некоторыми регионально ориентированными элементами модификации был опробован нами на материале топонимии Архангельского Помо-

* Публикуется в рамках исследования, выполненного при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении», ГК 14.740.11.0229).

рья — крупного севернорусского региона, прилегающего к побережью Белого моря в пределах современной Архангельской области [см.: Кабинина]. Как выяснилось, метод семантического моделирования (при высокой в целом результативности) имеет некоторые существенные ограничения, часть которых связана с активным функционированием в топонимии имен собственных, прежде всего антропонимов, а также топонимов, вовлеченных в отношения прецедентности. Именно эти сферы и связанные с ними трудности изучения регионального топонимического субстрата обсуждаются в данной статье.

Антропонимы в топонимии

Активность функционирования антропонимов в топонимии обусловлена главным образом необходимостью выражения посессивных отношений, которые, как правило, значимы на всех этапах освоения географической среды. Именно поэтому антропонимы достаточно широко представлены в топонимии разных народов, примером чему служат, в частности, русские и финно-угорские географические названия. С учетом этого обстоятельства при этимологизации регионального финно-угорского субстрата внимание к антропонимическим данным представляется совершенно необходимым, однако к этому материалу вряд ли применимо семантическое моделирование, с помощью которого могут успешно решаться этимологические задачи в сфере отапеллятивной топонимии.

Причины этого, в общем, известны. Языковой код антропонимии в сравнении с топонимическим прежде всего более динамичен: он активнее впитывает новые социальные веяния, быстрее обновляется, а значит, и быстрее стирается: в результате от эпох достаточно отдаленных до нас доходит лишь небольшая часть живого антропонимикона. Другая специфическая черта антропонимии — широта ее языковых связей, подключающих к созданию человеческих имен не только ресурсы практически всех сфер лексики, но и звукоизобразительные, игровые, экспрессивные и иные средства. В итоге антропоним нередко становится языковым «эксклюзивом», для которого возможности моделирования, т. е. перевода на другие языки, весьма проблематичны. Эти, казалось бы, нетопонимические по своей природе обстоятельства тем не менее глубоко значимы для регионального историко-топонимического исследования, причем на разных его этапах различен и характер этой значимости.

Исследователями давно отмечено, что сложность действующих в антропонимии номинативных механизмов отражается на топонимическом уровне в нейтрализации формальных различий между названиями разного происхождения. Кроме традиционно отмечаемого стирания границ между отыменными и отапеллятивными топонимами одного языка, в субстратных зонах может наблюдаться отсутствие четких границ между топонимами иноязычного и русского происхождения — в тех случаях, когда последние включают редкий антропонимический компонент, т. е. подобно субстратным названиям лишены в русском языке узуальной мотивированности. Последствия этого явления для этимологии не всегда преодолимы, однако ситуация в целом указывает, сколь велика

дифференцирующая роль собственно антропонимических данных на ступени отбора субстратного материала. На этом этапе главным для исследования является экстенсивное русло: чем более полна база регионального антропонимикона, тем более точной окажется собственно субстратная топонимическая картина. Для формирования этой базы очевидно необходим выход за пределы топонимии, по возможности — регистрация всех доступных антропонимических данных, заключенных как в исторических, так и в современных региональных источниках; немаловажное значение имеют и сведения по антропонимии тех земель, которые по отношению к региону являются материнскими (например, для Архангельского Поморья — Новгородская и Ярославская земли, Обонежье, Подвинье, Карелия).

Анализ поморского антропонимикона и его соотнесение с региональной топонимией позволяют, с одной стороны, наглядно проиллюстрировать сказанное выше, с другой — отметить некоторые детали, существенные для дальнейших исследований.

При формировании базы антропонимических данных в первую очередь необходимо учитывать разнообразие типов региональной антропонимии. Так, для Архангельского Поморья, кроме официальных имен и фамилий, характерно богатство индивидуальных прозвищ и неофициальных форм имен (включая довольно архаичные), а также повсеместное употребление прозвищных семейных фамилий, нередко уходящих в прошлое на несколько поколений. Кроме того, в Поморском регионе в течение четырех столетий, вплоть до XX в., жили традиции старообрядчества. С этим связано наличие в антропонимиконе весьма редких имен и их форм, которые ныне настолько забыты, что не приводятся в большинстве современных изданий христианского именослова. Все названные типы антропонимов, хотя и с неодинаковой активностью, отражаются в топонимии.

При дифференциации русского и субстратного материала наименьшие трудности вызывают названия, восходящие к официальным именам и фамилиям. Многие антропонимы этого типа очевидно имеют общерусский облик, а при квалификации остальных для исследователя доступен целый ряд информационных источников (переписные книги и другие исторические документы, паспортные данные топонимических картотек, сведения сельских администраций, краеведов, старожилов). При соотнесении этой информации с топонимическим материалом из него естественным образом исключаются факты, которые не относятся к собственно топонимическому субстрату или, по крайней мере, не являются этнодифференцирующими. Приведем пример с поморским названием покоса *Варзиха*, которое ранее считалось субстратным и связывалось с фин. *varsa*, карел.-ливв. *varha*, *varza*, люд., вепс. *varz* 'жеребенок' [Матвеев, 2004, с. 121]. Этимология топонимической основы в данном случае безупречна, однако сам топоним вряд ли является субстратным, поскольку в деревне Поле, где он засвидетельствован, известна фамилия *Варзин*. В связи с этим примером стоит отметить, что формирование официальных поморских фамилий происходило, по видимому, в тот период, когда взаимодействие русского и финно-угорских языков еще не завершилось, поэтому финно-угорские компоненты, кроме упомянутой

фамилии *Варзин*, встречаются и в ряде других известных донныне старожильческих поморских фамилий: *Кирчигины*, *Ловдины*, *Майзеровы*, *Пунантовы*, *Пунанцевы* и др.

Наряду с официальными фамилиями (при подключении необходимых словарных источников) в составе топонимов достаточно надежно опознаются и полные формы редких личных имен, ср. в наших материалах: *Анфал* (остров) — от мужского личного имени *Анфал* [см.: Суперанская, с. 113], *Мардарово* (село) — от мужского личного имени *Мардарий* [см.: Петровский, с. 187] и др. Разумеется, для отдельных топонимов возможность субстратного происхождения не может исключаться даже при наличии подобных антропонимических данных. Так, название группы озер *Тарховые Озёра* может быть связано как с русским личным именем *Тарх*, так и с приб.-фин. *tarha*, *tarh* 'скотный двор; участок поля или огород; навозная куча, кусок земли и др.' [SSA, os. 3, s. 271]. То же можно сказать и об отражении в топонимии неофициальных форм календарных имен. При том, что антропонимы этого типа большей частью хорошо известны по всей России, в отдельных случаях их точная квалификация невозможна вследствие межъязыковой омонимии: например, название *Иляостров* может связываться как с формой русского антропонима *Илья*, так и с приб.-фин. антропонимом или апеллятивом: ср. карел. *Ilja* — Илья [см.: Itkonen, с. 1041], карел. *ylö* 'верхний', люд. *ül'i* 'над кем-либо, чем-либо' [SSA os. 3, s. 490].

Наиболее значительные трудности связаны с отражением в топонимии индивидуальных прозвищ и прозвищных фамилий. То, что огромное количество антропонимов этого типа ныне безвозвратно утрачено, усугубляется тем обстоятельством, что и современные данные о них далеко неполны, поскольку даже при целенаправленном сборе информанты неохотно сообщают прозвища собирателю. В то же время именно в сфере прозвищной антропонимии наблюдается наибольшее разнообразие процессов, приводящих к видимому отсутствию в слове русских языковых признаков. На поморском материале среди подобных процессов отметим следующие:

- использование в прозвищах заимствованной лексики (ср. *Хонга*: «Худой мужик был, как сушина», *Конжуй*: «Толстый был», *Рюжа*: «По рюжам лучший мастер был»; ср. также *Пепонко*, *Рёмба*, *Согрины* с незасвидетельствованной мотивировкой).
- использование русских апеллятивов, подвергшихся ситуативно обусловленному фонетико-морфологическому изменению (ср. *Кайван*: «Пришёл маленький, говорит: каявашек дай! — каравай, значит»).
- использование звукоизобразительных средств (ср. *Целала*: «Его дед звонарём был», *Шарчи*: «Саша шарчи, а Алёша молчи»).
- использование географических названий, в том числе субстратных (ср. *Юрома*: «Его мати рожала от мужика из Юромы»; *Юрома* — село в Лешуконском районе Архангельской обл.).

Примеры подобного рода, укладываясь в рамки общих моделей антропонимии, тем не менее обладают ярко выраженной индивидуальностью, часто — неповторимостью. Тем самым вполне очевидно, что корректность дифференциации топонимов с точки зрения происхождения часто связана не только

с требованием максимально возможной полноты антропонимических данных, но и с необходимостью их микрорегионального применения.

В известной степени дифференциации способствуют свойства самих топонимов. В частности, для Архангельского Поморья при соотнесении топонимических данных и известного антропонимикона обнаруживается высокая значимость структурных показаний: в подавляющем большинстве случаев суффиксы **-ов/-ев, -ин, -щина**, часто **-иха** указывают на антропонимический характер основы; для личных имен и прозвищ весьма характерно также топонимическое отражение в бессуффиксных формах и формах множественного числа, ср. названия *Аким, Ефим, Давыды, Шпары* и т. п. Другой важный сигнал вероятного присутствия антропонима — отнесенность названия к деревне или ее части, полю, покосу; в микрогидронимии (ручьи, небольшие озера) антропонимы также встречаются довольно часто.

Роль данных русского антропонимикона после отбора субстратного материала, т. е. в процессе этимологического анализа субстрата, в целом можно определить как дополнительно аргументирующую. Принцип дополнительности вытекает из отмеченных выше особенностей антропонимии, которые препятствуют применению к ней этимологически ориентированных моделирующих методов. В какой-то мере путем моделирования целесообразно составить лишь регистр самых устойчивых фактов, прежде всего официальных финно-угорских форм календарных имен и их наиболее частотных форм. В остальных случаях успешность этимологической работы с предполагаемым антропонимическим компонентом зависит не столько от знания русских моделей, сколько от наличия сведений по финно-угорской ономастике.

В дополнительной аргументации тех или иных этимологий русские данные действительно главным образом на уровне общерегиональной семасиологической переключки, однако стоит отметить и особые частные возможности, которые в этом отношении несет, к примеру, историческая топонимия. В свое время на материале онимикона Беломорской Карелии Д. В. Кузьминым было подмечено явление калькирования антропонимов по схеме «(приб.-фин. антропоним) > приб.-фин. топоним > русская фамилия». Так, житель деревни *Ahtoprioli* (буквально: *Росомашья сторона*) получает фамилию *Росомашин*, житель деревни *Meššol'a* (приблизительно: *Глухарёво*) — фамилию *Мошников* (русс. диал. *мошник* 'моховой тетерев, глухарь' [Даль, т. 2, с. 353]) и т. п. [см.: Кузьмин, с. 84]. Подобное явление, вероятно, могло отразиться и в историческом онимиконе севернорусской территории, которая, как известно, глубоко родственна отдельным районам Карелии по ряду особенностей былого этнического взаимодействия.

На Русском Севере, в связи с возможностью процессов антропонимического калькирования, интерес представляют прежде всего названия деревень, для которых известны параллельные варианты с русскими и финно-угорскими основами. Например, ойконим *Икшино*, отмечаемый в составе традиционной для старых письменных источников формулы «деревня Кривлиевская, Икшино тож» (1586 г., низовья Северной Двины) [СГКЭ, с. 303], может быть сопоставлен с коми-зырянским *ыкша* 'высокомерный, горделивый, кичливый, заносчивый,

чванливый; хвастливый, самолюбивый' [КРС, с. 795]. В данном случае коми этимология поддерживается семантически близким параллельным вариантом *Кривлиевская*, ср. рус. диал. *кривляться* 'ломаться, корчиться, ужиматься' [Даль, т. 2, с. 194].

При этимологической интерпретации названий с финно-угорскими основами может оказаться существенным и иное соотношение данных ономастикона. Так, для мезенского ойконима *Черсова* (варианты *Чирсова*, *Черсова Гора*, *Черсогора*) связь с коми *чӧрс* 'веретено' [КРС, с. 751] поначалу предполагается с большим сомнением. Однако при подключении данных русского исторического антропонимикона сомнения разрешаются: в переписи 1710 г. в деревне Черсова Гора упоминается несколько жителей с фамилией *Веретнов* [КИТРС]. Видимо, в этом случае действовал механизм антропонимического калькирования, и хотя направление его неочевидно, сохранившиеся следы этого процесса, безусловно, являются ценным этимологическим аргументом и местным этноязыковым маркером.

Вторичная топонимия

Изучение вторичных (п р е ц е д е н т н ы х) географических названий началось относительно недавно, в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века [см.: Карпенко]. Первоначально явление вторичности в топонимии рассматривалось на материале небольшого круга общеизвестных названий, встречающихся во многих уголках России (*Америка*, *Камчатка*, *Сибирь* и т. п.); в дальнейшем, по мере возрастания интереса исследователей к общезыковому феномену прецедентности, топонимический материал не только расширялся, но и приобретал новые интерпретационные возможности, связанные в основном с реконструкцией русской народной картины мира.

Внимание к вторичным топонимам, однако, оказывается необходимым и при решении этимологических задач в сфере топонимического субстрата. Эта необходимость связана не с семантическим моделированием, которое на прецедентном материале попросту невозможно, а с уже обозначенной выше проблемой разграничения отыменного русского и собственно субстратного материала. Разумеется, речь идет не о корпусе прецедентов в целом, а о небольшой части названий, которые, во-первых, не мотивированы в русском языке, а во-вторых, в отличие от «знаковых» имен, обладают менее очевидной или неочевидной прецедентностью — иначе говоря, могут являться фактами как субстрата, так и собственно русской топонимии. Квалификации подобных названий способствуют, с одной стороны, экстралингвистические сведения, с другой стороны — системные наблюдения, касающиеся вторичной топонимии изучаемого региона в целом.

Иллюстрируя это положение на примере Архангельского Поморья, в первую очередь отметим, что при большом богатстве прецедентной карты региона вторичная топонимия локализуется преимущественно в трех его зонах: в низовьях Двины и Онеги, а также в западной части Летнего берега — на Соловках и на материке, где в течение многих столетий располагались владения Соло-

вещкого монастыря. Для всех названных территорий характерны некоторые своеобразные черты, существенные для дифференциации русских и субстратных названий.

Так, при анализе топонимии соловецкой зоны, прежде всего самих Соловков, следует учитывать уже отмечавшийся исследователями мемориальный характер многих здешних номинаций. С этой точки зрения, к примеру, вряд ли могут быть отнесены к региональному субстрату названия озера *Валдай* и гор — *Валдайские горы*, в них, скорее, номинаторами своеобразно запечатлены многовековые исторические связи монастыря с Новгородом (ср. *Валдайские горы* и *Валдайское озеро* в Новгородской обл.). То же можно сказать и о названии *Копорское озеро*, которое отсылает к имени-прототипу *Копорье*: этот древнерусский город-крепость, как известно из истории, защищал от внешних вторжений западные рубежи Новгородской земли.

В свете подобных данных представляется вполне обоснованным мнение Т. И. Киришевой, согласно которому вторичным может являться и название озера *Выгозеро*, относящееся к топонимии Летней Золотицы — ближайшей на материке вотчины Соловецкого монастыря. В данном случае предполагаемым прототипом является озеро *Выг* на территории Карелии: с ним, а также с рекой *Выг*, вытекающей из этого озера, связана как история новгородской колонизации Беломорья, так и отчасти история самого Соловецкого монастыря [см.: Киришева, с. 77]. Не исключено также, что традиция мемориального именования распространялась не только на ближайшие, но и на отдаленные владения Соловецкого монастыря: например, одна из деревень в двинских низовьях еще в XIX в. имела параллельные названия *Соловецкая* и *Волховская* (далее *Волховская*, однако производный гидроним и донныне существует в двух формах: *Волховянка* и *Волковлянка*), ср.: *Волхов* — крупная река, соединяющая озера Ильмень и Ладогу.

По отношению к другим упомянутым выше «очагам» вторичной топонимии — низовьям Северной Двины и Онеги — более существенными оказываются иные наблюдения. Эти зоны, прежде всего приустьевые их части, отличаются наличием топонимии маршрутно-ориентирующего типа, которая в широком смысле также может считаться вторичной. Например, совершенно очевидно, что названия *Мурманская Двина* или, скажем, *Соловецкая Вершина*, относящиеся к дельте Северной Двины, связаны с географической ориентированностью на соответствующие удаленные объекты — Мурман и Соловки. Принимая во внимание высокую практическую значимость подобных названий, к ним можно отнести и ряд других топонимов дельты: остров *Вайгач* (ср. остров *Вайгач* в Баренцевом море), остров *Питер*: по крайней мере, несмотря на фонетико-морфологические основания, очень рискованно относить подобные названия к региональному субстратному пласту.

Другая характерная черта топонимии низовий Двины и Онеги — многочисленность и разнообразие отразившихся в ней имен-прототипов. Не последнюю роль в формировании этой особенности сыграл, по-видимому, состав местного населения и его широкий географический кругозор: профессиональные мореходы, обычно живущие в приустьевых поселениях, с петровских

времен проходили в лоцманских школах не только местную, но и общую географическую подготовку. К этому следует добавить отмечающуюся М. Э. Рут роль армейского и военного опыта жителей, повсеместно способствующего развитию топонимической прецедентности [см.: Рут, с. 161]. На этой основе наряду с очевидно прецедентными номинациями *Дарданеллы*, *Дунай*, *Шанхай* и т. п. вторичными, видимо, следует считать и поморские названия *Даманский Остров* (ср. полуостров *Даманский* в Забайкалье, получивший известность в 1969 г. в связи с русско-китайским военным конфликтом), *Дауры* (ср. *Дауры* — горы в Забайкалье), *Каховка* (ср. *Каховка* — украинский город, где происходили ставшие затем легендарными события гражданской войны) и др. Иногда о прецедентном статусе названий дополнительно свидетельствует их шуточная метафоричность, выявляемая при соотношении имени объекта и его свойств: так, одна очень маленькая протока в дельте Северной Двины носит имя крупнейшей русской реки — *Кама* (ср. подобную ситуацию с поморским названием *Дарданеллы*, которое также относится к незначительному даже в местном масштабе объекту).

В отдельных случаях действие рассмотренных выше традиций вторичного именования затрагивает и топонимы собственно субстратного происхождения, которые со временем перерождаются в прецедентные. В наших материалах выявлен один такой пример: современные названия *Чесменский Маяк* и (на картах) мыс *Чесменский*, очевидно, возникли в результате аттрактивного переосмысления из более раннего *Чешименский/Чишнемский Наволок* (первая фиксация — 1560 г., сражение же в бухте Чесма произошло в 1770 г.).

Встречаются, конечно, и более сложные случаи, когда вторичность топонима вероятна, но все же не устанавливается с достаточной надежностью. Примером может служить известный в низовьях Северной Двины комплекс метонимически связанных названий *Амбург* (озеро) — *Амбургский Скит* (поселение) — *Амборский Мох* (болото). Учитывая давние торговые связи Поморья с Гамбургом (в Архангельске, к примеру, они увековечены в названии улицы *Гамбургская*), в этих топонимах вполне возможно усматривать фонетически трансформированное имя-прототип *Гамбург*. В то же время нелегко объяснить, почему мог быть назван **Гамбургским* старообрядческий скит, расположенный в довольно глухом, удаленном от торговых магистралей месте. Вероятно, географическое название *Гамбург*, как и *Чесма* в приведенном выше примере, послужило лишь аттрактивной основой для переосмысления другого топонима, например иноязычного гидронима с предполагаемой основой **Амб-*.

Столь же сложными для интерпретации оказываются некоторые внутререгиональные топонимические переключки, которые могут объясняться как типологическим сходством названий, так и их генетической преемственностью, обусловленной миграциями русского населения. В этом отношении в Поморье особенно проблемна топонимия Зимнего берега. По свидетельствам историков, Зимний берег осваивался русским населением относительно поздно, причем здешними первопоселенцами были выходцы из самых разных зон Поморья. Т. А. Бернштам, однако, особо выделяет среди них «двинян» (жителей двинских низовий): по ее предположению, имеющему некоторые документальные

обоснования, на Зимний берег «двиняне» принесли с собой название *Койда*, относящееся ныне к поселению и реке (ср. топоним *Койдокурья*, называющий довольно старое гнездо поселений в низовьях Северной Двины) [см.: Бернштам, с. 52]. Это предположение подтверждается данными антропонимии: многие старожильческие фамилии села Койда совпадают с фамилиями, известными по историческим и современным источникам в нижнедвинской зоне. В то же время вряд ли можно считать эти факты достаточными для однозначной трактовки названия *Койда* как вторичного. Подобные трудные случаи, вероятно, нельзя исключать из этимологического исследования, однако вряд ли возможно использовать их в этноисторических реконструкциях.

Таким образом, русские именные компоненты — антропонимы и топонимы, включенные в прецедентные отношения, — способны затемнить картину собственно топонимического субстрата и поэтому требуют особого внимания исследователя.

-
- Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989.
Кабина Н. В. Семантическое моделирование и проблемы этимологизации регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2009. Т. 68, № 2. С. 48–53.
Карпенко Ю. А. Топонимическая система и системность топонимии // Сообщения украинской ономастической комиссии : сб. ст. Вып. 2. Киев, 1967. С. 3–13.
Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
 КИТРС — Картотека исторических топонимов Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького).
 КРС — Коми-русский словарь / под ред. проф. В. И. Лыткина. М., 1961.
Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии : дис. ... канд. филол. наук, Петрозаводск, 2003.
Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности при этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967 : сб. ст. М., 1969. С. 192–200.
Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопр. языкознания. 1976. № 3. С. 58–73.
Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 2002.
Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономастиологический аспект : дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1994.
 СГКЭ — Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Пг., 1922.
Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 2005.
Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.
 SSA — Suomen sanojen alkuperä : etymologinen sanakirja. Osa 1–3 / Erkki Itkonen päätoimittaja. Helsinki, 1992–2000.

Статья поступила в редакцию 28.02.2011

УДК 811.511.142'37 + 811.511.142'36

В. Н. Соловар

**СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА МОДЕЛЕЙ
ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА С СОБЫТИЙНЫМИ ПРОПОЗИЦИЯМИ
На материале казымского диалекта**

Описываются модели элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка с событийными пропозициями. Рассматриваются семантика и структура модели экзистенциального, или бытийного, предложения, в которой утверждается/отрицается идея существования/наличия/бытования предмета или класса предметов, наделенных определенными признаками, наличия перед глазами или в сфере восприятия говорящего какого-то явления природы или предмета.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантика; субъект; предикат; структура; пропозиция; глагол; модель.

Функционально-семантическое пространство моделей элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка характеризуется сложной уровневой организацией.

ЭПП представляют собой устойчивые построения, ядром которых является предикат, предопределяющий своими валентностными свойствами количество и характер актантов. Семантика предиката передает отношения между предметными участниками описываемого события.

ЭПП хантыйского языка существует в двух разновидностях: в основе первой лежат **с о б ы т и й н ы е п р о п о з и ц и и**, отражающие положение дел в действительности; в основе второй лежат **л о г и ч е с к и е п р о п о з и ц и и**, представляющие собой субъективную интерпретацию событий. Они различаются морфологической формой предиката. В событийных пропозициях в качестве предиката используется в основном глагол, а в логических — имя (прилагательное или существительное).

Событийные пропозиции представлены, в свою очередь, тремя разновидностями: 1) бытийно-пространственные, 2) акциональные и 3) стальные. Они различаются типом предиката и набором его обязательных валентностей. Обязательными компонентами бытийно-пространственных ЭПП являются локализаторы, задающие пространственные ориентиры осуществления события. В акциональных пропозициях обязательным является второй актант — объект, на который направлено воздействие. Стальные пропозиции включают в свой состав только два компонента — субъект и предикат.

Ядро функционально-семантического поля каждого блока составляют модели ЭПП, в которых ни один из компонентов нельзя развернуть в самостоятельную предикативную единицу. Периферия их представлена моделями простых предложений, осложненных введением дополнительных смыслов.

Структура модели может зависеть от семантической организации модели, от потенциальной возможности глагола иметь при себе ту или иную позицию.

Границы каждого семантического блока довольно ясны, однако некоторые модели могут занимать пограничное положение в системе, это касается прежде всего ментально-психических моделей.

Основным синтаксическим средством выражения пространственных отношений являются элементарные простые предложения, в основе которых лежат пропозиции бытия, местонахождения, движения и перемещения. Пространственный предикат обязательно требует при себе наличия локализатора (локализаторов), что является отличительной чертой бытийно-пространственных моделей ЭПП от других типов моделей — акциональных, статальных, характеризующих, реляционных.

Впервые на материале хантыйского языка в статье рассматривается структура и семантика основных пространственных моделей ЭПП. Данные отношения передаются в хантыйском языке при помощи местно-творительного падежа, наречных форм, формы имени в сочетании с пространственными послелогом.

Пространственные модели формируют предикаты с различными лексическими значениями. Кроме пространственных значений делокации, адлокации, транслокации и инструмента, они могут включать семы, описывающие процесс движения/перемещения (способ, средство или инструмент, цель, время), объект перемещения и др., например: *mol̄ti* 'погрузить в воду, для того, чтобы сварить', *l̄ar̄ḡal̄ti* 'катить круглые предметы', *w̄ōš̄iti* 'бегать без толку туда-сюда'; *p̄aj̄niti* 'с трудом сдвинуть с места тяжелый предмет'; и др.

Н. Б. Кошкаревой отмечено, что уральские и тунгусо-маньчжурские языки используют три основные стратегии выражения пространственных отношений, что связано с выражением более конкретных или более абстрактных пространственных значений. При этом в хантыйском языке местно-творительный падеж используется для выражения статических пространственных отношений, а дательно-направительный — для выражения динамических — конечной точки движения.

В нанайском языке одним и тем же средством выражается любое их трех пространственных положений, в хантыйском же местно-творительный (статический) падеж, предназначенный для выражения местонахождения, используется только для обозначения нахождения в н у т р и или н а п о в е р х н о с т и, но не рядом с объектом референции. Таким образом, в уральских языках топология объекта референции накладывает определенные ограничения на использование падежных показателей для выражения тех или иных пространственных отношений [см.: Кошкарева].

Пространственные модели (ПМ) хантыйского языка представлены а) статическими моделями (бытийно-локативными); б) динамическими моделями (моделями движения); в) промежуточными моделями (моделями локализуемого движения), которые находятся между статическими и динамическими моделями. Статические и динамические модели различают по семантике предиката, отражающего статику или динамику действия, по типу локализатора. Как отмечает В. В. Шилова, в статических моделях локализатор характеризует существование и местонахождение, в динамических — перемещение субъекта или объекта [см.: Шилова].

В бытийно-локативных моделях предикат выражен бытийными глаголами, в моделях движения предикат выражен глаголами движения и перемещения объекта в пространстве. В моделях локализуемого движения используется динамический глагол движения в сочетании со статическим локативным локализатором.

Бытийно-пространственные модели можно разделить на 2 основных типа, в основу которых положен семантический признак — тип пропозиции:

1. Модели с пропозицией *местонахождения*, которые описывают нахождение предмета внутри определенного пространства, — он находится в пределах одного локума. На это пространство указывает локатив (Loc) — обязательный компонент модели. Предикатами в данных моделях являются глаголы, обозначающие положение предмета в пространстве в состоянии покоя или в состоянии движения, поэтому мы выделяем модели статического и динамического местонахождения. Среди моделей динамического местонахождения выделяем модели локализуемого движения и локализуемого перемещения, т. е. движения и перемещения в пределах одного локума в зависимости от самостоятельности/несамостоятельности движения.

2. Модели с пропозицией *передвижения*. Они противопоставлены моделям местонахождения, так как описывают изменение положения предмета в пространстве: предмет перемещается из одного локума в другой по некоторой трассе. Обязательными компонентами таких моделей являются латив (Lat), указывающий на начальную точку движения, аблатив (Abl), который указывает на конечную точку движения, и транслатив (TrLoc) — на трассу движения. Предикатами этих моделей являются глаголы движения и перемещения, поэтому, выделяем модели движения и перемещения.

Модели с глаголами движения системно связаны с моделями других групп, в первую очередь с моделями местонахождения. Обязательным компонентом модели является локатив. Глагол движения эквивалентен по значению глаголу *находиться*. При наличии локатива предложение приобретает значение местонахождения, а не движения. Модели имеют сходный состав компонентов, но обладают и различительными признаками. В моделях местонахождения субъект находится в пределах данного локума в состоянии покоя, в моделях локализуемого движения — в состоянии движения. Модель движения включает компонент, обозначающий «средство передвижения» (Instr), в моделях местонахождения это возможно в зависимости от предиката. Instr выражен отдельной лексемой или сопровождается характеризующим компонентом — Adj.

Модели локализуемого движения отличаются от моделей собственно движения тем, что компонент, указывающий на ограниченное движение в пространстве (Loc), в моделях собственно движения переосмысливается в «трассу движения» — TrLoc.

Модели локализуемого движения и локализуемого перемещения различаются по типу предиката и по составу компонентов. В моделях локализуемого движения предикатами являются глаголы движения. Общая пропозиция модели: «самостоятельное движение субъекта в ограниченном пространстве на каком-либо средстве передвижения» (откуда, куда, по чему, на

чем). В моделях локализуемого перемещения предикатами являются глаголы перемещения и обязательный компонент — объект перемещения ($N_{\text{NOM/ACC}}$). Общая пропозиция модели: «субъект перемещает объект в пределах замкнутого пространства (на определенном средстве перемещения)».

Пропозиция бытийных ПМ — «существование субъекта в определенной точке пространства». В зависимости от пропозиции бытийные ПМ можно разделить на модели наличия и отсутствия.

Модели наличия включают ПМ существования и количественные ПМ. Предикат моделей существования представлен бытийным глаголом, предикат количественных — особыми словами со значением количества. Субъект в бытийных ПМ занимает позицию ремы и расположен перед предикатом. Структура и семантика моделей зависит от способа выражения компонентов моделей.

Модель наличия N (сор)

Это модель экзистенциального, или бытийного, предложения, в которой утверждается (отрицается) идея существования (наличия, бытования) предмета или класса предметов, наделенных определенными признаками наличия перед глазами или в сфере восприятия говорящего какого-то явления природы или предмета.

В таких высказываниях пространственное понятие отсутствует, оно не важно, наблюдаемый объект представляет собой единое целое вместе с характеризующими его словами: так, например, в предложении *Waś tōrn ler kūlat χājəp saplje* 'Шея кулика толщиной с тонкую травинку' имя предмета имеет целый ряд определяющих его слов.

Эта модель имеет категорию времени, которая отражается глагольными связками. В настоящем времени связка опускается, так как в таких предложениях говорится о конкретном предмете, явлении. Однако для указания на существование какого-либо объекта в мире вообще используется связка *wφλ*, в индикативе прошедшего — *wφs*, в наклонении неочевидного действия — соответственно, *wφλtal* 'есть=оказывается', *wφλmal* 'был=оказывается'. Ср.: русск. *Такие люди есть* — хант. *Šiməs χōjatət wφλλət*.

Подлежащее представлено именем существительным в основном (именительном) падеже, которое, как правило, всегда имеет при себе определения, частицы и междометия, усиливающие экспрессивность высказывания; эта модель экспрессивно не нейтральна, так как выражает определенную оценку говорящим воспринимаемой им картины; ее можно назвать оценочно-бытийной.

Имя бытующего предмета в ПМ существования может относиться к следующим материальным сущностям:

- Р а с т е н и я: *Χōməs wφλ (jāta) wφλmal* 'Клюква (хорошо) была'; *Isi χōrasəp wφnt si* 'Такого же вида лес';
- Л ю д и: *Wāt ötsam iki* 'Вот глупый мужик', *Nomsəη χōjat pa wφλ* 'Умный человек еще есть', *Mōjsər wεη, tɔp χφλəm əla jis* 'Какой зять, только три года исполнилось', *Pōls tɔt'ləti χōjat wφλ* 'Сплетни носящий человек есть'; *Šiwel*

peła karetəmal artən šiwələsle: jam ləwat nəwərem ‘Когда он туда повернулся, увидел: довольно большой ребенок’; *In xələj ewileŋki wəɫ?* ‘Эта грязная девочка есть (присутствует)?’; *In neŋələn iśəsəla: Xəlsə jəxtəm məjəŋ ne* ‘Эта женщина спрашивает: «Откуда приехавшая гостья?»»; *Məj tiwəm naj pəx, məj tiwəm wərt pəx* ‘Как (откуда) появившийся божественный парень’; *Akaŋ ləwatkem xə* ‘Мужчина ростом с куклу’;

- Животные, птицы, насекомые: *Šeŋk əsməŋəŋ kət'i* ‘Очень хитрый кот’; *Xəlsəsa jəxtəm sirəntajət* ‘Откуда пришедшие мухи’; *Pəšəx kūsar wəɫmal* ‘Детеныш бурундука был=оказывается’; *Ši wənat wəj wəntə* ‘Такой большой зверь’ (букв. ‘такой величины зверь’); *Lükleŋket, pəstəkleŋket ješa wəɫlət, šitət kənšman wəɫləw* ‘Глухари, рябчики немного есть, этих, ища, живем’; *Isi mətta müw ewəlt jəxtəm wəj* ‘Тоже с какой-то земли прилетевшая птица’;

- Хозяйственные постройки: *Müŋ wantmew əntə. Kət xətəp kərt* ‘Мы не видели. Деревня в два дома’; *Təŋəm ləwat, müw ləwat xət* ‘Размером с небо, размером с землю дом’; *Wantləle: jinəra, ratxər wəɫmal* ‘Смотрит: действительно, кострище было’; *Šiməs wəŋ səŋi xət, wəx xət wəɫmal* ‘Такой большой золотой дом, серебряный дом был=оказывается’;

- Кушанья, напитки: *lətət wəɫ* ‘Пища есть’; *Xəj mənəm wəŋəm əsəŋ lətət* ‘Кем приготовленная мне хорошая еда’; *Nəŋ ja wəɫ, səɫ əntəm* ‘Хлеб-то есть, соли нет’; *Kəwəŋ nəŋət wəɫlət* ‘Горячие хлеба есть’; *Jəm jix si wəɫmal* ‘Хорошая вода была=оказывается’;

- Одежда: *Jinəra, ra ləmətsəxət wəŋət* ‘Действительно, еще одежда была’;

- Предметы: *Mättim, tixəl wəɫmal, xət pəšəx təjəl* ‘Оказывается, гнездо было=оказывается, в нем шесть птенцов’ (букв. ‘имеет’); *Šit isi jux jeŋk ewəlt xələmtəm pərməs* ‘Это тоже их деревья сделанные вещи’; *Xəlsə wüjəm təm arət pərməs* ‘Откуда взятые столько вещей’;

- Географические объекты: *Wəŋ ləŋ, məttim* ‘Большое озеро, оказывается’; *xələm xətəp wəŋ kərt jəxəm* ‘Бор большого стойбища с тремя домами’; *Ši məŋmalən wantijəl: nəxər jux pəxər* ‘Когда так шел, видит: остров кедровый’; *Juxən enməŋ wəŋi* ‘Озеро, заросшее кустами’; *Ši kərsət təxi* ‘Такое высокое место’; *Ši xərasəp səŋi wəš, si xərasəp kəmi wəš* ‘Такой золотой город’; *Məlti təxijən ne mənəm neŋəŋ süŋ, əlra, wəɫ, xə mənəm xəjəŋ süŋ, əlra, wəɫ* ‘Где-то место (букв. ‘угол’, где женщина прошла, наверное, есть, место, где мужчина прошел, наверное’.

- День, погода, природа: *Təm tiləs məjarat ləśəŋ xətl, jəm xətl wəŋ* ‘В этот месяц сколько снежных дней, хороших дней было’; *Aləŋa jəm təŋəm wəŋ* ‘Утром хорошая погода была’; *lił šiwəŋ xətl* ‘Туманный день’; *Nowi at wəŋ* ‘Светлая ночь была’; *Tələŋ tiləs məŋ si pəkətəni (wəŋ)* ‘Целый месяц непогода (была)’; *Təm xətl nüm wəŋ* ‘Сегодня южный ветер’; *Ši xəti rūw* ‘Какой жар’; *Ši xəti təŋəm wəŋ* ‘Какой сильный ветер’; *Xəlna ələŋ wəŋ* ‘Еще утро было’; *Iski ələŋ pitl* ‘Холодное утро будет’; *Intəm təwi* ‘Сейчас весна’; *Etəŋ xətl* ‘Ясный день’; *Wewtam təŋəm* ‘Плохая погода’; *Nəmlta pittə wəŋət* ‘Метель’ (букв.: ‘сверху падающая метель’); *Təm xətl nüm wəŋ* ‘Сегодня южный ветер’; *Peŋəŋ təxəl ləlti jert* ‘Мелкий, теплый, чуть ощущаемый дождь накрапывает’ (букв. ‘дождь, смазывающий крылья комаров’: в это время комары начинают более активно летать).

Связка **pit=** имеет значение будущего статального времени. Связка **jiti** указывает на становление наличия, бытования, имя при ней употребляется в форме дательного-направительного падежа. В будущем времени употребляется связка **jiλ**, в прошедшем — **jis**; в наклонении неочевидного действия — **jital** 'становится/станет=оказывается', в прошедшем — **jūwmal** 'стало/настало =оказывается': *Rūwəŋ xətl pitəλ* 'Жаркий день будет'; *Rūwəŋ xətl=a ji=λ* 'День станет жарким'; *Rūwəŋ xətl=a jis* 'День стал жарким'; *Rūwəŋ xətl=a ji=ta=λ* 'День становится=оказывается жарким'; *Rūwəŋ xətl=a jūw=ma=λ* 'День стал=оказывается жарким'.

• Абстрактные предметы, понятия: *Mānləw, xojjən! Sörəm ki, si sörəm!* 'Поедем мужики! Если смерть, так смерть'; *In ma pōrajem* 'Сейчас моя очередь'; *Pa i wer* 'Еще одно дело'; *Nājen mōj wer* 'Тебе какое дело'; *Isi mōnti werλ* 'То же самое дело'; *Xətew aj lan̄ki epəλ* 'В доме пахнет мышами' (букв. 'Дом=наш запах мышей'); *Tām mōl təxew pa pensin epəλ* 'В этом месте пахнет бензином' (букв. 'Это место=наше запах бензина'); *Xələwət mirxət (pitλ)* 'Завтра собрание (будет)'; *Arsər sūrtət wəλλət* 'Разные виды колдовства есть'.

Модель отсутствия

Отрицательные варианты модели наличия образуются с помощью отрицательной частицы **əntəm** 'нет', 'не', например: *Aləŋ xojjel əntəm* 'Утреннего мужчины нет'; *Mānti tāxi əntəm* 'Идти места нет'; *Antəm, alpa, siməs xəjat* 'Нет, видимо, такого человека'; *Ninət pāltaptəti otn əntəm* 'Вас пугающего (человека) нет'; *Jəš isa əntə* 'Дороги совсем нет'; *Kāši əntəm, mōš əntəm* 'Боли нет, болезни нет'; *Ōšəŋ ləmtətsəx pa letot əntəm wəp* 'Нормальной одежды и еды не было'; *Mōj pōls tət'ətəti xəjat əntəm xən* 'Сплетни носящий человек есть, конечно', в последнем примере сочетаются два показателя отрицания: **əntəm xən** (букв. 'разве не нет'), которые усиливают утверждение.

Количественные ПМ N Num N (cop)

Эта модель описывает, сколько лиц имеется в наличии. В позиции субъекта находится личное местоимение в двойственном или множественном числе; в позиции предиката — имя числительное в сочетании с номинализаторами *человек, мужчина, женщина, ребенок*. В прошедшем времени употребляется связка **wə** =// в индикативе и наклонении неочевидного действия; при указании на изменение количества человек номинализатор принимает форму дательного-направительного падежа, связка **jiti** присоединяет соответствующие суффиксы числа, например:

Ain kät xəjat 'Их двое' (букв. 'они два человека'); *Ain kät xəjat (wə=s=ŋən)* 'Они два человека (были)'; *Ain kät xəjat wə=λ=man* 'Они два человека были=оказывается'; *Ja si, liw xəlam xoj=a jisət* 'Ну все, их стало трое мужчин' (букв. 'они к трем мужчинам стали'); *Ain kät nəŋ=a jisŋən* 'Их стало две женщины'; *Niŋ wet xəjat=a jisti* 'Вас стало пять человек' (букв. 'вы к пяти человекам стали').

Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2007. 46 с.

Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 106 с. ; Ч. 2. 183 с.

Статья поступила в редакцию 27.01.2011 г.

УДК 811.112.2'367.335 + 811.112.2'42

Е. Г. Скребова

ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНО-ТЕКСТОВЫХ ФУНКЦИЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ДЛИТЕЛЬНО-ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Анализируются сложноподчиненные длительно-временные предложения с точки зрения их роли в процессе текстообразования. Выявляется системообразующая активность данного типа предложений по следующим параметрам: характеристика отображаемого положения дел, определение пространственно-временной позиции адресанта, анализ коммуникативных намерений адресанта, позиционная детерминация процесса самоорганизации синтаксических конструкций в тексте. Уточняются виды деравационной симметрии/асимметрии описываемых предложений как основных сценариев текстообразования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сложноподчиненные длительно-временные предложения; отношения сомкнутой длительности; отношения лимитированной длительности; коммуникативный регистр; адресант; базовые структуры текстообразовательного процесса; симметрия текста.

Проблема описания порождения и функционирования текста неоднозначна и остается актуальной до сих пор. В русском и немецком языкознании ей посвящено большое количество работ, в которых выясняются основные признаки текста, его границы, внутренние связи, формирующие текст как единое целое, разрабатываются различные методы исследования процесса текстообразования. Несмотря на обширность накопленных сведений и материалов, однако, многие вопросы требуют серьезных усилий для их решения. Прежде всего сказанное относится к синтаксису текста, поскольку вопросы, связанные с закономерностями, регулируемыми синтагматическое развертывание структур от начала текста к его концу, правилами трансформаций, а также типами взаимоотношений разноэлементных компонентов, оказываются недостаточно изученными.

Эвристически многообещающим, согласующимся с последними тенденциями в развитии синтаксиса нам представляется подход, при котором текст понимается как речевое произведение, порожденное языковой личностью и адресованное языковой личности. Введение в онтологическую область текста коммуникантов — как новых для этой области физических тел — предполагает струк-

турирование их взаимодействия. Таким образом, порождение и функционирование текста представляет собой сферу межличностных отношений адресанта (отправителя данного текста) и адресата (лица, к которому обращен данный текст) [см., например: Тарасов; Степанов; Москальчук].

Структура текста в рамках описанного выше подхода предстает в виде конечной последовательности переходящих друг в друга синтаксических конструкций в заданном пространстве-времени. Эта последовательность неоднородна по ряду таких параметров, как тип предложений, моделирующих пространство текста; их закрепленность за тем или иным коммуникативным регистром¹ речи; их потенциальная реализация в системе текста. С учетом сказанного предложение оказывается базовым элементом процесса текстообразования, функционирование которого в тексте обусловлено взаимозависимостью целого и его составных частей. Н. И. Жинкин подчеркивает: «Без осмысленности предложений не может появиться осмысленный текст. Но и без текста не может возникнуть смысл в предложении» [Жинкин, с. 79].

При описании коммуникативно-текстовых функций сложноподчиненных длительно-временных предложений нами учитываются следующие параметры: 1) характеристика положения дел, фиксируемого в сложном синтаксическом целом; 2) определение пространственно-временной позиции адресанта; 3) анализ коммуникативных намерений адресанта; 4) характеристика позиционной детерминации процесса самоорганизации сложного предложения, устанавливающая степень его участия на внутритекстовом отрезке пространства-времени.

Характеристика положения дел в сложноподчиненных длительно-временных предложениях

Сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия определяют интервал времени, в течение которого осуществлялась ситуация, представленная в главной части. При этом длительно-временные отношения в рассматриваемых образованиях могут интерпретироваться либо как сомкнутая, либо как лимитированная длительность. В первом случае указывается на протяженность действия главной части, а во втором — на его начальную или конечную границу. Ср.: *Sie war ihm untertan, und solange er gemeint hatte, ich sei zu irgend etwas nütze, hatte sie ihrer Natur folgen und nett zu mir sein dürfen, jetzt mußte sie gegen ihre Natur schnöde zu mir sein* (H. Böll); *Erst seitdem sie nicht mehr auf ihn aufpaßt, hat er so verrückte Einfälle* (G. Pausewang); *Da ging der Verkäufer so weit nach Norden, bis er in einen Wald kam, in dem nur Elche wohnten* (F. Hohler).

Большую роль в формировании семантики описываемых синтаксических конструкций играют подчинительные союзы, которые не только обеспечивают связь между предикативными блоками, но и выполняют квалифицирующую

¹ Под коммуникативным регистром речи в нашей работе понимается определенная модель отражения действительности, которая обуславливается точкой зрения говорящего/пишущего, его коммуникативными интенциями и выражается совокупностью языковых средств, предназначенных для реализации этой модели в тексте [см.: Золотова и др., с. 331].

функцию, определяя отношение между ними. Кроме того, необходимо иметь в виду, что длительно-временные отношения совмещаются с таксисными отношениями одновременности. Поэтому способы глагольного действия также оказывают известное влияние на репрезентацию интересующих нас отношений. При этом для глаголов одних способов действия значение длительности является основным и единственным; для глаголов других способов действия значение длительности совмещается с иными значениями и оказывается фоновым. Глаголы названных способов действия различаются по акциональным и темпоральным характеристикам, а также по синтагматическим свойствам.

Значение сомкнутой длительности выражается с помощью союзов *während* и *solange*, указывающих на протяженность действия главной части: *Einmal schüttelte Christa den Kopf, während sie ihn (Fabian) prüfend betrachtete* (B. Kellermann); *(Hierauf, als der Müller abgetreten war, nahte dem Richter der Amtsdienner.) «Gestrenger Herr», sagte der Amtsdienner, «also hat Euer Herr Vorfahrer nie gesprochen, solange wir Urteil und Recht erteilen»* (J. P. Hebel).

Для построений с союзом *während* типичным является такой состав частей, при котором в главной и придаточной частях реализуются тождественные формы подлежащего. Это обстоятельство объясняется тем, что *während* одинаково свободно используется в сложноподчиненных собственно временных и длительно-временных предложениях. Конструкции с союзом *solange*, напротив, предполагают такой состав частей, при котором в главной и придаточной частях употребляются разные формы подлежащего.

Как показывает собранный фактический материал, в сложноподчиненных предложениях, представляющих длительно-временные отношения в сомкнутом виде, функционируют глаголы неопределенных способов действия, акциональное значение которых закрепляет количественно-временное употребление глаголов, так что значение длительности для них оказывается единственным. В этих сложных предложениях чаще всего сочетаются глаголы следующих лексико-семантических групп:

- глаголы существования, бытия (гл. ч.) — глаголы существования, бытия (прид. ч.): *Es waren, solange der Krieg schon dauerte, versammelnde Wünsche mehr geseufzt als geplant worden* (G. Grass);

- глаголы восприятия (гл. ч.) — глаголы речи, мысли (прид. ч.): *Während ich mechanisch die langen rhythmischen Bewegungen der Mädchen kommentierte, sah ich links und rechts bemalte Wilde hinter den Büschen hervortreten, die uns, auf ihre langen Speere gestützt, aufmerksam mit den Augen verfolgten* (J. Schoch);

- глаголы, обозначающие деятельность различного рода (гл. ч.), — глаголы разнонаправленного движения, перемещения (прид. ч.): *Bartholomäus tauchte die Fingerspitzen in den Weihwasserkessel und schlug das Kreuz, während er auf den Zehen durch den dunklen Gang schlich* (L. Frank).

Следует подчеркнуть, что глаголы приведенных выше лексико-семантических групп не называют длительность действия эксплицитно, но переадресовывают выражение ее меры союзам, коррелятивным элементам, темпоральным обстоятельствам, определяющим длительность абсолютно или относительно. Например: *Ich schwöre dir, solange ich lebe, werde ich immer dich — nur dich —*

lieben (R. Roda); *Eines Tages ließ uns meine Mutter für vier Stunden allein, während sie in der Nachbarschaft einen Besuch machte* (L. Alexander).

Реализация рассматриваемых сложноподчиненных предложений в том или ином коммуникативном регистре речи во многом обусловливается принадлежностью глаголов главной и придаточной частей к названным лексико-семантическим группам.

Так, глаголы существования, бытия относят сложное целое к генеритивному регистру, поскольку в их семантике заложена абстрагированность от конкретного времени, что ослабляет активность действия. Адресант обобщает данную в предложении информацию, соотнося ее с универсальным опытом. В качестве субъектов в таких синтаксических конструкциях обыкновенно выступают природные или социальные процессы, интерпретируемые как явления, понятия.

Глаголы речи, мысли, восприятия относят сложноподчиненное предложение к репродуктивному/изобразительному регистру. Семантика этих глаголов поддерживает конкретность, наблюдаемость соотносимых ситуаций, выдвигая на передний план синхронность событийного времени и пространственно-временной позиции адресанта. Перемещаясь вдоль линии событийного времени, адресант дает фоновую информацию о сопутствующих событиях или накапливающихся состояниях, которая необходима для понимания наметившихся тенденций в развитии образа.

Глаголы, обозначающие деятельность различного рода, а также глаголы разнонаправленного движения, перемещения относят сложное предложение к информативному типу речи. Особенность семантики данных глаголов заключается в том, что они не только обозначают временные промежутки, заполненные единичными/кратными действиями, но и указывают на связь с другими действиями. В этих и им подобных построениях сообщается об известных адресанту фактах, событиях.

Союзы *seit/seitdem, bis* представляют длительно-временные отношения как лимитированную длительность. При этом начало длительного действия главной части обозначается придаточными предложениями, вводимыми союзом *seit/seitdem*: *Seit ich entdeckt hatte, daß Margot hier gewesen war, entwickelte ich einen mißtrauischen Eckel gegen fremde Spuren in meinen Zimmern* (I. Noll).

Значение ограничения длительного действия главной части моментом наступления действия, названного в придаточной части, передается союзом *bis*: *Boris saß allein, bis sich Karlheinz, den den Bus als letzter Schüler vor Frau Winter bestiegen hatte, wortlos neben ihm setzte* (J. Ziem).

В отличие от союзов, репрезентирующих длительно-временные отношения в сомкнутом виде, союзы со значением лимитированной длительности не накладывают никаких ограничений на состав частей сложного целого. В главной и придаточной частях анализируемых сложноподчиненных предложений возможно употребление как тождественных, так и разных форм субъектов.

Синтаксические конструкции, представляющие длительно-временные отношения как лимитированную длительность, «разрешают» симметричное и асимметричное соотношение способов глагольного действия.

При симметричном соотношении способов глагольного действия в главной и придаточной частях используются глаголы неопределенных способов действия с количественно-временным, процессно-фактическим, обобщенно-фактическим акциональным значением, которые по-разному интерпретируют значение длительности, являющееся для них основным. В сложноподчиненных предложениях наиболее частотными оказываются сочетания глаголов следующих лексико-семантических групп:

- глаголы, обозначающие деятельность различного рода (гл. ч.), — фазовые глаголы, указывающие на начальную стадию развития действия (прид. ч.): *Kinkel merkte nicht einmal, was er anrichtete: er **quatschte**, seine dicke Zigarre rauchend, das Weinglas an den Mund **hebend**, Käsestangen **fressend**, mit einer olympischen Heiterkeit vor sich hin, bis sogar Prälat Sommerwild, der geistliche Berater des Kreises, **anfang**, unruhig zu werden, und ihn auf ein anderes Thema brachte* (H. Böll);

- глаголы, обозначающие деятельность различного рода (гл. ч.), — глаголы речи, мысли (прид. ч.): *Im Leben **verbirgt** man seine Gefühle, solange, bis die Leute **glauben**, man habe gar keine, denn das ist die gute Erziehung* (K. Tucholsky);

- глаголы умственной деятельности (гл. ч.) — глаголы умственной деятельности (прид. ч.): *Auch dieser Vorgang **mußte** etwas mit den Gedankenspielen zu tun haben, denen sich Crohn regelmäßig **widmete**, seitdem wir uns in der Fremde aufhielten und er **auf der Suche** nach der Weltformel **war*** (J. Schoch);

- глаголы, передающие физическое и эмоциональное состояние (гл. ч.), — глаголы, указывающие на действия субъекта (прид. ч.): *Er **fuhr zusammen** und **ruhte nicht**, bis ich Katze um Katze aus der Schublade **holte*** (E. Skasa-Weiß).

Глаголы, подобные приведенным выше, получают смысловую определенность только в контексте, поэтому в сложном предложении нередко употребляются показатели абсолютной/относительной длительности — коррелятивные элементы, фиксирующие либо только левую/правую границу действия, либо обе границы действия, а также темпоральные обстоятельства, определяющие срок существования действия главной части. Например: *Ja, Edgar wird in London, in Paris oder Mailand neu anfangen müssen, es wird **fünf bis zehn Jahre** dauern, bis er dastehen wird, wo er schon einmal war* (L. Feuchtwanger); *Ich sah drei Sekunden lang ziemlich alt aus, bis ich den Einfall mit der Kerze hatte* (U. Plenzdorf).

При асимметричном соотношении способов глагольного действия в частях сложного целого совмещаются глаголы предельных и неопределенных способов действия. Глаголы предельных способов действия имеют, как правило, конкретно-фактическое акциональное значение, глаголы неопределенных способов действия получают процессно-фактическое (реже — обобщенно-фактическое) акциональное значение. В описываемых сложноподчиненных предложениях обычно сочетаются глаголы следующих лексико-семантических групп:

- глаголы, обозначающие деятельность различного рода (гл. ч.) — глаголы, указывающие на результат: *Wilhelm Vorfahr **arbeitete** also in der Bezirksstadt auf dem Schlachthof, seit er sich vor Jahren mit der Genossenschaft endgültig **überworfen hatte*** (Ch. Wolf);

- глаголы умственной деятельности (гл. ч.) — глаголы умственной деятельности (прид. ч.): *Schlemihl rütselte lange herum, bis ihm etwas einfiel, das er in der Schule gelernt hatte: Die Erde ist überall die gleiche* (I. B. Singer);
- глаголы разнонаправленного движения, перемещения (гл. ч.) — глаголы, обозначающие положение субъекта в пространстве (прид. ч.): *Und wieder schritt er mechanisch weiter, langsam, durch die schwüle Abendluft, durch die menschenleeren, hallenden Straßen, bis er vor seiner Wohnung stand* (Th. Mann);
- глаголы разнонаправленного движения, перемещения (гл. ч.) — глаголы, передающие физическое и эмоциональное состояние (прид. ч.): *Wie der Zirkusdirektor aber das zweite Mal mit der Peitsche knallte, begann der große Clown Theobald nicht zu tanzen wie an anderen Tagen, sondern er ging schnurstracks hin zu der langen Strickleiter und kletterte hinauf, höher und immer höher, bis ihm ganz schwindlig wurde und er kaum noch Luft bekam* (S. Heym).

Показатели абсолютной/относительной длительности в этих и им подобных конструкциях используются окказионально, поскольку сочетание глаголов предельных и неопредельных способов действия уже сигнализирует лимитированность длительных действий.

Сложноподчиненные предложения, интерпретирующие длительно-временные отношения как лимитированную длительность, относятся, как правило, к информативному регистру. Это обусловлено принадлежностью глаголов к определенным лексико-семантическим группам, представляющим действия, состояния, отношения как обычные занятия. В тех случаях, когда глаголы обозначают физическое и эмоциональное состояние, действия субъекта, представляя их в наблюдаемой протяженности, интересующие нас образования реализуются в репродуктивном/изобразительном регистре.

Определение пространственно-временной позиции адресанта

Сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия функционируют в трех временных планах: прошедшем, настоящем и будущем как в абсолютной, так и в относительной системе отсчета.

Реализация рассматриваемых синтаксических конструкций в плане прошедшего времени обуславливается общей закономерностью перспективного представления временной протяженности текста, соответствующей естественному следованию событий. При этом позиция адресанта оказывается ретроспективной, поскольку адресант, основываясь на собственных знаниях и опыте, вынужден восстанавливать временное, а также причинно-следственное соотношение изображаемых событий. Такое движение временных слоев текста, по замечанию Н. К. Гея, «становится тем объединяющим актом, в результате которого структурно разнородное предстает как целостное» [Гей, с. 167]. Здесь следует особо подчеркнуть, что процесс движения временных слоев представляет собой потенциальную величину, связанную с актом восприятия текста, и является субъективным. Например: *Solange ich ihn hier hatte, hat er nichts mit Mädchen gehabt* (U. Plenzdorf); *Ende Februar, seit Danzig umkämpft war, brannte*

nieder, entließ Flüchtlingsströme, die sich bis zuletzt auf den von Dampfern, Fährprähmen und Fischkuttern belegten Kaianlagen stauten (G. Grass).

Эти и им подобные построения играют значительную роль в организации ритма повествования, создавая временную протяженность образной структуры. Линия, отражающая позицию адресанта во времени и пространстве по отношению к событиям в тексте, дистанцируется от событийного времени, благодаря чему событийное время не смешивается с данным реальным временем и воспринимается как другое. Описываемые предложения относятся к информативному регистру.

Сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия в плане настоящего времени могут реализовываться и в абсолютной, и в относительной системе отсчета. Ср.: 1) *Ich finde es originell, daß diese Frau den Verlust ihrer Gebärmutter betrauert, während sie Schmerzen wie ein Soldat erträgt* (I. Noll); 2) *Wir erleben die Vorfreude auf die Hochzeit, sehen die Braut am Fenster sitzen und ein schwarzes Halstuch mit rotem Rand säumen, bis der personifizierte Tod grausam dazwischentritt* (M. Stolleis); 3) *So flüstern sie, bis es hell wird* (W. Borchert).

В первом примере употребление глаголов настоящего времени в абсолютной системе отсчета является композиционно обусловленным: чередование глагольных форм, условия контекста, а также смена позиции адресанта во времени и пространстве синхронизируют линии событийного времени и времени восприятия ситуации сложного целого, представляя ее как непосредственно наблюдаемый процесс. Особое внимание необходимо обратить на то, что информативный план в конструкциях, подобных приведенной выше, нередко усиливается интерпретацией адресанта, которая обозначается вводными элементами, содержащими метатекстовые комментарии адресанта к собственному высказыванию. С помощью этих вводных элементов выражается эмоционально-оценочная реакция, определяется логическое соотношение между частями высказывания, квалифицируется способ или характер выражения мысли. Описываемые сложные предложения относятся к репродуктивному/изобразительному регистру.

Во втором примере глаголы используются в системе относительного употребления времен, а именно в «настоящем историческом». Глаголы в анализируемых сложноподчиненных предложениях не зависят от способов действия и аспектуально значимого контекста. Пространственно-временная позиция адресанта перемещается для актуализации изображаемых событий. Построения с глаголами в «историческом» значении представляют собой имитацию репродуктивных фрагментов текста, которая иллюстрирует информативный ход мысли и выполняет композиционную функцию.

В последнем примере глаголы настоящего времени реализуются в «профетическом» значении, свойственном исключительно относительной системе отсчета. Ситуации, соотносимые в сложном предложении, интерпретируются как уже реализующиеся, неизбежные в ближайшем будущем или как существующие в воображении адресанта. При этом в придаточной части обычно употребляется глагол *werden*, который не называет конкретных процессов. Он передает идею бытия/существования, однако это значение оказывается здесь суженным

за счет указания на его начало. Следует также отметить, что в интересующих нас синтаксических конструкциях заложена потенция повторяемости, обусловленная семантикой *werden*. Линия, отражающая мысленную позицию адресанта в пространстве и времени, частично совпадает с линией событийного времени, поскольку отправной точкой наблюдения, осмысления реальной действительности является связь «я» адресанта с его внутренним миром. Описываемые сложноподчиненные предложения относятся к репродуктивному/изобразительному регистру.

Появление в тексте сложноподчиненных длительно-временных предложений с глаголами, отнесенными во временной план будущего, мотивировано предшествующим развитием сюжета и содержит неожиданную интерпретацию, которая помогает увидеть факты и образы в новом свете. Например: (*Der spanische Teil der Insel wurde von den Heeren Toussaint-L'Ouvertures besetzt. Spanien schloß Frieden und verpflichtete sich, die Insel zu räumen.*) *England kämpft noch – bis seine Truppen buchstäblich ins Meer gedrängt werden* (E. Priester).

Пространственно-временная позиция адресанта в подобных построениях дистанцируется от событийного времени, сигнализируя параллелизм объективной и мыслимой реальности. Рассматриваемые сложные предложения реализуются, как правило, в информативном регистре.

Анализ коммуникативных намерений адресанта

При анализе коммуникативных намерений адресанта в сложноподчиненных длительно-временных предложениях со значением срока существования действия следует иметь в виду, что основная их масса функционирует в рамках объективной модальности и репрезентирует значение реальности, передаваемой глаголами изъявительного наклонения в трех временных планах. Данное обстоятельство объясняется не только особенностями структурной организации рассматриваемых предложений, которые базируются на дейктическом принципе, но и их ролью в процессе текстообразования. Сложноподчиненные длительно-временные предложения являются неотъемлемой частью временного пространства текста. Они показывают движение времени, что возможно только в объективной модальности. Как показывают приведенные в предыдущем разделе примеры, интересующие нас образования свободно реализуются в информативном, репродуктивном/изобразительном, генеритивном регистрах.

Значение гипотетичности в сложноподчиненных длительно-временных предложениях обыкновенно выражается формами изъявительного наклонения, отнесенными во временной план будущего. Такое использование форм изъявительного наклонения синтаксически обусловлено и связано с изменением пространственно-временной позиции адресанта: *Sie erschießt jemand, geht ruhig wieder heim und wartet gelassen, bis sie verhaftet wird* (L. Frank).

Длительно-временное значение в этих конструкциях осложняется дополнительным значением обусловленности, причем обусловленность здесь понимается как возможное отношение между возможными положениями дел, которые оказываются еще неосуществленными.

Случаи употребления форм конъюнктива II в описываемых сложноподчиненных предложениях встречаются крайне редко: *So hatten sie das Gehöft verlassen, begleitet von der Hoffnung der beiden alten Leute, der sich, je weiter sie sich von ihnen entfernten, immer mehr Enttäuschung beimengen würde, bis sie am Ende, schweigend, denn sie sprachen kaum noch miteinander, in ihren Alltagstrott zurückfallen würden* (Ch. Wolf).

Фрагменты текстов со значением гипотетичности относятся к информативному регистру.

Что касается опосредованной модальности и двух ее значений (возможности и необходимости), то в интересующих нас сложноподчиненных длительно-временных предложениях она выражается с помощью модальных глаголов, которые могут выступать в формах изъявительного, реже — сослагательного наклонения. Например: *Er (der Kater) mußte sich auf dem Dach des Geräteschuppens ausruhen, bis er wieder bei Stimme war* (E. Rönckendorff); *Die kranke Hand durfte ihm keinen Streich spielen, bis er bei Leni ankam* (A. Seghers); *Schade, daß er keinen Rüssel hat, sonst könnte er vielleicht auch lernen, «Komm lieber Mai und mache» zu trompeten, während er oben auf einer großen Trommel balanciert, und dann würde er auch ernst genommen werden* (S. Heym).

Анализируя эти и им подобные построения, нужно обратить внимание на то, что глаголы *müssen, dürfen* + Infinitiv передают значение необходимости, обусловленной извне, причем внимание адресата фокусируется на определенной дистанцированности «я» адресанта и «я» потенциального субъекта действия (предикативного признака).

Глаголы *können, mögen* + Infinitiv указывают на возможность или способность изменить данное положение дел (мыслимое или реальное), так что линия, отражающая мысленную позицию адресанта в пространстве и времени, дистанцируется от изображаемой ситуации.

Описываемые текстовые фрагменты функционируют обычно в информативном регистре.

Позиционная детерминация процесса самоорганизации сложноподчиненных длительно-временных предложений

В тексте сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия могут реализовываться в следующих позициях:

- абсолютное начало текста: *Zwei Brüder im Westfäliger Land lebten miteinander in Frieden und Liebe, bis einmal der jüngere lutherisch blieb, und der ältere katholisch wurde* (J. P. Hebel);
- начало главы/абзаца: *Eine Minute verging, bis Frau von Rinnlingen rechts die Portiere auseinanderschlug und ihm auf dem dicken braunen Teppich lautlos entgegenkam* (Th. Mann);
- гармонический центр текста: *Seitdem Marie weg ist, bin ich manchmal aus dem Rhythmus geraten, habe Hotel und Bahnhof miteinander verwechselt, nervös an der Portierloge nach meiner Fahrkarte gesucht oder den Beamten an der Sperre nach meiner Zimmernummer gefragt, irgend etwas, das Schicksal heißen man, ließ mir wohl meinen Beruf und meine Situation in Erinnerung bringen* (H. Böll).

Как показывает собранный нами языковой материал, позицию в абсолютном начале текста обыкновенно занимают сложноподчиненные предложения, представляющие длительно-временные отношения как лимитированную длительность, а точнее, указывающие на правую (конечную) границу действия главной части. Это обстоятельство объясняется тем, что именно данный вид описываемых синтаксических конструкций способен наглядно демонстрировать сквозные, разнонаправленные связи в тексте. Предложения со значением лимитированной длительности служат отправным пунктом для первого толчка восприятия и определенным импульсом для последующей концентрации содержания в известном ракурсе. Таким образом, они являются ядерными текстообразующими элементами (инициаторами), которые группируют вокруг себя зависимые элементы и имеют двустороннюю связь с другими инициаторами в тексте. Рассматриваемые построения относятся к *и н ф о р м а т и в н о м у* *т и п у* *р е ч и*.

Употребление сложноподчиненных длительно-временных предложений в начале главы/абзаца оказывается композиционно обусловленным. Они функционируют в качестве дуплексных элементов, образующих взаимосвязь с инициатором своей подструктуры и имеющих одностороннюю входящую связь с инициатором другой подструктуры. Такая сложная система взаимосвязей дуплексных элементов влияет не только на отношения целых фрагментов, но и композиционных элементов текста, становится организационным принципом построения сюжета. Характеризуя роль интересующих нас предложений в процессе текстообразования, Н. К. Гей отмечал, что адресант, «стремящийся построить события в определенной временной и логической последовательности, имеет только одну возможность — связать изображаемое воедино в некоторое поведение, ориентированное на финал» [Гей, с. 202–203]. Чаще всего анализируемые построения реализуются в информативном или генеритивном регистрах.

Позиция в гармоническом центре текста является наиболее частотной для сложноподчиненных длительно-временных предложений. При этом особенное внимание необходимо обратить на то, что описываемые конструкции обнаруживают устойчивую тенденцию к образованию серий — цепочек следующих друг за другом предложений, объединенных общей темой и периодически (с теми или иными семантическими вариациями) воспроизводящихся в тексте. Серии сложноподчиненных длительно-временных предложений представляют собой не просто стилистический прием, подчеркивающий длительность изображаемой ситуации. Периодически воспроизводимые серии предложений становятся «ключом» фрагмента или даже целого текста: они меняют оттенки своих значений, экспрессивную окраску, благодаря чему возникает целостный эмоционально-смысловой образ, который невозможен без этих серий. Рассматриваемые образования функционируют как внутренние элементы и имеют двустороннюю связь только с одним инициатором. Кроме того, в гармоническом центре текста возможны различные варианты взаимодействия коммуникативных регистров речи.

Проведенный анализ позволяет отнести сложноподчиненные длительно-временные предложения к базовым структурам процесса текстообразования,

направленным на создание симметрии текста. Здесь следует подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: поскольку симметрия взаимосвязана только с дискретностью текстовой материи, то основные тенденции текстообразования в их системном рассмотрении соотносятся с информационным измерением текста.

Гей Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стилль. М., 1975. 470 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 156 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова. М., 2004. 542 с.

Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2003. 296 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. 2-е изд. М., 2001. 312 с.

Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики / отв. ред. Ю. А. Сорокин. М., 1987. 168 с.

Статья поступила в редакцию 14.01.2011 г.

УДК 811.111'373.422 + 811.111'42

Н. В. Царегородцева

АНТОНИМИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ С СЕМАНТИКОЙ ДВИЖЕНИЯ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ

Рассматриваются проблемы интерпретации семантической природы антонимических корреляций, встречающихся в английских паремиях. Анализируются антонимические оппозиции с семантикой движения, для характеристики которых вводится понятие семантического диапазона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антонимические корреляции; векторные антонимы; реверсивы; семантический диапазон; паремии.

В паремиологическом фонде английского языка значительное место занимают оппозитивные пословицы и поговорки, в составе которых содержатся компоненты, связанные отношениями контраста, например: *Young saints make old sinners* (**Молодые святоши становятся старыми грешниками**); *Too swift arrives as tardy as too slow* (**Слишком быстрый приезжает так же поздно, как и слишком медленный**); *Jack would be a gentleman if he could speak French* (**Джек был бы джентльменом, если бы говорил по-французски**). Антонимические корреляции позволяют контрастно представить какой-либо признак, явление, действие, что служит средством актуализации понятия и придает высказыванию необходимую для паремии экспрессию. Как видно из приведенных выше примеров, наряду с полными антонимами (*young — old*) в паремиях используются

неполные или квазиантонимы¹ (*swift — slow; saints — sinners*), контекстуальные или окказиональные антонимы (*Jack — a gentleman*). Решающим фактором для определения характера антонимических корреляций является специфика семантики их компонентов.

Остановимся на некоторых проблемах семантической систематизации антонимических корреляций на материале английских паремий, включающих компоненты с семантикой движения. Наблюдения над изучаемым материалом показали, что имеющиеся в данной группе оппозиции представляют не все логико-семантические типы антонимов. Одной из характерных особенностей данной группы является отсутствие в ней оппозиций градуальных (контрарных) и комплементарных (контрадикторных) антонимов. На данную типологию опираются в своих работах многие исследователи категории антонимии в отечественной и зарубежной лингвистике, среди них такие ученые, как Г. Б. Антрушина, И. В. Арнольд, Н. В. Банина, Н. Б. Боева, Р. З. Гинзбург, Л. Ю. Жалашова, В. М. Завьялова, В. А. Иванова, В. Н. Комиссаров, Н. А. Копылова, А. Е. Краснов, М. Р. Львов, Н. Миллер, В. А. Михайлов, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, Е. Э. И. Родичева, Н. Л. Соколова, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев, А. Cruse, L. Jeffries, S. Jones, A. Lehrer, J. Lyons, A. Mettinger, F. Palmer и др.

Основную часть оппозиций в исследуемой группе образуют векторные антонимы, в частности такая их разновидность, как глаголы-реверсивы: *ascend — descend, rise — fall, raise — lay*. Термин *reversives* используется в классификации А. Круза для обозначения глаголов с семантикой движения или изменения в противоположном направлении [см.: Cruse, p. 166]. Семантически асимметричные оппозиции *come — depart, climbed — fell, falling — standing, to bed — to rise* иллюстрируют зону квазиантонимов.

Необходимо отметить, что значение членов рассматриваемых оппозиций может быть интерпретировано как результат дихотомического деления их общего семантического пространства «направленное движение». В речевой ситуации они являются членами бинарной оппозиции, исчерпывающей родовое понятие таким образом, что отрицание значения одного становится равносильным утверждению значения другого, что подтверждает идеи о первостепенности бинарных отношений и о том, что «любая антонимическая оппозиция основана на отношении контрадикторности и дополнительности» [Михайлов, с. 56]. Данную точку зрения разделяют авторы других исследований в области теории антонимии, в частности В. А. Иванова, Н. Л. Соколова и О. И. Шубина.

Далее следует отметить, что в изучаемом списке имеется случай аффиксальной антонимии — оппозиция *ascend — descend*. В качестве средства модификации значения ее компонентов употребляются латинские префиксы (*a-, de-*). Такие авторитетные ученые, как В. Н. Комиссаров и Л. А. Новиков, указывали на распространенность однокорневой антонимии у приставочных глаголов. Последний, в частности, писал следующее: «Однокорневые глагольные антонимы образуют самую разветвленную систему, т. к. глагол обладает самым

¹ О данном термине см., в частности: [Апресян].

большим арсеналом антонимических приставок» [Новиков, с. 161]. Приведенная выше оппозиция является иллюстрацией одной из антонимообразующих моделей, предложенных Е. Н. Миллером: преф. + ОЧС — преф. + ОЧС (где преф. — префикс, ОЧС — общая часть слов) [см.: Миллер, с. 49]. Формантом семантического отрицания в данной паре является префикс *de-*.

Одной из наиболее частотных антонимических пар с семантикой движения в изучаемом материале является оппозиция глагольных лексем *come* — *go*, встречающихся, например, в таких пословицах, как *Light come, light go* (*Легко пришло, легко ушло*); *Come with the wind, go with the water* (*Пришло с ветром, ушло с водой*).

Члены оппозиции *come* — *go* входят также в состав оппозиций фразовых глаголов, например: *come in* — *go out*, *come down* — *go up*. Лексема *come* противопоставляется также фразовым глаголам *go away* и *steal away*. Кроме того, эта стилистически нейтральная лексема образует оппозицию с лексемой книжного стиля *depart*, входящей в синонимический ряд с доминантой *go*. Например: *Diseases come on horseback, but go away on foot* (*Болезни приходят верхом на лошади, а уходят пешком*); *Take time when time comes, lest time steals away* (*Пользуйся временем, когда оно приходит, чтобы оно не ускользнуло*); *Misfortunes come on wings and depart on foot* (*Несчастья прилетают на крыльях и уходят пешком*). Таким образом, в одном и том же значении «приходить» ЛСВ глагола *come* противопоставляется синонимическому ряду антонимичных ЛСВ соответствующих лексем: *come* — *depart* (1)², *come* — *go* (5), *come* — *go away* (3), *come* — *steal away* (1).

Анализ семных структур изучаемых глаголов проводился с опорой на классификацию аспектов интерпретации движения, предложенную Л. Г. Бабенко [см.: Бабенко, с. 28 — 29]. Сопоставление компонентов семных структур глаголов *go* и *come* обнаружило, что в их составе имеются общие дифференциальные семы, конкретизирующие способ и характер движения (перемещение, обычно с помощью ног, равномерное, непрерывное) и антонимичные дифференциальные семы, обозначающие векторно-противоположные направления движения (*come* — движение, ориентированное относительно конечной точки, *go* — движение, ориентированное относительно исходной точки). Совпадающие параметры семных структур членов оппозиции *come* — *go* образуют их семантический диапазон. Семантическим диапазоном мы называем совокупность параметров в семных структурах лексического значения антонимов, которые являются общими для них. Объем семантического диапазона может варьироваться: уменьшаться, если в семной структуре одного из членов антонимической оппозиции обнаруживаются дополнительные параметры, отсутствующие у его антипода, и увеличиваться, если набор параметров совпадает, т. е. объем определяется по количеству совпадающих параметров. Мы полагаем, что включение в семантический диапазон не только антонимичных, но и общих дифференциальных сем, представляющих видовые значения лексических

² В скобках обозначено количество словоупотреблений в исследуемом материале.

единиц, способствует более глубокому пониманию семантической природы антонимических корреляций.

Поскольку в семной структуре глагола *come*, в отличие от его антипода *go*, обнаруживается дополнительный параметр (ограниченность движения), это уменьшает семантический диапазон оппозиции *come* — *go* и ведет к асимметрии (неоднородности) семного состава этой оппозиции, позволяя отнести ее к семантически несоразмерным, тем более что антонимичность членов данной оппозиции проявляется не на первой ступени семантического разложения, о чем говорилось выше. Полученные данные могут служить подтверждением идеи зависимости типа антонимов от характера и статуса сем в семных структурах слов, которая разрабатывалась в исследованиях М. Л. Кусовой. В рамках классификации на основе семантики предложеной М. Л. Кусовой, оппозиция *come* — *go* относится к «глагольной антонимии дифференциального типа» [Кусова, с. 103].

При сравнении эпидигматики полисемичных глаголов *come* и *go* выявляются 3 ЛСВ, между которыми могут устанавливаться антонимические отношения. Учитывая, что общее число значений³ лексемы *go* равняется 38, а *come* — 21, легко рассчитать коэффициент семантической соотносительности по противоположности по формуле, предложенной С. Г. Бережаном [см.: Иванова, с. 30]: $(2 \times 3) \div (21 + 38) = 6 \div 59 \approx 0,1$. Такие результаты приводят к заключению о том, что данная оппозиция определяется неполной с точки зрения ее семантической структуры и несоразмерной относительно семной структуры, и дают ответ на вопрос в споре, являются ли данные глаголы антонимами.

Оппозиция *come* — *go away* интересна тем, что содержащийся в семной структуре глагола *go* компонент, определяющий направление движения, получает формальное подтверждение в семной структуре постпозиционного наречия *away* со значением движения, ориентированного относительно исходной точки. При этом семантика глагола *go* остается неидиоматичной.

В оппозициях фразовых глаголов *come down* и *go up* смысловая нагрузка переносится на постпозиционные наречия *down* — *up*, в семных структурах которых присутствуют антонимичные компоненты, обозначающие противоположные направления движения («вверх — вниз»). В данной оппозиции значения ее членов оказываются синонимичными значениям членов оппозиций, выражающих другое направление движения, например: *rise* — *fall* или *climb* — *fall*, т. е. ориентированное по вертикали.

В оппозиции фразовых глаголов *come in* — *go out* (3), *come in* — *fly out* (1), *come in* — *leap out* (1) противоположное направление движения уточняется антонимичными компонентами семных структур постпозиционных наречий *in* и *out* с семантикой движения внутрь и изнутри.

Противопоставление *come* и его антипода *steal away*, а также оппозиции других фразовых глаголов (*come in* и *fly out*; *come in* и *leap out*) становятся

³ Количество значений приводится по словарю: [Random House...].

возможными на основании антонимичных дифференциальных сем направления движения в их семантическом диапазоне.

Дальнейший анализ семных структур фразовых глаголов *fly out*, *leap out* и *steal away* обнаруживает в их составе дифференциальные семы, конкретизирующие среду и способ передвижения, его характер и скорость, время движения и степень прилагаемых усилий, которые отсутствуют в семной структуре глаголов *come* или *come in*. Такая неоднородность семных структур участников этих оппозиций уменьшает их семантический диапазон и позволяет нам считать данные оппозиции семантически несоразмерными. Подобный тип семантического диапазона: интегральная сема + одна антонимичная дифференциальная сема (конкретизирующая направление движения) + ряд несопадающих дифференциальных сем, касающихся параметров способа движения, его скорости, характера и т. д., — типичен для квазиантонимов векторного типа.

Несмотря на то, что в лингвистике до сих пор продолжается спор о том, являются ли глаголы *come* и *go* синонимами или антонимами, их оппозиция регистрируется в словарях антонимов английского языка [см., например: Комиссаров; Devlin; The Oxford Dictionary...].

К окказиональным антонимам, не получившим словарного отображения, относятся оппозиции в следующих поговорках: *Love will creep, where it may not go* (Любовь **проползет** туда, куда она не может **прийти**); *Learn to creep before you leap* (Научись **ползать** прежде, чем **прыгать**); *Learn to crawl before you run* (Научись **ползать** прежде, чем **бегать**).

В процессе семантического анализа оппозиций, образованных синонимичными глаголами *crawl* и *creep*, например, таких как *crawl — walk*, *crawl — run*, *creep — go*, *creep — walk* и *creep — leap*, обнаруживается асимметричность семных структур этих глаголов, которая связана с интерпретацией параметров, способа, скорости и времени движения и степени прилагаемых усилий, ограничивающих семантический диапазон этих оппозиций. В оппозициях *crawl — walk*, *creep — walk* и *creep — go* параметр скорости движения эксплицитно выражается только в семных структурах первых элементов, где наличествует сема медленного передвижения. У вторых членов этой оппозиции параметр скорости движения выражен имплицитно, поскольку семы быстрого или медленного движения являются потенциальными в их семных структурах и проявляются только в контексте, когда возникает антонимичность компонентов данных оппозиций именно по параметру скорости. В оппозициях *crawl — run* и *creep — leap* признак скорости движения эксплицитно выражен в семных структурах всех компонентов оппозиции, но при этом семы, обозначающие способ передвижения, не обнаруживают векторной противоположности. Семантический диапазон таких оппозиций является типичным для окказиональных антонимов. Поскольку в семантическом диапазоне оппозиции *rush — to tread* оказываются антонимичными дифференциальные семы скорости движения, которые актуализируются в контексте, данная оппозиция также относится к числу окказиональных. Добавим, что в «Словаре антонимов русского языка» М. Р. Львова русские эквиваленты подобных лексем находятся в разделе контекстуальных антонимов.

Заслуживает внимания и тот факт, что все лексемы, участвующие в создании вышеуказанных антонимических оппозиций, могут быть связаны и синонимическими отношениями, поскольку имеют общую категориально-лексическую сему «двигаться», но отличаются главным образом характером протекания действия, что служит для них различительным синонимическим признаком, отраженным в компонентах их семных структур: *come, go, walk, tread, run, rush, fly, crawl, creep, leap*.

Далее рассмотрим оппозиции глаголов с семантикой «вертикально ориентированного движения», в которых синонимы *rise — climb* употребляются в противопоставлении с их антиподом *fall*. Например, в таких поговорках, как *He that never climbed, never fell* (Тот, кто никогда не **поднимался**, никогда не **падал**); *One may sooner fall than rise* (**Упасть** можно **быстрее**, чем **подняться**). В семантическом диапазоне указанных оппозиций находятся антонимичные дифференциальные семы противоположного направления движения, а именно «вверх» и «вниз». Члены оппозиции *climbed — fell* должны быть признаны квазиантонимами, поскольку несовпадающие параметры способа и скорости передвижения, степени прилагаемых усилий уменьшают их семантический диапазон.

Мы приходим к выводу о том, что глаголы, в семантическом диапазоне которых обнаруживается большее сходство по параметру способа действия, вступают в более полные антонимические отношения и образуют более соразмерные корреляции. Это дает основание для их фиксации в словарях антонимов.

Синхронная связь между синонимами и антонимами, которая прослеживается в синонимико-антонимических парадигмах, является одним из языковых признаков этих семантических категорий и способствует выявлению особенностей искомым семных структур, а следовательно, и оттенков значений членов как синонимических, так и антонимических рядов. Исследование показывает, что объединяющей их чертой являются категориальные признаки, т. е. объединение в парадигмы происходит на основе категориально-лексической семы, создающей определенное понятийное пространство.

Различие между синонимами и антонимами заключено в разном способе деления этого пространства, т. е. разъединяющими являются индивидуальные характеристики их семного состава.

Сопоставление эпидигматики полисемичных лексем показывает, что семантически полные антонимические корреляции — явление крайне редкое, и подтверждают идею о том, что отношения семантической противоположности возникают между отдельными ЛСВ.

Применяемый в данном случае метод оппозиции оказывается весьма эффективным для определения состава семантических и семных структур лексических единиц. Этот метод помогает увидеть, какие компоненты этих структур ведут к созданию разных типов антонимов.

Исследуемая нами идея семантического диапазона помогает точнее раскрыть смысл таких важнейших понятий в теории антонимии, как антонимичность и однородность или симметричность семантики антонимов.

Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1 : Лексическая семантика. М., 1995.

Бабенко Л. Г. Базовые концепты процессуально-событийного мира (постановка проблемы) // Русская глагольная лексика: денотативное пространство / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. С. 22–49.

Иванова В. А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.

Комиссаров В. Н. Словарь антонимов современного английского языка. М., 1964.

Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 2005.

Кусова М. Л. Антонимы в составе лексико-семантических групп русских глаголов // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм : памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 100–146.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. М., 2006.

Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990.

Михайлов В. А. Генезис антонимических оппозиций (антонимия и отрицание) : учеб. пособие. Л., 1987.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973.

Cruse A. Meaning in Language. N. Y., 2007.

Devlin J. A Dictionary of Synonyms and Antonyms. N. Y., 1987.

Random House Webster's Unabridged Dictionary. N. Y., 2001.

Smith S. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford, 1963.

The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. N. Y., 2007.

Статья поступила в редакцию 8.02.2011 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1'01.03

Т. Ф. Волкова

**ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ
В ПЕЧОРСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ**

Рассматриваются особенности четырех списков древнерусской переводной Повести об Акире Премудром, которые бытовали в старообрядческой крестьянской среде на Нижней Печоре. Прослеживается связь одного из них (ИРЛИ Усть-Цилемское собрание, № 12, XVII в.) с третьей редакцией Повести и выявляются его индивидуальные особенности, что позволяет установить непосредственную связь с ним как источником позднего списка, созданного на Печоре в XIX в. неизвестным переписчиком (ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр. 148), но не использованного в двух списках известного печорского книжника второй половины XIX в. И. С. Мяндина, которые в статье рассматриваются как два варианта созданной Мяндиным особой редакции. В ходе анализа мяндинской редакции Повести об Акире выявляются и характеризуются редакторские приемы печорского книжника, устанавливается их связь с ранее выявленными особенностями мяндинских переделок древнерусских повестей.

Ключевые слова: древнерусские переводные повести, старообрядческая литература, усть-цилемские книжники.

Повесть об Акире, рассказывающая о мурце Акире, преданном своим воспитанником, но благодаря своему уму, находчивости и мужеству спасшем не только свою жизнь, но и свою страну, — памятник древнерусской переводной литературы, сюжет которого восходит к глубокой древности — к VII в. до н. э. Сюжет нашел отражение в литературах народов Востока, Закавказья, романского и славянского миров: известны арамейская, арабская, армянская, грузинская, румынская и славянская версии Повести. До сих пор ученые спорят о том, где возник оригинал Повести, на каком языке он был написан, в какое время и кто является автором Повести¹. Не решены до конца и многие проблемы, касающиеся славянского перевода «Акира»: какой текст послужил оригиналом для перевода Повести на русский язык, когда и где он был осуществлен, в какое время текст стал известен на Руси и кто является его первым переводчиком. Эти вопросы рассмотрены в ряде научных работ [см., например: Пыпин, 1855; Владимиров; Григорьев, с. 490—544; Истрин; Дурново, с. 128—131;

¹ Обзор существующих исследований о Повести см.: [Григорьев, с. 43—148; Творогов, 1987].

Орлов, с. 356—361; Творогов, 1970; Мартиросян, с. 3—21]. Не имеет славянский перевод «Акира» и точной датировки: если суммировать разные точки зрения, временной интервал его появления составит пять веков (XI—XV). Первые упоминания Повести в памятниках древнерусской литературы относятся к началу XV в.

Занимательный и вместе с тем поучительный сюжет Повести обеспечил ей долгую жизнь на протяжении всего средневекового периода русской литературы, а затем, позднее, — в старообрядческой среде. Был он знаком и старообрядцам низовой Печоры — известного центра традиционной народной культуры и старинной книжности, административным и культурным центром которого является с. Усть-Цильма². В составе сохранившихся усть-цилемских рукописных сборников дошло четыре списка Повести об Акире. Один (ранний) — в сборнике ИРЛИ УЦ³ 12 (кон. XVII — нач. XVIII в.), найденном в д. Верховской на Пижме, куда он попал в более позднее время, судя по маргиналиям — из Новгорода⁴ (далее — список Н), три других — XIX в., в составе сборников, переписанных уже на Печоре. Среди них наибольший интерес для нашего исследования представляют списки, созданные известным печорским книжником, редактором древнерусских повестей Иваном Степановичем Мяндиным (1823—1894) [см. о нем: Малышев, 1985] — ИРЛИ УЦ 67 [л. 107—219 об.], находящийся в составе достаточно хорошо изученного мяндинского сборника⁵, содержащего несколько литературных переработок И. С. Мяндина⁶, и список из составленного Мяндиным Цветника⁷, который обнаружила и скопировала Н. С. Демкова во время археографической экспедиции Ленинградского университета в Усть-Цильму в 1973 г. [см.: Демкова]. Сделанная ею копия сейчас хранится в особой тетради в составе Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ (Далее - ИРЛИ УЦ н.) под № 368; Повесть об Акире занимала в Цветнике, по указаниям Н. С. Демковой, листы 139—160 об. Четвертый список Повести — ИРЛИ УЦ н. 148⁸ — дефектный, в нем сохранилось только два фрагмента Повести, однако он представляет для нас определенный интерес, т. к., будучи создан на Печоре в конце XIX в., мог иметь своим источником или список «Н», или какой-то из списков И. С. Мяндина. Ранний список Н так же мог оказаться источником для И. С. Мяндина,

² Об Усть-Цильме как книжном культурном центре см.: [Малышев, 1960]; о фольклоре Усть-Цильмы см.: [Канева].

³ Здесь и далее Усть-Цилемское собрание ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

⁴ Об этом свидетельствуют владельческие записи *Федора Стефанова Новгородца*, сохранившиеся на многих листах рукописи (115,119,121, 123,125,126,129—135, 138).

⁵ Рукопись XIX в. (тр. четв.) (16 д.л., 358 л.), печорский полуустав нескольких почерков, большая часть сборника переписана И. С. Мяндиным. Описание рукописи см.: [Малышев, 1960, с.115—118]. Об исследованиях, посвященных произведениям, входящим в УЦ, 67 см.: [Волкова, 2005, с. 44—46].

⁶ Повести о царе Агее, о царевне Персике, о бесе Зерефере и др.

⁷ Местонахождение мяндинского Цветника сейчас неизвестно, скорее всего он до сих пор хранится в какой-то старообрядческой семье в Усть-Цильме. В ходе позднейших экспедиций следы его не удалось обнаружить.

⁸ Рукопись в 8-ку, 2 л., полуустав, без обложки. Содержит только отрывок Повести об Акире Премудром. Найдена в с. Усть-Цильма (см. рабочее машинописное описание УЦ н.).

поэтому сначала мы выяснили его место в истории текста повести и его индивидуальные особенности⁹.

Классификация редакций Повести об Акире была предпринята Н. Н. Дурново [Дурново, с. 89–90.] и уточнена О. В. Твороговым [Творогов, 1970, с. 170–180]. Согласно текстологическому исследованию последнего, известные списки Повести разделяются на четыре редакции: древнейшую (I)¹⁰, вторую (Соловецкую), дошедшую фрагментарно и представляющую собой значительную переработку первой редакции¹¹, третью, сохранившую лишь фабулу истории Акира и не имеющую текстуальных совпадений с 1-й и 2-й редакциями, и четвертую, являющуюся переработкой 3-й редакции в сторону ее фольклоризации и беллетризации¹². Первое соотнесение списка Н с опубликованными списками третьей и четвертой редакций было сделано В. И. Малышевым. Комментируя список «Акира» в описании сборника ИРЛИ УЦ 12, исследователь указал некоторые его отличия от двух списков Повести, опубликованных Г. Кушелевым-Безбородко, не называя редакции, к которой они относятся. Один из них — РГБ, собр. Румянцева, № 363, XVII в. (далее — Р)¹³ относится к 3-й редакции [см.: Творогов, 1970, с. 171, сн. 61], другой — РНБ, собр. Погодина, № 1772, XVII в. — к 4-й редакции [см.: Творогов, 1970, с. 177, сн. 75]¹⁴. По наблюдениям В. И. Малышева, список Н дает по сравнению с этими списками «несколько сокращенный вариант, без конца...¹⁵ Есть небольшие отличия и в самом содержании» [Малышев 1960, с. 63]. О. В. Творогов относит список Н к 3-й редакции [Творогов, 1970, с. 171, сн. 61], но не привлекает его в ходе текстологического анализа и не характеризует его индивидуальные особенности. Мы обратились к тексту 3-й редакции, чтобы выявить, с одной стороны, какие особенности этой редакции отражает печорский список Н, с другой — что составляет его своеобразие.

Сопоставительный анализ Н и списка Р 3-й редакции показал, что в Н присутствуют все основные особенности этой редакции, которые выделили исследователи [см.: Дурново, с. 98]. Приведем несколько примеров, показывающих, как текст 3-й редакции отразился в списке Н, попавшем в круг чтения усть-цилемов.

Во-первых, в списке Н, как и в 3-й редакции, значительно сокращено по сравнению с 1-й редакцией поучение Акира в начале и в конце Повести. В молитве Акира в Н, как и в других списках 3-й редакции, устраняются нехристианские черты: Акир не строит жертвенника, не приносит жертв и не кадит

⁹ В статье использованы некоторые наблюдения, сделанные в дипломной работе [см.: Бончук].

¹⁰ См. издание первой редакции: [Библиотека литературы Древней Руси, с. 28–57]. Текст первой ред. цитируется по этому изданию.

¹¹ Соловецкая редакция издана: [Дурново, 1915, с. 20–36].

¹² Третья и четвертая редакции были опубликованы в кн.: [Памятники старинной русской литературы..., с. 359–370].

¹³ Опубликовано в: [Памятники старинной русской литературы..., с. 359–364]. Далее текст Р цитируется по этому изданию.

¹⁴ Опубликовано: [Там же, с. 364–370].

¹⁵ В списке Н отсутствует заключительное поучение Акира во время казни Анадана.

с благоуханием, а только молится. В списке Н, как и в списках 3-й редакции, нет указания на возраст Акира, в то время как в 1-й редакции он указан (60 лет). В списке Н, как и в 3-й редакции, в ответ на молитву Акира о даровании наследника Бог посылает ему ангела, в то время как в 1-й редакции Акир слышит «глас с небес». В Н, как и в 3-й редакции, в повествование вводятся новые имена — жены Акира (*Феодулия*), спасителя Акира (*Анбугил*), преступника, казненного вместо Акира (*Сутирь*). В 3-й редакции и в списке Н добавляется новый персонаж — грозный посол египетского царя Елтега, а также вводится эпизод, рисующий встречу Акира с женой после заключения. Иначе, чем в 1-й редакции, но в полном соответствии с 3-й редакцией в списке Н описано заключение Акира: он сидит, окованный «по колено железы» в «темнице», в то время как в 1-й редакции — в земляной яме «4 локоть въ долготу, 4 в ширину, 4 въ глубину» (с. 44). Изменено в списке Н, согласно 3-й редакции, и наказание, которому подвергает Акир Анадана за предательство и клевету: если в I редакции на Анадана было возложено «уже желѣзно 9 кинтинаръ вѣсом», руки вложены «въ проскѣпъ», а «выя» — в «кладу» (с. 52), то в списке Н, как в 3-й редакции, Анадана забивают железной тростью, залитой оловом. В списке Н, в согласии с 3-й редакцией, Анадан пишет только одну подложную грамоту от имени царя Синографа к Акиру, в то время как в 1-й редакции он пишет подложные письма царям других государств, в которых от имени Акира обещает им передать «Адорьскую землю» и «Аналивьский град». В Н и других списках 3-й редакции в подложных грамотах Анадана иначе, чем в 1-й редакции, формулируются приписываемые Акиру намерения — подчеркиваются его личные амбиции (он якобы хочет предать Синаграфа «злой смерти» и сам занять царский престол), в то время как в 1-й редакции Акир, по словам Анадана, намеревается ввести в страну войска соседних государств. В 1-й и 3-й редакциях по-разному описывается подготовка Акира к походу в Египет, и в этом случае список Н тоже передает текст 3-й редакции: вместо приказа найти ему двух орлиц и обучить их высоким полетам, что свидетельствует о том, что Акир еще до начала похода начал готовиться к выполнению заданий фараона (1-я редакция), появляется приказ седлать барсов (рысей) и коней.

Укажем еще на ряд деталей, которые сближают список Н с 3-й редакцией Повести. Они были привнесены в ее текст, как отмечает А. Н. Пыпин, из русской культуры [Пыпин, 1855, с. 82]. Это замечания о том, что петух, которому «дѣхорь» отгрыз голову, будил царя «к заутрене», а Акир после освобождения из темницы пошел «въ банях паритися», уточнение, касающееся обучения Анадана: Акир учил его «русской грамоте»¹⁶.

Добавим еще одно наблюдение об отличительных чертах 3-й редакции, также свидетельствующее о принадлежности к ней списка Н. В 1-й редакции Повести не описывается, как Акир собирается с войском прийти к царю Синографу, получив подложную грамоту Анадана. Повествование сразу переходит к описа-

¹⁶ На это введенное в 3-ю редакцию дополнение А. Н. Пыпин обратил внимание в другой своей работе [см.: Пыпин, 1902, с. 506].

нию действий Анадана, который приносит царю две подложные грамоты, составленные от имени Акира и обличающие в нем предателя. В списках 3-й редакции и в списке Н появляется описание этих сборов, причем в выражениях, сходных со следующим далее описанием подготовки Акира к походу в Египет:

Р	Н
... прочеть ѓе вскорѣ, и повелѣ отрокомъ своимъ кони седлатъ вѣржи бѣлые и партусы борзые; и повѣле на сѣбя класти златокované доспѣхи... (с. 361).	... и прочеть в[с]коре, повелить отрокомъ своимъ седлати варижи бѣлые и пардусы борзая, во златокáваннх доспехахъ, повелить на себя класти ... (л. 175)

Отметим, что список Н в таких (характерных для 3-й редакции) фрагментах и текстуально близок соответствующим эпизодам 3-й редакции.

Перечисленные черты сходства списка Н с текстом 3-й редакции Повести об Акире Премудром неоспоримо свидетельствуют о принадлежности его к этой редакции. Рассмотрим далее художественные особенности и индивидуальные чтения печорского списка Н, отличающие его от других списков 3-й редакции. Сопоставительный анализ показал, что в списке Н в ряде случаев иначе составлены акценты в повествовании, изменены некоторые мотивировки при обрисовке действий и поступков персонажей. Так, например, в списках 3-й редакции, молясь о ниспослании наследника, Акир обещает научить его «работати» Богу и служить царю Синографу. В списке Н мечты Акира, связанные с сыном, носят более приземленный и конкретный характер: акцент в них перенесен на образование наследника, воспитание в нем «премудрости» — Акир обещает Богу, если он даст ему сына, научить его всякой премудрости: «17 языкомъ и 14 грамотъ» (л. 173 об.). Заметим, что в 3-й редакции о лингвистическом обучении Анадана упоминается, но из мотивации просьбы Акира о ниспослании ему наследника обучение языкам перенесено в рассказ об уже осуществленной Акиром воспитательной программе: «...потом его научи дванадесать языковъ...» (с. 359).

В некоторых эпизодах списка Н эта тенденция к конкретизации повествования ощущается в еще большей степени. Она проявляется уже в начале Повести: в списке Н, представляя Акира читателю, составитель вместо абстрагированного определения «нѣкий человекъ» (Р) четко обозначает должность Акира при царском дворе: «...воевода Акирь премудры...». Та же тенденция прослеживается и при формулировке в списке Н смертного приговора Акиру: переписчик не ограничивается приведением приказа царя «отсѣщи главу» Акиру, но добавляет, что после казни ее следует «ввергнуть» «во вретище».

В списке Н заметно также стремление составителя придать тексту более экспрессивный характер за счет этикетных формул средневекового повествования. Например, царь Синограф, «рыкающий» на Акира, уподобляется в списке Н «зверю лютому» — льву): «Царь же Синографъ, **рыкнувъ на Акира аки зверь лютый левъ**, не повеле Акиря премудраго на очи пустити» (л. 175).

В некоторых случаях в списке Н искажается смысл фрагмента за счет искажения отдельных слов. Так, например, в 3-й редакции Синограф, оплакивая

Акира, называет его «замкум Алавицкого царства», имея в виду, что он своей мудростью «запирал» свое государство и делал его недоступным для врагов. В Н «замук» превращается в «закон», и метафора лишается смысла: «...поломихъ **законъ** Алавицкаго града...» (л. 177 об.).

Помимо рассмотренных добавлений и изменений в печорском списке Н мы обнаружили и отсутствие некоторых фрагментов, читающихся в других списках 3-й редакции. Так, например, при описании богатств, которые царь передал Анадану после мнимой смерти Акира, в списках 3-й редакции введен комментарий к предательскому поведению Анадана со ссылкой на пророчество Давида («не помянулъ царства Давидова, глаголюще: челоуѣкъ въ чести сы неразумивъ, приложися скотомъ несмыслѣннымъ и уподобися имъ» (с. 361)). В списке Н этот фрагмент опущен.

Некоторые сокращения списка Н носят механический характер и приводят к затемнению смысла повествования. Так, после рассказа о том, как Акир подготовил свое войско, чтобы явиться к царю Синографу, в Н опущен рассказ о приходе к Акиру Анадана, решившего обманным путем привести Акира одного, без войска, к царю для расправы: «Анадамъ же изыде на конюшню ко отцу своему и рѣче: «Отче Акирю, поиди: царь зоветъ тя къ себѣ» (с. 361). От этого фрагмента в Н остались только слова Анадана, которые совершенно непонятны в этом сокращенном контексте: «...и возьметъ [Акир] тогда с собою избранныхъ рабъ своихъ во златыхъ ризахъ и во златокованныхъ доспехахъ. «Отче мой Акирю, се царь гаголаще тя» (л. 175)

Отсутствует в Н и конец повести — заключительное поучение Акира к Анадану, которым завершается 3-я редакция. Список заканчивается словами: «...не откупленъ — не холопъ не скорьмивъщи — ворога не видать» (л. 181)

Приведенные выше текстологические наблюдения показывают, что список Н, бытовавший на Печоре, с одной стороны, отражает основные особенности 3-й редакции Повести об Акире, с другой — содержит целый ряд текстологических особенностей, отличающих его от списка Р этой редакции, относящегося к тому же времени. На сюжетном уровне он отличается большей подробностью по сравнению с Р: в списке Н введены в ряде случаев дополнительные детали; некоторые образы отличаются большей художественной разработкой, но ряд мотивов, читающихся в Р, в печорском списке опущен. Отметим также, что в списке Н много испорченных чтений, затемняющих смысл повествования.

Мы не ставили своей задачей в статье выяснить текстологические связи списка Н со всеми известными списками третьей редакции, но приведенные выше отличия Н от списка Р могут быть полезными для дальнейшего исследования особенностей третьей редакции Повести об Акире для прояснения истории формирования ее текста.

Далее мы обратились к изучению позднего дефектного печорского списка Повести об Акире XIX в. — ИРЛИ УЦ н. 148. Он содержит два небольших фрагмента Повести. Первый передает описание выхода Акира с подготовленным войском к царскому дворцу в соответствии с подложным письмом Анадана, встречи его с царем, приказывающим казнить Акира, и обрывается на сере-

дине сообщения о том, что Анбугил взял его под стражу («Анбугиль же конющецъ взяль Акира...»). Второй фрагмент начинается с беседы Синографа и освобожденного из темницы Акира о предстоящем походе в Египет для разгадывания загадок Фараона, продолжается рассказом о встрече Акира с женой и заканчивается описанием ее реакции на неожиданное появление мужа: «Феодулия по слову позна его, а не по видению, п[р]итекъ, паде на землю и пролия слезы своя...»).

Изучение этих фрагментов УЦ н. 148 показало, что в них присутствуют некоторые специфические черты 3-й редакции (так же, как в 3-й редакции, переданы распоряжения Акира, готовящего свое войско, чтобы предстать перед Синографом (отсутствующие в 1-й редакции), сходно описана и подготовка Акира к походу в Египет; упоминается посол Елтега, описана встреча Акира с женой Феодулией). При сопоставлении фрагментов УЦ н. 148 с разными списками 3-й редакции обнаруживается их зависимость от бытовавшего на Печоре списка Н: так же, как в Н, в начале первого фрагмента отсутствует описание прихода Анадана к Акиру, явившемуся по подложному письму к царскому дворцу, с целью увести его к царю, который собирается с ним расправиться за предательство, вследствие чего слова Анадана, следующие далее, как и в Н, теряют связь с предшествующим описанием. При этом текст обоих списков в этой части совпадает дословно. Почти полное совпадение текста двух печорских списков прослеживается и далее, что позволяет рассматривать ранний список Н как непосредственный источник текста ИРЛИ УЦ н. 148.

Сделанные нами наблюдения о взаимоотношениях этих списков важны как конкретное свидетельство сохранения печорскими крестьянами древнерусской рукописной традиции. Далекое не всегда удается отыскать непосредственные источники переписанных печорскими крестьянами древнерусских сочинений среди сохранившихся на Печоре ранних их списков. Для списка УЦ н. 148 это оказалось возможным благодаря сохранившемуся на Печоре списку Н.

Как мы увидим далее, Повесть об Акире Премудром не только подвигла неизвестного нам усть-цилемского переписчика на копирование архаического списка Н, но вызвала у другого, уже известного книжника, желание не просто переписать понравившийся текст, но обработать его, «подтянуть» к пониманию в крестьянской старообрядческой среде, сложившейся на северной окраине России во второй половине XIX в. Этим известным книжником был И. С. Мяндин — сын старообрядческих наставников, ставший профессиональным писцом. Известны 110 рукописей, в которых содержатся мяндинские списки различных произведений либо отреставрированные им листы¹⁷. Хорошо известны сейчас исследователям и составленные Мяндиным сборники¹⁸, изучены многие его литературные переработки древнерусских повестей¹⁹.

Тем не менее в рукописных сборниках, найденных на Печоре, остается много древнерусских литературных текстов, переписанных Мяндиным, которые до

¹⁷ О рукописном наследии И. С. Мяндина см.: [Волкова, 2009].

¹⁸ Об итогах изучения основных мяндинских сборников см.: [Волкова, 2005, с. 42–57].

¹⁹ См. обзор исследований о мяндинских переработках: [Волкова, 2006, с. 839–862].

сих пор еще не изучены. Не исследованы и некоторые списки уже введенных в научный оборот переделок Мяндина, по тем или иным причинам не попавшие в поле зрения исследователей. К их числу относится и ранее не изучавшийся мяндинский список Повести об Акире Премудром, читающийся в составе мяндинского Цветника (далее – Ц). Другой мяндинский список Акира, находящийся в сборнике ИРЛИ УЦ 67 (далее – ПД) был издан и исследован Е. К. Пиотровской, опубликовавшей свои выводы в небольшой статье [см.: Пиотровская]. Этой давней публикацией и ограничивается к настоящему времени изучение печорской редакции Повести об Акире Премудром. Мы продолжили работу Е. К. Пиотровской, опираясь на текст обоих списков И. С. Мяндина. Списки эти оказались разными по художественному раскрытию темы, как и в ряде других случаев, когда Мяндин несколько раз обращался к одному сюжету, создавая два или три списка одного и того же понравившегося ему произведения²⁰.

Выявим прежде всего те общие для обоих мяндинских списков особенности, которые характеризуют работу печорского книжника. Приведем кратко основные выводы Е. К. Пиотровской о художественном своеобразии мяндинской редакции «Акира» по списку ПД, дополнив их своими наблюдениями, сделанными на основе сопоставительного анализа обоих списков печорской редакции Повести. Е. К. Пиотровская, отталкиваясь от наблюдения О. В. Творогова, отнесшего список ПД, как и список Н, к 3-й редакции [см.: Творогов, 1970, с. 171, сн. 61], отметила ряд особенностей ПД, которые отличают его от списков 3-й редакции: значительное сокращение текста (наставления мудреца Акира своему племяннику Анадану, число загадок и заданий фараона), устранение некоторых сюжетных линий и мотивов (Акир и палач Анбугил, посол фараона Елтега в Алевицком царстве, встреча Акира с женой Феодулией после его освобождения из темницы), сокращение или изменение имен второстепенных персонажей. Вместе с тем, как отмечает исследовательница, Мяндин ввел некоторые дополнительные мотивы и детали, отсутствующие в списках 3-й редакции: отмечены воинские заслуги Акира и особое расположение к нему царя после того, как Акир воспитал разумного отрока Анадана и отдал его на службу Синографу, подчеркнуты некоторые «демократичные» черты отношения царя к своим подданным; в текст Повести внесены отдельные замечания о царице, жене Синографа; подновлен язык Повести. Причину значительного сокращения Мяндиным текста 3-й редакции повести Е. К. Пиотровская связывает с маленьким форматом (в 16-ю долю листа) сборника УЦ 67, предназначенного, по-видимому, для карманного ношения, что диктовало и соответствующий объем переписываемых в него текстов. Но, сокращая текст, редактор стремился «сохранить основную линию сюжета – линию напрасно оклеветанного мудреца Акира своим неблагодарным воспитанником, племянником Анаданом» [Пиотровская, с. 379].

²⁰ См., например, мяндинские переработки Повестей о гордом царе Аггее, о царевне Персике, о царице и львице, Сказания об Иосифе Прекрасном, Троянских сказаний, дошедшие в двух или трех списках.

Отмеченные особенности мы обнаружили и в списке Ц. Добавим к ним и некоторые наши наблюдения. Отмеченная Е. К. Пиотровской в списке ПД тенденция к сокращению текста, на которую на материале других мяндинских переделок обратил внимание уже первый их исследователь [см.: Малышев, 1961], по нашим наблюдениям, прослеживается по всему тексту Повести в обоих мяндинских списках. Помимо указанных Е. К. Пиотровской случаев, опущен у Мяндина и эпизод, описывающий совещание у царя Синографа по поводу предстоящего отгадывания загадок Фараона, на которое он созвал «вся вельможа и вся дьяки и ближняя своя» (Н, л. 176 об.). Здесь, на наш взгляд, проявилось характерное для Мяндина стремление сконцентрировать внимание читателя на главном герое повествования²¹, устранить все побочные мотивы, отвлекающие внимание от личности Акира: в мяндинской версии у царя даже не возникает мысли о том, что ему может кто-то помочь, кроме Акира, и он, узнав о грозящей опасности, сразу впадает в отчаяние, «зѣло рыдая и неугѣшно плакаше» (ПД, л. 206 об.).

Заметим также, что в списках Мяндина прослеживается стремление к сокращению временного интервала между описываемыми событиями. Например, Акир у Мяндина собирается в поход сразу после освобождения из темницы («...скоро повелѣ приготовить потребное число войска...» ПД, л. 210 об.), а не спустя «пять месяц», как в 3-й редакции; опущено и указание на продолжительность заключения Акира («три годы»), а контекст повествования позволяет предполагать стремительное развитие событий, приведших к освобождению царского советника. Сужается Мяндиным не только временной интервал между событиями, но и художественное пространство: Акир, получив подложное письмо с приказом явиться к царю, останавливается со своим войском не «близь града» (Р, с. 361), а, судя по контексту, у самого дворца, как ему было приказано: «собрати все воинство и стати противу царьскихъ чертоговъ» (ПД, д. 202). Узнав от Анадана, что Акир стоит «внѣ дворца», царь «скоро вскочи от одра своего в велицѣ страсъ. И узрѣ абие Акира стояща вооружена...» (ПЛ, л. 204). Такое освещение событий в печорском списке ускоряет развитие действия, усиливает динамизм повествования и его напряженность.

Иногда Мяндин, сокращая текст 3-й редакции, заменяет его другим — более понятным его читателям, например, в описании приготовления Акира к походу в Египет — к царю «поганьскому»:

Р	ПД
...повѣле отрокомъ своимъ седлати партусы борзые и варижи бѣлые , и велѣль на себя класти свѣтлыя ризы и златоконныя доспѣхи... (с. 363)	...повелѣ приготовляти потребное число войска и всякия орудия и запасы... (ПД, л. 210 об.; в Ц текст тот же)

Данный пример — типичный случай упрощения Мяндиным текста за счет устранения не очень понятной в XIX в. лексики, тем более дошедшей в ранних

²¹ См., например, о его работе над текстом Жития Корнилия Выговского: [Волкова, 2004, с. 421–428].

списках Р и Н в искаженной орфографии. Иногда Мяндин опускал и такие подробности, которые, по-видимому, не представлялись ему важными для сути передаваемых действий. Такие «свободные» мотивы он заменял «связными»²². В приведенном примере Мяндин заменил «свѣтлыя ризы» и «златоконныя доспѣхи» на «потребное число войска» и «всякия орудия и запасы», посчитав, видимо, с крестьянским практицизмом, что успех военного похода определяет не нарядная воинская одежда, а численность войска и хорошая обеспеченность его провиантом и оружием.

Отметим также и работу Мяндина по композиционной перестройке текста: в списках ПД и Ц клеветническая речь Анадана, в которой он сообщает царю Синографу о предательстве Акира (существенно сокращенная Мяндиным), приведена уже после описания предательства самого Анадана, написавшего Акиру подложное письмо от имени царя, в то время как в 3-й редакции с этой речи начинается данный виток сюжета. Таким образом, Мяндин выстраивает события в их логической, с его точки зрения, последовательности: сначала Анадан вызывает Акира с войском к царю, а убедившись, что его обман возымел действие, призывает Синографа увидеть своими глазами предательство Акира. При такой композиционной перестройке замысел Анадана открывается не сразу: Мяндин заставляет читателя поэтапно следить за ходом событий, что способствует большему напряжению и занимательности сюжета. Редакторская рука коснулась и самого содержания речи Анадана, подготовившей царя к неадекватному восприятию появления Акира с войском у его дворца. Обращаясь к Синографу, Анадан называет Акира не своим отцом, премудрым советником царя и его «угодником», как в 3-й редакции, а человеком, которого царь «возвысил еси паче всѣхъ великородныхъ князей и вельможъ» и почтил «дары многоцѣнными», сделав его своим «любимцем» (ПД, л. 203 об.). Смещая в речи Анадана акценты, Мяндин, как видно из приведенной цитаты, дает понять читателю, что двигало Анаданом, когда он задумал оклеветать своего благодетеля Акира: почет, окружающий Акира при царском дворе, «многоценные дары», которые Акир получал за верное и мудрое служение, любовь к нему Синографа пробуждали в приземленной натуре Анадана жгучую зависть, которая искала выхода в клевете и обмане. Так, исподволь, в тексте мяндинской редакции на первый план выдвигается тема, особенно волновавшая печорского книжника, судя по ряду его литературных переработок²³, — т е м а з а в и с т и, толкающей человека на предательство самых близких ему людей.

Но есть фрагменты в мяндинских списках Повести, где тема зависти уже не просвечивает в подтексте, а выходит на поверхность повествования. Это особенно заметно в списке Ц. Например, в «плаче» царя Синографа, расклинающегося в казни Акира, в Ц также начинает звучать тема лжи и зависти, отсутствующая в аналогичном фрагменте списка ПД: «Кто не удивится моему неразумию или кто не восплачет моему внезапному пременению моему, како аз прельстихся и веровах лживым словесем и завистливым недостойнаго Анадана

²² См. определение этих понятий: [Томашеский, с. 183].

²³ Например, в повестях о царице и львице, о царевне Персике.

и погубих столь премудраго и добродетельнаго военачальника — великаго Акира!» (Ц, л. 148 об.).

Перерабатывая тот или иной фрагмент Повести, Мяндин старается не только досказать, конкретизировать и объяснить описываемые события, но и художественно доработать их, создать зримый образ воссоздаваемого мира, понятный его читателям — печорским крестьянам. Например, в рассказ о подложной грамоте Анадана Мяндин добавляет подробности, касающиеся времени ее написания: «Во единъ от дний наставши нощи, егда вси людие града того от царя и до меньших упокоишася, яко же обычай есть в глубоконощи всем спати...» (ПД, л. 201 об.; ср., например, в Р (с. 361): «Анадамъ же дияволскимъ научениемъ скоро написалъ грамоту, бутто отъ царя...»). Добавляются Мяндиным и подробности передачи подложной грамоты Акиру: «умоли нѣкоего от царскихъ служителей да со всякою тайною вдасть ю Премудрому Акиру» (ПД, л. 202 об.), в то время как в 3-й редакции упоминается только об украденных Анаданом у царя «золотых печатях».

Очень интересной представляется работа Мядина с деталями повествования, проясняющая его собственное отношение к персонажам Повести. Воспринимая Анадана как предельно отрицательного героя, Мяндин, по-видимому, не захотел допустить, даже с учетом последующего его разоблачения, какого-либо упоминания о «верной службе» Анадана царю Синографу и о «верной любви» царя к обманщику. Поэтому вместо текста 3-й редакции «царь же Синографъ нача Анадама любити, Анадамъ же нача вѣрно служити царю» (с. 361), в мяндинских списках появляется характеристика Анадана, данная через восприятие царя и акцентирующая внимание не на «верности» Анадана, а на его «разумности», логически вытекающей из соответствующего воспитания его мудрым Акиром: «видѣ зѣло разумна отрока и доброродна» (ПД, л. 199—199 об.). «Верная служба» Анадана царю явно противоречила и следующему далее эпизоду предательства Анадана, что и вызвало, видимо, редакторскую правку Мядина.

В образе Акира Мяндин подчеркивает не только его мудрость, но и государственный ум, способность в первую очередь думать не о личных интересах, а о благополучии своего государства. Этим, по-видимому, объясняется замена Мяндиным некоторых сюжетных мотивировок. Например, в эпизоде, рассказывающем о том, как Акир сам спас свою жизнь, Мяндин изменяет аргументы Акира, с помощью которых он убеждает царского слугу оставить его в живых: в 3-й редакции Акир мотивирует свою просьбу о сохранении ему жизни внутрисемейными отношениями — заслугами своего отца, некогда спасшего отца Ангулема — слуги, назначенного палачом Акира. У Мядина Акир мотивирует свое право на жизнь не прошедшими событиями, обязывающими Ангулема отплатить добром за добро, а будущими испытаниями, которые ждут царя и страну, когда мудрость Акира может пригодиться и оказаться спасительной: «...царя моего Синогрифа сожалѣю, ибо вижу многихъ врагов. И по смерти моей онъ лишится своего царства» (ПД, л. 204 об.—205).

Приведем один пример стилистической переработки Мяндиным текста 3-й редакции. Она состояла прежде всего в устранении сложных для понимания

в крестьянской среде аллегорических образов, сравнений. В таком ключе был отредактирован, в частности, «плач» раскаявшегося Синографа, оплакивающего потерю мудрого советника Акира, которого он считал казненным. В 3-й редакции плач царя по Акиру наполнен аллегорическими образами: Акир сравнивается с «лозой», «замкумъ града», «камнем», евангельским Лазарем. Мяндин передает экспрессию чувств Синографа посредством риторических вопросов, а вместо аллегорических сравнений вкладывает в уста царя полное душевного человеческого тепла обращение к Акиру («любимый дядюшка»), делая сетования царя понятными для любого читателя: «Кто не удивится моему неразумию, како погубихъ столь премудраго военачальника Акира?! И естли бы живъ былъ мой любимый дядюшка Акир, врази мои не бы смѣли и близъ моего царствия явитися» (ПД, л. 207–207 об.).

Обратили мы внимание еще на одну характерную для мяндинских переработок тенденцию, проявившуюся и при переработке Акира, — тему «материальной награды», заслуженно получаемой положительными персонажами за верную службу, исполненные обещания, подвиги во имя спасения государства²⁴. Говоря о службе Акира при дворе Синографа, Мяндин акцентирует внимание на тех почестях и наградах, которые он получил от царя за свою воинскую доблесть, удерживающую все окрестные государства от нападения на «Алевитское царство»: «И почти его выше всѣх князей и боярь, к тому же постави Акира над всѣмъ войском»; «Царь же Синогрифъ ... паче всѣх почиташе премудраго Акира, и дары многоцѣнными удовляше его» (ПД, л. 199 об., 200–200 об.). Не забывает печорский редактор упомянуть и о «многой корысти» и «многоцѣнных дарах», с которыми Акир возвратился домой, победив своим умом Фараона. Всех этих мотивов нет в текстах 3-й редакции.

В заключение остановимся на соотношении двух мяндинских списков «Акира». Сопоставительный анализ показал, что они представляют собой разные варианты мяндинской редакции. Более раннюю версию, на наш взгляд, передает список ПД. В списке Ц ощущается дальнейшая работа редактора по очищению текста от повторов, шероховатостей стиля, делающая его более правильным и стройным. Покажем это на двух примерах:

ПД	Ц
...сия и ина многая царь изрече со многими слезами... (л. 209 об.)	Сия и ина изрече царь со многими слезами... (л. 151 об.)
Акирь ... сказа царю тоя страны, рече... (л. 211)	Акир ... рече царю тоя страны... (л. 153)

Художественно обрабатывая во втором варианте текст Повести, Мяндин добавляет различные изобразительные средства: эпитеты конкретизирующего или экспрессивного характера (*великое ополчение, здравый совет, всласть*

²⁴ Она проявилась, например, в мяндинских переработках повестей о Тимофее Владимирском, о Дмитрие Басарге [см.: Волкова, 2005, с. 122–160].

послушаша, лютая казнь, печальное нашествие, плачевная словеса, лживым словесам и завистливым, дражайший мой, любимый советнице), риторические вопросы (*неужели таковое безценное сокровище еще существует в живых?*), глаголы нейтральной окраски заменяются на более экспрессивные (*глаголюща — сетующу и плачующуся*).

Доработка Повести в версии Ц ощущается не только на уровне стиля. Мяндин вносит в список Ц и ряд дополнений уточняющего характера, художественно разрабатывая некоторые эпизоды. Например, рассказывая о выполнении Акиром приказа царя, содержащегося в подложном письме Анадана, он уточняет в Ц место и время действия, вносит выразительный авторский комментарий к сложившейся ситуации:

ПД

...повелѣ собрати все воинство, и самъ выеде на бранномъ конѣ своем (л. 203).

Ц

...повеле собрати все воинство **нощию против царских чертогов со оружием и копьями**, и сам Акир **бе пред полками вооружен** на бранном коне своем. **Сего-то Анадан и дожидался** (л. 144).

Картина происходящего далее дополняется в Ц новыми деталями, конкретизирующими и действия Анадана при появлении Акира:

ПД

Егда точию ощути Анаданъ се ополчение, абие возбуди царя Синогрифа... (л. 203)

Ц

Егда **узре оконцем** таковое великое ополчение ... вскоре возбуди **спяща** царя Синогрифа... (л. 144—144 об.)

Наиболее ярким примером художественной разработки Мяндиным отдельных эпизодов в списке Ц может служить рассказ о том, как Синограф узнал, что Акир остался жив. В 3-й редакции, услышав покаянную речь царя, его слуга Анбугил, которому была поручена казнь Акира, сначала идет к спасенному им мудрецу и сообщает ему о том, что пришло время открыть правду царю, после чего возвращается во дворец и начинает «торгати за златые колца у царевы полаты» (с. 362). На вопрос царя «Кто есть предъ дверми?» Анбугил называет себя и в высокопарных выражениях признается в том, что «Акиря отъ смерти соблюдохъ». Царь «скоро скочи съ престола своего» и «притѣче ко дверемъ», переспрашивая Анбугела о казненном им Акире. Анбугел примерно в тех же выражениях, но несколько короче, повторяет, что «соблюдох» Акира от смерти. Мяндин опускает эпизод о посещении слугой Акира, сокращая временную дистанцию между покаянием царя и получением им известия о спасении мудреца. В списках Мяндина это выглядит как чудо, ниспосланное Богом принесшему покаяние царю. При этом в мяндинском тексте появляются другие подробности узнавания царем радостной для него новости, способствующие дальнейшей беллетризации текста: слуга не стучится громко в двери царской «полаты», а, напротив, «скважнею малою» начинает «тихо глаголати

к царю»: «Акир жив». В ответ царь «нача прислушиватися к потаенным словам слуги онаго». Тогда слуга снова повторяет те же слова, а царь «больши устреми в ту страну слуха», и только когда слуга в третий раз повторяет те же слова, царь зовет его и «с тихостию» вопрошает: «неужели Акирь Премудрый живъ?» На это слуга отвечает неопределенно: «мнѣтмися, яко Акирь живъ». Такой ответ вызывает новый вопрос царя: «извѣсти ми воистину, гдѣ хранимо есть таковое сокровище драгоцѣнное» и просит отвести его туда, дабы получить прощение от Акира (ПД, л. 207 об.—209). В списке Ц эта повествовательная модель получает дальнейшую разработку в сторону еще большей конкретизации. Услышав в первый раз, что Акир жив, царь «нача прислушиватися в ту страну, идеже слуга стояше» (Ц, л. 149 об.). Описывая реакцию царя на повторное сообщение слуги о спасении Акира, Мяндин дублирует вопрос царя «Неужели премудрый Акир жив есть?», варьируя его далее с добавлением оценочной характеристики Акира: «Неужели таковое безценное сокровище еще существует в живых?» (Ц, л. 150). Дальнейший диалог слуги и царя Мяндин вводит в этикетные рамки. Слуга, обращаясь к царю, говорит: «О державный царю Синографу, повели ми слово рещи, рабу твоему». Царь столь же этикетно милостиво разрешает слуге: «Рци ми, юноше, безбоязненно». В ответе слуги, лишенном на этот раз какой-либо неопределенности, Мяндин добавляет отсутствующий в ПД фрагмент: слуга передает царю слова Акира, еще более возвышающие его в глазах царя, показывающие беспокойство Акира, даже находящегося в униженном состоянии, на пороге смерти, не за свою жизнь, а за судьбу Синографа: «И поведи ему вся глаголы Акировы, яже глагола, яко: “Аз смерти не боюся, но царя моего Синографа сожалею”» (Ц, л. 150 об.). Эти слова наполняют радостью сердце царя, и он, в тех же выражениях, что и в списке ПД, просит отвести его к Акиру, чтобы испросить у него прощения.

Из приведенного краткого обзора особенностей мяндинской редакции Повести об Акире Премудром и двух ее версий вырисовывается характер осмысления печорским книжником XIX в. из среды крестьян-старообрядцев средневекового сюжета с его не всегда понятной читателям XIX в. образностью, схематизмом в обрисовке жизненных ситуаций. Если в древнейшей редакции основной конфликт Повести — это «борьба двух моралей: столкновение благородного и мудрого Акира и его неблагодарного и коварного племянника Анадана» [Творогов, 1970, с. 174], а в 3-й редакции «перед нами не столько несчастный отец, вскормивший и воспитавший негодяя, сколько впавший в немилость, оклеветанный вельможа» [Там же, с. 175], то для Мяндина, воспитанного в строгих рамках старообрядческого семейного уклада, основанного на почитании родителей и послушании, на первый план в сюжете «Акира» выдвигается проблема сыновнего предательства, причиной которого Мяндин считает зависть Анадана к богатству и славе его приемного отца Акира, поселившуюся в сердце воспитанника не без воздействия злокозненного «врага-дьявола». Мотивируя решение Анадана предать Акира, никак не объясняемое в 3-й редакции, Мяндин вводит в свой текст развернутую с помощью средневековых этикетных формул мотивировку: «Злокозненный же врагъ дьяволъ, не могій терпѣти в добродѣтели мужа сияюще и любима и почитаема от царя же и от вельможъ,

вложи зависть Анадану, нареченному сыну Акирову, злую зависть на отца своего Акира» (ПД, л. 200 об.—201). Такая трактовка сюжета закрепляется в концовке, введенной Мяндиным в оба варианта отредактированной им повести. После описания казни Анадана в списках Мяндина добавлен комментарий к присловию, которым сопровождалось избиевание Анадана «палицею»: «Сими словами даде знать || Премудрый Акирь, чтобы не токмо дѣти родныя, но и усыновленныя бы²⁵ почитали названныхъ своихъ отцев и матерей и не оклеветали бы зависти ради» (ПД, л. 219—219 об.). Тема нарушения этой моральной заповеди героем повести Анаданом в заключительных словах этой концовки выводится Мяндиным на философские высоты столь волновавшей старообрядцев эсхатологической темы посмертной судьбы человеческой души: «за что не токмо здѣ примут достойную казнь, но и по смерти муку вѣчную» (ПД, л. 219 об.). Во втором списке это рассуждение, абстрагируясь от конкретики осмысливаемого сюжета, приобретает еще более суровое звучание, внушая читателю мысль о неотвратимости наказания за зло, совершенное на земле, в другом — небесном — мире: «хотя на сем свете и убежим должника наказания, но в будущем не бежати вечнаго мучения» (Ц, л. 160 об.).

Таким образом, печорский книжник увидел за строками старинной повести свои картины, соотносящиеся с его личным крестьянским и человеческим опытом, по-своему услышал диалоги героев старинной повести. Упростив язык и в то же время добавив в повествование этикетные формулы, хранившиеся в «литературной» памяти начитанного в древнерусских текстах книжника, Мяндин придал своему повествованию напряженность, конкретность и зримость, усилив звучание волновавших его тем, но сохранив вместе с тем в своем повествовании связь с литературной традицией.

Сравнения мяндинских списков Повести с текстом списка Н третьей редакции, который мог быть доступен печорскому книжнику, показало, что в его распоряжении, по-видимому, был какой-то другой список 3-й редакции, так как индивидуальные особенности списка Н не нашли отражения в мяндинской переработке. Специальное текстологическое исследование обоих списков мяндинской редакции «Акира» в контексте всех списков 3-й редакции, возможно, выявит тот вид этой редакции Повести, который послужил источником для усть-цилемского редактора.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3 : XI—XII вв.

Бончук А. Н. Печорские списки Повести об Акире премудром (вопросы поэтики и текстологии) : дипломная работа / науч. рук. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2010 (машинопись).

Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900.

Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005.

²⁵ *бы* вписано над строкой.

- Волкова Т. Ф.* Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839—890.
- Волкова Т. Ф.* Усть-цилемский книжник И. С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия // Первые Мяндинские чтения : материалы республикан. науч.-практ. конф., с. Усть-Цильма, 12 июля 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 52—66.
- Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром : исследования и тексты. М., 1913.
- Демкова Н. С.* Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. СПб., 1976. Т. 30. С. 357—360.
- Дурново Н. Н.* Материалы и исследования по старинной русской литературе. 1 : к истории повести об Акире. М., 1915.
- Истрин В. М.* Новые исследования в области славяно-русской литературы // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1914. № 6. С. 333—365.
- Канева Т. С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Отдельные аспекты характеристики локальной традиции : учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326—337.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемские литературные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.
- Мальшев В. И.* Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность : по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 323—337.
- Мартirosян А. А.* История и поучения Хикара Премудрого : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ереван, 1970.
- Орлов А. С.* Переводные повести древней Руси. История русской литературы. М., 1916.
- Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко.* Вып. 2. СПб., 1860.
- Пиотровская Е. К.* Усть-Цилемская обработка «Повести об Акире Премудром» // ТОДРЛ. СПб., 1976. Т. 31. С. 378—383.
- Пытин А. Н.* История русской литературы. Т. 1. СПб., 1902.
- Пытин А. Н.* Очерки из старинной русской литературы // Отеч. зап. 1855. № 2. С. 63—150.
- Творогов О. В.* Переводная беллетристика XI—XII вв. // Истоки русской беллетристики. СПб., 1970. С. 163—180.
- Творогов О. В.* Повесть о Акире Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 : (XI — первая половина XIV в.). СПб., 1987. С. 343—345.
- Томашеский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 20.01.2011 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов 7

Э. М. Афанасьева

**МОТИВ ИМЕНИ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА 1830 Г. («ДЕРЕВУ» И «МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»)**

Рассматривается эстетический комплекс Лермонтова 1830 г., запечатлевающий образы смерти (засохшее дерево, могила певца) и определяющий полюс бессмертия: вдохновение, память о поэте и его имени. Посмертное бытие имени приравнивается к масштабной реализации авторской судьбы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Лермонтов; лирика; мотив; имя; межтекстовый диалог; биографический контекст; эстетический комплекс.

Один из мало осмысленных и исследованных в настоящее время приемов лермонтовской поэтики, как представляется, спровоцирован академической традицией отрыва так называемых «приписок» к художественным текстам. Воспринимаясь как «довесок» к основному произведению, они переносятся в комментарий или публикуются в томе, посвященном прозе (как, например, «Автобиографические заметки»). В предлагаемой статье речь пойдет об одном из подобных приемов взаимодействия текста стихотворения с прозаической припиской к нему.

В 1830 г. Лермонтов пишет стихотворение «Дереву», которое привлекало внимание лермонтоведов в первую очередь как источник восстановления биографических реалий и как произведение, демонстрирующее диалог русского поэта с европейской традицией, прежде всего с Дж. Байроном и Э. Парни. Автограф текста сохранился в рукописном сборнике стихотворений, планов и набросков, озаглавленных Лермонтовым «Разные стихотворения» (1830) — это так называемая 4-я тетрадь из фондов Пушкинского Дома [см.: Модзалевский, с. 10–12].

Прежде всего восстановим характер лирического потока мысли в этом тексте. Трехчастная композиция последовательно раскрывает переживание лирическим героем недавнего прошлого сквозь призму необратимого течения времени. Отправной точкой оценки времени становится год. Это время утраты иллюзий, преодоления детского непосредственно-наивного отношения к жизни, первого сердечного разочарования. Воспоминания годичной давности (*Давно ли...*) — основа лирического события первой строфы. Переживание недавней гармонии содержит идиллический код встреч влюбленных под зеленью радужной древа. Во второй строфе мотив необратимого течения времени соотносится с погибшим растением. Прием психологического параллелизма (любовь — дерево) ориентирован на зрительное воплощение образа расцветающего и погибающего чувства. В финальной строфе стихотворения «Дерево» мотив смерти преодолевается мотивом бессмертного вдохновения, способного освятить место, некогда освященное по-детски искренним чувством героев.

Давно ли с зеленью радушной
 Передо мной стояло ты,
 И я коре твоей послушной
 Вверял любимые мечты;
 Лишь год назад два талисмана
 Светилися в тени твоей,
 И ниже замысла обмана
 Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
 Промчался легкой страсти сон;
 Дремоты флёр был слишком тонок —
 В единый миг прорвался он.
 И деревцо с моей любовью
 Погибло, чтобы вновь не цвести;
 Я жизнь его купил бы кровью, —
 Но как переменить, что есть?

Ужели также вдохновенье
 Умрет невозвратно с ним?
 Иль шуму светского волненья
 Бороться с сердцем молодым?
 Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
 Мой гений веки пролетит;
 И эти ветви над могилой
 Певца-страдальца освятит

[Лермонтов, т. 1, с. 138–139]¹.

Образ дерева — сквозной, он выступает и моделирующей основой пейзажной зарисовки, и включается в прием психологического параллелизма, и становится своего рода памятником для умершего «страдальца». Тайному свидетелю счастливых мгновений жизни в конечном счете посвящается не только стихотворение, но и жизнь лирического героя. Жертвенные мотивы заявлены во второй строфе (*Я жизнь его купил бы кровью...*), в финальных стихах могильное дерево освящается бессмертным гением певца.

На следующем листе после стихотворения «Дереву» Лермонтов делает запись «Мое завещание» с пометой «про дерево, где я сидел с А. С.». Анаграмма выступает приемом отсылки к реальному событию, произошедшему в недавнем прошлом. Инициалы «А. С.» большинство комментаторов связывают с Анной Григорьевной Столыпиной [Мотовилов, с. 138]². Вслед за намеком на биографическое событие следует текст «завещания»:

Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под ним и слышал волшебное слово: «люблю», которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца; в то время это дере-

¹ В дальнейшем отсылки на это издание даются с указанием тома и страницы.

² Среди адресатов называется также имя Агафьи Александровны Столыпиной [т. 4, с. 673]; см. также: [Глассе, с. 80–121].

во, еще цветущее, при свежем ветре покачало головою и шепотом молвило: «безумец, что ты делаешь?». Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды; но тогда же взял бумагу и сделал следующее завещание: «Похороните мои кости под этой сухой яблоней; положите камень; и пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!» [4, с. 528–529].

Данный текст считается вольным переводом стихотворения Байрона «A Fragment» [см.: Найдич, с. 10–34] и так же, как «Дереву», соотносится с произведением Байрона «To an Oak at Newstead» («Дубу в Ньюстеде») [см.: Мотовилов, с. 138]. Однако байронический контекст в данном случае — это не единственное, что характеризует специфику художественного события.

Поэтический текст «Дереву» и прозаическая приписка к нему могут рассматриваться как единый эстетический комплекс. В «Моем завещании» возникает зеркальный по отношению к стихотворению мотив. Если в поэтическом тексте герой вверяет свои мечты *коре... послушной*, то в прозаической приписке дерево как свидетель *радостей человеческих* качает головой и шепотом молвит: *безумец, что ты делаешь?* Это создает условие для межтекстового диалога. Авторская позиция в эстетическом комплексе проявлена в стремлении к биографической мотивации события, которое превращается в жизнотворческую модель, байронический акцент только усиливает ее. Мифологизируя исключительную любовь, у которой есть счастливая ретроспекция, Лермонтов мифологизирует и будущее, отмеченное *бессмертием*. Если в стихотворении это связано с темой вдохновения, то в «завещании» — с бессмертием имени. Оба текста находятся в диалогическом взаимодействии, а интертекстуальный фон объединяет мотивы, соотносимые в романтической эстетике с идеей вечной славы.

Между тем в стихотворении присутствует также номинологический акцент. Он проявлен в скрытой аллюзии на парный мотив «имя — дерево» (или «надпись на дереве»). Подобно тому как мифологема древа соотносится с устройством мироздания и гармонизацией хроноса [см.: Топоров, с. 396–406], так и в имени как словесной персонификации судьбы заложено стремление к прорыву за пределы земного бытия. Лирическая ситуация начальной строфы вводит визуально воспринимаемый образ: дерево находится перед героем, он же «вверяет» древесной коре «любимые мечты». Эта ситуация создает аллюзию на идиллический мотив «имя на дереве». С. И. Николаев, возводя данный мотив к буколической традиции, приводит примеры переводов античных авторов русскими поэтами XVIII — начала XIX в. и анализирует постепенное закрепление его в русской литературе от психологической детали до темы стихотворения, а позже и сентиментальной повести [см.: Николаев, с. 46–65]. «Психологическая и эмоциональная атмосфера самого момента создания надписи связана с болью разлуки с любимым или его утратой, невозможностью быть вместе или томлением по утраченному или несбывшемуся счастью»; в то же время имя на дереве — это «своеобразное любовное послание, которое при всей своей краткости исполнено большого эмоционального напряжения; это своего рода

язык влюбленных, понятный им одним» — такова природа идиллической ситуации, по наблюдениям С. И. Николаева [Там же, с. 49, 51].

Намек на идиллический мотив надписи на дереве в комплексе со строфическим аналогом октавы органичен для итальянского направления в развитии русской лирики этого периода, к которому причастны С. И. Раич и К. Н. Батюшков. Правда, в данном случае очевиден лермонтовский романтический акцент преодоления пасторальной символики, перекодировки ее в романтическую, о чем речь пойдет ниже. Строфика «Дереву», состоящая из восьми стихов, хотя в строгом смысле и не воссоздает рифмовку октавы, в структурном отношении ориентирована именно на этот тип строфы³. На русской почве октава утверждается во многом благодаря поэме итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденной Иерусалим». В 1828 г. это произведение переведено на русский язык С. И. Раичем, который вел занятия по практическим упражнениям в российской словесности в период обучения Лермонтова в Московском университетском пансионе. Со «школой Раича» соотносит формирование поэтического стиля юного Лермонтова В. Э. Вацура [см.: с. 204–247]. Мотив имени на дереве как явление «итальянской школы» адаптируется через «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо в эстетике К. Н. Батюшкова. В его очерке «Петрарка», вошедшем в ключевой для эпохи сборник «Опыты в стихах и прозе», в контексте авторского комментария приведен отрывок из итальянской поэмы:

Но перейдем к Тассу. У него Эрминия, нашед убежище у пастырей, оплакивает вечную разлуку с Танкредом. Дочь царей... начертывает имя Танкреда на коре древних дубов и вязов и с ним всю печальную повесть любви своей. Сто раз перечитывает ее и, проливая слезы, обращается к рощам, немым свидетелям ее тоски: «Сокройте, сокройте в себе мою тайну, дружественные рощи! Может быть, верный любовник, когда-нибудь привлеченный прохладой теней ваших, с сожалением прочитает мои печальные приключения и, тронутый до глубины сердца, скажет: “счастье и любовь неблагодарностию воздали за толикие страдания и за примерную верность!” Может быть — если небо внимает благосклонно усерднейшим молениям смертных — может быть, в сии пустыни зайдет случайно и тот, который ко мне столько равнодушен, и, обращая взоры на то место, где будут покоиться мои бранные остатки, поздние слезы прольет в награду за мои страдания и верность» [Батюшков, с. 163]

В прозаическом переводе Батюшкова имя Танкреда, начерченное на коре древних дубов и вязов, обнаруживает печальную повесть любви героев. По наблюдениям В. Э. Вацура, «ранняя лирика Лермонтова развивалась в семантическом поле, заданном “школой Раича”, в пределах установленного ею диапазона образных средств»; «...без “школы Раича”, очевидно, невозможно представить себе в полном объеме проблему “Батюшков и Лермонтов”» [Вацура, с. 240].

Стихотворение «Дереву», сохраняя строфические и образные аллюзии на сентиментально-идиллическую традицию, между тем вводит собственно романтическую модель интерпретации лирического события. Здесь

³ Л. Я. Гинзбург, упоминания о трансформации рифмовки в 8-стишных строфах Лермонтова, соотнесла подобный строфический тип с английской октавой [см.: Гинзбург, с. 109].

важной оказывается еще одна традиция, в контексте которой существует это стихотворение. Образ «древа любви» в романтической эстетике закреплен в балладе В. А. Жуковского «Эолова арфа». Лермонтов по-своему интерпретирует мироделительные аспекты балладного сюжета: встречи влюбленных под «древом свиданий» (1-я строфа), расставание героев (2-я строфа), исключительность творческого дарования как факт приобщения к вечности и к бессмертию (финал текста).

Образ древа как особого рода центрообразующая модель стихотворения «Дереву» и «Моего завещания» определяет ценностную позицию героя по отношению к вечности. Мотив имени в стихотворении присутствует как возможная аллюзия, в большей степени он значим в прозаическом «завещании». Идиллическая традиция преодолевается масштабами воздействия исключительной судьбы на посмертное бытие. Его имя отстраняется от поминальной традиции надгробной надписи, тем самым онтологизируется: «Похороните мои кости под этой сухой яблоней; положите камень; и пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!» Имя и бессмертие становятся единой составляющей посмертной судьбы поэта, подобно тому как в финале стихотворения «Дереву» присутствует уверенность в том, что «Мой гений веки пролетит». Эстетический комплекс 1830 г., образуя интертекстуальный фон взаимодействия центральных тем и мотивов, запечатлел процессы преодоления сентиментально-идиллической эстетики и вхождения в контекст романтического миромоделирования. Отстраняясь от традиции материализации номинологического образа «имени на дереве», от жанра надгробной надписи, Лермонтов находится на начальной стадии онтологизации имени в контексте внепространственной и вневременной памяти о поэте, пережившем любовную драму. Эстетический комплекс 1830 г., запечатлел образы смерти (засохшее дерево, могила певца), в то же время определил полюс бессмертия — вдохновение, память о поэте и его имени. Посмертное бытие имени приравнено к масштабной реализации авторской судьбы.

Батюшков К. Н. Петрарка // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977.

Вацуро В. Э. О Лермонтове : работы разных лет. М., 2008.

Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940.

Гласе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов : исследования и материалы. Л., 1979. С. 80–121.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л., 1961–1962.

Модзалевский Л. Б. Автографы М. Ю. Лермонтова : краткое описание // Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М. ; Л., 1953.

Мотовилов Н. Н. Дереву // Лермонтов. энцикл. М., 1981.

Найдич Э. «Всегда кипит и зреет что-нибудь в моем уме...» // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. СПб., 1994. С. 10–34.

Николаев С. И. Имя на дереве (из истории идиллического мотива) // XVIII век : сборник. [Вып.] 22. СПб., 2002. С. 46–65.

Топоров В. Н. Древо жизни, Древо мировое // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 1. М. ; Минск ; Смоленск, 1994. С. 396–406.

Статья поступила в редакцию 26.01.2011 г.

УДК 821.161.1 Гоголь 7

Зденек Пехал

«НОС» Н. В. ГОГОЛЯ КАК РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕСКАЗА СОБЫТИЯ

Предлагается интерпретация повести Н. В. Гоголя «Нос», согласно которой текст ориентирован не на письменные жанровые формы, а на средства устных жанров, а сам повествователь пользуется сценической мимикой. Посредством пересказа в текст вводится момент «стихийности». Передача «стихийности» слуха играет роль спонтанного сплава неоднородных элементов и обнаруживает в структуре повести амбивалентность значений, в которой одновременно и рядом друг с другом сосуществуют и взаимно просвечивают фантастическая бессмыслица и бытовая повседневность, комическое преувеличение и трагический ужас, гротескный смех и разного рода пародии на предшествующие литературные формы.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь; повествователь; устные и письменные жанры; рассказ; анекдот; слух.

Литература о Гоголе с самого начала публикации повести «Нос» обращала свое внимание на роль сна в сюжетной мотивировке текста, так как в его первой редакции сон выступал как причина и «объяснение» загадочной и непонятной бессмыслицы отрывочных образов, которые разыгрывались вокруг исчезновения и повторного появления носа в разных видах. Текст «Носа» рассматривался как воспроизведение Гоголем богатого тематического контекста «носологии» в газетах и журналах 20–30 гг. XIX в., в том числе и низких жанров, и переводов европейского романа. Повесть «Нос» воспринималась или как остроумная шутка, которая легла в основу ряда комических ситуаций, или как мотив, который послужил для разработки критического взгляда на русскую действительность в духе натуральной школы. Специально была рассмотрена суть фантастичности новеллы, которая стала не только импульсом к обнаружению пошлости, но и своеобразным пространством для игры с действительностью.

В. В. Виноградов в своей статье «Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя “Нос”» занимался исследованием отдела «носологии» русских журналов и газет первой половины XIX в. Он привел литературный контекст русского перевода романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шанди» и подчеркнул временной общественный интерес к вопросам ринопластики. Исследователь прокомментировал сложный контекст «носологии» низких жанров (заметки, анекдоты, каламбуры) газетно-журнальной литературы 1820–1830-х гг., проанализировал формы разного рода разработки мотива носа того времени и сделал заключение, что «в носологической литературе первой половины XIX в., в которой перед глазами читателя мелькали носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся, были даны все элементы, которые легли в основу гоголевской разработки темы о носе...» [Виноградов, с. 22]. Наряду с этим заключением В. В. Виноградов отверг мотиви-

ровку сюжетного развития сном, хотя, с его точки зрения, «композиционный прием отрывочной склейки кусков сохранен...» [Виноградов, с. 24].

Ю. В. Манн вводит повесть «Нос» в контекст романтической литературы и романтической тайны и считает гоголевскую обработку мотива пародией на романтические приемы [см.: Манн]. Исследователь считает, что фантастика повести является новым эстетическим шагом прежде всего потому, что Гоголем снят носитель фантастики. Что касается роли сна в сюжетной мотивировке рассказа, то Ю. В. Манн в основном поддерживает взгляд В. В. Виноградова. Однако, с нашей точки зрения, забывается еще один существенный момент. Повесть начинается следующими словами:

Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цырюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен господин с намыленной щекою и надписью: «и кровь отворяют» — не выставлено ничего более), цырюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба [Гоголь, с. 42]¹.

У читателя под влиянием прочтения приведенного достоверного, даже «протоколярного начала повести» (Г. А. Гуковский), возникает ожидание вероятного продолжения. Создается иллюзия, что существует реальная действительность Петербурга, приводится реальная петербургская улица, места, имена, ожидается, что в этом духе будет продолжаться сюжет повести. Но ожидание вероятного продолжения нарушено следующим абзацем, в котором описано, что в приведенной действительности Петербурга совершилась невероятная история: цырюльник Иван Яковлевич в утреннем, только что испеченном хлебе нашел нос, и в то же самое утро проснулся майор Ковалев, а вместо носа у него было только гладкое место. Действующие лица воспринимают эту ситуацию как реальный факт. Таким образом, возникает ситуация, в которой читатель не может сориентироваться. Вероятное начало повести противостоит невероятно-му продолжению, и доверие читателя в достоверность рассказчика поколеблено. С этого момента наряду с вопросом о продолжении сюжета внимание обращается к вопросу, как понимать приведенную ситуацию и кто же это и в каком жанре рассказывает.

Повествование ведется как будто от имени всезнающего, вездесущего рассказчика, безличной и непосредственно наблюдающей инстанции, заглядывающей прямо во внутренние рассуждения героев. С самого начала пересказа этого необыкновенного случая утверждается, что все, о чем повествует вездесущий рассказчик, произошло и в действительности, в нетекстовой реальности, что Иван Яковлевич, живший на Вознесенском проспекте, в действительности жил и читатель его мог встретить. Хотя рассказчик хорошо знает детали, которые произошли в жизни Ивана Яковлевича утром 25 числа марта месяца, и делает вид, что он хорошо ознакомлен со всеми обстоятельствами того дня и подробностями происшествия, с самого начала заметны противоречия,

¹ Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страниц.

состоящие именно в том, что, с одной стороны, приводятся очень тонкие, опосредованные, как бы прямо наблюдаемые детали из утренней жизни героев, которые никто, кроме них самих, не может подтвердить, но, с другой стороны, утрачена настоящая фамилия Ивана Яковлевича, которая отсутствует даже на вывеске его мастерской. Кажется, что всезнающий повествователь от третьего лица проникает во все детали утренней жизни Ивана Яковлевича и майора Ковалева, однако есть детали, которые от его «всезнающего» зрения остались скрыты. Из самой сущности всезнающего рассказчика вытекает, что он все знает и не может быть моментов и деталей, которые он мог бы не знать. И если такие моменты все же встречаются, то это не незнание, а прямое намерение, замысел. Таким образом, с самого начала рассказа пространство текстовой действительности состоит из областей, которые рассказчик хочет показать, и в то же время есть намерения рассказчика некоторые места оставить вне внимания оптики рассказа, скрытыми. В этом состоит и главное противоречие рассказа: создается как бы ситуация вероятности, непосредственного наблюдения события в живой, внетекстовой действительности и в то же время в повествовании заметны «белые места», ограниченное видение повествователя, его не прямое, а опосредованное видение — через призму чего-то другого. В тексте таких туманных моментов можно выделить несколько, например: «Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно» [с. 45]. Но приведенная манера повествования сосредоточивает внимание в первую очередь не на факте отсутствия определенных деталей пересказа случившейся истории, а делает акцент на жанре повествования, на том, через какую призму осуществляется наблюдение события, какова суть отношений между рассказчиком и событием.

Доказательством опосредованности повествования и того, что рассказчик лично не присутствовал в ситуации и не наблюдал ее, может служить утверждение, что фамилия Ивана Яковлевича была «утрачена». Каким образом она могла быть «утрачена»? Если бы рассказ шел от имени всезнающего, ничем не ограниченного рассказчика, то фамилия не могла бы стать утраченной. Или если бы рассказчик лично знал Ивана Яковлевича, то мог бы забыть, но фамилия была «утрачена», забыта как-то вообще. Это значит, что существует определенная дистанция между событиями и оптикой повествователя, суть которой заключается именно в опосредовании, т. е. фамилия была в течение «опосредования» утрачена. Приведенная ситуация вызывает сомнение во всезнайстве рассказчика: кажется, что в рассказе «Нос» выступает не всезнающий и вездесущий рассказчик, а рассказчик, ограниченный именно тем что хотя формально он и выступает вездесущим, на самом деле он таковым не является. Таким образом, в повествовании подчеркнут не факт «всезнания», а факт, что целостность образа Петербурга в повести «Нос» ограничена именно тем, что рассказчик не является прямым очевидцем происшествия и что событие доходит к нему через «фильтр» услышанного. Развитие события местами теряется в тумане: слухи к рассказчику дошли неполными, в духе традиции жанра устной передачи: «...и что было потом, решительно неизвестно» [с. 64]. Повество-

ватель делает вид, что пользуется общеизвестными фактами. Именно это «посредство» является чрезвычайно интересным. Если возникает дистанция между рассказчиком и событием, из чего, между прочим, вытекает относительное ограничение рассказчика, то тут же напрашивается вопрос: как определить сложившееся звено в пересказе?

В. В. Виноградов показал эстетический контекст повести «Нос», представленный низкими жанрами, каламбурами, анекдотами, слухами о магнетизме и разных событиях, которые «вероятно» случились в Петербурге. И на фоне этого контекста выступает лицо повествователя, который с серьезным видом утверждает исчезновение и потом опять обнаружение носа майора Ковалева. Мотивировка и объяснение всей истории посредством сна, который был составной частью первой редакции, были обоснованно отвергнуты В. В. Виноградовым. Но склейка отрывочных образов, мотивированных сном, в повести осталась. Остался также рассказчик, лицо, мимику и угол зрения которого еще следует определить. Если рассказчик наблюдает историю, произошедшую с носом майора Ковалева, не прямо, а опосредованно, то надо показать суть «фильтра», через который история пропускается и доходит до рассказчика. Если объяснить отрывочную склейку бессмыслицы не сном, а пересказом какого-то услышанного слуха, то можно совершенно просто объяснить мотивировку всех необъяснимых и непонятных моментов повести «Нос». Некоторые части сюжета не объяснены, не досказаны, как это и бывает при использовании слухов. Именно жанр устных пересказов в духе фольклорных сказителей, которые «достоверно» воссоздают истории с чертями и ведьмами, Гоголю очень близок. Но в повести «Нос» выступают не черти или ведьмы, а реальный образ Петербурга. Ю. Манн утверждает, что в «Носе» у Гоголя снят объект фантастичности. Относительно он прав. Относительно, потому что здесь выступают не ведьмы и черти, а только какие-то меняющиеся персонификации отрезанного и опять найденного носа. Однако при этом неизвестной остается та сила, которая дала первоначальный толчок всему повествованию: одинаковым порядком это неизвестно и в фольклорных образах, и в серьезно выглядевшей истории о потерянном носе.

Туманные места возникают в согласии с жанром устного пересказа, в котором что-то потеряно «шумом» и самим процессом устного переноса. Таким образом, рассказчик в духе устных жанров² пользуется не своим возможным всемогущим всезнанием, а только знанием, которое к нему могло прийти посредством услышанного, и он эту услышанную версию соблюдает и пересказ ведет/составляет именно в духе «услышанного» и «пересказанного». Таким

² В исследовательских работах о «Петербургских повестях» Гоголя «Нос» чаще всего определяется как новелла [см.: Виноградов; Эйхенбаум], тем самым подчеркивается ориентация текста на письменные жанры. Нам ближе точка зрения В. В. Кожина, который исходит из того, что существуют два разных типа эпической прозы. К одному принадлежит рассказ и повесть, к другому — новелла и роман. Кожин усматривает и в европейской жанровой традиции, что жанры «рассказ» и «повесть» являются по своему происхождению рассказываемыми, уходящими своими корнями в устную традицию, между тем «роман» и «новелла» являются принципиально письменными жанрами [см.: Кожин, с. 814–815].

образом, повествователь придерживается логики пересказа анекдота или услышанного слуха — невероятного события, в котором достоверно известны детали, но важные факты и возможные «логические» объяснения теряются в духе жанра устного пересказа, через который просвечивает сон, жанры низкой литературы, каламбуры, газетные заметки. Здесь можно привести пример из «рассказанного» гоголевского текста «белых мест»: «Вслед за этим... но здесь вновь все происшествие скрывается туманом, и что было потом, решительно неизвестно» [с. 64]. Таким образом, из вышесказанного вытекает, что повествование в новелле «Нос» является реконструкцией не события, а пересказа события. Читателю внушается ощущение, что это реконструкция события, а на самом деле, это реконструкция пересказа, чего-то услышанного, неточного, смутно ощущаемого, не совсем определенного. Именно эта нарративная установка придает гоголевской прозе известную атмосферу чего-то неопределенного, открытого, несвязного и неоднозначного, что существует независимо от воли рассказчика и передается им только опосредованно в духе слухов, свободно рождается и постоянно отклоняется от ожидаемой схемы.

В. В. Виноградов в уже упомянутой выше статье отмечал мысль Н. Г. Чернышевского о том что повесть Гоголя «Нос» является «пересказом общеизвестного анекдота», но, к сожалению, этой мысли Виноградов не уделил должного внимания и понимал слухи прежде всего как эстетический контекст анализируемого произведения, возможный объект пародии. Ю. В. Манн также обратил внимание на «слухи» в структуре повести: «Форма слухов “вправлена” в необычный контекст... Слухи выступают на фоне фантастического происшествия, поданного как достоверное» [Манн, с. 82]. Из приведенной цитаты вытекает, что «слух» понимается Ю. Манном как частное явление, которое включено в необычный контекст, но не так, что слух представляет собой основной тон рассказчика, который пользуется формой жанра, предназначенного для устной передачи истории, в котором основным сюжетом является пересказ пересказанного. В этой связи мы хотели бы подчеркнуть мысль Б. Эйхенбаума, который в своей знаменитой статье «Как сделана “Шинель” Гоголя» блестяще продемонстрировал особого рода бессюжетность повести Гоголя, значение в ней рассказчика и «тона» повествования [см.: Эйхенбаум].

Таким образом, перспектива рассказчика, который пересказывает слух, является абсолютно свободной и неограниченной, и развитие сюжета оборачивается не предопределенной схемой, а свободным пространством «просвечивания» различных видов реальности, амбивалентностью многообразных жанров, в русле которых рождается особая многозначность повести «Нос».

Обратимся к роли рассказчика в повести. Жанр пересказа близок к анекдоту или устной стихии слухов, которые должны с первых же слов привлечь внимание слушателей (ср.: *Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие* [с. 42]) и вместе с тем создать атмосферу достоверности пересказанного. Таким образом, внимание сосредоточивается не только на привлекательности невероятной истории, но и на манере повествования. Б. Эйхенбаум прямо говорил о «мимике» повествования. Жанр анекдота, пересказа необыкновенного случая или слуха, как правило, работает

с таким выбором материала, при котором внимание может уделяться несущественным фактам, а интересные и «объясняющие» детали могут остаться вне внимания повествователя. Если можно разделить повествование на текст повествователя и текст происшествия, о котором рассказывается, то в случае повести «Нос» отношения между ними следующие: перед читателем выступает не столько рассказчик как очный свидетель случившегося, наоборот, стиль повествования подсказывает, что рассказчик мог и не быть непосредственным наблюдателем и что ситуация до него дошла опосредованно, через рассказ кого-то другого. Таким образом, Н. В. Гоголь на самом деле имитирует посредством рассказчика ситуацию пересказов слухов и ориентирует повествование на устные жанры, т. е. жанры, предназначенные не для письменной, а для устной передачи. Это можно рассмотреть и на чередовании форм рассказа: форма третьего лица заменяется в конце повести рассказом от первого лица: «... Нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю! Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно.... нет, нет, совсем не понимаю» [с. 66—67]. Как будто бы пересказ услышанной истории настолько захватывает пересказчика, что заставляет его прямо включиться в ситуацию и лично обратиться к адресату своего высказывания — своему слушателю, читателю. Объяснить это можно и другим образом: сначала речь шла о прошлом времени, пересказе того, что случилось «когда-то» и как-то «вообще», что всем известно; наконец, случившаяся в прошлом ситуация начинает превращаться в события настоящего времени, составной частью которых является и рассказчик. В конце рассказа появляются и результаты пересказанных слухов. Реальность — как бы внетекстовая действительность — прямо реагирует на пересказанные как будто бы общеизвестные слухи: «Между тем слухи об этом необыкновенном происшествии распространились по всей столице и, как водится, не без особенных прибавлений. Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали весь город опыты действия магнетизма» [с. 63]. Таким образом, рассказчик прямо реагирует на ситуацию, которая сложилась в то время в Петербурге, и «втягивает» нетекстовую действительность в развитие сюжета.

В исследованиях о повести «Нос» бытует представление, что гротеск и абсурд вызваны импульсом бессмыслицы исчезновения носа. На наш взгляд, гротеск повести Гоголя базируется на двух основаниях.

С одной стороны, герои являются пассивной частью повторяющейся жизненной схемы, составной частью механизма, жизненного автоматизма, гротескного соблюдения безличной фигурой предназначенного ему пути. Рассказчик, например, особым способом подчеркивает чин майора Ковалева и повторение деталей его жизни: «Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничок его манишки был всегда чрезвычайно чист, накрахмален» [с. 46]. Такие персонажи уже нельзя считать стремящимися к целостности психологических образов критического реализма. Они скорее всего принимают вид карикатуры с гиперболизированной деталью, деформированными и искаженными пропорциями, что подчеркивается автономностью и преувеличением повторяющейся детали. «Майор Ковалев носил

множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: среда, четверг, понедельник и проч.» [с. 46]. Герои обладают своеобразной визуальной мимикой и жестикуляцией. Гротеск повторного жизненного механизма, жизненной схемы Ивана Яковлевича состоит в том, что он предугадывает все возможные неприятности и хочет найти себе самый бесконфликтный жизненный путь. Он точно знает, что хотя и хотел бы «съесть горячего хлеба с луком», он этого просто захотеть не может, так как уже предусматривает реакцию своей жены и возможный конфликт. Именно через лицо Ивана Яковлевича и через реакцию его жены видится «мимика» рассказчика. Сцена насыщена мимикой жизненной ситуации, когда Иван Яковлевич не хочет ничего другого, как остаться в покое, которая, к его несчастью, вдруг кончается чем-то непредугаданным, неожиданным (нашел нос, который представляет собой именно то, от чего он хотел сбежать), бытовой тревогой и неприятностями. Это гротескная роль подчиненного исполнителя нейтральной жизненной схемы — сюжетной роли.

С другой стороны, эта предназначенная роль, в будущем которой можно уже все предугадать, предвидеть, все варианты уже ожидаемы, вдруг случится то, что никто не ожидал: Иван Яковлевич нашел нос. В тщательно распланированный сценарий его жизненного сюжета вдруг ворвалось что-то совсем из ряда вон выходящее. Комическая мимика предыдущей сцены превращается в положение человека под угрозой. Как схема жизненной ситуации, которую можно предугадать, которая замкнута в круг жизненного повторения. Механизм повторяющейся и заранее предвиденной жизненной схемы повседневного круговорота Ивана Яковлевича и майора Ковалева сталкивается с исключительно неожиданным явлением — исчезновением носа и его превращением в автономную часть целого, которая приобретает своеобразное персонифицированное лицо — и это является вторым источником гротеска и абсурда рассказа «Нос».

Итак, Н. В. Гоголь в повести «Нос» пользуется не всезнающим и вездесущим повествователем, как это может на первый взгляд показаться, а именно рассказчиком, ограниченным логикой «услышанного». Он делает вид, что является посредником передачи общеизвестных фактов и слухов, и в духе устных жанровых форм эти услышанные факты пересказывает. Таким образом, повесть «Нос» является пересказом пересказанного события. При этом слух является не только объектом пародирования, но и общим «тоном» повествования. На основе пересказа пересказанного могут объединяться предшествующие литературные традиции, низкие жанры газетно-журнальной литературы, бытовой анекдот, шутка, своеобразная авторская фантастика, «отрывочная склейка кусков» сна, романтическая тайна и злободневные темы. Композиционно объединяющая роль пересказа пересказанного ставит все высказанное на грань достоверного — недостоверного и сохраняет их в своеобразной амбивалентной двойственности: одновременно «да» и одновременно «нет». «Известное» воспринимается на фоне «неизвестного», и наоборот, причем не только в виде пародии, но и в виде разного рода смещений и просвечиваний. Лицо повествователя вводит в повесть «Нос» своеобразную экспрессивную мимику сценического видения ситуаций, комика которых осно-

вана скорее на смещении возвышенной патетики видения героев и повседневного низкого уличного быта, чем на противопоставлении. Пересказ пересказанного позволяет представить сцену события посредством особой сценической мимики и карикатурного жеста гротескного преувеличения. При этом внимание сосредоточивается не на факте, что носитель фантастического снят, а на вопросе о сущности неизвестного и двигателе странного происшествия.

Пересказ пересказанного вносит в повесть «Нос» еще один существенный момент — стихийность, причем на всех уровнях структуры. Стихийность позволяет видеть мир открытым, в его естественном выражении, не predetermined заранее созданными схемами. В пересказе пересказанного все возможно, непредугаданно, спонтанно и непресказуемо, как будто бы одновременно существует в рамках одной закрытой плоскости и просвечивает через плоскости спонтанного сплава «стихий». Читатель, встречающийся с этой стихийной структурой, должен отбросить все предвзятое и начать воспринимать многоликий образ художественного мира и многозначность такого текста, как «Нос» Н. В. Гоголя.

Виноградов В. В. Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести «Нос» // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3 : Повести. М., 1949.

Кожин В. В. Повесть // Крат. лит. энцикл. Т. 5. М., 1968. С. 814–815.

Мани Ю. В. Творчество Гоголя. Смысл и форма. Реальное и фантастическое. СПб., 2007.

Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 306–326.

Статья поступила в редакцию 4.02.2011 г.

УДК 821.161.1 + 82.09

К. В. Синегубова

ЦЕННОСТЬ МИРА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГУРО

Рассматривается роль образа ребенка в творчестве Елены Гуро. Показано, что ребенок является как субъектом, так и объектом изображения, что целостный взгляд на мир и творческий потенциал ребенка занимает важное место в авторской системе ценностей.

Ключевые слова: русский авангард; творчество Елены Гуро; авторская система ценностей; образ ребенка.

Образ ребенка и детское сознание, свободное от культурных и социальных норм, стали предметом пристального интереса в русском авангарде [см.: Бенчич, с. 39]. Важность темы детства в творчестве Е. Гуро отмечали многие

исследователи. Так, Е. Бобринская пишет о живописи Гуро: «...многие пейзажи Гуро как будто увиденны детским взглядом, свободным от рассудочности и априорности» [Бобринская, с. 174]. С. Бунина отмечает, что Гуро сознательно ориентируется на детское сознание: «Поэтесса убеждена, что только в глазах ребенка, видящих мир первозданно чистым, реальность освобождается от сиюминутной шелухи. Вот почему она берет на себя смелость смотреть на привычные предметы сквозь призму детства» [Бунина, с. 206]. По мнению В. Маркова, образы детей в произведениях Гуро ценны тем, что дети «способны не только видеть вещи словно впервые, но и слышать слова в их изначальной новизне» [Марков, с. 20].

Наиболее полный анализ форм присутствия ребенка в художественном мире Гуро дает Ж. Бенчич: образ ребенка может выступать как тема произведения, но иногда «изображение ребенка с расстояния перемежается с полным вживанием рассказчика в специфический горизонт детского героя», что влечет за собой имитацию детской речи и детской перцепции (ориентация на поэтику импрессионизма) [см.: Бенчич].

В первой книге («Шарманка») Гуро больше внимания уделяет именно детскому мировидению, особенно показателен в этом смысле раздел «Мелочи». Например, в миниатюре «Детское утро» изображается восприятие мира в игре: «Раскрылся желтый лютик, и стало утро. Блестящие чашечки унизали лужок. Собрали чашечки лютика и еще синие и сделали чайный столик...» [Гуро, 1909, с. 117]. Все предметы, которые попадают в поле зрения ребенка, включаются в его игру, благодаря чему мир находится в постоянном движении: «дома выросли грибы на полках», «соломенные стулья заплясали по комнате», «а с основной полочки смолка веселыми слезками падала». Динамика в сочетании с эмоциональностью (*смолка веселыми слезками падала*) создает мир одушевленных предметов.

Кроме оживших вещей, мир детства населяют фантастические существа. В миниатюре «Домашние» описаны духи, которые названы «домашними», «заветными» и «остроухими», они появляются прямо из стен и обладают магической силой. Но в их компетенцию входят такие вопросы, как расцветка субботы (синяя или с полосками) и разновидность детских снов. Скромные обязанности домашних не позволяют отождествить их с домовыми, пенатами или иными божествами, охраняющими дом. Необязательность, факультативность — главное качество фантастических существ, создаваемых детским сознанием в произведениях Гуро.

Аналогичное, ничем не мотивированное и ни к чему не обязывающее возникновение фантастического существа наблюдается в миниатюре «Кот Бот», опубликованной в сборнике «Трое»: «Котик кутал мордочку лапками, кутал, кутал и превратился в Куточку. Проснулись дети, видят, на их кровати лежит Куточка» [Гуро, 1993, с. 251]. Причины этого превращения опущены, равно как и следствия. Возникшее из ниоткуда сказочное существо, Куточка, не наделяется никакими функциями, кроме одной — удивить детей. Можно утверждать, что население мира живыми существами носит не мифологический, а игровой характер.

Категория игры очень важна как для творчества Е. Гуро [см.: Гурьянова, с. 71], так и для авангарда в целом: «Отказ от рационального мышления, т. е. Разума как инструмента для постижения таинств творчества, являлся доминантой программы русских футуристов» [Фиртич, с. 247]. В произведениях Е. Гуро смысловой сдвиг открывает возможности нового видения. Игра становится средством создания целостного мира: «непосредственность и фамильярность игрового момента и игрового пространства снимает трагизм и разрешает дуализм закрытого и открытого, создает единый иной мир» [Башмакова, с. 12]. Мир, созданный детьми, лишен деления на одушевленные и неодушевленные предметы, в нем вещи и духи равно включены в единое игровое действо.

Выявить реализацию категории целостности в мировидении ребенка можно на основании сопоставительного анализа двух стихотворений, помещенных в книге «Шарманка»: «Скука» и «Детская шарманочка». С. Н. Бунина указывает, что эти стихотворения «перекликаются по принципу зеркального отражения», и отмечает, что в «Скуке» Гуро пародирует «пошлость повальной моды на пьеро и арлекинов», в то время как в «Детской шарманочке» «персонажи *commedia dell'arte*» получают еще одну жизнь благодаря свежести детского мировосприятия» [Бунина, с. 205]. На наш взгляд, эти два текста контрастируют друг с другом не только как шаблонный и оригинальный, но и по принципу целостности и раздробленности. «Скука» показывает разлад между героями, которые могли бы составить пару, Пьеро и Pierette: «Отчего Вы теперь опять / покраснели / Что-то хотели сказать, / и не сумели? / Или Вам за меня, / за — меня? — / Обидно? / Или, просто, Вам / со мною стыдно? / Но глядит он мимо нее: / он влюблен в фонарик...» [Гуро, 1909, с. 153]. Раздробленность мира подчеркивают стилевые диссонансы текста «Взвилась, свистя и сопя, красная ракета». В «Детской шарманочке» такой внутренний разлад отсутствует, героев стихотворения объединяет игра: «Соберемся все под елочкой, / Краток ночи срок, / Коломбина, Арлекин и обезьянка / Прыгают через шнурок» [Там же, с. 155]. На то, что перед нами именно детское мировосприятие, указывает и обилие уменьшительных суффиксов, благодаря которому создается уменьшенная модель мира, и само стихотворение «Детская шарманочка» может быть воспринято как уменьшенная копия «Шарманки».

Ж. Бенчич отмечает, что одним из способов воплощения детского сознания в текстах Гуро является имитация детской речи, а именно словотворчество, которое «следует технике инфантильно неадекватного комбинирования известной корневой семантемы и продуктивного суффикса в соответствии с существующей языковой моделью» [Бенчич, с. 151]. В статье Ж. Бенчич дан довольно подробный сопоставительный анализ фаз детской речи и особенностей стилистики Гуро. Для нас же важна цель обращения Гуро к детскому языку, место инфантильного словотворчества в системе ценностей автора. На наш взгляд, такие слова, как *воркотик*, *дуратик*, *пушончик*, *беловатик*, *кошуратик*, *животненький*, *полевунчики*, *прудик*, *водик*, *растерятик*, *ласкунчик*, *говоруйки*, не столько создают образ, сколько выражают любовное отношение говорящего к предмету речи.

Рассмотрим тексты, в которых показан процесс словотворчества:

Море, плавно и блеско.
 Летают ласточки,
 Становится нежно розовым.
 Мокнет чалочка,
 Плывёт рыбалочка,
 Летогон, летогон,
 Скалочка!
 Что ещё за скалочка? Это просто так, я выдумал. Это очень мило, скалочка! Скалочка! Это должно быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой!..
 [Гуро, 1993, с. 59].

В этой лирической миниатюре из «Небесных верблюжат» объясняется цель создания новых слов — «просто так», отсутствие утилитарной цели позволяет интерпретировать происходящее как игру. Возможно, именно поэтому в тексте дается объяснение только одному слову, последнему в стихотворном фрагменте, «чалочка», «рыбалочка» и «летогон» остаются необъясненными. Субъект речи создает новые слова свободно, без какого-либо задания, получая явное удовольствие от спонтанного словотворчества, на что указывают как уменьшительные суффиксы всех неологизмов, так и комментарий самого творца: «это очень мило!»

Связь словотворчества с положительными эмоциями подчеркивается и во втором тексте:

От счастья летнего рождаются слова! Все хорошие слова:
 Прудик, водик,
 бродик,
 верблюдик,
 растерятик,
 парходик.
 А парходик со звонкой, красной американской полосой сегодня утром
 видели с балкона [Там же, с. 57].

Счастье выступает как условие и причина словотворчества, создание новых («хороших») слов показывает, что говорящий находится в гармонии с миром. Гуро делает акцент на самопроизвольном возникновении новых слов при минимальных усилиях со стороны говорящего.

Именно единство и цельность мира, отсутствие внутренних противоречий и делает детское мировосприятие особенно ценным. Видение ребенка абсолютно гармонично. В миниатюрах, изображающих игру, нет внешних границ игрового пространства: в игру включается весь мир. Так, например, в рассказе «Детство»: «Детская комната “по ночам летала в межзвездных пространствах”, и в то же время во внутреннем пространстве комнаты “до самого ковра гостиной... тянется Патагония”» [Там же, с. 234]. В тексте присутствует и мир взрослых: «Где-то молотили, собирали и готовили перед зимой», но этот внешний по отношению к игровому пространству мир не противопоставлен миру детей,

более того, благодаря детскому мировосприятию сельскохозяйственные работы становятся источником чуда и причиной появления еще одного фантастического существа: «Оттого переполнена светом и спелым тишина. Оттого празднична дорожка к гумну и амбару, и осыпанные росой пахнут спелой землей полосы пашни. И не уходя стоит в поле осенний веселый со светлой головой из неба» [Гуро, 1993, с. 234].

В пьесе «Нищий Арлекин» дети, носители целостного мировосприятия, не только не подозревают о «неуместности» Арлекина на улицах Петербурга, но и с легкостью объясняют, как их старая игрушка вернулась к ним в облике человека: «У него совсем не отломан нос. — Боженька залечил ему нос в Царстве Небесном» [Гуро, 1909, с. 180]. Арлекин — персонаж комедии дель арте, возникшей на основе карнавальной культуры [см.: Бахтин], не случайно в пьесе Гуро Арлекин появляется на улицах и пытается вовлечь в игровое действие прохожих. Но реальность такова, что Арлекина принимают только дети, взрослые же персонажи пьесы его фактически уничтожают.

В рассказе «В парке» присутствуют не только дети, но и взрослые — дамы «в корсетах, греческих стилизованных прическах и перчатках по локоть». В их образе подчеркивается искусственность, но и они оказываются включенными в игру. Основой объединения становится поэтическое творчество: «я подошла к дамам в колясках и, желая поделиться с ними богатством, очень учтиво предложила выучить их писать стихи. Это самое веселее на свете! А ведь они ради весеннего выехали за город. — Стихи? Сафо! Ах, пожалуй, это будет интересно, и даже в греческом вкусе!» [Гуро, 1909, с. 95]. Возникшее непонимание игнорируется и, хотя у дам свои основания писать стихи («в греческом вкусе»), они все-таки оказываются включенными в игровой мир.

Изображенное в этом рассказе возникновение стихов из вполне материальных веществ — земли и дождевой воды — также может быть понято как игра. Но и взрослый поэт пользуется тем же рецептом: «У него ладони были в земле. На минуту вода в кадке струила наклоненное лицо...» [Там же, с. 96]. В процессе игры дети открыли истину и приобщились к творящей силе земли, а талант поэта обусловлен тем, что он сумел сохранить в себе ребенка. Творческий потенциал ребенка дает основания для объединения поэтов, художников и детей: «О! солнце! Художников, деревьев, поэтов, солнце детей, играющих в формочки, кроликов и котят на горячем песке» [Там же, с. 67].

В книге «Небесные верблюжата» (1914) происходит переход от изображения детского мировосприятия к изображению самого ребенка, в чьем образе всегда подчеркивается незащитность, слабость и в то же время моральное превосходство над взрослыми, уходящее корнями в евангельскую традицию [см.: Бенчич]. В двух миниатюрах, которые изображают ребенка в диалоге со взрослыми («Мама, а Дон Кихот был добрый?» [Гуро, 1993, с. 68], «Кошечка» [Там же, с. 131]), именно ребенку свойственно сопереживание, сострадание более слабым и незащитным, чем он, существам — литературному герою и животному. В обоих случаях ребенок пытается найти выход: в случае с Дон Кихотом происходит размыкание границ текста — благодаря воображению ребенка несчастный идальго попадает в более теплую компанию; в миниатюре

«Кошечка» ребенок предпринимает попытку преодолеть смерть и задает вопрос о душе, которая является залогом вечной жизни. Сострадание как отличительная черта детей подчеркивается контрастом между ними и взрослыми, которые сначала поддерживают разговор, но очень быстро его обрывают из-за того, что заняты практическими делами («Ты мешаешь мне шить! Пошла спать!») Ребенок в мире взрослых обречен не только на непонимание, но и на обман.

Мотив обмана доминирует в рассказе «Вася», центральном в группе текстов о детях в «Небесных верблюдках». Этот мотив звучит с первых же строк и имеет отношение не только к главному герою, но и к юношеству вообще: «Они вас обманули, ваши отцы! Они из года в год обманывают молодежь. Но я мать, меня не подкупишь, я вам скажу правду» [Гуро, 1993, с. 106]. Обман заключается в подмене настоящего с его детскими радостями будущим с «упроченным положением» В этом рассказе Гуро строит четкую оппозицию детских ценностей (поле, луг, солнце, речка, лодка, животные) и ценностей взрослого мира (груда бумаг, ломберный стол, накуренный клуб, награды, повышения по службе), которые оборачиваются антиценностями. Мир взрослых пуст, потому что лишен любви («Я встретил ее, — я чувствую, что это она! Отчего же она меня не узнала?»), дружбы («Товарищи, друзья! — Зачем?! У тебя всегда и везде найдутся сослуживцы!»), самореализации («Зачем тебе призвание? У тебя будут очередные награды»). Взросление, с точки зрения Гуро, это не просто утраченные возможности и негативные изменения, но и буквально смерть души: «мы заманили его в западню, выбросили в волчью яму, где он годы гнил со сломанными ногами, — где умирала с голоду его душа, — годы, и — умерла» [Там же, с. 107]. Причина смерти заключается в том, что героя перемещают в неестественное пространство, схожее по описанию с тюрьмой: «глядеть день за днем на противный гимназический двор, серый и каменный — безнадежным тусклым взором покорившегося каторге...» [Там же, с. 106].

Мотив пленения, заданный в «Васе», развивается в других миниатюрах «Небесных верблюжат»: «Жил-был еще один мальчик, нежный, застенчивый, чистоплотный, аккуратный... Но он посмел жалеть и любить, и от жалости он стал смелым — и за это его взяли, как преступника, и увели от матери... В первый раз он очутился без нее. Его страданья, неженки, брошенного в каземат, — были ужасны...» [Там же, с. 110]. В этом тексте совпадают перемещение героя в тюрьму и его отрыв от матери. Таким образом, перед нами вынужденное взросление, которое причиняет страдания герою. Причинами пленения становятся положительные моральные качества юного героя: смелость, способность любить и жалеть. Так же характеризуются и другие «мальчики» — герои «Небесных верблюжат».

Гуро подчеркивает, что именно моральное превосходство ребенка (юноши) становится причиной негативного отношения к нему и насилия:

Юность вы ненавидите, вы ей слишком завидуете, — вы ее гоните и обрезаєте по меркам, чтобы она не колола вам глаза своей чистотой и честностью, и своей способностью по-настоящему творить [Там же, с. 106].

...Отталкивают молодых и не дают им войти, потому что они талантливее, — оставляют их в темноте... [Гуро, 1993, с. 117].

От восхищенья перед ними в нём раскрылось утро. Тогда это укололо их: тут было кое-что такое, отчего жизнь трезвая и порядочная — казалась бы подловатой [Там же, с. 127].

Контраст между молодостью и старостью осознается не только автором, но и героями, представителями мира взрослых. И именно осознание этого контраста, страх и зависть становятся причиной неприятия юного героя. Но сам юноша, как правило, не чувствует разрыва между собой и взрослыми: «Он кричал, как галчонок, добиваясь, чтобы его впустили туда, где было светло» [Там же].

В процессе противостояния юный герой занимает скорее страдательную позицию, он не в состоянии оказать активного сопротивления: «Он хотел бы драться, а мог только молча сопротивляться и увёртываться... И он решил опускать белобрысы ресницы и молчать: в этом была его защита, и другой не было» [Там же, с. 119]. Мотив страдания и жертвенности очень важен в системе ценностей Гуро: он объединяет такие константы ее творческой системы, как страдающая юность, поруганная красота и готовый на самопожертвование герой повести «Бедный Рыцарь».

Во всех указанных текстах происходит размывание возрастных границ, перед нами уже не ребенок, но герой, в чьем образе определяющей становится молодость. Четкую границу между героями-детьми и мечтателями, наделенными детскими чертами, провести достаточно сложно. Единственное указание на возраст встречается в рассказе «Вася»: герою 12 лет. Но точный возраст не так важен, как общее ощущение юности: «вы крылатые, а крылатость ваша ещё с пушком первой молодости» [Там же, с. 69]. Часто подчеркивается их сходство с детьми. «Он все одно, что дитя» [Там же, с. 66], — сказано о герое миниатюры «Нежный дурак». В данном случае имеется в виду не столько возраст, сколько детский взгляд на мир.

Еще одной причиной для сближения детей и мечтателей является потребность в заботе и нежности. Дон-Кихот, не будучи уже ни ребенком, ни юношей, по мнению рассказчика, нуждается в материнской любви, сходной с любовью к новорожденному: «Ах ты, мой болезный! — Эх ты, роженный! Тебя тоже мать родила, сосунка глупого качала, горя не знала, а ты квакал, да сосал, да гулькал» [Там же, с. 67]. В пьесе «Нищий Арлекин» главный герой сам называет себя дитем, когда осознает свою незащищенность в мире Петербурга (будучи более уверенным в себе, он акцентирует в собственном облике лысину). Аналогичная ситуация в «Бедном Рыцаре», где рыцарь — юноша, но мать отмечает в нем детские черты: «Милый. Он совсем как дитя» [Гуро, 1999, с. 66].

Отделение детскости как специфического мировосприятия от образа ребенка, перенос детскости на других героев показывают, что для Гуро важно не детство как особый период в жизни человека, а те качества, которыми обладают дети и которые могут сохранить в себе взрослые люди. Сохранение детского в человеке возможно, Гуро призывает к этому в миниатюрах «Поклянитесь однажды, здесь, мечтатели...» и «Обещайте». Остаться собой можно, если помнить свои мечты, если «быть верными своей юности» [Гуро, 1993, с. 52].

Несмотря на то, что ребенок в «Небесных верблюжатах» выступает как существо пассивное, незащитное перед агрессией окружающего мира и не способное защитить себя, сохранение детского взгляда на мир становится первостепенной задачей человека. Утрату прежнего мировосприятия Гуро расценивает как предательство: «Потому что когда-то, человек, — ты предала свои мечты. Ты сдалась. Ты забыла прежнее, ты даже не заметила этого. Сказала: прошла молодость — мне уже за тридцать, все мы успокаиваемся» [Гуро, 1993, с. 104].

В этом контексте следует обратить внимание на эпизоды, в которых взрослые герои как бы превращаются в детей. В рассказе «Перед весной» взрослая героиня повторяет поступок ребенка: «Маленькая девочка с локонами и покупками в руках; у детей бывает весеннее настроение. Магазин. Зачем бы взойти в магазин? Я куплю какую-нибудь мелочь на 10—5 копеек... я куплю красный деревянный грибок» [Гуро, 1909, с. 9]. Повторение поступка девочки делает героиню похожей на нее: «красная деревянная шапочка горит в руке, как ягодка, делает доброй, маленькой» [Там же], и героиня подает милостыню нищему, хотя сначала хотела пройти мимо.

Уподобление ребенку сразу меняет человека к лучшему. Детское поведение характерно для тех героев Гуро, которые связаны с творчеством. Поэт из рассказа «В парке» создает стихи из земли и воды по рецепту «девочек с крайней дачки». В сказке-поэме «Пир земли» поэт попадает в сказочное пространство и вспоминает детство: «И теперь вот опять было как в детстве, опять счастье собирания» [Гуро, 1997, с. 100]. Но это не просто воспоминание, герой кардинально меняется, и воскресшая детская радость остается в нем навсегда.

Детский взгляд на мир как составляющая идеала возникает и в «Бедном Рыцаре» — произведении, в котором ценностные установки выражаются не только имплицитно, но и в форме развернутых сентенций главного героя. Одна из главных проблем, затронутых в повести, — это проблема непонимания красоты, и Бедный рыцарь советует Эльзе уподобиться детям: «Дети никогда не забывают о том, что красиво» [Гуро, 1999, с. 15].

Таким образом, мир детства в художественной системе Гуро представляет ценность потому, что ребенок превосходит взрослых как в этическом плане, так и по уровню эстетического восприятия. Посредством игры дети приобщаются к творческой силе природы и сами становятся творцами: игровое поведение ребенка позволяет ему создать свой собственный гармоничный и бесконфликтный мир, в котором происходит оживление неодушевленных предметов. Детское мировосприятие предстает в художественном мире Гуро как идеальное, на что указывают прямые призывы к сохранению детского в человеке в «Небесных верблюжатах» и «Бедном Рыцаре».

Башмакова Н. «Над крайней призывной полосой...»: местность и пространство в творчестве Елены Гуро // *Studia Slavica Finlandensia* IV. Helsinki. С. 1—34

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.

- Бенчик Ж. Инфантилизм в произведениях Елены Гуро // *Europa Orientalis*. 1994. 13/1. С. 39–61.
- Бобринская Е. А. Натурфилософские мотивы в творчестве Елены Гуро // *Вопр. искусствознания*. 1997. № 2. С. 159–178.
- Бунина С. Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе XX века : (М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева) : монография. М., 2005.
- Гуро Е. Г. «Жил на свете рыцарь бедный...» / публ. Е. Биневица. СПб., 1999.
- Гуро Е. Из записных книжек (1908–1913) / сост. и вступ. ст. Е. Биневица. СПб., 1997.
- Гуро Е. Г. Небесные верблюжата. Бедный рыцарь : стихи и проза. Ростов н/Д, 1993.
- Гуро Е. Г. Шарманка. СПб., 1909.
- Гурьянова Н. Толстой и Ницше в «творчестве духа» Елены Гуро // *Europa Orientalis*. 1994. 13/1. С. 63–76.
- Марков В. Ф. История русского футуризма. СПб., 2000.
- Фиртич Н. Льюис Кэрролл и русский алогизм // *Русский авангард 1910–1920-х годов в европейском контексте*. М., 2000. С. 245–252.

Статья поступила в редакцию 14.01.2011 г.

УДК 821.112.2 Гофман

Н. Б. Черепанова

ПОЭТИКА ВАЛЬСА В ЛИРИКЕ В. В. ГОФМАНА

Рассматриваются особенности поэтики В. Гофмана, малоизвестного поэта символистского круга. Анализируются стихотворения, показательные для восприятия Гофмана как «поэта вальса». Выявляется своеобразие «гофмановской интонации». Доказывается, что идея танца как культурная доминанта эпохи нашла свое отражение в творчестве поэта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лирика В. В. Гофмана; поэтика вальса; дионисийство; ритм.

По словам Н. Гумилева, В. В. Гофман (1884–1911) «обеспечил себе почетное место среди поэтов второй стадии русского модернизма» [Гумилев, с. 129]. О нем писали В. Брюсов, А. Блок и др. Ю. Айхенвальд, например, полагал, что есть основания говорить об особой гофмановской интонации. Критик связывал ее с присущей лирике Гофмана «танцевальностью» и называл его «поэтом вальса» [Айхенвальд, с. 465]. Вслед за Айхенвальдом мы также считаем образ вальса одним из устойчивых в авторской поэтической мифологии. По нашему мнению, сквозь призму именно этого танца полнее всего раскрывается творческая индивидуальность Гофмана-лирика. В настоящей статье речь пойдет о двух наиболее характерных, на наш взгляд, вальсовых стихотворениях Гофмана: «Valse masquée» («Книга вступлений», 1904) и «Летний бал» («Искус», 1910).

Танец — одна из универсалий культуры Серебряного века. Характеризуя идею танца как культурную доминанту эпохи, В. Абашев подчеркивал, что она впитала «творческие импульсы философии Ф. Ницше, поддержанные

родственными интуициями в национальной традиции», проинтегрировала «оттенки родственных идей: дионисийство, музыка, соборность, освобождение плоти, язычество, игра, ритм, эллинизм» [Абашев, с. 10]. Исследователь указывал далее на преимущество танца в сравнении с другими категориями: «Пластическая осязаемость, жизненно-практическая и художественно-эстетическая конкретность сообщали идее танца особую убедительность, повышенную суггестивность и влияние» [Там же]. Влияние танца испытали на себе В. Маяковский и М. Волошин, А. Блок и А. Белый, О. Мандельштам и А. Ахматова. Среди тех, кто попал под обаяние танца, был и В. Гофман. Его танцем стал вальс (от нем. *waltzen* — кружиться, скользить).

Вальс был известен уже в XV—XVI вв., сложившуюся форму он обрел к 70—80-м гг. XVIII столетия, а популярным танцем стал в XIX в., который принято считать эпохой вальса [см.: Васильева-Рождественская, с. 15]. Девятнадцатый век — время массовых бальных танцев, демократичных, ритмически живых и естественных. Вошли в моду общественные балы, сделавшие популярными те танцы, которые исполнялись большим количеством пар. Вальс звучал на карнавалах и балах; в череде основных танцев он шел вторым и оказывался центральной частью танцевальной программы.

До 40-х гг. XIX в. законодателем мод в сфере танца был Париж, впоследствии с ним стали соперничать Вена и Москва. Вена обрела известность как родина вальса, Россия — как крупнейший хореографический центр Европы. В России триумф вальса связан с Павловскими сезонами (1856—1865), с именами Штрауса-отца (1804—1849) и Штрауса-сына (1825—1899), носившими титул «королей вальса».

Танцевальная манера вальса характеризовалась непринужденностью исполнения, свободным подчинением музыкальному ритму, отсутствием сложных фигур и строгой последовательности их исполнения, простотой движений и поз, пленительностью мелодий. Широкая распространенность вальса во многом определялась его музыкальной составляющей. Вальс являлся «выражением свободного чувства, романтически “парящей” души», он придавал «высокому полету чувств земную теплоту и лиричность» [Житомирский, с. 24] и как таковой противостоял этикетным танцам прошлого.

Известно, что в XIX в. вальс с трудом пробивал себе дорогу в светские гостиные Европы и России, так как имел репутацию «непристойного или, по крайней мере, излишне вольного танца» [Лотман, с. 86]. Представление о вальсе как о танце страстном, безумном, опасном закрепила и русская классическая литература. А. С. Пушкин называл вальс «однообразным и безумным». Не случайно «верчение» в вальсе Онегина и Ольги шокирует окружающих: «Все в изумленьи» [Пушкин, с. 93]. Л. Н. Толстой, описывая ощущения князя Андрея, танцующего вальс с Наташей, подчеркивал, что, как только герой «обнял этот тонкий, подвижный, трепещущий стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко от него, вино ее прелести ударило ему в голову» [Толстой, с. 212]. В начале XX в. вальс перестает считаться новым, модным танцем, каким он был в прошлом столетии, однако по-прежнему остается популярным, сохраняя присущую ему интимность и опьянительность.

В полном соответствии с устойчивыми представлениями о вальсе находится название, объединяющее два гофмановских стихотворения, — «Valse masquée». Маска на балу являлась обязательной для женщины, мужчины могли быть как в маске, так и без нее. У Гофмана в маске только героини: возлюбленная героя — «сиятельный мак», ее мнимая соперница — «журчащая хризантема» [Гофман, с. 37–39]. Цветочная атрибутика примечательна уже сама по себе: «Без цветов не обходился ни один бал» [Васильева-Рождественская, с. 117]. Не менее значима и семантика выбранных поэтом растений.

В условиях бала-маскарада лирический герой создает ситуацию любовного треугольника. В оппозиции избраннице героя — женщина в маске хризантемы. Хризантема в стихах символистов несет порой несколько полярных смыслов. Отмечается «солнечная природа» хризантем, которая «мерцает уже в их названии» (греч. χρυσός). «Воздушность» цветка позволяет развернуть ассоциацию «цветок — звезда». Хризантема способна образовать «полюс, находящийся между небом и землей, между “ужасом” абсолюта и “нежностью” земного чувства защищенности и близости» [Ханзен-Лёве, с. 599]. Рифма «хризантема — диадема», ее соседство в рамках строфы с образом наяда позволяют объединить в кружении гофмановского вальса стихии земного и небесного, воды и воздуха (ночного неба), совместить их в фокусе «журчащей» звезды-хризантемы.

Пленительная хризантема не случайно находится в оппозиции маске-маку, в хризантеме воплощается лучезарное «счастье первых надежд». Этот романтический период, по мысли героя стихотворения, уже пройден, его тревожит «счастье страсти тревожной и душной», которого он не без основания добивается именно от мака. С образом этого цветка в стихотворение входят не только мотивы мечты, грезы, но и огня, страсти, дурманящего сна, даже смерти. Мак встречается в лирике Гофмана не впервые. Метафорическая характеристика цветка дана поэтом в стихотворении «Что знали цветы»: *Я вечной смерти мгновенный брат. / Неведом людям мой аромат* [Гофман, с. 43]. Три раза в сильной позиции (в конце строки) упоминается этот цветок, трижды повторяется одна и та же рифма: «мак — мрак». Именно он, вестник смерти, рассказывает историю гибели прекрасной девушки, он наблюдал сцену отравления, заметил странный «померкнувший взгляд» отравительницы в зеркале. Мак окружен символами смерти: мрак, зеркало, яд. Лирический герой стихотворения «Valse masquée» провоцирует героиню на страсть, «бред и безумие» которой указывают на ее сходство со смертью.

В русской литературной традиции бал нередко овеян трагизмом. Как замечает Т. В. Марченко, «бал играет чаще роковую роль в судьбах героев», у Лермонтова и Грибоедова бал — «источник сплетен, интриг, общественной или физической смерти героя», у Пушкина — «это дуэль, гибель, разлука», «бал только сводит, а не соединяет», он «предвестник смерти» [Марченко, с. 37]. Рассуждая далее о фатальном значении бала в русской литературе, исследовательница определяет его как попытку и возможность «переступить границу света, границу реального и видимого и заглянуть в самые темные, чудовищные глубины метафизического бытия» [Там же, с. 37–38]. Демонический аспект бала связан с его неотъемлемым атрибутом — вальсом, с присущими данному

танцу кружениями, верчениями, «вихрями», свидетельствующими о его инфернальной природе. Гофман подключает свой вальс масок к указанной литературной традиции, усиливая атмосферу таинственности, гибельности триадой «бал — вальс — мак».

Чтобы осмыслить семантику маски лирической героини «Valse masquée», надо иметь в виду, что вальс — это парный бальный танец. В «Valse masquée» участники танца «говорят» друг с другом не только на языке движений, но и ведут напряженный разговор о любви. Это разговор-поединок, в котором у каждого из них своя партия.

Герой, стремясь склонить героиню к близости, пытается пробудить в ней ревность, сообщая о том, что «пленен хризантемою», что его *тянет в шуршащий камыш / Поплескаться вот с теми наядами*. Он замечает, как она «ревниво» дрожит, «горделиво» молчит и грозит «оскорбленными взглядами». Героиня объявляет своему «единственному», что сегодня он — ее паж, что этот вечер их — «этот вечер желанно-таинственный». Оба связывают свои надежды с уединением в саду, только в ее воображении сад — это «вырезные перила», старинно-унылые дубы, мерцание звезд, напоминающее шепчущие взгляды, ему же не терпится прильнуть к девической груди. Он надеется на ее покорность, упрекает в напрасном упорстве (*Ведь нельзя отстранить неизбежное*), убеждает в том, что *не так страшно все это, как кажется*. Героине предстоит выбрать *счастье страсти тревожной и душевной / Или счастье робких надежд*. Для нее это трудный выбор, ему же кажется, что «не труден, не труден ответ». В ее душе любовь, небесная, «холодная», и любовь, земная, плотская, ведут между собой борьбу. «Что-то», что *скользнуло вдруг... воздушно / Из-под строго опущенных век*, дает герою повод надеяться и говорить о «коварстве» «сиятельного мака». Эротические фантазии обоих рождены таинственной атмосферой бала, опьяняющими, обжигающими взглядами вальсирующих масок, сладко-томительным кружением вальса. Вальс, льющийся «упоительно-вольно», «подсказывает» героине ответ, которого так настойчиво добивался от нее партнер: она выбирает «бред и безумье» страсти. Однако пока это только обещание, только произнесенные шепотом слова, «недосказанность» которых очевидна.

Мак — цветок красного цвета; как замечает А. Ханзен-Леве, «по своей природе» он связан «с символикой огня», с «эротическими, кровавыми и вообще деструктивными мотивами» [Ханзен-Леве, с. 603]. В «Valse masquée» «сиятельный мак» выбирает страсть, «пьянящую» «без раздумья», и тем оправдывает собственную суть. Однако мак — это лишь маска, скрывающая подлинный лик, в рассматриваемых стихотворениях — девическую робость. Маска способствует преобразению героини, «помогает “тому-что-есть” стать “тем-чем-хотелось-бы-быть”» [Керлот, с. 311]. Маска превращает танец в изощренную любовную игру, отличительными чертами которой становятся культ дамы, искушение, соблазн, флирт и т. п. Огонь, с которым сопряжен мак, как и любой символ, амбивалентный. Он связан и с жизнью, и с разрушением, ассоциируется с любовью, которая может оказаться наваждением, безумным сном, грозить гибелью. Маска мака, таким образом, не только объясняет поведение героини на балу, но и предсказывает возможную развязку событий.

Амбивалентная символика мака, диалектическое сочетание в нем темного и светлого начал обуславливают его естественное существование в музыке вальса, где «звукам биться и сладко, и больно». Известно, что символизм воспринимал полярность как выражение сущностной цельности. Этому служит «архетип кругообразного» [Ханзен-Леве, с. 72], который воплощается у Гофмана в кружении вальса. Так в образе вальса в стихотворении сопрягаются жизнь и смерть, небесное и земное, мужское и женское.

Парность вальса на уровне ритмики задана чередованием строк с ударными (мужскими) и безударными (женскими) клаузулами. Кроме того, оба входящие в «Valse masquée» стихотворения прочитываются «вальсово» на «раз — два — три», чему способствует размер — четырехстопный анапест. В первом стихотворении нечетные строки имеют двусложную анакрузу (— —), нарушение размера имитирует здесь такой рисунок танца, при котором пара расходится и вновь сходится. Несколько отлична ритмическая организация второго стихотворения. Первая и третья строки в нем прочитываются на «раз — два — три, раз — два — три, раз — два — три, раз», что создает иллюзию знаменитого вальсового па, при котором, завершая очередной круг, кавалер приподнимает даму в воздухе. Этот рисунок удачно ложится на канву вопросно-ответной формы стихотворения, кроме того, семантика стихотворного размера позволяет говорить о большей интимности между партнерами по танцу во втором вальсе.

Под общим заголовком «Valse masquée» объединены не только два стихотворения, два вальса, но и два диалога. Диалог в лирике встречается редко — это прерогатива прозы, но в стихотворных текстах Гофмана звучат два голоса. Диалогическая форма, организующая словесную ткань произведения, позволяет поэту создать и подчеркнуть эротичность, интимность вальса как танцевального жанра. Мелодика стиха передает напряжение любовного диалога, подчеркивает настойчивость героя, предлагающего героине определиться в ее выборе. Особенно важна роль диалога во втором стихотворении. Оно лишено той плавности, которая присуща первому стихотворению: его строфы состоят не из восьми, а из четырех строк. Диалог, начатый в первом вальсе как любовная разведка, легкий флирт, эротическая шалость, вскоре перестает существовать сам по себе, отдельно от музыки. Звуки вальса «журчат, говорят», бьются «и сладко и больно» в унисон с сердцами героев, сливаются со звуками речи, «приникая в волне разговорной недосказано-шепчущих слов». Это гармоничное сплетение музыки слов и музыки вальса отличает гофмановский «Valse masquée» в целом.

Во втором стихотворении внимание привлекает ритмический сбой, происшедший в четвертой строфе: *Но желанный мне бред и безумье, / Зажигающий ярко сердца. — / Страсть, пьянящая страсть без раздумья, / Без конца* [Гофман, с. 39]. Неожиданно короткая четвертая строка передает своеобразную ритмику, нехватку дыхания, остановку сердца. Семантическое поле страсти задано соответствующей лексикой: каждое слово этой строфы несет в себе особую экспрессивность. Отмеченный сбой выглядит абсолютно оправданным, в том числе и с точки зрения автора. В статье «Язык символистов», позднее вошедшей в спаренный том «Литературного наследия», посвященный символизму, об

аналогичном случае Гофман писал как о «чаровательной» символике «смыслового нонсенса», позволяющей слову приобрести «высокопоэтический колорит» [Литературное наследство, с. 98]. Короткая строка подчеркивает взволнованность героини, опьяненной вихрем вальса, предчувствием «неизбежного».

Диалогичность лирического текста, его строфика, ритм и метр позволяют говорить о своеобразии пространственно-временного континуума стихотворения «Valse masquée». Сокращение строфы, а вместе с этим и реплик танцующих собеседников, стилизация одного из вариантов вальсового рисунка порождают иллюзию уплотнения времени, действие все более стремительно подвигается к закономерной развязке. Сужается и пространство. В первом стихотворении оно ничем не ограничено и включает в себя *шуршащий камыш, сад с вырезными перилами*, дрожание звезд, в нем свободно *серебристые волны звеня разлились, журчат и звенят* звуки вальса. Во втором стихотворении пространственная неограниченность сохраняется только в его верхней точке, где «звукам виться просторно, просторно», сама же атмосфера мелодии и вальсирующей пары так накалена, что оно сфокусировано в интимном пространстве страсти, в котором даже звуки бьются *меж задетых, взволнованных струн*. Пространственно-временная организация придает тексту композиционную стройность, сообщает ему гармоничность и целостность.

Для восприятия Гофмана как «поэта вальса» не менее показательны и стихотворения «Летний бал», ставшее визитной карточкой поэта. Бал у Гофмана начинается со второго танца — вальса, более того, для него бал — это и есть вальс. Тема вальса становится главной и единственной в стихотворении.

Парность вальса у Гофмана традиционно для его поэтики задана чередованием мужской и женской клаузул. В метрической схеме стихотворения определенную роль играет грамматическое чередование открытых и закрытых слогов. В первых двух строфах женским клаузулам соответствуют открытые слоги, мужским — закрытые. Слышится плавная интродукция, развернутое вальсовое вступление. В третьей, четвертой и пятой строфах «женские» строки заканчиваются звуками [j], [m], образуя закрытый слог. Однако, с нашей точки зрения, оснований говорить об изменении ритмического рисунка стиха нет: следует учитывать близость данных звуков к гласным, их полуслоговость. Так звучит у Гофмана основная мелодия, закрытость слога позволяет передать динамику танца, сохраняя при этом ощущение плавности общего движения стихотворной строки. Каждая строка шестой строфы заканчивается закрытым слогом. Для мужской «партии» выбран звук [ц], для женской — [х]. Оба звука непарные глухие, что позволяет им, с одной стороны, звучать в унисон друг другу, с другой — четко различать женскую и мужскую партии танца. Наступает кульминация вальса, в которой «женская» строка благодаря звуку [х] звучит очарованием взволнованного вздоха. Подобная метрическая организация позволяет воспроизвести композицию вальса, что оправданно для поэта, особое значение придающего музыкальности стиха.

Четыре из шести строф стихотворения начинаются словом *был*, прошедшее время глагола в сильных позициях текста, в том числе и в начале стихотворения, позволяет прочесть его как воспоминание. Тональность воспоминания

поддерживается и пространственными ориентирами стихотворения, указательное местоимение *там* задает пространственную дистанцию и в сочетании с трехкратным повтором уточняющего *где* обрисовывает место проведения бала: «Там, где река образовала / Свой самый выпуклый изгиб, / Где наклонившиеся ивы / К ней тесно подступили вплоть, / Где показалось нам — красиво / Так много флагов приколоть». Первые две строфы содержат указание на время проведения бала (*тихий вечер*). Эпитетом *летний* подчеркнут особый характер праздника: он проходит в естественных «декорациях» (здесь — вблизи водоема, среди деревьев). Пейзаж несет на себе черты «архитектурности», служит своеобразной дворцовой залой. Это впечатление подкрепляется сравнением реки с изваяньем и зеркалом, колоннада «лип старинных» поддерживает своды импровизированного потолка небес. Небесное освещение, золотой и алый блеск, отраженные тучей, служат поэтическим заменителем люстр и канделябров. На этом фоне звучит гофмановский вальс.

Душа танца раскрывается через его связь с двумя стихиями — водой и воздухом. Вальс напоминает автору отражения воздушных масс в речной глади. Небеса запечатлеваются на ее поверхности то в статике (река казалась изваяньем), то в динамике (*Был алый блеск на склонах тучи, / Переходящий в золотой*), череде *ликующих чудес*. Таков и вальс. Он соединяет у Гофмана, казалось бы, два взаимоисключающих начала — статуарность фигур танцующих в сочетании с плавностью линий, текучестью и стремительной легкостью движений. Движение вальса подобно течению реки или плывущим облакам: оно быстро, неуловимо изменчиво и одновременно величаво статично. В перебивках вальса воздушна, отражена небесами земная женщина: *Округло-нежны были тучи, / Как очертанья женских плеч*. Слово *изваяние* приобретает символически широкий контекст: от великолепия античных мраморных статуй до туч, напоминающих *очертанья женских плеч*.

Лирическая героиня подчеркнута дистанцирована даже в своей близости к герою. Ее красота близка сердцу, доступна взгляду и в то же время небесно далека. Это подчеркнута пространственными антитезами: сравнением теплых женских плеч с абрисом холодных туч, оппозицией *близость чьих-то... ресниц*. Душа вальса раскрывается автором в единстве этих полярных начал: зримой плоти плеч, лиц, ресниц и эфемерности души, скрывающейся под *чьими-то красиво загнутыми ресницами*. Женский образ неуловимо сливается с водно-воздушной стихией, абстрагируясь в символ Вечной Жены. *Изгиб реки* дополняется изгибом *красиво загнутых ресниц*, стихия и женщина сливаются в круговороте вальса.

Вслед за Ф. Ницше, «танцует» едва ли не вся поэзия начала XX в. В. В. Гофман на балу символизма «танцует» вальс. Его вальсы различны по темпераменту, но сходны по степени проникновения в душу танца, интимность которого соответствует общей тональности творчества поэта. В вальсовом кружении парного бального танца воплощается его трогательная и изысканная мечта о Красоте и Гармонии. По словам В. Брюсова, Гофман смотрит «“необщим” выражением лица» [Брюсов, с. 519], во многом, как нам кажется, благодаря проникновению в душу вальса.

Абашев В. В. Танец как универсалия культуры Серебряного века // *Время Дягилева. Универсалии Серебряного века : материалы III Дягилевских чтений. Вып. 1 / Перм. гос. ун-т ; сост. В. В. Абашев. Пермь, 1993. С. 7–19.*

Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / предисл. В. Крейда. М., 1994. 591 с.

Брюсов В. Я. Среди стихов, 1894–1924 : манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. 720 с.

Васильева-Рождественская М. В. Историко-бытовой танец : учеб. пособие. 2-е изд., пересмотр. М., 1987. 382 с.

Гофман В. В. Любовь к далекой : поэзия, проза, письма, воспоминания / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Чагина. СПб., 2007. 384 с.

Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии : [сборник] / сост., вступ. ст. Г. М. Фридендера; коммент. и подгот. текста Р. Д. Тименчика. М., 1990. 381 с.

Житомирский Д. Балеты Чайковского. М.; Л., 1950. 155 с.

Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994. 608 с.

Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. 691 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : пособие для учителя. Л., 1980. 416 с.

Марченко Т. В. Переписать классику в эпоху модернизма: о поэтике и стиле рассказа Бунина «Натали» // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2010. Т. 69, № 2. С. 25–42.

Пушкин А. С. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 2. / сост. Г. Макогоненко ; примеч. А. Карпова. М., 1980. 734 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 5 : Война и мир / коммент. Н. М. Фортунатова. М., 1980. 429 с.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003. 816 с.

Статья поступила в редакцию 4.02.2011 г.

УДК 821.161.1 + 82.091

Г. Л. Гуменная

«БОЛТОВНЯ» И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ МАНЕРА В ПОЭМЕ ТИМУРА КИБИРОВА «СОТИРЫ»

Анализируется программное высказывание Т. Кибирова: «Я не вещаю — я болтаю» в соотношении с повествовательной манерой его поэмы «Сортиры» (1991). Дружеская «болтовня» позволяет Кибирову органично соединить в себе заведомо «низкое» и бытовое с «высоким» и поэтическим, позволяет поэту воскресить и продолжить пушкинскую традицию, идущую от «Домика в Коломне», выйти к глубинным проблемам собственного творчества.

Ключевые слова: Тимур Кибиров; повествовательная манера; беседа; поэзия; пушкинская традиция.

Представление о собственной повествовательной манере и о своём читателе Тимур Кибиров сформулировал в беседе с Виктором Куллэ: «Я не вещаю — я болтаю... Для меня до сих пор важно, что я перед своим читателем не важничая. Мой читатель не глупее меня и не меньше знает, обладает приблизительно

таким же опытом, мне достаточно ему на что-то намекнуть: а помнишь... а посмотри... локтем толкнуть» [Кибиров, 1998, с. 12]. Обозначенные таким не совсем обычным способом черты повествовательной манеры поэта прослеживаются в его художественной практике, в частности в поэме с эпатажирующим названием «Сортиры» (1991).

Это произведение ориентировано автором на пушкинскую традицию. Кибировский читатель понимает это сразу — по эпиграфу — фрагменту из пушкинских воспоминаний: «Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: “Где, братец, здесь нужник?”» [Кибиров, 2005, с. 175]. Функция эпиграфа неоднозначна: наряду с декларацией следования Пушкину он ироничен по отношению к банальным литературоведческим суждениям о том, что пушкинская поэзия расширила круг предметов действительности, доступных поэтическому воплощению, в нём видно стремление автора соединить воедино традиционно «высокое» и «низкое». В эпиграфе прочитывается также иронический намек на ставшее общим местом и потому во многом лишившееся своего первоначального смысла высказывание Ап. Григорьева: «Пушкин — наше всё». Эпиграфом задана и модель непринужденно-фамильярной манеры общения, реализуемая в поэме.

Важным сигналом связи с пушкинской традицией становится строфа «Сортиров» — октавы пятистопного ямба. Они напрямую сопрягают кибировское произведение с пушкинским «Домиком в Коломне», на что обратили внимание современные исследователи [см.: Строганов; Шапир]. «Семантический ореол» строфы сформировался уже в XIX в., что отмечено Б. В. Томашевским: «В силу сложившейся традиции почти каждая повесть, написанная пятистопным ямбом, отзывалась “Домиком в Коломне”» [Томашевский, с. 239].

Помимо размера и строфы, отличительными чертами «Домика», по Томашевскому, являются «шутливо-иронический тон повествования», образ рассказчика, не до конца совпадающий с личностью поэта, анекдотический сюжет и новый объект повествования — «мещанский быт, малые люди» [Там же, с. 231]. Кибировская поэма, построенная на анекдотическом сюжете с использованием октавы, шутливо-иронического тона повествования, «низких» деталей и «мещанского» быта, со включенным в нее сниженным образом музы, а также образом рассказчика, соединяющим в себе комическое и трагическое, повторяет узнаваемые жанровые черты пушкинского произведения [см.: Гуменная, с. 44–51].

Сам Пушкин манеру ведения непринужденного и свободного повествования называет «болтовней», и не случайно в поэме возникает шутливое замечание: «...Кто болтлив, того молва прославит / Вмиг извергом...» [Пушкин, т. 5, с. 86]. Над формированием этой повествовательной манеры поэт работает с начала 1820-х гг., когда ищет для себя способы ведения рассказа в большой поэтической форме — «Руслане и Людмиле», «Гавриилиаде», «Евгении Онегине». Об этом свидетельствует его письмо к Дельвигу от 16 ноября 1823 г.: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя» [Там же, т. 13, с. 75]; или замечание из письма А. А. Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г.: «Роман требует *болтовни...*» (курсив автора. — Г. Л.) [Там же, с. 180].

Уже с первой строки «Домика» формируется установка на беседу и появляется разговорная интонация: «Четырехстопный ямб мне надоел: / Им пишет всякой. Мальчикам в забаву / Пора б его оставить...». Далее эта установка подкреплена обращением к музе, и муза дана под стать той среде, где разворачивается действие поэмы. Она напоминает бойкую коломенскую мешаночку, которую автору необходимо урезонить, прежде чем начать свою историю: «Усядья муза: ручки в рукава, / Под лавку ножки! не вертись, резвушка! / Теперь начнем» [Пушкин, т. 5, с. 85]. Иллюзия разговора поддержана далее прямыми обращениями к собеседнику или употреблением в повествовании грамматических форм, указывающих на его наличие («Блаженнее ее стократ была, / Читатель, новая знакомка ваша...», «Оставим это, — сделайте мне милость...» и другие), а венчается поэма беседой с читателем в 39–40-й октавах, где читатель обретает свой голос — он возмущен кажущейся беспредметностью рассказа: «Как, разве все тут? шутите! ...» [Там же, с. 93]. И автор успокаивает его мнимо глубокомысленными сентенциями об опасности нанимать кухарку даром и несогласности бритья бороды с «природой дамской», которые подчеркивают игровой характер ситуации в целом. В этом контексте «болтовня», как поясняет «Словарь языка Пушкина», — это «живое, непосредственное воспроизведение действительности в повествовании» [Словарь..., т. 1, с. 159].

У современного автора в упомянутой выше беседе с В. Куллэ разговор о «болтовне» возникает в связи с необходимостью противопоставить собственную творческую позицию позиции официально признанных поэтов советской формации. Кибиров говорит о некоей «функциональности», «прикладном» характере стихотворчества членов Союза советских писателей. Поэзия для них, по его мнению, — это «красиво, необычно, может быть шокирующе сказанное слово», когда «можно сказать это просто, а можно поэтически». Поэтому «знание правил хорошей рифмовки, знание основ версификации... выступало в роли блатной фени, чтоб фраеров отодвинуть» [Кибиров, 1998, с. 12–13]. Об этом же, по сути дела, он говорит в начале «Сортиров»:

... Вольно
освоивцам отечественной Леты
петь храмы, и заимки, и гумно,
и бортничество — всю эту халяву
пора оставить мальчикам в забаву.

Равно как хлорофилл, сегмент, дисплей,
блюз, стереопоэмы — все, что ловко
к советскому дичку привил Андрей
Андреич.

[Кибиров, 2005, с. 175–176]

Кибиров готов оставить своим оппонентам — равно «почвенникам» и «западникам» (*Андрей Андреич* — поэт Вознесенский) — уже освоенные литературой «области» действительности. И пользуется он при этом пушкинской формулой из «Домика в Коломне» («Мальчикам в забаву / Пора б его оставить»), полемически направленной против эпигонов школы «гармонической точнос-

ти». Подобным же гладко пишущим «мальчикам» он противопоставляет коллоквиальной лексикой, нарочито иногда неточными рифмами (ср. далее его замечание по поводу особенностей просодии: «...пусть / простит Гандлевский рифмы» [Кибиров, 2005, с. 212]) или низкой материей своих произведений. По его твердому убеждению, «антоним поэзии — отнюдь не проза, но поэтичность», отсюда и определение собственного способа художественного высказывания, вполне актуальное и для «Сортиров»: «Я не вещаю — я болтаю...».

От Пушкина и от игрового использования им «галиматьи» как специфического наречия литературного общества «Арзамас», где в протоколах заседаний среди разнообразных приемов комического постоянно используется контрапункт «высокого» и «низкого», где встречается, например, «комическое уподобление головы заду» [Краснокутский, с. 37], идет присутствующее в поэме Кибирова грубовато-шутливое уподобление творческого процесса и его результатов функционированию пищеварительного тракта. По точному наблюдению Б. М. Гаспарова, «Арзамасу» удалось создать слитную, целостную образно-риторическую систему, следы которой десятилетиями сохраняются в памяти посвященных и «немедленно, с полунамека опознаются каждым из тех, кто приобщен к традиции» [Гаспаров, с. 144]. В подтверждение этого суждения ученого можно привести пушкинский эпистолярный. В письме к «арзамасцу» П. А. Вяземскому около (не позднее) 21 апреля 1820 г. Пушкин сообщает о «счастливом испражнении пиров Гомеровых» Катениным [см.: Пушкин, т. 13, с. 14]. В более поздних письмах тому же адресату встречаем: «У Ж.<уковского> понос поэтический хотя и прекратился, однакож он все еще... гекзаметрами» (14 августа 1831 г.); «...испрозвился сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит. А все холера...» (3 сентября 1831 г. [Там же, т. 14, с. 208, 220]). Благодаря друга-поэта за его новые сочинения, Пушкин в частном письме может воспользоваться и неудобным для печати словом при обозначения части тела, откуда якобы исходит этот «затейливый навоз» корреспондента. Наряду с подобными метафорами из области материально-телесного низа, там же помещено шуточное стихотворение: «В глуши, измучась жизнью постной, / Изнемогая животом, / Я не парю — сижу орлом / И болен праздностью поносной...» (около 7 ноября 1825 [Там же, т. 13, с. 239]). М. В. Строганов отмечает здесь «близкое схождение» Кибирова с их автором в использовании словесной формулы из «сортирной» поэзии [Строганов, с. 116]:

Доселе я, признаюсь откровенно
(фрейдист-голубчик, ну-ка не кемарь!),
Опаску ощущаю неизменно,
Садясь орлом...

[Кибиров, 2005, с. 179]

Кибиров использует пушкинско-арзамасскую традицию употребления подобной лексики и травестийного снижения образности, что делает возможным понимать «диспепсию» его музыки или описанный автором энурез героя «Сортиров» как контекстуальные синонимы недержания поэтического, а в заглавии и

в выстроенном к нему синонимическом ряде побуждают искать некое метафорическое значение, соотносимое с творчеством.

В поэме точными формулами обозначена ситуация дружеской пирушки мужской компании поэтов-концептуалистов, во время которой, видимо, и рассказываются анекдоты, составившие фабульную основу произведения: «Вертётся / нетерпеливый Рубинштейн. Бокал / влечет Сережу. Надо бы прерваться»; «На немножко / прерваться надо. Наливай, Сережка!» [Кибиров, 2005, с. 187, 202]. В собеседниках автора угадываются поэты Сергей Гандлевский (к нему обращена уже упоминавшаяся реплика рассказчика по поводу неточных рифм) и Лев Рубинштейн. Они образуют классический застольный треугольник. За словесными призывами «прерваться» следует «антракт и смена декораций» [Там же, с. 187], после чего, надо полагать, за пределами текста совершается продиктованное логикой застолья действие, а история переходит к новому эпизоду. Таким образом, непринужденная манера и грубовато-шутливый тон повествования в «Сортирах» получают мотивировку: собеседники не важничают друг перед другом и понимают друг друга с полупапеки.

Одновременно можно говорить и о том, что язык кружка или дружеской интимной переписки, сформировавшийся в литературе пушкинской поры, переводится Кибировым в формат языка общеупотребительного. Посредством такого смещения совершается — через отталкивание от официально признанной советской литературы (в поэме упомянуты А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Е. Исаев, А. Межиров, С. Михалков и другие поэты) — возврат к эпохе литературы золотого века.

Пушкин намекает в своей поэме на набирающее обороты развитие «торгового направления» в современной ему словесности и прибегает к сниженной в духе иронии-комики метафоре: «...Табор свой с классических вершинок / Перенесли мы на толкучий рынок» [Пушкин, т. 5, с. 85]. Усталость от нынешнего «толкучего рынка» литературы («фарцовки / огарками ахматовских свечей, / обрывками цветаевской веревки, / набоковской пылью») побуждает Кибирова поступить радикальнее — пригласить свою музу «сходить на двор».

Однако «Домик в Коломне» невозможно свести только к приключению с переодеванием. «Болтовня» в авторской сфере повествования — с проблемами творчества, состояния современной словесности и многими другими — образует в поэме столь значимый содержательный пласт, что некоторые исследователи готовы вовсе пренебречь собственно коломенской историей [Шкловский, с. 197–220]. Жанровая память подсказывает, что серия анекдотов в «Сортирах» тоже рассказана не только и не столько с целью показать становление героя на фоне эпохи, как вполне справедливо отмечают критики [см.: Кулакова, с. 236], или дать панораму эпохи сквозь избранную поэтом специфическую призму. Дружеская «болтовня» в компании поэтов приводит автора к постановке проблем поэзии и творческого предназначения поэта — традиционным и неизменно актуальным для отечественной словесности. Размышление об этих проблемах образует своего рода метасюжет «Сортиров». Не случайно ближе к концу поэмы, в 91-й октаве, густо даны фрагменты из пушкинских стихотворений, связанных с темой поэтического самоопределения:

<...>

...Конфетки
из всякого дерьма творит поэт.
Пускай толпа бессмысленно колеблет
его треножник. Право, дела нет
ему ни до чего. Он чутко внемлет
вельням — но кого? Откуда свет
такой струится? И поэт объемлет
буквально все, и первую любовь
ко всякой дряни ощущает вновь.
«Гармония есть цель его». Цитатой
такой я завершаю опус мой.

[Кибиров, 2005, с. 211]

Словесные формулы пушкинских стихов, как это отчасти уже отмечалось исследователями [Строганов; Шапир], предварены намеренно огрубленной и сплавленной с разговорным речением цитатой из метапоэтического цикла А. А. Ахматовой «Тайны ремесла»: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» [Ахматова, с. 310]. Кибиров как бы испытывает на прочность слова поэта-предшественника, хочет убедиться, что они не потускнеют от такой жестокой деформации. В октаву вмонтирована также цитата из тютчевского стихотворения, посвященного памяти Пушкина: «Тебя ж, как первую любовь, / России сердце не забудет!» [Тютчев, т. 1, с. 92].

Словно бы напоминая о «всемирной отзывчивости» поэта, автор «Сортиров» обращается к образам пушкинского стихотворения «Эхо» (1831) и включает их в ассоциативный план своей октавы: «На всякой звук / Свой отклик в воздухе пустом / Родишь ты вдруг. / <...> Таков / И ты, поэт!» [Пушкин, т. 3, с. 276]. Узнаваем круг других поэтических текстов, на которые откликается поэт-эхо:

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется...

Поэт, 1827 [Пушкин, т. 3, с. 65].

...Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Поэту, 1830 [Там же, с. 223].

Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Из Пиндемонти, 1836 [Там же, с. 420].

Веленью Божию, о муза, будь послушна

«Я памятник воздвиг...», 1836 [Там же, с. 424].

Эти тексты, помимо констатации вслед за Пушкиным «невольности, пассивности творчества» (эхо «не по своему произволу и выбору повторяет подходящие звуки — “таков и ты, поэт!”» [Соловьев, с. 87]), несут в себе мотивы

противопоставления поэта «в жизни» и в поэзии, поэта и толпы, мотивы свободы поэтического творчества, условий бессмертия поэта. Включенные в киби́ровское произведение, они делают Пушкина живым собеседником автора: тот перебивает его своими вопросами, словно бы вслушивается в знакомые стихотворные строчки, пытается постичь заключенный в них некий сверхсмысл. Беседа поэтов из современного застолья переходит в надвременное измерение.

В следующую (92-ю) октаву включен голос одного из участников дружеской пирушки — С. М. Гандлевского. Киби́ров обращается к его стихотворению «Картина мира, милая уму...», где среди ироничных, но от этого не менее мучительных для автора размышлений о писательстве, выкристаллизовывается цитируемая в «Сортирах» формула: «Г а р м о н и я, как это ни смешно, в о т ц е л ь е г о, точнее идеал...» [Гандлевский, с. 9]. Она приведена без вводного оборота, призванного у Гандлевского снизить пафос высказывания, и в такой форме становится созвучна пушкинскому афоризму из статьи «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности» (1836): «...цель художества есть идеал» [Пушкин, т. 12, с. 70]. Поэтические предшественники и современники в авторском высказывании как бы сплавляются в некое единое нерасторжимое и продолжающееся целое.

Однако вопреки заверению Киби́рова поэма не заканчивается на 92-й октаве яркой мыслью о гармонии как цели поэта. Далее следуют еще четырнадцать строф, и знак точки в конце последнего предложения отсутствует. Автора не отпускает, мучает «немота проклятая мировая», мучает не гармонизируемая и не способная воплотиться в стихи невозможность высказать восторг и, одновременно, тоску от созерцания рассветного часа, когда в детской душе его лирического героя впервые совершается таинство пробуждения поэзии. В финальном эпизоде можно обнаружить параллели с «Невыразимым» Жуковского, с его темой невозможности словесно воссоздать внутренний смысл открывшейся перед поэтом величественной картины закатного пейзажа — всего того, что «слито с сей блестящей красотой», «сие присутствие создателя в созданье» [Жуковский, т. 1, с. 337]. У современного поэта ребенок неясно предчувствует свой грядущий путь и испытывает восторг от услышанного им в предрассветной тишине таинственного звона неведомого, и страх немоты и молчания, страх быть поглощенным этой немотой. Гармония в таком контексте — чаемый, но недостижимый идеал.

«Болтовня» в поэме Киби́рова — это и противовес гладкости «фени» поэзии советской эпохи, и непринужденно-интимное бесцензурное дружеское высказывание, и бескорыстное самовыражение поэта, в котором возможно органично соединить заведомо «низкое» и бытовое с «высоким» и вечным, она позволяет поэту воскресить и продолжить пушкинскую традицию, идущую от «Домика в Коломне», а через дружеские намеки («а помнишь... а посмотри...» [Киби́ров, 1998, с. 12]) выйти к глубинным проблемам собственного творчества.

- Гандлевский С.* Рассказ : книга стихов. М., 1982.
- Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999.
- Гуменная Г. Л.* Жанровая традиция пушкинской поэмы у Тимура Кибирова («Сортиры») // Вестн. ННГУ. 2009. Вып. 6, ч. 2.
- Жуковский В. А.* Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л., 1959.
- Кибиров Т.* Стихи. М., 2005.
- Кибиров Т.* «Я не вещаю — я болтаю...» [Беседа с Виктором Куллэ 21 ноября 1997 г.] // Лит. обозрение. 1998. № 1.
- Краснокутский В. С.* О своеобразии арзамасского «наречия» // «Замысел, труд, воплощение...». М., 1977.
- Кулакова М.* «И замысел мой дик — играть ноктюрн на пионерском горне» // Новый мир. 1994. № 9.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 19 т. Т. 1–7. М. ; Л., 1937–1956.
- Словарь языка Пушкина* : в 4 т. М., 1956.
- Соловьев В.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
- Строганов М. В.* Пушкин у Тимура Кибирова // Традиции в контексте русской культуры : сб. ст. и материалов. Ч. 2. Череповец, 1993.
- Томашевский Б. В.* Пушкин : работы разных лет. М., 1990.
- Тютчев Ф. И.* Сочинения : в 2 т. М., 1980.
- Шапир М. И.* Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров) // Philologica. 2003/2005. Т. 8, № 19/20.
- Шкловский В.* «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1929.

Статья поступила в редакцию 1.03.2011 г.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.034(450) + 75.021.33

О. К. Пичугина

КОЛОРИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИВОПИСНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИТАЛЬЯНСКИХ МАСТЕРОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Рассматривается колористическое построение итальянских полотен первой половины XVII в., отличающееся рядом типических черт, которые наряду с другими особенностями могут служить экспертными признаками, позволяющими определить время создания живописного произведения и его национальную принадлежность. Эти качества достигались благодаря ряду технико-технологических приемов, основанных на оптических свойствах красочных материалов, получаемых на основе масляного связующего, и использованию тонированного грунта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: итальянская живопись первой половины XVII в.; экспертиза; колорит; тональное единство; контраст дополнительных цветов; технико-технологические приемы; оптические свойства красочных паст.

Необходимость изучения колористических особенностей произведений мастеров прошлых эпох носит не только чисто академический характер, она в значительной степени определяется практикой экспертизы, устанавливающей подлинность живописных памятников.

Хорошо зарекомендовавший себя в течение последних десятилетий комплексный метод, позволяющий подтвердить оригинальность живописи и выявить возможные копии, подделки и имитации, сочетает изучение техники и технологии создания произведений со стилистическим анализом. Одно из важных мест в структуре подобных исследований занимает определение колористических особенностей, которые являются экспертными признаками, позволяющими высказать обоснованное суждение о времени создания произведений и их национальной принадлежности.

Изучение автором данной статьи на протяжении ряда лет живописной техники и колористических особенностей произведений итальянских мастеров первой половины XVII в. в крупнейших российских и зарубежных музейных собраниях, а также участие в технико-технологических исследованиях произведений итальянской живописи из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств, проводившихся группой сотрудников сектора экспертизы Института культурного и природного наследия (Москва), возглавляемой Т. В. Максимовой, позволили выделить ряд типических черт, определяющих колористическое богатство итальянской живописи первой половины XVII в. и органично связанных с технологией создания живописных произведений. Эти черты могут являться экспертными признаками, позволяющими (наряду с другими характерными особенностями) сформулировать обоснованное суждение о времени создания и национальной принадлежности исследуемого произведения.

Одной из важнейших особенностей развитой живописно-пластической системы, сложившейся в среде итальянских художников уже в начале XVII столетия, являлся объединяющий характер теней, обобщающих живописные произведения в единое тональное и колористическое целое. Действие тени при этом носило двойственный характер. С одной стороны, единая по цветовому тону темная монохромная тень, распределенная по всей поверхности полотна, придавала композиции необходимую цельность. С другой — способствовала созданию светлотных и цветовых контрастов, обостряющих колористические качества цветовых пятен. Одной из характерных работ подобного плана является картина «Христос в Эммаусе» Караваджо, созданная в 1606 г.¹

В новой колористической системе локальные участки одного цветового тона не уравнивали друг друга, как это было принято в произведениях более раннего периода. Обычно единственное в композиции киноварно-красное или яркое охристо-желтое пятно, изображенное на переднем плане картины, связывалось с теневыми участками через богатую систему средних и темных полутонов, создающих последовательный переход от яркого локального цветового тона к зоне темной охристо-коричневой тени. Движение цвета от более темного и менее насыщенного к более яркому насыщенному локальному цветовому тону имело особое значение и придавало живописному целому богатство и энергию, становясь основополагающим качеством итальянских полотен. Подобный принцип изображения использовал, в частности, Алессандро Тиарини при работе над композицией «Святое семейство со св. Франциском Ассизским, архангелом Михаилом и Иоанном Крестителем», хранящееся ныне в Государственном Эрмитаже².

Для создания эффекта всепроникающего воздействия тени был разработан ряд специфических технико-технологических приемов. Теневые участки в картинах становились необычайно обширными и занимали нередко от половины

¹ Холст, масло. 141 × 175. Галерея Брера. Милан

² Холст, масло. 141 × 175.

до двух третей картинной плоскости. Общим, обычно темным, коричнево-охристым, цветовым тоном прокрывались участки фона, второго и третьего пространственных планов. Этот же цветовой тон наносился в зонах темных теней при построении формы в пространстве переднего плана. Единые по цветовому тону тени прокладывались при построении формы не только на участках карнации, одежд, но и объектов предметной среды. В значительной мере именно за счет этого картины итальянских мастеров рассматриваемого периода приобретали необходимую тональную цельность.

Уже на рубеже XVI—XVII столетий для создания подобного эффекта использовался *т о н и р о в а н н ы й г р у н т*. Известно, что ранние работы Караваджо были выполнены на серых грунтах. В первые десятилетия XVII в. грунту обычно придавались охристые оттенки. К середине века грунты, как правило, становятся более темными, коричнево-охристыми, умбристыми или красно-коричневыми. Утемнение цветовой тональности грунта было связано с развитием системы скорописи, когда грунт в теневых участках не закрашивался, а только лессировался в завершающей стадии работы, участвуя непосредственно в создании формы.

Следующей характерной чертой колористической системы итальянских мастеров первой половины XVII в. явилось широкое использование *т о н а л ь н ы х с в е т л о т н ы х к о н т р а с т о в*, возникающих при сопоставлении освещенных и затененных зон. Яркие локальные цвета на освещенных участках обнаженных тел и драпировок в сопоставлении с темными теневыми участками создавали сложную систему светлотных тональных контрастов, придающих композициям этого периода особое напряжение.

Теоретическое обоснование подобным приемам дал в своей «Книге о живописи» Леонардо да Винчи [Книга о живописи..., с. 136, 197]. Он указывал, что наиболее ярко освещенным участкам при построении формы должны соответствовать самые темные тени. Так, например, если при изображении обнаженных фигур наиболее ярко освещенной оказывалась грудь или плечо персонажа переднего плана, сгущение тени происходило в зоне подмышечной впадины или шеи. В качестве примера такого рода колористического решения можно сослаться на картину Никколо Реньери «Святой Себастьян» из собрания Государственного Эрмитажа³.

Важной особенностью колористической системы итальянских мастеров первой половины XVII в. является *в з а и м о д е й с т в и е о с в е щ е н н ы х у ч а с т к о в м е ж д у с о б о й*. Обычно света в зонах одного или нескольких насыщенных локальных цветовых пятен, проступающих из зоны глубокой тени при изображении драпировок, сопоставлялись с тонко нюансированными, ярко освещенными участками светов при изображении человеческих фигур, светлых тканей либо неба. Сложная система светлотных контрастов выстраивалась в областях светлых, средних и темных полутонов. Теневые участки светлого полутона являлись одновременно светом при переходе к среднему полутону. А тень в области

³ Около 1620 г. Холст, масло. 130 × 100.

среднего полутона становилась освещенной зоной темного полутона. Доминирующий характер, как правило, получали света на драпировках переднего плана — красных и желтых, контрастирующих с приглушенными зелеными, изредка — голубыми или густо-синими. Различные оттенки красного, голубого, синего, темно-зеленого оказывались согласованными с общей тональной средой картины.

Присущая итальянской живописи первой половины XVII в. колористическая энергия в значительной степени возникала за счет использования эффекта колористического контраста. Этот способ колористического построения композиций также был обоснован Леонардо да Винчи [см.: Книга о живописи..., с. 152]. Леонардо указывал на существование отдельных пар дополнительных цветов, усиливающих друг друга. Чтобы добиться мощного воздействия красного цвета, необходимо сопоставить его с зеленым, а для усиления синего — с желтым. Одним из примеров такого рода колористического решения является картина Гвидо Рени «Иосиф и жена Пентефрия»⁴ из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина и его же «Раскаяние апостола Петра»⁵.

Часто колористическая выраженность цветового тона достигалась именно благодаря использованию явления колористического контраста. Так, светлые голубые участки нередко писались серовато-голубым тоном, получаемым из смеси белил с добавлением черного и небольшого количества голубого пигмента, например азурита. Их цветовая тональность усиливалась за счет явления колористического контраста при сопоставлении с теплыми по колориту цветными участками. Этот способ описывал А. М. Леонтовский, отмечавший, что «краски, положенные на полотно, изменяют свой цвет в зависимости от цвета красок, находящихся около них (так, например, серый цвет на фоне желтого синееет, а синий желтеет)» [Леонтовский, с. 38]. Так, например, шарф, опоясывающий мужской торс, в картине Доменико Фетти (1588/89—1623) «Портрет актера»⁶, сопоставляется с красновато-коричневым тоном рукава и принимает при этом ясно выраженный голубой оттенок. Но при внимательном рассмотрении картины в местах потертостей отчетливо видно, что он написан серой краской по темному предшествующему слою подмалевка.

Обостренное внимание итальянских мастеров к проблеме создания в живописи иллюзии выпуклых трехмерных форм обусловило в рассматриваемый нами период крайне редкое применение краевого контраста, который заключался в непосредственном сопоставлении на полотне двух дополнительных цветов или двух тонов, контрастных по светлоте. Такой прием мы встречаем в ранней работе Караваджо «Юноша с лютней», где художник непосредственно сочетает ярко освещенное лицо юноши с темным коричневым фоном. Сила возникающего при этом контраста столь велика, что правая половина лица кажется плоской и как бы развернутой на зрителя. В более зрелых работах следующего периода Караваджо отказывается от использования подобных приемов.

⁴ Около 1626 г. Холст, масло. 227 × 195

⁵ Около 1635 г. Холст, масло. 73,5 × 56,5

⁶ Между 1621 и 1622 гг. Холст, масло. 105,5 × 81. Государственный Эрмитаж.

Стремление к гармонии и цельности композиционных решений привело к сопоставлению контрастных красочных пятен через посредство колористически нейтральных зон. Чаще всего роль таких зон исполняли тени. Так, в картине Рутилио Манетти «Поклонение волхвов» из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств⁷ зеленый тон одеяния одного из волхвов непосредственно сопоставлен с коричневатой тенью на красном плаще другого волхва. Этот темный участок живописи, разделяющий два контрастных по цветовому тону красочных пятна, успокаивает силу возникающего контраста и заостряет внимание на светотеневом построении формы, включая ее в тональную среду картины.

Создавая колорит по законам гаммы, итальянские художники XVII в. оперировали обычно большими цветовыми массами, сопоставленными друг с другом по закону контраста дополнительных цветов. Этот контраст, подчиненный тональному единству колористической среды, нередко включался в систему еще более ярких и мощных цветовых сочетаний. Так, в картине Кристофано Аллори «Юдифь с головой Олоферна»⁸ цвет алой подкладки плаща юной героини сопоставлен с темной зеленью занавеса. Но возникающий при этом контраст заглушается яркостью желтого атласного платья, подчеркнутого алой тканью того же плаща. Напряженное свечение желтого в сравнении с темным коричневым фоном усиливают белые рукава и шарф, опоясывающий торс героини. Таким образом, в картине возникает иерархия контрастов, соответствующая положению отдельных предметов в пространстве. Предметный цвет, таким образом, будучи вписанным в живописную среду, отчасти утрачивает в ней свое самостоятельное звучание и приобретает тональные качества, зависящие от положения предмета относительно источника света.

В итальянской живописи первой половины XVII в. художники активно применяли так называемые «несобственные» качества цвета, которые играли активную роль в контрастах и придавали особую насыщенность колориту [см.: Волков, с. 208; Зайцев, с. 146]. Сюда включаются прежде всего пространственные качества цвета — свойство одних цветов выглядеть отступающими, других — выступающими на передний план на живописной плоскости. Киноварно-красный тон, сияющий в темном окружении, всегда выглядит выступающим на зрителя, он использовался итальянскими художниками чаще всего при изображении фигур переднего плана. Драматичные персонажи, находящиеся в состоянии бурного движения, облачались, как правило, в красные одежды. Красные пятна располагались по центру композиции, либо, достаточно часто, в левой ее части, акцентируя область переднего плана.

Связь цвета и света, выявляющая поверхностный блеск и создающая свечение цвета, наполняющего глубину, также относится к «несобственным» качествам цвета. Сюда же включают качества цвета, связанные с поверхностными характеристиками предмета, передающие рыхлость или плотность, шершавость или гладкость, тяжесть или легкость физического тела.

⁷ Первая половина 1620-х гг. Холст, масло. 234 × 161.

⁸ 1619–1620 гг. Холст, масло. 139 × 116. Галерея Питти, Флоренция.

Эти новации в области колорита были связаны, с одной стороны, с конкретными историческими условиями, определившими эстетические воззрения эпохи, а с другой — с техническими приемами, и в первую очередь с повсеместным использованием масляного связующего как основного живописного материала.

Прозрачность тонких слоев красочных паст на масляном связующем позволила создать технический прием, с помощью которого лишь за счет изменения толщины красочного слоя изменялся цветовой тон. С изменением своей толщины один и тот же красочный тон приобретал едва заметные глазу модуляции в сторону утепления или похолодания. Поэтому итальянские художники уже ко второй четверти XVII в. начинают использовать для создания подобного эффекта фактуру холста. При этом каждый из больших цветковых участков оказывался тонко разработанным в пределах основного цветового тона. Возникающая при этом вибрация малых цветовых интервалов в пределах одного большого цветового пятна придавала колориту особое богатство и завершенность. Н. Н. Волков трактует это свойство живописи как явление цветового развития [см.: Волков, с. 197].

Прозрачность масляной живописи широко использовалась и для создания новых локальных цветовых тонов. Как известно, в первой половине XVII в. в итальянской живописи использовалось ограниченное количество красочных пигментов. Так, среди зеленых пигментов широкое распространение получил лишь зеленовато-бурый природный глауконит и искусственно получаемый резинат меди. Разнообразие зеленых участков в живописи достигалось за счет послойного наложения желтого тона на голубой или синий либо с использованием сложносоставных красочных смесей на основе желтых и черных, желтых и синих пигментов, дающих зеленый цветовой тон различной интенсивности. Подмалевки при этом имели серый, зеленый, голубой, коричнево-фиолетовый тон [Картины итальянских мастеров..., с. 76, 78, 198].

Для усиления красного и синего тонов изредка применялись черные подмалевки, поверх которых наносились кроющие слои киновари или ультрамарина. Малиново-розовый тон получали прокладкой красных органических пигментов по серому подмалевку. Более сложные цветовые оттенки красного создавали, используя сиреневые, желтые, коричневые подкладки. Желтые участки, которые писались, как правило, свинцово-оловянистой желтой, аурипигментом или неаполитанской желтой, достаточно часто имеют белые, серые, розовые, голубые или даже черные подмалевки [Горохова, Кононович, с. 16; Маркова, с. 400—402].

Таким образом, основными характеристическими качествами колористической системы, возникшей в итальянской живописи на рубеже XVI—XVII вв., было создание единой тональности живописного произведения, возникающей в значительной степени за счет объединяющего характера теней и использования цветовых тонов в пределах одной колористической гаммы. Особая напряженность и интенсивность колорита возникала благодаря применению сложной системы светлотных тональных и колористических контрастов, а также так называемых несобственных качеств цвета, определяющих положение

объекта в пространстве картины. Реализация этих особенностей стала возможной за счет использования ряда технико-технологических приемов, в частности применения тонированного грунта и масляного связующего, придающего красочным пастам прозрачность в достаточно тонких слоях, что обусловило широкое использование оптического смешения цветовых тоналностей при послойном методе живописи.

Таким образом, визуальное изучение принципов построения колористической композиции в произведениях, относимых к итальянской художественной школе первой половины XVII столетия, является важной составляющей комплексного метода исследований произведений живописи наряду с изучением их стратиграфической структуры, приемов формопостроения и состава грунтов и красочных материалов.

Волков Н. Н. Цвет в живописи. М., 1984.

Горохова Г. Н., Кононович М. Г. Характеристики грунтов и красочных слоев произведений итальянской живописи XV–XVIII веков. М., 1999.

Зайцев А. С. Наука о цвете и живопись. М., 1986.

Леонтовский А. М. Технология живописных материалов. Л., 1949.

Маркова В. Италия XVII – XX веков. Собрание живописи. М., 2002.

Картины итальянских мастеров XIV–XVIII веков из музеев СССР / авт. каталога и вступ. ст. В. Э. Маркова. М., 1986.

Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентийского. М. ; Л., 1934.

Статья поступила в редакцию 18.02.2011 г.

УДК 769.2 + 75.056

Е. В. Борщ

ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКОЙ КНИЖНОЙ ГРАВЮРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ИЛЛЮСТРАТОРОВ XVIII В.

Рассматривается феномен взаимовлияния французской и русской книжной иллюстрации XVIII в. на примере одного из наиболее впечатляющих французских увражей этого периода – книги «Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша.

К л ю ч е в ы е с л о в а: книжная иллюстрация; французская и русская типографика; история оформления русской книги.

XVIII столетие в истории французской иллюстрированной книги было эпохой расцвета, в истории русской – временем ученичества и освоения европейских традиций. Европейское и особенно французское влияние на русское книжное искусство XVIII в. – бесспорный факт. Французская система типографики и оформления оказалась воспринята русской книгой во второй половине XVIII в.

[см.: Сидоров, с. 164]. В этот период русская книжная иллюстрация (гравюра) часто копировала французскую [см.: Там же, с. 168]. Вместе с тем французская книжная иллюстрация XVIII в. в ряде случаев зависела от русской. Рассмотрим этот любопытный феномен на примере одного из наиболее впечатляющих французских увражей XVIII столетия — книге «Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша [Chappe d'Auteroche, 1768].

«Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша представляет собой роскошное издание с гравюрами. Автор книги — французский астроном, аббат Жан-Шарль Шапп д'Отрош (1722—1769), совершивший путешествие в Тобольск в 1760—1762 гг., чтобы наблюдать прохождение планеты Венеры через солнечный диск. Отчет о путешествии и материалы исследований Шаппа д'Отроша были опубликованы в 1768 г. под общим названием «Путешествие в Сибирь». Издание состояло в двух томах из трех частей, причем первый том был посвящен путешествию Шаппа д'Отроша, а второй том включил французский перевод сочинения С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Работа над изданием текстов и иллюстрациями продолжалась в период 1764—1767 гг. под руководством самого Шаппа д'Отроша, избравшего в качестве рисовальщиков иллюстраций художников, которые имели опыт пребывания в России. Ими стали Жан-Батист Лепренс, находившийся в России в 1758—1763 гг., и Жан-Мишель Моро-младший, преподававший рисунок в Санкт-Петербурге в 1758—1759 гг. Именно они выполнили эскизы художественных иллюстраций — аллегорические, жанровые и пейзажные композиции. В итоге, издание включило в себя около сотни гравюр [Cohen, с. 225].

Работа над рисунками к «Путешествию в Сибирь» была важной вехой в карьере Лепренса-живописца, обозначив начало его успеха. Книжные иллюстрации помогли Лепренсу транслировать русскую экзотику, которая была частью эстетической программы стиля рококо. По возвращении из России в 1764—1768 гг. художник создает множество произведений на русскую тему. Многие из них повторяли композиции, которые впервые появились в книге «Путешествие в Сибирь» [см.: Neuman, 1986, р. 15]. Иллюстрации рисовальщика и гравера Ж.-М. Моро-младшего для книги «Путешествие в Сибирь» по сравнению с иллюстрациями Ж.-Б. Лепренса немногочисленны. Работа над ними пришлась на период формирования Моро как профессионального рисовальщика и иллюстратора. Именно в это время художник начинает исполнять гравюры по собственным рисункам. В иллюстрациях к книге «Путешествие в Сибирь» уже заметны черты индивидуальной манеры, отличающие его поздние знаменитые иллюстративные работы.

При создании эскизов иллюстраций для книги «Путешествие в Сибирь» иллюстраторы, конечно, обращались к различным источникам. Не исключено, что автор текста и издатель аббат Шапп д'Отрош помогал им: определял число и тематику иллюстраций, намечал содержание изображений. Между тем иллюстраторы книги «Путешествие в Сибирь» подробно представляют ландшафт, архитектуру и костюмы персонажей. Поэтому логично предположить, что они использовали в качестве источников изображений дополнительные визуальные материалы. Были ли это личные впечатления в виде набросков, сделанных

с натуры? Отчасти. Известно, что Лепренс привез из России наброски и модели, которыми, скорее всего, пользовался при работе над иллюстрациями [см.: Rorschach, Neuman, p. 48].

Актуальным источником визуального материала для иллюстраторов книги «Путешествие в Сибирь» были русские гравюры из оригинального русскоязычного издания «Описания земли Камчатки» С. Крашенинникова. При сравнении можно заметить, что именно они использовались при создании иллюстраций ко второму тому книги. Русское издание вышло в Санкт-Петербурге в 1755 г. в двух томах и было дополнено анонимными гравюрами [см.: Каталог..., № 1380]. Французский издатель не скрывал своих намерений воспользоваться русскими иллюстрациями и подчеркивал, что они переработаны. В предисловии к французскому переводу «Описания Камчатки» концепция иллюстрирования книги и роли иллюстраторов пояснены следующим образом: «В этом новом переводе мы сохранили все иллюстрации оригинала; однако из-за того, что, будучи плохо нарисованы и награвированы, они не вполне совершенно отражают мысли русского Путешественника, месье аббат Шапп поручил месье Лепренсу сделать новые рисунки. Месье Моро были поручены виды» [Charpe d'Auteroche, vol. 2, p. IX]. Судя по этому фрагменту предисловия, адаптация русских гравюр к французскому изданию рассматривалась как нечто само собой разумеющееся, а их невысокое художественное качество и малая информативность послужили поводом для создания аналогичных новых композиций.

Феномен адаптации, или, точнее, трансформации, русских книжных гравюр французскими художниками интересно рассмотреть в различных аспектах. Примечателен даже не столько факт использования русских гравюр в качестве источников новых композиций, сколько способы, приемы их интерпретации, степень авторской самостоятельности в трактовке оригинала, роль стилизованных клише. Учитывая то, что русские иллюстрации использовали в качестве источников два иллюстратора — Ж.-Б. Лепренс и Ж.-М. Моро-младший, — представляется важным сравнить их работы, выявить закономерности и особенности процесса трансформации русских аналогов.

Рассмотрим прежде ряд иллюстраций Ж.-Б. Лепренса, созданных на основе обращения к русским гравюрам, имеющим аналогичные названия. Иллюстрация из русского издания под названием «Внутреннее строение зимней камчатской юрты» представляет собой развернутое по горизонтали изображение, буквально чертеж, точно передающий конструктивные особенности жилища. Это разрез подземного помещения, потолок и стены которого укреплены бревнами и обшиты досками, а прямоугольный потолочный люк, снабженный узкой приставной лестницей, является дымовым и световым отверстием одновременно. Помещение кажется огромным и свободным, так как в нем практически нет предметов быта, а стены абсолютно пусты. Иллюстрация дополнена стаффажными фигурами: в разных углах помещения, снабженного очагом и низкими нарами, сидят женщины, занятые прядением с помощью веретена. Персонажи статичны, незначительно детализированы, лишены жанрово-психологической трактовки. Верхнюю треть иллюстрации занимает пейзаж: слегка намеченные пологие горы и небо, затянутое облаками. И фигуры людей, и природа пред-

ставлены очень условно, эскизно. Более тщательно и детально передается фактура земляной насыпи, закрывающей юрту сверху.

В отличие от оригинала, развернутая по вертикали иллюстрация Ж.-Б Лепренса живописна и детализирована. Художник меняет ракурс изображения, смещает точку зрения, отказывается от пейзажных мотивов. Перед нами не разрез всего помещения, представленного извне и сверху вниз, а фрагмент интерьера, изображенного по отношению к оригиналу сбоку и снизу вверх. Это тесное, перегруженное предметами и фигурами помещение, напоминающее амбар, судя по перекрытию из жердей и деревянным ящикам-кормушкам. Иллюстратора практически не интересуют архитектурные детали, хотя он, тождественно оригинальной гравюре, изображает два столба, фланкирующие потолочный лаз, помещая один из них на первом плане. Отверстие в потолке, вопреки русской гравюре и текстовым описаниям, приобретает округлую форму. Количество персонажей на французской иллюстрации возрастает, меняются их роли и расположение. Художник наделяет сцену жанровыми качествами, акцентирует внимание на персонажах: укрупняет их фигуры, наделяет их мимикой и чертами индивидуальности. Женщины с детьми и мужчины заняты домашним хозяйством: прядут, развешивают сети и битую дичь, кормят собак. Одна из женщин поднимается по узкой приставной лестнице к потолочному лазу. На полу лежат раздетые дети, напоминающие путти. Можно заметить, что костюмы действующих лиц передаются гораздо более подробно, чем на русской иллюстрации. В помещении разложен костер из березовых дров, дым от которого поднимается к потолку мягким облаком. На стене развешаны освежеванные тушки собак. Некоторые детали сцены вызывают недоумение, например расположенный сбоку оружейный склад, напоминающий древнеримский трофей: копья, луки и колчаны со стрелами, топоры-секиры. Здесь же возвышаются скульптуры на пьедесталах. По сравнению с бедным на детали и монотонным оригиналом французская иллюстрация — живая и декоративная.

Русская гравюра, изображающая заготовку рыбы на берегу реки, имеет документальный характер. Многочисленные персонажи заняты разными действиями. Обращает на себя внимание то, что иллюстрация выполнена непрофессионально. Не соблюдаются правила перспективы и масштаб: фигуры людей на первом плане меньше по размерам, чем фигуры среднего плана; фигуры в лодках, изображенные на одном плане, разные по величине; жилища с пирамидальными крышами равны фигурам по размерам. Убедительно, но условно представлен пейзаж — река, противоположный берег с неровными очертаниями растительности и низкое небо, затянутое тучами. Устойчивость композиции придают затемненные и более плотные по фактуре детали первого плана. Вопреки недостаткам, композиция иллюстрации удачна, так как горизонтальная лента реки подчеркивает горизонталь поля изображения.

В отличие от оригинала, вертикальная иллюстрация Ж.-Б Лепренса имеет жанровую трактовку. Она мало напоминает русский оригинал — художник использовал прием *инверсии*. Действующие лица представлены с противоположной точки зрения — со стороны реки. Почти идентично оригиналу передается состав действующих лиц: три женщины чистят рыбу, рядом стоит

мужчина со связкой рыбы, еще один вывешивает рыбу на перекладину, двое мужчин выпаривают рыбий жир на костре. Вдобавок рядом появляется фигура собачки. В отличие от документального и сухого оригинала, Ж.-Б Лепренс более детально представил костюмы и прически персонажей, а также увеличил число полуобнаженных фигур. Более тщательно и живописно разработан пейзажный фон: камни и растения на берегу, остроконечные крыши домов, одиночные деревья с пышными кронами, невысокие елочки и небо, затянутое рваными облаками. Французская иллюстрация имеет некоторые композиционные особенности. Персонажи смещены к центру и изображены на двух планах. Их расположение, зеркальное по отношению к оригиналу, немного изменилось: фигуры мужчин у костра отодвинулись на второй план. Устойчивостью обладает только группа первого плана — четверо и собачка: их фигуры более детально проработаны. Полуобнаженные фигуры второго плана неустойчивы, равно как и деревянная конструкция для развешивания рыбы: они полузакрыты клубами дыма. Третий план с деревьями, напротив, устойчивый, и поэтому возникает ощущение, что средний план как бы висит в воздухе. Из-за этого смещения планов композиция приобретает условность театральной декорации.

Русская гравюра «Езда на собаках с бродощиком» относится к числу пейзажных иллюстраций с жанровым оттенком. Это горизонтальная композиция, на первом плане которой максимально близко изображены нарты из четырех собак с ездоком и проводником, которые, кажется, почти не передвигаются. На среднем плане — снежная равнина, вдали — цепочка гор. Линия горизонта высокая: небо занимает около половины композиции. Удивительно точно, но эскизно передаются нюансы ландшафта: следы человека и полозьев на снегу, крупные деревья с извилистыми ветвями, спокойно плывущие низкие темные облака. Черты лица путника маловыразительны, хотя одежды представлены детально и реалистично, равно как и средства передвижения — высокие легкие сани и короткие лыжи проводника. Ездовые собаки — довольно крупные и гладкошерстные, с маленькими закрученными хвостами и стоячими ушами. Они изображены согласно тексту, где говорится, что от «дворовых простых собак» ездовые ничем не отличаются, и что они «шерстью различные» [Крашенинников, т. 2, с. 54]. Трудно сказать, пользовался ли автор иллюстрации набросками с натуры: позы собак слегка напоминают лошадиные. Иллюстрация удачна по композиции: горизонталь поля изображения вторят растянутая кавалькада путников, протяженные и спокойные линии гор и облаков.

Иллюстрация Ж.-Б. Лепренса, в отличие от оригинала, имеет вертикальную форму. Иллюстратор переносит акцент на действие, фигуры путников. Иллюстрация становится жанровой. Собачья упряжка, изображенная зеркально по сравнению с оригиналом, перемещается вглубь, приобретает диагональное направление движения и становится визуально короче. Собаки похожи на охотничьих (у них большие висячие уши, слегка закрученные длинные хвосты и мохнатая шерсть) и с усилием тянут нарты. Одежда и снаряжение путников передаются во всех подробностях. Фигуры слегка наклонены вперед, по ходу движения, что сообщает им динамику. Кроме того, лицо сидящего в нартах чело-

века приобретает устало-обреченное выражение. Художник отказывается от изображения снежной пустыни на среднем плане и помещает в центре композиции невысокие холмы с крупными елочками, практически заслоняющие горизонт. Значительную часть поля иллюстрации занимает небо с живописно нависающими тучами. Композиция приобретает устойчивость благодаря подробностям в проработке первого плана — изображению заснеженных растений и камней.

Ряд иллюстраций как в русском, так и во французском издании имеют костюмный, этнографический характер. Это изображения жителей Камчатки и Чукотки — мужчин, женщин и детей в повседневной и праздничной одежде, максимально точные и документальные. Следовало ли кардинально менять их для французского издания? Рассмотрим приемы адаптации этих иллюстраций для французского издания. Одна из русских гравюр представляет камчадала «в летнем платье» в полный рост на фоне горных вершин и затянутого облаками неба. Фигура буквально возвышается над ландшафтом ввиду того, что художник избирает низкую линию горизонта. Этот прием наделяет фигуру силой и мощью. Подробно передаются не только обувь и одежда камчадала, отороченная мехом, но и фактуры материалов, а также черты лица и мимика: у камчадала округлое лицо с раскосыми глазами и четкими дугами бровей, выражение лица серьезно, решительно и полно достоинства. В правой руке камчадал держит длинную палку, возможно — посох. Можно заметить, что левая рука изображена анатомически неверно: она гораздо крупнее правой. Довольно условно намечены ноги с маленькими ступнями. Много внимания уделено передаче почвы под ногами камчадала. Ее неровная поверхность с выступающими камнями и склонившимися на ветру низкими деревцами и травами придает фигуре дополнительную устойчивость. Автору иллюстрации, несмотря на лаконизм средств и неточности изображения, удается создать образ дикой непокорной природы, которой противостоит гордый и сильный человек.

Камчадал в трактовке Ж.-Б. Лепренса напоминает французского придворного в маскарадном костюме, причем во многом благодаря позе. Камчадал стоит, повернув в сторону голову, выставив вперед правую ногу и согнув левую, как в реверансе, при этом его левая рука с палкой, похожей на трость, манерно отставлена назад. Кисти рук стали маленькими и изящными, волосы — пышными, выражение лица — грустно-меланхоличным. На иллюстрации Ж.-Б. Лепренса также есть анатомическая неточность: правая рука персонажа меньше и короче левой. Камчадал имеет европейские черты лица: крупные выразительные глаза, нос с горбинкой и раздвоенный подбородок. Живописно и лирично трактован пейзаж — обрывистый берег ручья с водопадом. Камчадал представлен вовсе не среди суровой северной природы, а в обрамлении пышных растений средней полосы, на фоне безмятежного неба. Лишь заросший травой крупный камень у его ног напоминает ландшафтный антураж русского оригинала. Фигура камчадала гармонирует с природой — такой же мягкой и приятной на ощупь, как его меховые одежды. Высокая линия горизонта усиливает ощущение слияния человека с природой.

Русская гравюра, изображающая камчадалку в «простом платье», — слишком эскизна и документальна. Камчадалка с двумя детьми представлена на

фоне неба, точнее, ландшафта с низкой линией горизонта. Тщательно, даже досконально передана одежда, особенно различные фактуры меха, но очень условно — лица и пейзажный фон. Портретная характеристика модели отсутствует: бегло передаются антропологические черты (круглое лицо, широкий нос, раскосые глаза), а также прическа (две тонкие косицы вдоль лица). Очень схематично изображены руки. Фигуры детей представлены с искажением масштабов и пропорций. Пейзаж схематично намечен редкими штрихами, за исключением детально проработанной фактуры почвы на первом плане — каменистой и скудной.

Ж.-Б. Лепренс удачно трансформирует русскую иллюстрацию, превращая ее в жанровую сцену на тему: женщина с детьми на прогулке в горах. Можно заметить, что герои французской иллюстрации предстают перед зрителем в версии, зеркальной русской. Художник не меняет позы героев, сохраняет низкую линию горизонта, однако значительно оживляет фигуры и пейзажный фон. Камчадалка уверенно и прочно стоит на краю обрыва, на фоне водопада и облаков, которые обрамляют ее фигуру в виде двойного ореола. Она держит за руку мальчика, фигура которого стала более энергичной благодаря передаче движения и изображению палки, которую он держит на плече. Второй ребенок, закрепленный на спине матери, с любопытством выглядывает из-за ее плеча. Ж.-Б. Лепренс повторяет прическу и некоторые особенности этнических черт женщины, а именно широкий нос. В остальном его камчадалка больше напоминает европейскую крестьянку. Выражение ее лица благодушно и простовато. Эмоциональные состояния каждого из детей индивидуально и точно переданы. Художник адекватно по отношению к оригиналу воспроизводит особенности меховой одежды героини, но ее фактура становится более плотной и тяжелой: она лишается воздушной легкости. Живописный и детальный пейзажный фон удачно дополняет облик этой спокойной и уверенной женщины. Природа не угрожает людям — она спокойна и умиротворенна. Ближний план с камнями и корнями разработан более подробно, чтобы придать устойчивость фигурам и уравновесить композицию.

Еще одна русская иллюстрация на тему костюма представляет камчадалку с детьми в «уборном платье». Эта гравюра горизонтальной формы включает пространственный пейзажный фон (ил. 1). Женщина и двое детей, знакомые по предшествующей иллюстрации, изображены на фоне деревни вполоборота. Они стоят между насыпью зимней юрты и летними «балаганами» с заостренными крышами, которые значительно оживляют однообразный ландшафт, но несколько вытесняют фигуры. Иллюстрация детально передает не только покрой и фактуры одежды женщины и детей, но и их портретные черты, хотя без эмоциональной характеристики. Все трое похожи друг на друга: у них круглые лица, широкие курносые носы, маленькие пухлые рты, раскосые глаза и выразительные черные брови. Рядом с камчадалкой, у подножия насыпи зимней юрты, лежат, свернувшись клубком, две привязанные собаки — крупные, гладкошерстные, с острыми стоячими ушами и узкими мордочками. На среднем плане виднеется небольшая река с невысоким обрывистым берегом, на горизонте — ровная линия хвойного леса. Небо, занимающее чуть более половины поля

1. Камчадалка с детьми в уборном платье. Русская гравюра по анонимному рисунку. 1755 г.

изображения, затянуто темными бегущими облаками. Ближайший к зрителю план наиболее плотный и тщательно проработанный: это камни, редкая трава и склонившиеся от ветра кустики растений, т. е. детали, которые придают устойчивость композиции. Русская гравюра фиксирует особенности одежды и ландшафта — природного и рукотворного, но не обращается к чувствам.

Гравюра, выполненная по эскизу Ж.-Б. Лепренса, изображает камчадалку в праздничной одежде, расположенную зеркально по отношению к аналогу (ил. 2). Иллюстрация значительно отличается от русской и составом, и композицией, и деталями, и жанром. Художник повторяет позу камчадалки, но при этом исключает фигуру младенца за спиной, а фигуру второго ребенка смещает в сторону. Фигура камчадалки сдвинута вглубь, поставлена на склоне горы и почти полностью вырисовывается на фоне светлого неба. Женщина изображена на окраине селения: узнаваемые летние юрты перемещаются дальше и ниже, становясь частью пейзажного фона. Художник акцентирует внимание на изгороди, малозаметной в оригинале, и превращает ее в самостоятельный пейзажный мотив. Ландшафт оказывается еще более живописным благодаря изображению летней растительности: это пышные кроны деревьев, трава и цветы. Тему летней природы поддерживает корзинка с цветами в руке женщины. Костюм камчадалки несколько изменен в ущерб достоверности: появляется кушак и длинная юбка, выглядывающая из-под парки. Художник повторяет прическу модели, но преображает черты ее лица, придавая им кокетливое выражение.

2. Камчадалка в праздничной одежде.
Гравюра Ж.-Б. Тиллиара по рис. Ж.-Б. Лепренса. 1768 г.

Камчадалка превращается в милостивую и несколько надменную молодую женщину европейской, даже славянской, внешности: ее лицо имеет овальную форму, глаза становятся крупными, нос — удлиненным, с небольшой горбинкой, на подбородке появляется ямочка. Обособленная постановка фигуры усиливает впечатление недоступности и гордыни. Одновременно Ж.-Б. Лепренс вводит в изображение лирическую ноту. Рядом с камчадалкой, как и на русской иллюстрации, изображены две лежащие собаки. Их облик тоже меняется: это добродушные вислоухие псы с пятнистыми мордочками и лентами на шеях. С ними играет босоногий ребенок, больше напоминающий путто, чем маленького камчадала, хотя черты его лица монголоидные. От иллюстрации веет покоем и уютом. Художник трактует сцену в традициях пасторали рококо.

Еще одна костюмная иллюстрация из русского издания изображает двух чукотских женщин в дезабилье. Одна одета в повседневную нижнюю одежду из меха, напоминающую комбинезон, а вторая — обнажена, причем ее левая рука сверху донизу украшена татуировкой. Вопреки тексту, который сообщает, что в таком виде было принято показываться только в домашних условиях, а именно в зимних юртах [см.: Крашенинников, т. 2, с. 152], иллюстратор изображает чукотских женщин на фоне пейзажа, правда — летнего. Это скудный холмистый ландшафт, практически лишенный растительности. Иллюстратор избирает низкую линию горизонта: небо, слегка затемненное облаками, занимает две трети изображения. Одета женщина изображена стоя, ее фигура наполовину возвышается над линией горизонта. Обнаженная представлена сидя в характерной позе, о которой упоминает текст: одна нога подвернута под корпус [см.: Там же]. Судя по описанию, костюм одетой женщины, равно как и татуировка обнаженной, передаются точно. Детально, легкими штрихами изображена фактура меховой одежды и тонкие линии замысловатой геометрической татуировки. Достоверно передаются и антропологические особенности: женщины обладают приземистыми фигурами, круглыми лицами, раскосыми глазами, маленькими и широкими носами и ртами. Иллюстратор точно передает характерные женские прически: волосы расчесаны на пробор и заплетены в две косицы, свисающие вдоль лица. Можно заметить, что кисти рук одетой женщины изображены с погрешностями: они намечены очень схематично. Несмотря на эскизность, сделана попытка придать лицам женщин выражения: одетая женщина сосредоточена, она смотрит по диагонали в сторону зрителя, обнаженная задумчиво опустила глаза.

Французский художник по-своему представляет чукотских женщин, придавая иллюстрации жанрово-галантный оттенок. Он сохраняет соотношение и позы фигур, но не более. Впрочем, как и на других гравюрах, фигуры изображены в зеркальном варианте: стоящая одетая оказывается справа, а сидящая обнаженная — слева. Ж.-Б. Лепренс удачно интерпретирует происходящее как сцену купания в реке. Женщины изображены на берегу маленькой речки. Та, что в одежде, решительно направляется от берега, прижимая к себе мех как полотенце, и, как бы обращаясь к зрителю, показывает рукой направление своего движения. У нее выразительная мимика: брови приподняты, глаза широко открыты. Другая, обнаженная, сидит на меховой одежде, опустив одну

ногу в воду и повернув голову в сторону уходящей. Если во внешности первой женщины сохранен этнический колорит (меховая одежда, прическа, монголоидные черты лица), то в облике второй нет ничего экзотического. Художник не пытается повторить прическу, татуировку и характерную позу чукотской женщины по оригинальной иллюстрации: он изображает статичную, буквально «фарфоровую» нимфу с картин Ф. Буше. Образы женщин трактованы по-разному: одна — подвижная и эмоциональная героиня жанровой сцены, другая — неподвижная и грациозная героиня галантно-мифологической сцены. Фигура стоящей женщины вырисовывается на фоне неба, фигура сидящей обрамлена прибрежными зарослями, трактованными в декоративном ключе. Ж.-Б. Лепренс, как обычно, уделяет много внимания пейзажу: это деревья с пышными кронами, растения с острыми гибкими листьями и высокая ель. На дальнем плане изображен ветхий лесной домик с островерхой крышей, как будто сошедший с пейзажей Ф. Буше. Небо чуть подернуто облаками: более темные двигаются по диагонали, придавая композиции динамику и пространственные качества.

Сопоставив русские гравюры с французскими, выполненными по эскизам Ж.-Б. Лепренса, можно сделать ряд замечаний. Трудно согласиться с тем, что русские оригиналы, которыми пользовался Ж.-Б. Лепренс, «плохо нарисованы и награвированы». Несмотря на погрешности в построении перспективы, передаче масштаба и пропорций, русские гравюры отличаются объективностью и близостью к натуре. Особенно поражает тонкая передача фактуры меховой одежды легкими и воздушными линиями. Не менее важно то, что русские гравюры — чаще всего костюмные и непременно включающие пейзаж с низкой линией горизонта — создают эпический образ суровой северной природы. Этому способствует горизонтальная форма иллюстраций и эскизная манера гравирования. Несмотря на указанные достоинства, русская серия иллюстраций, созданная, очевидно, в голландской традиции пейзажной гравюры, не обладает ярко выраженными стилевыми чертами.

Французские гравюры, выполненные по рисункам Ж.-Б. Лепренса, представляют собой оригинальную художественную интерпретацию русских аналогов. Ж.-Б. Лепренс избегает буквального следования источникам и, следовательно, тексту. Взамен он создает отличающиеся по композиции жанровые, пасторальные и галантные сцены с включением пейзажного (иногда интерьерного) фона. Документальность отступает: точно передаются только экзотические детали — костюм и предметы быта, но без нюансировки фактуры. Все прочие компоненты русской этноиллюстрации меняются до неузнаваемости, дополняясь вымышленными деталями. Костюмированные фигуры становятся подвижными и эмоциональными: они превращаются в действующих лиц сцен, разыгранных иллюстратором. Пейзажный фон получает лирические качества и вступает во взаимоотношения с персонажами; он оказывается более сложным по составу, многоплановым, динамичным и живописным. При этом Ж.-Б. Лепренс пренебрегает точностью и повторяет вновь и вновь хорошо знакомые ему пейзажные мотивы живописи рококо: изогнутые деревья с пышными кронами, скалы, водопады, многослойные облака. Композиции Ж.-Б. Лепренса приобретают, таким образом, декоративные качества.

Иллюстрации Ж.-М. Моро-младшего, предназначенные для того же раздела книги («Описания Камчатки»), также имеют русские аналоги, главным образом пейзажи. Самая простая документальная гравюра из русского издания — это «Американская байдара» — технический рисунок лодки с веслами безо всякой характеристики фона. Моро повторяет лодку и весла близко к оригиналу, но с изменениями. Моро сделал иллюстрацию вертикальной в соответствии с требованиями французского издания. Лодка представлена в зеркальном варианте и сильно уменьшена. Художник придумывает для нее умиротворяющий пейзажный фон с низкой линией горизонта: обрывистый берег моря с разбросанными камнями и невысокой растительностью — травой, кустарником, елочками. Значительную часть изображения занимает небо с плывущими многослойными облаками причудливой формы — темными на ближнем плане, светлыми — на дальнем. Пейзаж убедительно воссоздает северный ландшафт и имеет лирическую окраску. Создается ощущение близкого присутствия человека.

Гравюра «Американец в байдаре» из русского издания, вопреки жанровому потенциалу, примитивна по качеству рисунка и исполнению: фигура человека неестественно срезана, черты лица искажены, а лодка, море и облака неумело намечены крупным штрихом. Моро создает самостоятельную версию композиции, меняя ракурс изображения, чтобы добиться динамики. Его иллюстрация развернута по вертикали и представляет собой живописную жанровую сценку на фоне пейзажа. Сохраняя набор предметов (весло, нож, багор), Моро слегка меняет их расположение. Костюм индейца также получает дополнительные детали и становится похож на одежду русского крестьянина, особенно шапка с меховой опушкой. Персонаж обретает европейские черты лица и живую мимику. Наибольшее внимание художник уделяет пейзажу: это бурлящее море, холмистый берег с высокими деревьями и островерхими домиками. Очертания облаков остаются почти теми же, что и на предыдущей иллюстрации. Можно заметить, что Моро вносит в изображение важное уточнение: он акцентирует внимание на изображении бурного моря согласно тексту, где речь идет об устойчивости байдарок в отличие от парусных судов европейцев [см.: Крашенинников, т. 1, с. 295].

Еще одну документальную и достаточно схематичную гравюру из русского издания, представляющую панораму Петропавловской гавани, Моро, используя как аналог, значительно меняет. Отказавшись от горизонтальной формы иллюстрации в пользу вертикальной, художник значительно снижает линию горизонта, оставляя место для изображения облаков («Авачинская бухта»). Он делает прибрежную растительность более пышной и разнообразной, а также выделяет среди деревьев ели — ради местного колорита. Моро более тщательно изображает деревянные постройки, хотя для него не имеет значения их количество, равно как число кораблей в гавани (вместо двух — один). Кроме того, он включает стаффажные фигуры, что придает пейзажу лирический оттенок.

Не все иллюстрации Моро превосходят русские оригиналы. «Охотский порт» в русской версии довольно выразителен, эпичен, выдержан композиционно, имеет художественную трактовку, но очень сухую и лаконичную: бурное море,

парусный корабль, острые вершины гор, разгоняемые ветром темные тучи. Моро использовал ракурс изображения порта со стороны моря, но изменил ландшафт до неузнаваемости. При этом угол зрения был выбран неудачно: линия горизонта стала слишком низкой. Кроме того, пытаясь придать устойчивость композиции, художник неверно организовал первый план. Логика восприятия нарушилась из-за того, что на первом плане он поместил слишком крупный предмет — парусник. Центральная часть композиции «провалилась», и поэтому изображение потеряло устойчивость. Новая версия документальной иллюстрации оказалась композиционно непродуманной.

В иллюстрации Моро под названием «Нижнекамчатский острог», созданной по мотивам аналогичной русской гравюры, композиция пейзажа гораздо более удачна. Гравюра из русского издания однообразна и невыразительна: невысокая цепочка гор на горизонте с малозаметным курящимся вулканом, треугольник оборонительных укрепления острога, одинаковые кроны деревьев, огромное тусклое небо. Сохраняя исходную точку зрения, Моро, изображая ландшафт со стороны высокого лесистого берега реки, поднимает линию горизонта. Пейзаж «затягивает» зрителя благодаря фрагментации и детализации предметов первого плана, среди которых выделяются елочки. Широкая река изображена по диагонали: угол зрения несколько изменен. На противоположном берегу выделяется курящийся вулкан, видны высокие пышные деревья и маленькие домики. Укрепление острога просматривается вдалеке справа: это четырехугольная в плане крепость с проезжей башней и церковью. Иллюстратор явно пользовался описанием текста, так как передает детали более точно по сравнению с русским оригиналом. Как обычно, художник акцентирует внимание на облаках — спокойных вдалеке и сгущенных вблизи. По сравнению с условным и отстраненным оригиналом, пейзаж Моро обрел живость и лиричность. Иллюстратор убедительно создает образ суровой природы.

«Камчатская огнедышущая гора» — лаконичный и выразительный документальный пейзаж из русской серии (ил. 3), который Моро превращает в сказочный. «Вулкан Камчатки» Моро — это мифическая гора с плюмажем дыма (ил. 4). Художник сохраняет ракурс изображения, но не перенимает документальные характеристики оригинала: напротив, он стремится избежать конкретизации и придает пейзажу сентиментальный оттенок путем включения разнообразной и тщательно трактованной растительности, уютных сельских жилищ и стаффажных фигурок. Более подробно по сравнению с оригиналом он развивает тему озера на первом плане. Как всегда, детально и точно изображено небо, слегка затянутое облаками. Иллюстрация Моро близка по настроению и трактовке природы его более поздним и знаменитым иллюстрациям.

Таким образом, при сопоставлении русских аналогов с гравюрами Ж.-М. Моро-младшего можно отметить, что французский иллюстратор гораздо более профессионально работает с пейзажем, чем автор русских иллюстраций. Несмотря на отдельные удачные гравюры, русские иллюстрации документальны, в лучшем случае — эпичны. Моро самостоятелен в трактовке оригиналов: он меняет форму иллюстраций, меняет ракурс изображения, включает в композицию живописный и лирический пейзажный фон, вносит в изображение жанровые компонен-

3. Камчатская огнедышущая гора. Русская гравюра по анонимному рисунку. 1755 г.

ты. Моро точно следует тексту, но иногда допускает композиционные погрешности. Его версии русских пейзажных иллюстраций имеют скорее сентиментальную, чем декоративную трактовку. Практически в каждой иллюстрации самой убедительной оказывается тема облачного неба.

Подводя итоги, заметим, что работы Ж.-Б. Лепренса и Ж.-М. Моро-младшего, выполненные по русским аналогам, трудно сравнивать между собой в силу различных задач, которые были поставлены перед иллюстраторами. Ж.-Б. Лепренс занимался жанровыми сценами, а Ж.-М. Моро-младший — пейзажами. Существуют, тем не менее, определенные закономерности трансформации оригинальных русских иллюстраций каждым из авторов: это изменение композиции и ракурса, детализация, привнесение портретно-эмоциональной характеристики и жанровых компонентов, присутствие стилизованных клише. Особенности трактовки оригиналов каждым из иллюстраторов очевидны на примере разработки пейзажа. Ж.-Б. Лепренс привносит больше вымысла, декоративности, свободного истолкования, но меньше владеет нюансами передачи воздушного пространства. Ж.-М. Моро-младший почти не отходит от «русской экзотики» в трактовке элементов ландшафта, но владеет искусством передачи состояния неба и внушает чувство восхищения живой природой. Французские иллюстраторы выражают отношение к природе, причем каждый — свое и абсолютно противоположное отстраненному видению оригинальных источников.

4. Вулкан Камчатки.

Гравюра. Ж.-Б. Тиллиара по рисунку Ж.-М. Моро-младшего. 1768 г.

- Бенуа А. Н. История живописи. Т. 4. Пб., 1912.
Крашенинников С. П. Описание земли Камчатка : в 2 т. СПб., 1755.
Каталог русских иллюстрированных изданий, 1725—1860 гг. : в 2 т. / сост. Н. Оболянинов. М., 2004.
Сидоров А. А. История оформления русской книги. М. ; Л., 1946.
Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibérie : 2 vol. (3 pt.). A Paris, chez De Bure père. 1768.
Cohen H. Guide de l'amateur de livres a gravures du XVIII-e siècle. P., 1912.
Rorschach K., Neuman C.J. Drawings by J.-B. Le Prince for the Voyage en Sibérie. Philadelphia, 1986.

Статья поступила в редакцию 10.11.2010 г.

УДК 792.82 + 792.023

Е. В. Пермякова

ОБРАЗ ВАЦЛАВА НИЖИНСКОГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XX В.

Иконография изображений Вацлава Нижинского, созданных художниками в период его работы в Русских сезонах Сергея Дягилева, обширна, многообразна и имеет широкую географию. В статье дается обзор наиболее показательных портретов Нижинского, выполненных французскими художниками в начале XX в., и анализируются причины повсеместной увлеченности западных мастеров гением русского артиста.

Ключевые слова: Вацлав Нижинский; Русские сезоны; Сергей Дягилев; русский балет; портрет; театральная декорация.

Успех Русских сезонов за границей в начале XX в. не только стимулировал интерес к балетному искусству, но и вызвал в Европе повсеместное увлечение всем русским. В Париже известные кутюрье разрабатывали модели одежды с использованием экзотических — азиатских, в их понимании, — «русских» мотивов, а в Лондоне был открыт магазин, где состоятельным покупателям предлагали изделия русского народного творчества. На этой волне в западном изобразительном искусстве возник новый жанр — изображение «Русских балетов».

Исключительная роль в этом культе принадлежала, безусловно, Вацлаву Нижинскому. Художники и скульпторы, от начинающей в то время свой путь в искусстве Валентины Гросс до таких мэтров, как Роден и Майоль, обратили свое внимание на русский балет и его премьера.

Нижинский вдохновлял художников как никто другой, несмотря на то, что вблизи некоторые находили его лицо некрасивым и даже странным, а мускулатуру — чрезвычайно непропорциональной. Поэтому многие мастера намеренно утрировали черты его лица и диспропорции тела, добиваясь карикатурного или романтического эффекта. В то же время в фотографиях раскрывалось подлинное искусство Нижинского владеть своим телом, его способность передавать

через позу романтизм или драматизм образа. Вероятно, в этом и крылся магнетизм таланта танцовщика — умение оживлять того или иного персонажа, в совершенстве управляя своим телом как инструментом.

В короткий срок складывается иконография изображений Нижинского, которую можно разделить по типологическому признаку на портреты в жизни и изображения в ролях. Последние превалируют и являют собой обширный материал, который требует отдельного научного исследования и детальной классификации, которую можно проводить как по исполненным артистом ролям, так и по художникам, посвящавшим его танцу свое творчество. Данный же материал ограничен общим обзором наиболее показательных портретов артиста, выполненных французскими художниками в начале XX в.

Нижинский позировал очень ограниченному числу художников, предпочитая работать с фотографами. Это было связано отчасти с чрезмерной опекой Сергея Дягилева, а отчасти со сдержанностью и раздражительностью самого артиста. Потому большая часть художников в своих работах опиралась на фотоснимки, быстрые наброски во время спектаклей или редких посещений репетиций. Дягилев иногда оставлял художников и скульпторов на уроках, которые брали танцоры у Энрико Чекетти.

Одной из первых к образу Нижинского-танцора обратилась Валентина Гросс¹, которая регулярно посещала представления Сезонов в Париже и прямо на спектаклях торопливо делала зарисовки, которые потом дорабатывала в цвете. Как отметит позднее в книге о Нижинском Ричард Бакл, «ее точный взгляд и умелая рука оставили нам самые обширные документы о Русском балете» [Бакл, с. 342]. Будучи дочерью музыковеда, она сопровождала наброски музыкальной партитурой: это были быстрые и схематичные рисунки, точно передающие хореографию отдельных частей постановок. Ее изображения «Весны священной» («Le Sacre du Printemps», 1913) являются наиболее верными и последовательно передающими хореографическую партитуру. Этим в свое время воспользовались Миллисент Хадсон и Кеннет Арчер, реставрируя балет².

Интересными являются и изображения балета «Игры» («Jeux», 1913), также выполненные Гросс. Педантично проработанные пастели, точно повторяя фотографии, воспроизводят позы и движения танца. Однако, в отличие от «Весны», здесь показана не только пластика артистов, но и их портретные черты. Художница, в точности следуя задумке Нижинского-хореографа, желавшего видеть героев с бесстрастными лицами-масками, лишила их глубинной эмоциональности. Это придало изображениям дополнительную ценность, так как позволило увидеть не только хореографические особенности балета, но и понять его идейную основу (ил. 1).

¹ Валентина Гросс (*Valentine Gross*, 1887—1968) — художница, иллюстратор, театральный декоратор. Воспитывалась в театрально-музыкальной семье, обучалась живописи в Школе изящных искусств в Париже, работала в мастерской Хумбера, экспонировалась с 1909 г. в Салоне французских художников.

² Миллисент Хадсон и Кеннет Арчер — американские реставраторы танца, в 1987 г. восстановили балет И. Стравинского «Весна Священная» в оригинальной хореографии В. Нижинского.

Репетиции «русского балета» посещал и Людвиг Кайнер³ — живописец и график, в основном изображавший Нижинского в образах и динамике сценических движений. Кайнер рисовал и писал танцора в большом количестве ролей, заботливо детализируя колорит его костюмов. В 1913 г. им был опубликован целый альбом цветных литографий, посвященных Нижинскому [см. об этом: Kainer].

Русские танцоры часто проводили свободное от выступлений время в гостях у Жака-Эмиля Бланша⁴ в его салоне в Пасси, который считался одним из самых красивых в Париже. Бланш, прозванный Дягилевым «спонсором Русских балетов», принимал самое деятельное участие в их судьбе и с готовностью откликался на любые идеи импресарио. Как художник он написал восемь картин, представлявших Нижинского в костюме из балета «Ориенталии» («Les Orientales», 1910) — соло, вдохновленное танцами сиамских придворных (к сожалению, часть работ была утеряна во время войны). Несмотря на то, что Бланш был ближе всех к труппе, он предпочел сначала заказать Евгению Друэ фотографии, с которых уже после выполнил картины. Из этой серии выделяется полотно, где изображается костюм артиста. В этюдной манере, быстрым, сочным и крупным мазком художник стремится не только передать бакстовскую изысканность костюма — фактуру ткани и богатство декора, но и уловить невидимое присутствие энергетики танцора. Горячий колорит костюма, исполненного в красновато-кирпичных и золотисто-оранжевых тонах, помогает зрителю представить и ощутить ту неподражаемую экспрессию и проникновенный артистизм, с которыми исполнял этот танец Нижинский (ил. 2).

1. Валентина Гросс. Вацлав Нижинский в балете «Игры». 1913. Бумага, пастель. Стокгольм. Музей танца

³ Людвиг Кайнер (Ludwig Kainer, 1885–1960) — художник-график. Работал во Франции, изображал Русские сезоны С. Дягилева, сотрудничал с изданием Ириба Le Témoin («Свидетель»).

⁴ Жак-Эмиль Бланш (Jacques-Emile Blanche, 1861–1942) — живописец. Брал уроки у Анри Жерве, но считался самоучкой. Испытал влияние французской и английской салонной живописи. Приобрел известность как художник-портретист.

«Ориенталии» притягивали многих французских художников. Гуашь Макса Жакоба⁵ показывает артиста в движении (ил. 3). Все внимание художника сосредоточено на позе исполнителя. Артист стоит на пальцах левой ноги, правую при этом согнув в колене перед собой, руки раскинуты в стороны, а голова наклонена к груди. Неестественное, казалось бы, положение тела оказывается вполне органичным для танцовщика, пропустившего через себя саму природу восточной пластики. По этому поводу стоит вспомнить об уникальном умении Нижинского чувствовать колорит любого национального танца.

В роли из этого балета показан Нижинский и в картине Юлия Фландрин⁶. Один из ведущих французских художников, любитель музыки и большой поклонник балета, Фландрин также часто посвящал свои картины Нижинскому в Русских сезонах. Художник каждый сезон писал портреты, не пропуская ни одной роли. В 1910 г. он представил на суд зрителей в знаменитой парижской галерее Друэ картины с изображением танцора в спектаклях «Павильон Армиды» («Le Pavillon d'Armide», 1909), «Сильфиды» («Les Sylphides», 1909) и «Синяя птица» («L'oiseau bleu», 1909). На этой же выставке была показана работа «Нижинский в “Сиамском танце”». В отличие от Бланша, в картинах которого

2. Жак-Эмиль Бланш. Костюм Нижинского к балету «Ориенталии». 1910. Холст, масло. Частная коллекция.

3. Макс Жакоб. Вацлав Нижинский в «Ориенталиях». 1910. Бумага, гуашь. Танцевальная коллекция J. N.

⁵ Макс Жакоб (Max Jacob, 1876–1944) — писатель, поэт и художник. Писал гуаши — театральные сцены и виды Парижа.

⁶ Юлий Леон Фландрин (Jules Léon Flandrin, 1871–1947) — художник, ученик Гюстава Моро, более известен пейзажами и декоративными композициями для частных лиц и культовых зданий.

костюм написан почти фотографично, Фландрин не обращает внимания на детали, лишь редкими ударами кисти обозначая блики от рассыпанных по жакету украшений. Торопливыми, насыщенными мазками художник лепит форму, сосредоточив внимание на позе. Стремясь передать движение, возможно, не самое характерное в этом балете, Фландрин ограничивает фигуру рамками холста, из-за чего она кажется монументальной и даже тяжелой, а легкий шаг на полупальцах только усиливает это впечатление.

Родственник Бланша Жан Кокто⁷ входил в круг ближайших друзей дягилевской антрепризы. Знаменитый драматург, режиссер и критик, он был также автором множества рисунков и карикатур, выполненных с натуры и изображавших танцора в момент выступлений и за кулисами. Эти беглые наброски, выполненные в кулуарах или зрительном зале, считаются одними из наиболее реалистичных и значимых среди изображений Нижинского. Кокто нередко позволял себе утрировать монголоидные черты лица артиста и его чересчур развитую мускулатуру тела, доводя рисунок до откровенной карикатуры. Таким он показан, к примеру, в листах «Нижинский, гримирующийся для “Карнавала”» и «Нижинский за кулисами после “Призрака розы”». Одна из самых известных работ Кокто — афиша к сезону 1911 г., где Нижинский изображен в роли Призрака розы из одноименного балета («Le Spectre de la rose», 1911). Увитая цветами фигура кажется воздушной и бесплотной. Изящный изгиб тела, рисунок ног и пальцев рук, вторящий стилизованным листьям костюма, говорят о возвращении модерна в ставшее уже авангардным искусство Парижа (ил. 4).

В атмосферу модерна погружены и гравюры Поля Ириба⁸ на тему балетов «Сильфиды» и «Синяя птица» (ил. 5). Выполненные тонкой линией и пятном без моделировки форм, они навевают воспоминания о графике Обри Бердсли, великолепном рисовальщике ар-нуво. К тому времени

4. Жан Кокто. Афиша к «Русским сезонам» 1911 г. Цветная литография. Стокгольм. Музей танца.

⁷ Жан Кокто (Jean Cocteau, 1889–1963) — литератор, режиссер, художник, эссеист, член Французской академии (1955).

⁸ Поль Ириб (Paul Iribe, 1883–1935) — художник, иллюстратор моды, дизайнер. Учился в Школе изящных искусств в Париже. Рисовал для французских сатирических газет, иллюстрировал модные издания «Vogue» и «Femina». Прославился как иллюстратор моды, создав альбом рисунков для Поля Пуаре «Le Robes de Paul Poiret», оказавший большое влияние на стиль модных иллюстраций начала века.

сложившийся и преуспевающий мастер модной иллюстрации, Ириб стал преданным поклонником русского балета, черпая в его экзотичности сюжеты и образы. Утонченные и удивительно точные линии силуэтов создают образы, не подвластные земной гравитации. Настоящей «людо-птицей» [см.: Ремизов, с. 526] предстает в них Нижинский, танцевальные способности которого, по выражению А. Ремизова, «будили память о вещих птицах, предрекавших судьбу» [Там же]. Но, несмотря на изящество, с которым были выполнены гравюры, в них можно усмотреть штрихи легкой иронии, указывающие на первоначальную деятельность их создателя — художника сатирических газет.

Жанру изображения русского балета посвятил себя яркий представитель ар-деко, художник и график Жорж Барбье⁹. Неизменный почитатель, не пропустивший ни одного представления Русских сезонов Дягилева, он на волне повышенного интереса к балету выпустил ограниченным тиражом (только для коллекционеров) два роскошных издания, посвященных одно — Нижинскому,

5. Поль Ириб. Вацлав Нижинский в «Синей птице». 1909.
Гравюра. Частная коллекция.

⁹ Жорж Барбье (George Barbier (Edward William Larry), 1882–1932) — акварелист, иллюстратор моды, художник по костюму. Учился в Школе изящных искусств в Париже. Работал театральным художником по костюму и декоратором. Развивался под влиянием искусства позднего ар-нуво, считается ярким представителем стиля ар-деко.

другое — Карсавиной¹⁰. В альбом Нижинского вошли литографии, иллюстрирующие все известные роли танцовщика и исполненные каждая в неповторимой манере. Особенно привлекает внимание серия гравюр к «Шехеразаде» («Schéhérazade», 1910). Построенная на ограниченной гамме (черный, оранжевый, белый), она отсылает к антикам краснофигурной вазописи, столь излюбленным Барбье. С увлечением прорисовывая мельчайшие детали костюмов и превращая элементы декорации в прихотливый орнамент, художник стремится ювелирно передать страсти героев и собственные впечатления от потрясшего его действия. Пожалуй, именно в этих работах с наибольшей степенью достоверности отразилась та знойная и по-бакстовски пряная атмосфера Востока, что представляла перед глазами зачарованных современников при виде «Шехеразеды» (ил. 6).

Среди других известных мастеров, привлеченных гением Нижинского, можно назвать имена Амадео Модильяни (1884—1920), Густава Климта (1862—1918), Оскара Кокошки (1886—1980), Марка Шагалла (1887—1985). В портретах этих художников проступает явное стремление уловить и передать на бумаге истинное лицо танцовщика, скрытое для большинства людей под маской театрального грима. В галерее «портретов в жизни» небезынтересны два карандашных портрета работы Жана-Чарльза Дюваля¹¹, датируемые 1910-м г. Пейзажиста, известного во Франции по жанровым сценам, посвященным сирийской культуре, также привлекало изображение балов и балетов. Особое внимание он уделял Русским сезонам первого периода, т. е. именно того времени, когда в них выступал Нижинский. На одном из листов танцовщик показан в репетиционной одежде, на втором — в городской. Оба портрета выполнены методично, не несут следов беглого наброска, и,

6. Жорж Барбье. Нижинский в «Шехеразаде». 1913. Гравюра. Париж. Национальная библиотека Франции

¹⁰ В 1913 г. выходит альбом рисунков, посвященный танцам Вацлава Нижинского в Русских балетах [Barbier, 1913]. В 1914 г. — Тамаре Карсавиной [Barbier, 1914].

¹¹ Жан-Чарльз Дюваль (Jean-Charles Duval, 1880—1963) — художник-график, пейзажист. Особой популярностью пользовались его пейзажи с видами Франции и Сирии. Опубликовал воспоминания о Э. Дега.

глядя на тщательную прорисовку мелких деталей, можно предположить, что работы выполнены в процессе позирования. Однако по художественному уровню рисунки весьма посредственны, в чертах лица двадцатилетней звезды художнику не удалось уловить и передать нерв артистизма и гениальности.

Иное понимание искусства Нижинского можно наблюдать в скульптурных произведениях. Скульпторы вообще искали в его танце вдохновения, пытаясь обогатить через видение его пластики свой изобразительный метод. При этом каждый из них имел собственный эталон «идеальной модели». Антуан Бурдель¹² посвятил русскому балету многочисленные наброски, создал фриз и пять низких рельефов для Театра Елисейских полей с изображениями танцующих Вацлава Нижинского и Айседоры Дункан. Произведения были торжественно открыты несколько дней спустя после премьеры «Весны священной», вызвавшей бурный скандал в этом самом театре. Восхищенные современники писали о работе Бурделя: «...Он создает произведения, которые не следуют за анонимными ваятелями Эллады или Фив и не копируют их, но равны им» [цит. по: Герман, с. 102–103]. Не прорабатывая мелких деталей, скульптор эскизно наметил силуэты танцующих фигур: в них только динамика движения и пластика танца, носящие имена великих артистов.

Граф Гарри Кесслер¹³, большой друг Дягилева, познакомившись с Нижинским в 1911 г., сделал предположение, что танцор может послужить хорошей моделью Аристиду Майоль¹⁴ для аполлоноподобной статуи Ницше в Веймаре. Встретившись с артистом, Майоль назвал его «воплощением Эроса» [Nijinsky, p. 251]. Но, несмотря на энтузиазм, с которым скульптор приступил к работе, и большое число сеансов позирования, в результате он констатировал, что танцовщик не подходит для героического образа Ницше. Его чрезмерно развитая мускулатура не соответствовала задачам скульптора, возвращавшего в своих произведениях античные эталоны красоты. «Бесспорно, он прекрасен, но для осуществления моей идеи придется измениться», — говорил мастер [Ibid.]. В результате проект ансамбля остался нереализованным, а Майоль позднее резюмировал, что в качестве модели Нижинский больше подходит Родену. Вероятно, Майоль задумывал скульптуру в виде античного куроса, поскольку в рисунках обнаженной фигуры Нижинского, сохранившихся в его музее в Париже, можно усмотреть черты этих древних скульптур, тем более что скульптор хотел сделать аполлоноподобную статую, а куросы в Древней Греции, как известно, являлись именно ранними изображениями Аполлона и одновременно олицетворяли юных безбородых мужчин. Кроме того, куросы использовались греками как могильные памятники, что тоже отчасти соответствовало идее монумента.

¹² Антуан Бурдель (*Antoine Bourdelle*, 1861–1929) — скульптор, живописец, график. Учился в Школах изящных искусств в Тулузе и Париже. Был учеником и помощником Родена.

¹³ Гарри Кесслер (1868–1937) — немецкий дипломат, филантроп.

¹⁴ Аристид Майоль (*Aristide Maillol*, 1861–1944) — скульптор, живописец, график, мастер декоративно-прикладного искусства. Учился в Школе изящных искусств в Париже. Занимался рисунком и живописью в классе А. Кабанеля.

В том же (1912) году Дягилев и Кесслер представили артиста Огюсту Родену¹⁵. Планировалось, что мастер выполнит скульптуру Нижинского, но, к сожалению, как и в случае с Майолом, проект остался нереализованным. Во время скандала, разразившегося по поводу «Послеполуденного отдыха фавна» («L'Après-Midi d'un faune», 1912), Роден открыто принял сторону начинающего хореографа. Присутствуя на репетиции, предшествовавшей премьере, Роден был покорен гением танцора и пригласил его посетить свою мастерскую в отеле «Бирон». Находясь под впечатлением от смелых нововведений Нижинского, скульптор с увлечением принялся за работу, однако вскоре ее прервал. Отсутствие более значимого произведения Родена объясняется, возможно, тем, что для него первоочередной была задача изобразить не личность, а артиста в танце. Одно время художник работал над целой серией «Танцевальных движений», для которых в качестве моделей ему позировали не только Нижинский, но и Лои Фуллер, Айседора Дункан и танцовщицы французского канкана. Подобные эксперименты с изображением танцующего человека находят отражение и в художественных опытах Тулуз-Лотрека. Как пример можно вспомнить изображение «Лои Фуллер» написанное в пастельных тонах, где портретом становится не сама артистка, а ее танец, экспрессия S-образных цветовых переливов — знаменитый «Серпантин», через который художник передает личное переживание модели.

В музее Родена в Париже хранятся голова и небольшая статуэтка, выполненные из гипса. По ним сложно судить об истинных масштабах предполагавшейся скульптуры, но как самостоятельные произведения, запечатлевшие образ артиста, они не менее ценны. Особенно интересна выполненная Роденом статуэтка. Скульптор лепит фигуру мощно и экспрессивно. Через грубо обработанную поверхность материала вырывается наружу неумная энергия человеческой воли. Это не изнеженный публикой артист, как в произведениях большинства художников, а сама динамика танца, динамика нового века (ил. 7).

Изображение балета всегда привлекало художников, достаточно вспомнить белотюниковых танцовщиц романтизма или балерин Дега, но, наверное, впервые этот интерес оказался таким бурным. Импрессионистический

7. Огюст Роден. Нижинский в танце. 1912. Гипс. Париж. Музей Родена.

¹⁵ Огюст Роден (Auguste Rodin, 1840–1917) — скульптор, рисовальщик. К моменту первого Русского сезона имел международное признание, был президентом Общества скульптуры, живописи и гравюры, являлся почетным доктором ряда университетов, среди которых университеты Глазго и Оксфорда.

танец, культивируемый Фокиным, продолжил то направление, что сформировалось в живописи и музыке, и одновременно завершил его, уступив место модерну. Внимание импрессионистов к артистизму и танцу, наблюдавшееся, к примеру, в произведениях Мане, Дега, Ренуара, Тулуз-Лотрека и др., вызвало последующее увлечение изображением Русских балетов, особенно во французской художественной школе уже в русле нового стиля. Поэтому вполне закономерно, что именно Франция с ее особой любовью к балету, где этот театральный жанр к началу XX в. себя изжил, явилась местом рождения нового жанра в изобразительном искусстве — изображения Русских балетов. Естественно и то, что одной из моделей жанра оказался Вацлав Нижинский, с именем которого произошло возрождение давно утерянного во Франции искусства мужского классического танца. Талант Огюста Вестриса в XVIII в., с которым часто сравнивали Нижинского, сохранил по себе память немногочисленными гравюрами, имевшими более карикатурный характер, нежели попытку документировать в изобразительном материале подлинный масштаб гения артиста, достигшего совершенства в мужском балете. Увлечение же художниками мастерством Вацлава Нижинского в начале XX в. может быть сравнимо с тем влиянием, которое оказала на изобразительное искусство в начале XIX в. Мария Тальони. Изображение Нижинского, несомненно, стимулировало появление изобразительного жанра, в котором художники черпали вдохновение и находили новые средства выразительности, опираясь при этом на балетную пластику. Но он же спровоцировал и завершение этого жанра, прервав хореографией будущего ностальгию художников по прошлому.

Галерея произведений, посвященных Вацлаву Нижинскому и его творчеству, как одна из сюжетных линий жанра, обширна и многогранна. Ее «фонды» составляют многочисленные образцы от графики и живописи до декоративно-прикладного искусства и скульптуры с широким географическим охватом. Их художественное значение неоднородно и требует дальнейшего последовательного и глубокого анализа. Но даже общее знакомство с некоторыми из образцов позволяет сделать интересные выводы. Нет сомнения в том, что мастеров изобразительного искусства привлекала в Нижинском в первую очередь его неподражаемая пластика и уникальный протеизм. Как писал замороженный его творчеством Роден, «согласование между мимикой и пластикой совершенное, все тело выражает то, что требует разум; у него красота фрески и античной статуи; он идеальная модель, с которой хочется рисовать и лепить» [Роден, с. 8].

Между тем при первом рассмотрении может сложиться впечатление, что ни один из работавших над образом Нижинского художников не оставил произведения, равного масштабу дарования танцовщика. Большинство работ отличается торопливостью исполнения, которая ведет за собой порой поверхностное внимание к самому объекту изображения. Но, возможно, в этом и был своеобразный ход портретирования артиста, негласно выбранный большинством художников. Малопривлекательный и флегматичный, в жизни танцовщик не давал возможности написания в портрете творческого темперамента, но при этом обладал необыкновенной способностью к перевоплощению, которая рас-

крывалась на сцене, обнаруживая психологически тонкое понимание конкретной роли и умение прожить ее без остатка. Поэтому для художников оставался путь соединения портрета с творческим актом, когда происходил момент театрального преображения.

Большинство работ отличает иллюстративность, явно отображающая общехудожественные явления того периода. Сохранявший влияние модерн с его тягой к декоративности и условности еще накладывал отпечаток на художественные предпочтения. Многие художники были графиками, иллюстрировавшими модные журналы и книги, оттого, обращаясь к жанру изображения балета, они стремились в своих произведениях прокомментировать увиденное на сцене, придав ему дополнительную повествовательную направленность. К этому ряду можно отнести работы Кайнера, Ириба, Барбье, чья графика, посвященная Нижинскому, носила именно такой иллюстративный характер. Их же произведения отличала и особенная стилизация, которая, сплетаясь из пластики изобразительной и хореографической, подпитывала индивидуальным почерком каждого из художников увядающую театрализацию модерна. Результатом такого симбиоза стал новый виток соединения реального и условного — танца и изобразительного искусства, жизни и театра, который позволил художникам не только сохранить красоту и неповторимость рождения балета XX в., но и создать собственные прихотливые произведения, применяя линии его пластики. Однако не следует забывать и того, что подобную ситуацию провоцировали сами Русские сезоны, возникнувшие в декоративной эстетике модерна «Мира искусства», художники которого продолжали продлевать жизнь этому стилю оформлением их спектаклей.

Исключительная способность Нижинского к перевоплощению, интриговавшая зрителей и восхищавшая художников, раскрывалась только во время пребывания на сцене, а после спектакля тщательно скрывалась, оберегаемая артистом. Как танцор и хореограф он мог передать в балете любую эпоху с присутствующими ей эмоциями и переживаниями, но не умел жить по законам театра, когда от него этого ждали. Подобное отношение к жизни и творчеству во многом обусловило хореографические эксперименты Нижинского и способствовало кардинальному разрыву с той эстетикой «Мира искусства», что была направлена на театрализацию жизни. Его «Послеполуденный отдых фавна», еще сохраняя нить, связывающую модерном старый и новый балет, уже завершил иконографию Русских сезонов. Последующие постановки Нижинского — «Игры», «Весна священная», «Тиль Уленшпигель» — с заложенной в них стилистикой нового времени уже не нашли того отклика в смежном искусстве, что отличало поддерживавшие дыхание XIX в. рафинированные балеты Михаила Фокина.

Бакл Р. Вацлав Нижинский. Новатор и любовник. М., 2001.

Герман М. Ю. Парижская школа. М., 2003.

Ремизов А. Неумный бубен. Кишинев, 1988.

Роден О. Возрождение танца // Студия. 1912. № 32/33, 26 мая. С. 8.

George Barbier. Album dédié à Tamar Karsavina. P., 1914.

*Georges Barbier. Dessins sur les danses de Vaslav Nijinsky. P., 1913.
Nijinsky, 1889—1950. Catalogue établi par Martine Kahane. P., 2001.*

Статья поступила в редакцию 24.09.2010 г.

УДК 008 + 930.85

Р. М. Николаев

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ДОВОЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Анализируется проблема трансформации традиционных ценностей отечественной культуры в контексте критических условий военного столкновения, обосновывается построение культурной идентичности общества на основе традиционных ценностей культуры, рассматривается проблема мифологизации власти с помощью традиционных символов культуры.

Ключевые слова: культурная идентичность; традиционные ценности; культурная память; советская культура; традиция и новация.

Осознание ценности культурной традиции как инструмента, необходимого для сохранения культурной самоидентичности общества, является сегодня весьма актуальным. Научный и общественный интерес к событиям Великой Отечественной войны остается на сегодняшний день также достаточно острым, поскольку их объективное осмысление является важным для «зановорождения» (М. Мамардашвили) культурной самоидентификации современной России и россиян.

По мнению С. Хантингтона, «идентичность — это самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и вас от них» [Хантингтон, с. 50]. Данная антропологическая черта присуща каждому индивиду, участвующему в социальных отношениях, так как, «пока люди взаимодействуют со своим окружением, у них нет иного выбора, кроме как определять себя через отношения к другим и отождествлять обнаруженные сходства и различия» [Там же]. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, «будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история» [Там же, с. 37].

Ян Ассман в связи с проблемой идентичности предлагает рассматривать такой важный компонент в ее построении, как культурная память, которая присуща носителю культурных образов, мифов, преданий, символов. По Ассману, менталитет и самоидентификация не только взаимосвязанные, но и взаимообуславливаемые понятия. Философ называет культурную память одной из четырех областей «внешнего измерения» человеческой памяти: миметическая память (сфера поступков), предметная память, коммуникативная

память и культурная память [Ассман, с. 18]. По мнению исследователя, культурная память служит передаче смысла. Она создает пространство, в которое переходят все три вышеназванные области человеческой памяти. Эта память — культурная, поскольку «она может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций, а “памятью” ее можно назвать, потому что она функционирует по отношению к общественной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию» [Там же, с. 23].

Культурная память определяет «для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко, с. 33]. Культурная память концентрируется в системе бытийствующих в социуме традиционных ценностей — национальных, религиозных, семейных, профессиональных и т. п.

Говоря о традиционных ценностях культуры, необходимо уточнить, что мы вкладываем в понятие *т р а д и ц и и*. Интерес к традиционным ценностям культуры в современных исследованиях достаточно высок. Во многом это объясняется тем, что в условиях постиндустриального общества с его перенасыщенностью различными культурными смыслами традиция представляется как связующее звено с исторической памятью и способствует сохранению национально-культурной идентичности. Вместе с тем анализ научных исследований значительно затруднен в силу того, что само понятие «традиционная культура» имеет ряд различных коннотаций. Вследствие этого мы можем наблюдать существование таких определений в отношении культуры, как традиционная, архаическая, доиндустриальная, аграрная, крестьянская, дописьменная, бытовая, фольклорная. Следовательно, и понятие традиционных ценностей может определяться в контексте отношения их к какой-либо из вышеперечисленных культур. Выбор названия связан с задачами исследования и теми аспектами явления, которые требуют определенной фиксации. В связи с целью нашего исследования *т р а д и ц и о н н ы е ц е н н о с т и к у л ь т у р ы* — это прежде всего «механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом» [Традиция, с. 253], так как традиционные ценности культуры функционируют в обществе «как система, обеспечивающая воспроизводство в системах современной культуры тех образцов прошлой деятельности, которые выдержали испытание временем и были апробированы в аналогичных социокультурных условиях» [Костина, 2009].

Таким образом, под традиционными ценностями культуры мы будем понимать ценности, присущие обществу, совместно проживающему и вырабатывающему общий ряд навыков, обрядов, традиций, способов саморегуляции, зачастую в процессе диалога с другими культурами.

Традиция — это необязательно нечто архаическое. Доказательством тому могут служить культурные процессы, происходившие в XX в. в нашей стране. Многие традиционные ценности, благодаря культурной памяти народа, вновь выходят на поверхность в современную эпоху. Ю. М. Лотман пишет: «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и

как бы перестает существовать. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно существующим, может оказаться «как бы несуществующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым» [Лотман, с. 200]. Так и элементы традиционной ценностной системы оказываются заново востребованными благодаря их сохранности в культурной памяти народа. Пример тому — востребованность традиционных ценностей русской культуры в период Великой Отечественной войны. Одной из ключевых проблем в исследовании событий этого периода советской культуры является осмысление проблемы трансформации традиционных культурных ценностей в условиях войны.

С началом Великой Отечественной войны Советский Союз противопоставил тотальной войне на уничтожение, ведущейся на его территории нацистской Германией, концепцию войны отечественной. С первых дней войны были востребованы образы, знаки, смыслы, забытые или уничтоженные, как казалось, навсегда.

Однако было бы ошибочным считать, что в довоенный период традиционные ценности русской культуры не были востребованы в жизни социума. Так, некоторые изменения происходят уже в середине 1930-х гг., когда становится очевидным нарастание новой войны, где главный враг уже достаточно четко вырисовывался — нацистская Германия. И данная политическая тенденция ведет к тому, что во второй половине 30-х гг. появляются изменения в культурной политике СССР. Определенные предпосылки возвращения к собственной многовековой культурной традиции происходят с середины 30-х гг., когда становится ясно, что достигнуть победы в будущем противостоянии будет возможно, лишь собрав все силы страны воедино, опираясь на патриотизм не просто обезличенного «нового советского человека», а на куда более глубокие патриотические мотивы многонационального народа с его многовековой историей.

Переоценка роли традиционных ценностей в самоидентификации народа начинается во второй половине 30-х гг., когда на горизонте уже маячит война. Попытаемся это обосновать на материалах кинематографа — «самого важного из искусств».

В декабре 1935 г. на съезде советских кинематографистов, ведя речь о неизбежности будущей войны, режиссер Александр Довженко заявил следующее: «Нужно готовить наше оружие к бою.... Вот почему я утверждаю, дорогие друзья, я призываю вас к утверждению оборонной тематики» [цит. по: Раззаков, с. 83].

Полагаем, что с этого выступления началось изменение самого жанра историко-патриотического кино. Вместо издевательского и насмешливого отношения к историческому прошлому России руководство страны берет курс на державную политику, где вновь обретают ценность символы предшествующих эпох. Первым фильмом с изменившимся отношением к прошлому становится лента В. Петрова «Петр I». Меняется отношение к главному герою. Так, если раньше образ Петра трактовался в отрицательном свете: «...дескать, тиран, западник, пьяница, кровопийца... С середины 30-х годов эта точка зрения изменилась: теперь этот царь предстал в образе прогрессивного деятеля, державостроите-

ля, укрепителя государства Российского» [Раззаков, с. 104]. Начиная с этой картины меняется советская культурная парадигма.

На экран выходят исторические фильмы с доминирующей патриотической тематикой: «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941). Особенно хотелось выделить фильм 1938 г. «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна, в котором, по всей видимости, не случайно был выбран и главный герой — победитель немецких рыцарей, образ, формирующий ценностно-традиционную установку в контексте тогдашней политической ситуации.

Стоит отметить, что подобный образ уже не раз использовался в «войне культур», и в момент противостояния с внешним врагом он противопоставлялся политическому противнику путем выделения какой-либо сущностной черты его биографии, поступков, характера и т. д. Так, например, понимание этого образа в XVI в. было направлено на реконструкцию «теологического диспута Александра с папскими посланниками» [Шенк, с. 97], в критический период истории его образ послужил инструментом борьбы с западным, католическим влиянием. В конце тридцатых годов XX в. это был уже воинский образ победителя тевтонских рыцарей, что становится вновь актуальным в реконструкции культурной идентичности советского человека перед новой военной, политической и культурной угрозой.

Известно, что власть задает определенную выгодную ей (зачастую мифологическую) коннотацию образов прошлого. Образ Александра Невского как образ русского героя и воина получает широкое распространение в советском патриотическом дискурсе и в период войны. Александр Невский как бы «становится фигурой отца, не только тесно связанного с народом, но и возвышающегося над подданными» [Там же, с. 278]. Такой образ являлся привлекательным для власти в ситуации культа личности, так как налицо «сходство такой фигуры с пропагандированным образом Сталина» [Там же, с. 279].

Несмотря на то, что образы прошлого эксплуатировались властью в выгодном им свете, их значение для советского общества в рассматриваемой нами ситуации сложно переоценить. Если продолжить обсуждение сублимаций образа Александра Невского, широко представленного в довоенной советской культуре, то необходимо отметить, что он воплотил в себе такие качества, как решительность, смелость, мужество, полководческий талант.

Как мы уже упоминали, чтобы идентифицировать себя, общности необходимы враги: «потребность индивидов в самоуважении ведет к убеждению, что группа, к которой они принадлежат, лучше всех прочих групп» [Хантингтон, с. 56]. В построении идентичности общество опирается на свои традиционные ценности, противопоставляя их традициям врага. Данной причиной объясняются попытки введения в ценностный ряд советской культуры традиционных ценностей в довоенный период, когда уже просматривался образ будущего врага. Советский патриотический дискурс «размывал границы между историей и современностью» [Шенк, с. 279]. В отечественных произведениях культуры той эпохи герои прошлого обращались к своим нынешним реципиентам, у которых на слуху постоянно были предупреждения о внешних угрозах и угрозах

изнутри. Авторы советских патриотических произведений «рассказывали на историческом материале о ситуации, поразительно похожей на положение 1930-х гг.» [Там же]. С началом войны, когда происходит прямое столкновение, этот процесс приобретает значительно более широкий характер. Здесь уже явно обозначен враг, и здесь мы можем наблюдать, как в «войне культур» традиция выступает против традиции.

В 1941 г. нацисты, говоря о вторжении в Россию, делают акцент на собственной воинственной традиции: «Новый поход немцев — это дело нашего фюрера, фюрера всех немцев. Теперь граница Восточной Европы навсегда станет безопасной. Завершается история длительностью в три тысячелетия. Готы снова на коне, и каждый из нас — доблестный германский воин» [цит. по: Лессер, с. 236]. В нацистской пропаганде и в целом во всей художественной культуре Германии тема «похода на Восток» обыгрывается с помощью национальных воинственных традиций. И стоит отметить, что одним из главных (широко представленных в культуре) персонифицированных символов становится Фридрих Великий.

В это же время, в ценностный ряд советской культуры входят собственные традиции, и в первую очередь традиции воинские, необходимость в которых очевидна, так как, опираясь на них, общество могло культурно противостоять немецкой воинственной традиции, о психологии которой достаточно точно высказался современный немецкий философ Петер Слотердаjk: «...в немецком фашизме соединяются типичные для современности динамичные процессы возрастания психо-культурного страха перед распадом и разложением, процессы регрессивного самоутверждения и развития холодной рассудочности, связанной с новым обстоянием вещей — со старым добрым солдатским цинизмом, который имеет столь же жуткие, сколь и прочные традиции на немецкой, а в особенности — на прусской почве...» [Слотердаjk, с. 38].

Вторым наиболее характерным примером (после кино) является плакатная живопись того периода, где в рамках социалистического реализма ярко прослеживаются элементы возвращения к персонализированным патриотическим символам русской культуры. Советский плакат военного периода часто использует образы и события дореволюционной истории. Как мы уже отмечали, для советской пропаганды это явилось своего рода откровением: до конца 1930-х гг. история СССР начиналась с 1917 г., предыдущие времена были сплошным смутным периодом, в котором не существовало ни одного государственного деятеля, заслуживающего уважения.

Но здесь необходимо отметить одну свойственную именно плакату особенность: в одном произведении могли присутствовать сразу несколько образов, причем образов различных эпох. Выделим основные виды плакатов того периода, подтверждающих наше утверждение.

1. Изображение древнерусских героев на заднем плане и советских солдат, идущих в атаку, причем первые показаны скорее как нематериальные объекты — образы, стоящие перед глазами современных воинов и вдохновляющие их на подвиг. Примером могут являться плакаты В. С. Иванова «Нет такой силы, которая бы поработила нас» (1941), «Кто с мечом к нам придет, от меча

и погибнет» (1941), «Лучше честная жизнь, чем позорная смерть» (1941) и В. Говоркова «Славна богатырями земля наша» (1941).

2. Изображение древнерусских героев, героев императорской России или Войны 1812 г., героев гражданской войны на заднем (как бы незримом) плане и советских солдат на переднем. Здесь стоит отметить синтез персонифицированной ценностной составляющей дореволюционной традиции и ценности молодой советской культуры (новации), которая на изображении уже как бы также становится традицией, равнозначно важной для того, чтобы зрительно воздействовать на современных солдат. К примеру, плакат Кукрыниксов «Бьемся мы здорово, колем отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева» (1941).

3. Изображение на заднем плане произведения искусства, символизирующего либо культурную эпоху, либо героическое прошлое (скульптура Пушкина, памятник на Бородинском поле), и солдат, идущих на фронт, на переднем плане. Например: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина» (1942) Кукрыниксов, «России двинулись сыны» (1942) П. П. Соколова-Скаля (Окно ТАСС, № 444).

4. Изображения поверженных врагов разных эпох, прошлого и современности, подтверждающие славные страницы истории русского оружия. Классический пример: «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером!» (1942), «Так было... Так будет!» (1941) Кукрыниксов.

Нельзя не заметить, что пропагандистский плакат того времени совмещает исторические образы разных времен. Такое, по известным причинам, в ситуации социалистического реализма невозможно ни в кинематографе, ни в исторической живописи. Разные временные образы отображают единую вневременную универсальную ценность, которая является необходимой для внушения реципиенту конкретной деятельностной установки. Так, в упоминавшихся плакатах В. С. Иванова, как правило, кроме самого изображения, присутствует текст цитаты какого-либо из героев прошлого и неизменная цитата Сталина «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ предков». Несмотря на то, что более выделена (как бы «первична») фраза героя прошлого, слова Сталина достаточно красноречиво дают понять, что современная власть не устраняется из изображенного на плакате диалога прошлого и современности, напротив, она как бы задает курс и направляет данный диалог.

Полиобразность плаката в большей мере способствовала становлению новой культурной идентичности советского народа, в особенности в военный период. Можно сказать, что наиболее эффективно воздействовали на сознание человека именно плакаты, где в труднейший для страны час «собрались вместе» образы героев дореволюционного прошлого и более привычных героев гражданской войны. Спустя многие годы ветераны вспоминали, что короткие, ясные слоганы советского плаката прочно врезались в память: «Появились агитплакаты с иллюстрациями и стихами, я помню такое четверостишие: “Бьемся мы здорово, рубим отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева”» [Премиллов, с. 107].

В связи с обращением к традиционным ценностям в военный период, как в советском плакате, так и в других видах искусства мы можем наблюдать и заметное изменение культурной атмосферы в СССР рассматриваемого периода.

Политизированность и «идеологизированность», конечно, оставались, но, как отмечает М. А. Чегодаева, эти изменения существенно проявили себя в художественной культуре: «Впервые с 20-х годов исполненное гражданственности и патриотизма искусство заговорило языком правды, обрело высокое художественное звучание» [Чегодаева, с. 132].

Таким образом, противопоставляя вражеской традиции собственные традиционные культурные ценности, советская культура периода войны становится инструментом конструирования новой идентичности советского народа. Стоит отметить, что образы прошлого в этом процессе играли значительную роль на протяжении всего периода военного столкновения.

Попытаемся осмыслить, почему же именно обращение к прошлому и образы этого прошлого оказались столь востребованным в ситуации необходимости подъема патриотического сознания.

Прежде всего следует отметить такой важный фактор традиции, как существование «прошлого» на разных уровнях культуры. По мнению А. В. Медведева, существуют три уровня прошлого.

- Первый уровень «заключается в том, что прошлое является началом, истоком сегодняшнего бытия» [Медведев, с. 105]. Дав жизнь настоящему, прошлое умирает, здесь мы можем наблюдать закономерность появления настоящего — его неслучайность.

- Второй уровень может быть передан термином «пережиток» [см.: Там же]. Это остаточные явления прошлого в современности, такое прошлое «представляет собою наследие ушедших времен, оно не потеряло своего онтологического существования, но вызвано не природой нового времени, ему неимманентно» [Там же].

- Третий уровень — «это прошлое, которое живет в новое время, этот уровень прошлого и есть то, что называется традицией. Традиция — то, что было и что есть, вечное настоящее, традиция, таким образом, вневременное явление» [Там же].

Таким образом, мы можем понимать традицию как универсальную форму и механизм упорядочивания содержания культуры, что позволяет «рассматривать те смыслы культуры, которые содержатся в прошедшем апробацию опыте, но воспроизводятся в новых условиях не в качестве анахронизма, но в качестве элемента живой системы» [Костина, с. 39].

В контексте рассматриваемого периода мы можем наблюдать использование традиционных ценностей именно как явления вневременного, универсального порядка, а не как, скажем, актуализацию «пережитков». Это характерно в том числе и для персонифицированных традиционных ценностей.

Если культура — это «научаемое поведение» (К. Гирц), то преемственность ценностного мира культуры воспроизводится через такую вневременную ценность, как учение (обучение). Что же передается от учителя к ученику в процессе трансляции культурных ценностей? Главной целью является воспроизводство не текста культуры прошлого, но личности учителя как духовного наставника, и это есть главное универсальное содержание, которое передается из поколения в поколение через традицию, выполняющую роль культурного

кода исторической памяти народа. Этой функцией традиции и можно объяснить значимость вновь «звучавших» имен таких героев, как Суворов, Богдан Хмельницкий, Ушаков, Нахимов, Минин и Пожарский, Дмитрий Донской, Кутузов, Багратион. Эти имена в сознании народа четко ассоциируются с достижениями русской воинской культуры, которой и следовало «научиться» людям в условиях преддверия войны и в сам период жесточайшего военного столкновения.

Мы говорили об артефактах, которые были предназначены для всего общества. Обратимся к более специфичной области — переменам в воинской культуре Красной армии. Если говорить об армии, то, ввиду масштабного отказа от воинских культурных традиций царской России, до войны так и не была развита полноценная советская военная культура. Как писал в 1942 г. в своем дневнике А. П. Довженко, «...качество войн — это качество организации общества, народа. Вся наша фальшь, вся тупость... весь наш псевдодемократизм, перемешанный с сатрапством, — все вылезает боком и катит нас, как перекачено поле... И над всем этим — “Мы победим!..”. Не было у нас культуры жизни — нет культуры войны...» [цит. по: Клокова, с. 87].

В период войны, как известно, изменениям подверглись различные сферы советской культуры, в том числе и наградная система Красной армии: в советскую символику орденов вошли персонифицированные символы дореволюционной русской военной культуры.

Рассмотрим тенденцию использования вневременных, универсальных ценностных составляющих, которые характерны не только для персонифицированных символов культуры, но и для политической символики, в частности геральдической системы. Обратимся в качестве примера к одному из символов, сохраненных в культурной памяти народа и воплощенных в советском ордене — ордене Славы (учрежден 8 ноября 1943 г.). Цвета ленты ордена Славы повторяют расцветку ленты российского императорского ордена Святого Георгия (здесь имеется в виду аналогия со знаком отличия военного ордена Св. Георгия для нижних чинов, учрежден в 1807 г.) [см.: Ордена СССР], что в сталинские времена было по меньшей мере необычным. Знаменитая георгиевская лента представляет собой биколор. Общеизвестно, что цвета ленты — черный и оранжевый — означают дым и огонь сражения и являются з н а к о м личной доблести солдата, проявленной им в бою. Таким образом, мы имеем перед собой некоторую неизменную знаково-символическую структуру, которая представляет собой конкретный императив — доблесть солдата в бою, качество, ценное как в Российской империи, так и в Советском Союзе и сегодняшней России (данная лента сегодня, как известно, эволюционировала в своем значении до всеобщего символа Победы, хотя далеко не все, кто ее используют, знают, что обозначают ее цвета). Кстати, награждению этим орденом подлежали только солдаты и сержанты (в авиации еще и младшие лейтенанты) и только за доблесть на поле боя, т. е. простые труженики войны. Знаком отличия Святого Георгия в дореволюционной России аналогично награждались также только низшие чины и только за мужество в сражении. Таким образом, мы имеем дело с наградами исключительно солдатскими и в царской, и в советской армии. Очевидна «реставрация» утраченной традиции. Орден

Славы представляет собой пятиконечную звезду, а не крест (смена режимов, идеологий), но цвета ленты, как знаково-символическая и императивная составляющая, остались неизменными.

Значение этого традиционного знака (в его еще дореволюционном исполнении) уже в первые дни становится достаточно заметным; очевидец тех событий советский офицер Г. И. Пэнэжко описывает сомнения советского командира в первые дни войны, возникшие при приеме на службу ополченца, а тот, видя колебания военного, демонстрирует ему свой знак воинской доблести: «из его нагрудного карманчика выскользнул и повис над орденом Знак Почета золотой Георгиевский крест. «Первой степени?» — спросил лейтенант, покосившись на ордена» [Пэнэжко, с. 265]. После чего автор описывает ситуацию изменения отношения к этому ополченцу и зачисление его в часть. Как мы видим, символ этот в начале войны был достаточно узнаваем, и его ценность была воплощена в советском ордене Славы.

Исходя вначале из внешних средств (знаков, персонифицированных символов и т. д.), человек перестраивает самого себя таким образом, «что меняется в конечном итоге значение и работа овнешненных способов обращения к реальности» [Шеманов, с. 243], понимание их императивной составляющей направлено прежде всего на внутреннее преобразование человека и мобилизацию его на определенное действие.

Из приведенных примеров очевидно, что в критический период истории элементы традиционной ценностной системы оказываются заново востребованными благодаря их сохраненности в культурной памяти народа. Во многом это объясняется социальными причинами. Как известно, уже в первые недели войны призывались или уходили на фронт добровольцами люди более старшего возраста, чем личный состав довоенной кадровой армии. И естественно, что многие из них сохранили в памяти понимание традиционных культурных ценностей прошедшей эпохи.

Как известно, достаточно важным изменением в воинской культуре являлось и введение погон: этот традиционный элемент мундира напоминал о прошлых страницах истории русской армии, подчеркивал статус офицера, служил более четкому отображению военной иерархии. Но вместе с тем это мифологизировало представление как о самой армии, так и об управляющей ею власти. Дело в том, что данное изменение происходит в 1943 г., т. е. после победного перелома в Великой Отечественной войне.

Солдат или офицер в погонах в форме нового образца (также копирующего мундир дореволюционного времени) ассоциировался с победоносной, наступающей армией, которая не знает поражений. Ведь достаточно ясно, что визуальный образ армии в форме старого образца во многом ассоциировался с трагическими событиями 1941–1942 гг. (а события эти во многом объясняются просчетами власти), образ же новой армии уже прочно входил в народное сознание как образ армии-победительницы, возглавляемой мудрым вождем. Данный визуальный образ как бы стирал из народной памяти военные поражения, замещая образ армии, несущей тяжелые потери, массово сдающейся в плен, отступающей до Москвы и оставляющей врагу свою территорию.

Подтверждение данной тенденции мы находим опять же в советском кинематографе. В 1944 г. на киностудии «Мосфильм» выходит фильм «Дни и ночи» (Режиссер — Александр Столпер, сценарий Константина Симонова). Фильм повествует о событиях Сталинградской битвы, а конкретно — о тяжелейшем периоде обороны города осенью 1942 г. Картина показывает участников этих событий в погонах, чего исторически быть никак не могло. Это не могло быть простой ошибкой, учитывая наличие на съемочной площадке военных консультантов и знавшего войну отнюдь не понаслышке сценариста. У создателей фильма, на наш взгляд, была установка: массовый зритель должен был ассоциативно воспринимать советского солдата даже в самый критический момент как солдата-победителя образца более позднего времени. Традиционный визуальный образ нарочито используется в фильме, не только мифологизируя недавнюю историю, но и трансформируя самоидентификацию советского человека в ключе народа-победителя.

Между тем стоит отметить, что введение погон во многом отрицательно воспринималось военнослужащими более молодого поколения, т. е. носителями ценностей новой социалистической культуры: «Надо сказать, что воспринималось введение новой формы неоднозначно. Многие считали, что введение погон — это возврат к белогвардейщине» [Драбкин, с. 54]. В этой связи необходимо упомянуть и о тех носителях культуры, которые были воспитаны в довоенные годы на ценностях именно молодой новационной советской культуры.

Как отмечает К. В. Чистов, традиция и новация по-разному обозначают «опыт, накапливающийся в виде системы стереотипов человеческой деятельности (активности) и результатов этой деятельности, представленный о тех и других, и, наконец, способов их обозначения и символизации» [Чистов, с. 15].

Стоит обратить особое внимание также на процесс построения культурной идентичности у людей более молодого возраста, так называемых ровесников Октября. Неверным является мнение, что обращение к традиции воспринималось и понималось исключительно положительно всеми возрастными советскими людьми. Перед войной, как уже отмечалось, происходит процесс складывания собственной, советской, идентичности, со своей зарождающейся традицией, своими героями и знаково-символической системой. К началу войны Красная армия, как известно, насчитывала более пяти миллионов человек [см.: Численность вооруженных сил...], это был достаточно отчетливый срез общества, включавший в себя людей различных социальных слоев и возрастов.

Только лишь часть его была убежденными коммунистами и комсомольцами, и этими людьми (обязательно имеющими образование не ниже среднего), как правило, комплектовались элитные рода войск. Основную массу самого многочисленного рода войск — пехоты — составляли значительно менее «идейно подкованные» представители общества. Эти две категории советских военнослужащих основывались на различных ценностных системах, и восприятие войны у них соответственно также было разным: «Среди молодого поколения господствовало представление о грядущей войне как войне прежде всего классовой, революционной» [Загадочная Отечественная война, с. 137]. Наиболее же массовая часть армии во многом не только не разделяла такую точку зрения,

но по большому счету не воспринимала войну с позиций каких-либо идеологических установок, что во многом объясняет повальную панику среди данной категории военнослужащих. Более того, здесь стоит отметить следующий факт: «Для остатков русского традиционного общества начало войны с Германией против коммунистического СССР стало своего рода искусом, соблазном. В своей пропаганде гитлеровцы постоянно подчеркивали, что воюют не против России, а против «ига жидов и коммунистов» [Загадочная Отечественная война, с. 141].

Данная тенденция видна уже с первого дня войны, и у значительной части советского общества вставал вопрос о необходимости защиты социалистической власти, которая уничтожала старое общество в ходе радикальной социальной и культурной модернизации. Тем не менее очень быстро стало понятно, что тотальная война, развязанная Гитлером, была направлена не на уничтожение советского режима, а против многонационального народа страны. Лишь позже обращение к традиционным ценностям культуры, как в идейно-политических установках власти, так и в менявшемся с первых месяцев знаково-символическом коде и возможностях более свободного творчества, во многом сформировало обновленную культурную идентичность у значительной части населения.

Но вернемся к тем молодым представителям советского общества, концептуальным основанием культурной идентичности которых стали новые — революционные и коммунистические — ценности. Как уже было сказано, именно ими комплектовались элитные рода войск (пограничники, танкисты, летчики). Именно в этих войсках не возникало паники в первые дни войны (за редким исключением). Именно советские танкисты, процент комсомольцев и коммунистов которых был достаточно большим, — носители тех ценностей культуры, которые сформировались за двадцать с небольшим лет, предшествующих Великой Отечественной войне, не были подвержены массовой панике, что позволило «советским механизированным соединениям нанести немцам серию отчаянных контрударов» [Там же, с. 142]. В условиях всеобщего бегства и дезорганизованности, без поддержки пехоты они «не могли добиться даже частичного успеха, но их удары смогли нарушить планы немецкого командования, пусть ненамного, но замедлили темпы немецкого наступления, выиграв для страны малое, но значимое количество времени» [Там же].

Ценности молодой советской культуры вступили в диалог с традицией, что во многом обогатило отечественную культуру. Но на протяжении всего периода войны, и особенно в ее начале, ценности эти (при всей востребованности традиции в построении культурной идентичности) не ушли на задний план («до лучших времен»), а приобретали для молодого советского поколения в критический период истории экзистенциальный смысл, что подтверждают многие документы и свидетельства очевидцев: «Когда закончились боеприпасы и танк умолк, германские захватчики вновь окружили его, предлагая экипажу выйти и сдаться. Они стучали по броне и кричали “Рус, выходи!”, но слышали в ответ только матерную брань. Когда пламя охватило танк, враги слышали не крики о пощаде, а слова “Интернационала”» [Барятинский, с. 242].

Таким образом, можно утверждать, что роль новации в культуре, под которой мы понимаем ценностный ряд социалистической культуры, которая начи-

ная с 1917 г. также являлась значимой в построении культурной идентичности советских людей.

Итак, как уже отмечалось, с самого начала войны Советский Союз противопоставил тотальной войне, ведущейся на его территории нацистской Германией, концепцию войны отечественной. Становятся востребованными образы, знаки, смыслы, забытые или уничтоженные, казалось бы, безвозвратно. Выстраивалось новое основание собственной культурной идентичности со строго заданной концептуальной структурой, с определенной коннотацией сущностных характеристик героев и злодеев, символов, ритуалов, поведенческих практик. Данная практика становится успешной благодаря диалогу культур дореволюционной России и СССР (традиции и новации), который упрочился в связи с критической ситуацией военного противодействия.

Процесс обращения к традиционным ценностям не носит характера переноса статичной и неизменной традиции на новую почву. В поисках основания для культурной идентичности привлечение традиционных ценностей имеет избирательный характер, аксиологический ряд подвергается переработке согласно потребностям новых вызовов исторического развития.

И тем не менее отечественные традиционные ценности становятся концептуальной основой в становлении новой культурной идентичности советского народа, которая в синтезе с социалистической ценностной шкалой и являла собой патриотическую установку на победу как на фронте, так и в тылу.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Барятинский М. Б. Танки СССР в бою, 1919–2009 гг. М., 2010.

Драбкин А. Я. Дрался с асами люфтваффе. М., 2006.

Загадочная Отечественная война : военно-ист. сб. М., 2008.

Клокова, Т. В., Прохорова. И. А. Тыл. Оккупация. Сопrotивление : Советская страна в 1941–1945 гг. М., 1993.

Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina>.

Костина, А. В. Национальная культура. Этническая культура. Массовая культура. «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2008.

Лессер Й. Третий рейх. Символы злодейства. М., 2010.

Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992.

Медведев, А. В. Сакральное как причастность к абсолютному. Екатеринбург, 1999.

Ордена СССР // Ордена и медали СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://mondvor.narod.ru//OSlava.html>.

Премилов А. И. Нас не брали в плен: исповедь политрука. М., 2010.

Пэнэжко Г. И. 1941. Записки советского офицера-танкиста. М., 2010.

Раззаков, Ф. Гибель советского кино. Интриги и споры, 1918–1972. Т. 1. М., 2008.

Слотердайк П. Критика цинического разума. М., 2009.

Традиция // Философ. энцикл. слов. М., 1983.

Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994.

Хантингтон С. Кто мы? М., 2008.

Чегодаева, М. А. Соцреализм. Мифы и реальность. М., 2003.

Численность вооруженных сил Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации с 1877 по 2010 год [Электронный ресурс]. URL://<http://www.oposcuu.com/popers.html>.

Чистов К. В. Традиция и вариативность // Сов. этнография. 1983. № 2.

Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура. М., 2007.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007.

Статья поступила в редакцию 28.10.2010 г.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.61 + 316.62

И. А. Савченко

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР МАРГИНАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Анализируются подходы к интерпретации понятия культурной идентичности. На основе данных эмпирического исследования определяются состояния культурной идентичности молодежи полиэтничного социума: русских студентов, студентов ближнего и дальнего зарубежья. Раскрывается сложный и неоднозначный характер феномена маргинальности. Устанавливаются маргинальные тенденции, преобладающие в этнически разнородной молодежной среде.

Ключевые слова: социокультурные отношения; культурная идентичность; этническая общность; культурная маргинальность; показатели маргинальности; инокультурная среда; деконструкция.

Культурная идентичность — важнейший и достаточно подробно изученный ценностный фактор социокультурного развития [см.: Мид, с. 101—149; Бенедикт, с. 279—283; Барт, с. 23—24]. Вместе с тем, воздействуя на процессы социокультурной интеграции и дезинтеграции, культурная идентичность выполняет также функцию индикатора внутреннего состояния общества как социокультурной системы. Для современных сообществ, которые в большинстве своем являются полиэтничными, магистральной является маргинальная тенденция, которая фиксируется путем выявления состояний культурных идентичностей.

В отечественной науке примордиалистский подход к исследованию культурной идентичности [см.: Гумилев, с. 51—53; Бромлей, с. 55—63] в девяностые годы прошлого века уступил место инструменталистскому подходу [см.: Ядов; Данилова; Козырев, Козырева; Левада], в котором идентичность приобретает черты социально-политической переменной общественной жизни.

В наступившем (XXI) веке исследования по проблеме культурной идентичности приобретают практически ориентированный характер. Так, современные исследователи [см.: Шуклинова; Чебоненко; Мазуренко; Русанова], например, определяют пути культурно-идентичностного развития российского студенчества. Исследователи выделяют различные уровни состояний национально-культурной идентичности студенческой молодежи, уделяя особое внимание региональной идентичности и роли образования в ее формировании.

Другие авторы рассматривают понятие культурной идентичности в более широком масштабе. Так, А. Ф. Поломошнов рассматривает понятие культурной идентичности в контексте евразийства и места России мире [см.: Поломошнов]. Н. А. Хвыля-Олинтер изучает проблемы сохранения российской идентичности в эпоху глобализации [см.: Хвыля-Олинтер].

Указанные работы последних лет, несмотря на их общую научно-теоретическую значимость, не отражают процессов полиэтнизации общества. Понятие культурной идентичности приобретает абстрактный смысл, поскольку из него исключается народная, этническая составляющая. К примеру, понятия «русской» и «российской» идентичности не дифференцируются, а феноменологические аспекты функционирования идентичности в поликультурном социуме не выявляются.

Определенное исключение составляет работа Ю. А. Шубина, в которой в качестве потенциала культурной идентичности рассматривается культурная самобытность, изучается фольклор как феномен народной культуры и ресурс этнокультурной идентичности, определяются социально-педагогические условия реализации идентификационного потенциала народной культуры [см.: Шубин]. Но и этот автор не акцентирует внимания на развитии идентичности в массовой полиэтничной среде, не производит сравнительного анализа развития идентичностей разных этнокультурных групп.

Лишь небольшое количество отечественных работ по проблемам культурной идентичности имеют ярко выраженный социокультурный и феноменологический характер. Внимание многих исследователей привлекает культурная идентичность потомков смешанных браков [см.: Носенко; Крылова, Прожогина]. Исследуется также и культурно-идентичностная динамика внутри диаспор. Так, Н. П. Космарская выявляет, каким образом внутрдиаспорное социальное, политическое и идеологическое расслоение формирует идентичностную неоднородность в среде представителей этнообщины [см.: Космарская]. В. Попков путем сравнительного изучения ряда диаспор (еврейской, греческой, китайской и др.) стремится выяснить, как внутренние особенности диаспоры влияют на устойчивость и развитие культурной идентичности ее членов [см.: Попков]. Перечисленные работы направлены на раскрытие природы культурной идентичности и определение социальных проблем и противоречий, обусловленных культурно-идентичностной динамикой.

Одно из наиболее противоречивых социокультурных явлений, связанных с культурной идентичностью, — культурная маргинальность. Наряду с моноидентичностью с родной культурой, бикультурной идентичностью и

моноидентичностью с новой культурой, культурная маргинальность является одним из четырех состояний, которые может принимать культурная идентичность личности.

Категория маргинальности была введена Р. Э. Парком. Согласно Парку, в ситуации маргинальности оказываются так называемые «культурные гибриды», балансирующие между доминирующей в обществе культурной группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделены [цит. по: Усманова, с. 670].

В контексте идей деконструкции, разработанных Ж. Деррида и восходящих к понятию деструкции М. Хайдеггера (отрицание традиции истолкования с целью выявления сокрытий смысла) [см. об этом: Алексеева, Тузова, с. 292—293], понятие маргинальности характеризуется как сложное и неоднозначное, которое нельзя классифицировать просто как позитивное либо негативное. Характерная для маргинала установка на неправомерность разграничения высокого и низкого, значимого и незначимого, обоснованного и эпифеноменального стала доминировать в постмодернистском искусстве и жизненном пространстве. Вслед за Р. Бартом, отождествлявшим маргинальность со стремлением к новому на пути отрицания культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности, и М. Фуко, для которого маргинальность означала свободу [см.: Гафанова, с. 162], и многие авторы, в том числе отечественные, стали говорить о неоднозначном статусе маргинальности: «Маргинал — тот, кто отстал, и тот, кто опередил. Он может быть атавизмом отжившей уже культуры, ее ценностей, мышления и языка. И может быть человеком будущего, чьи творения, не понятые и не принятые современниками, войдут в основание грядущей культуры. Но маргинал и тот, кто “заблудился”, кто производит “продукты”, — действия, произведения, ценности, не имеющие ни прошлого, ни будущего» [Малышев, с. 63].

В данном рассуждении маргинальность рассматривается во временном аспекте, и можно спорить о правомерности такого толкования, но вряд ли вызовет сомнение утверждение, что маргинал — это «заблудившийся» в культуре.

И еще одно, более определенное мнение. По замечанию А. А. Оганова, отчасти такое (негативное) толкование термина объясняется буквальным переводом с латинского (*marginalis* — расположенный на границе, у края). Отсюда «ложное понимание социокультурной неполноценности соответствующего слоя людей как своего рода «бомжей от культуры». Но маргинал — это вовсе необязательно деклассированный и культурно дезориентированный человек. Зачастую он просто не принадлежит конкретной культуре и сообществу. «Нередко он находится на пересечении разных культур и создает высокие творения вне сколько-нибудь определенных национальных координат» [Оганов, с. 64].

Такое стремление интеллектуалов «защитить» маргинала вполне объяснимо, поскольку маргинальные тенденции в развитии российской гуманитарной науки в последние десятилетия выражены наиболее явно. Маргинальность в этом случае интерпретируют как протест против насильственной ассимиляции или насильственного отторжения этногруппы доминирующей, титульной этнокультурой [см.: Лебедева, с. 32].

Армянский этнопсихолог Альберт Налчаджян достаточно мрачно описывает психологию маргинала [см.: Налчаджян, с. 195–196]. В повседневной жизни маргинал демонстрирует один из двух поведенческих паттернов: в первом случае он отрицает свою маргинальность, во втором — гордится ею. По мнению Налчаджяна, в обоих случаях индивида тяготит комплекс недостаточности. Однако во втором случае этот комплекс продуцирует еще два: комплекс превосходства над другими людьми (немаргиналами, ортодоксальными традиционалистами) и комплекс дискредитации культурной группы, которой он изначально принадлежал.

Индикатором маргинальных тенденций в обществе является такое состояние культурной идентичности, при котором она выражена чрезвычайно слабо либо не выражена вовсе. Поэтому, чтобы зафиксировать маргинальные настроения в социуме, следует изучать состояния культурной идентичности его членов. Для того, чтобы узнать, в каком направлении происходят колебания идентичности молодежи мультиэтничного социума и насколько ярко в данных колебаниях представлены маргинальные маркеры, мы провели эмпирическое исследование в трех студенческих выборках:

1. Студенты из стран дальнего зарубежья (247 человек), обучающиеся в вузах Нижнего Новгорода — Нижегородском государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева (58 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (98 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (47 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (44 чел.). Опрашивались африканцы (43 %), индусы (16 %) и китайцы (41 %). Гражданство респондентов: 16 % — Индия, 41 % — Китай, 14 % — Камерун, 16 % — Танзания, 13 % — Намибия.

2. Студенты из стран ближнего зарубежья (253 человека): белорусы (19 %), абхазы (3 %), литовцы (3 %), эстонцы (5 %); украинцы (17 %), грузины (10 %), армяне (17 %), азербайджанцы (10 %), таджики (3 %), туркмены (3 %), молдаване (8 %). Студенты обучаются в Нижегородском государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева (74 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (68 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (51 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (13 чел.), Волжской государственной академии водного транспорта (21 чел.), Нижегородском лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова (16 чел.), Нижегородском коммерческом институте (6 чел.), Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки (4 чел.). Опрошенные являются гражданами России (47 %), Украины (23 %), Беларуси, Азербайджана и Грузии (по 10 %).

3. Русские студенты (215 человек), обучающиеся в Нижегородском государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева. Большинство русских студентов являются гражданами России (92 %), остальные — граждане Украины, Беларуси, Казахстана и Молдовы.

Как видим, среди русских студентов есть граждане других государств, которых мы, тем не менее, включили в одну опросную группу с русскими — гражданами.

данами России. Процедура опроса позволила выяснить, что эти 8 % опрошенных русских студентов, не являющихся российскими гражданами, достаточно давно живут в России, закончили здесь школу, считают русскую культуру и русский язык родными. Русские, чьи семьи в определенный момент приехали их стран ближнего зарубежья, — носители русской культуры, которых нельзя рассматривать обособленно от нее. Эти соображения позволили нам рассматривать русских — граждан России и русских — граждан стран СНГ в качестве единой опросной аудитории.

Итак, наш первый вопрос был направлен на выявление состояний, принимаемых культурной идентичностью в этнически разнородном сообществе (табл. 1).

Таблица 1

Распределение студентов по типам культурной идентичности *

№ п/п	Тип идентичности	Маркер данного типа идентичности	Доля от общего кол-ва, %			Отношение к своему типу идентичности	Из них, %		
			Ру	БЗ	Ино		Ру	БЗ	Ино
1	Моноидентичность с родной культурой	<i>По крови я; это моя национальность. Это не изменить, это навсегда</i>	95	40	94	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	92	87	94
2	Бикультурная идентичность	<i>Я четко ощущаю в себе сразу две национальности, две культуры</i>	—	37	—	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	—	77	—
3	Моноидентичность с новой культурой	<i>По крови я не....., но, поскольку живу среди русских, уже считаю себя русским</i>	—	10	—	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	—	87	—
4	Культурная маргинальность, отсутствие культурной идентичности	<i>Я себя ни к какой национальности не отношу. Я просто человек</i>	5	13	6	Это ощущение считаю нормальным Такое чувство меня тяготит	5	57	6

* Сокращения: Ру — русские студенты; БЗ — студенты ближнего зарубежья; Ино — иностранные студенты.

Когда мы задавали студентам прямые вопросы, результаты опроса позволили составить лишь очень приблизительную картину состояния культурных идентичностей в исследуемых группах. Так, примерно равное количество студентов из ближнего зарубежья согласилось со следующими утверждениями: *По крови я ..., это моя национальность, это не изменить, это навсегда* (маркер моноидентичности с родной культурой, 40 %); *я четко ощущаю в себе сразу две национальности, две культуры* (маркер бикультурной идентичности, 37 %). Лишь малое количество (13 %) признали себя этнокультурными маргиналами (*Я себя ни к какой национальности не отношу, я просто человек*).

На моноидентичность с новой культурой указали только 10 % (*по крови я не русский, но, поскольку живу среди русских, уже считаю себя русским*) (моноидентичность с новой культурой). Таким образом, большинство студентов буквально «цепляются» за свое генетическое прошлое и отказываются признать себя полными адептами новой для них культурной традиции.

Среди русских ситуация схожа с описанной: абсолютное большинство (95 % русских граждан и 94 % — иностранцев) согласилось со следующим утверждением: *по крови я..., это моя национальность, это не изменить, это навсегда* (маркер моноидентичности с родной культурой). Практически отсутствуют ответы *я четко ощущаю в себе сразу две национальности, две культуры* (маркер бикультурной идентичности) и *по крови я не русский, но, поскольку живу среди русских, уже считаю себя русским* (моноидентичность с новой культурой). В е диничных случаях встречаем четкое указание на этнокультурную маргинальность (*Я себя ни к какой национальности не отношу, я просто человек*). Создается впечатление, что тенденции к маргинальности очень слабы.

Состояние культурной идентичности и степень представленности маргинальных настроений помогает выявить в общем-то традиционный вопрос «Что для Вас означает быть представителем своей национальности в России» (можно было давать до трех ответов) (рис. 1).

По данному вопросу из числа мигрантов из ближнего зарубежья 73 % дали ответ *Быть представителем своей страны в России*, а 63 % указали: *осваивать новую культуру*. Были и такие ответы, как *Исповедовать свою религию* (17 %) и *Быть чужим в чужой стране* (8 %) (маркер маргинальности), т. е. в данном случае мигранты из бывших союзных республик проявили желание паритетно соединить освоение новой культуры и сохранение связи с родиной (ответ *Быть представителем своей страны в России*). Такой ответ показал уже отмечавшуюся высокую адаптивную способность данной группы мигрантов и желание каким-то образом сохранить свое этнокультурное «эго». Между тем малая доля ответов (*Говорить на родном языке, 23 %; жить родной культурой, 27 %*) говорят в пользу маргинализации.

Гораздо более привязанными к родной культуре оказались иностранные студенты: 57 % дали ответ: *Говорить на родном языке*, столько же: *Жить родной культурой*. Но и русские продемонстрировали определенную культурную устойчивость: аналогичные ответы дали соответственно 40 % и 37 %.

В целом, по данному вопросу снова выявлена тенденция к моноидентичности с родной культурой у русских и иностранцев и склонность к бикультура-

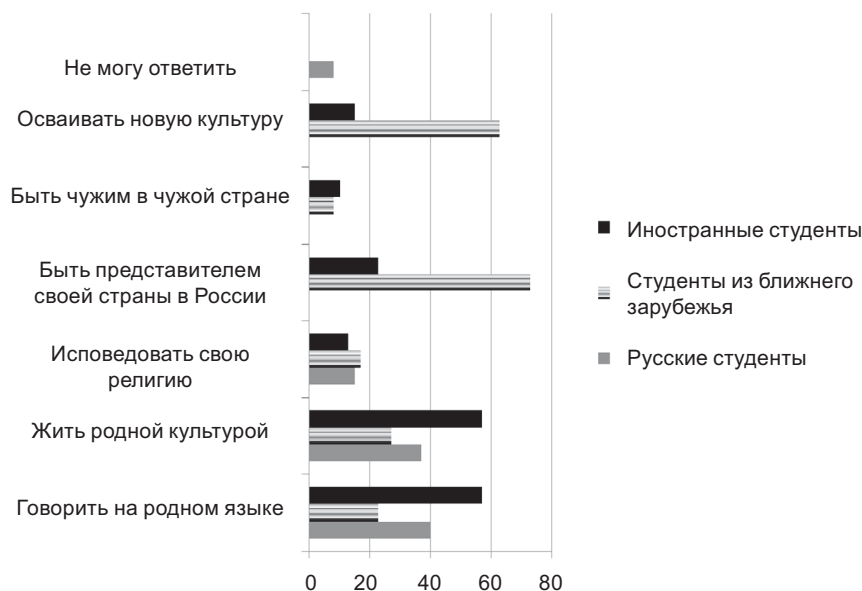

Рис. 1. Диаграмма отношения студентов к своей культурной принадлежности

лизму у мигрантов из ближнего зарубежья. Интеграционная активность русских и иностранцев снижена: никто из русских не считает нужным осваивать новые культуры, к ним присоединяются 15 % иностранцев. Однако такие данные вполне предсказуемы и даже естественны. Русские студенты как представители принимающего сообщества не видят необходимости в освоении элементов других культур, очевидно, полагая, что русскую культуру должны в России осваивать иммигранты. Иностранные же студенты, в отличие, скажем, от студентов из ближнего зарубежья, в большинстве своем не осознают себя частью принимающего сообщества и поэтому не видят смысла в освоении его культуры.

Вполне понятно отсутствие среди русских студентов ответов *Быть чужим в чужой стране* и *Быть представителем своей страны в России*. Вместе с тем обращает на себя внимание, что только среди русских есть респонденты, которые не смогли ответить на вопрос: *Что значит для Вас быть представителем своей национальности в России?* (10 %). Наиболее простое и, возможно, близкое к действительности объяснение такой позиции сводится к тому, что для 10 % «быть представителем своей национальности в России» не значит ничего. Такая ситуация может быть истолкована «культурной апатией» и маргинальными настроениями определенной части русского студенчества в России. Но возможно и другое толкование. Так, следует принимать во внимание, что культурная идентичность и этнокультурное самосознание обостряются в условиях духовно-ценностной и языковой конкуренции, которую мы наблюдали, например, у русских и татарских студентов, живущих и обучающихся в Татарстане [см.: Савченко, с. 293–295]. У русских, проживающих в таких

социокультурных условиях, где они ощущают себя коренным и титульным этносом и, возможно, не вполне осознают увеличение культурной разнородности общества, культурно-идентичностные установки могут быть не акцентуированы, не осмыслены лишь в силу того, что воспринимаются как нечто естественное и укорененное на уровне супер«эго».

Совершенно очевидно, что для уточнения состояний культурной идентичности как русских, так и приезжих студентов необходимы более убедительные объяснения. Ведь остается неясным, насколько точной можно считать информацию, которую дают ответы на прямые вопросы, в частности информацию о кризисе идентичности и маргинализации.

С целью уточнения маргинальных тенденций в среде нами введено понятие дополнительных маркеров культурной маргинальности (рис. 2). Общее для этих маркеров то, что респондент пытается так или иначе обесценить понятие национальной культуры — родной или принимающей.

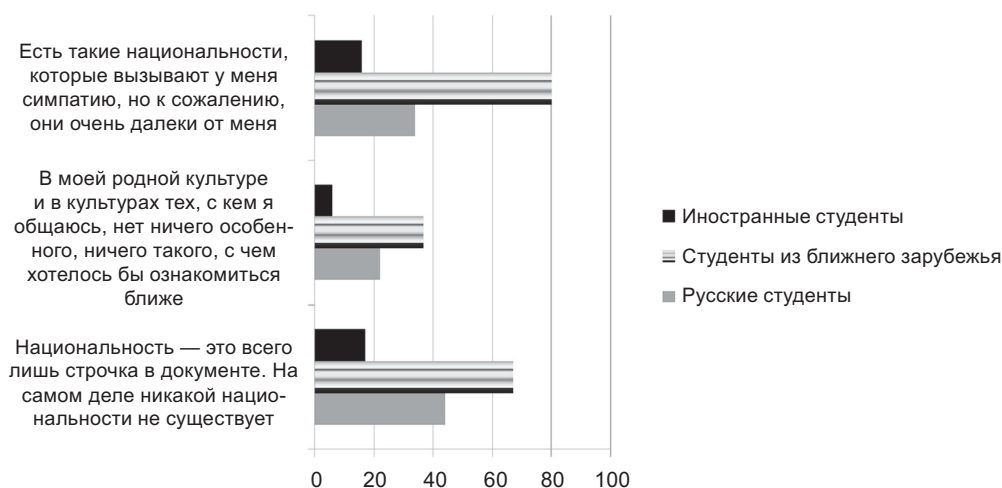

Рис. 2. Дополнительные маркеры культурной маргинальности

Ярче всего дополнительные маркеры маргинальности представлены у мигрантов из бывших республик СССР, наиболее слабо — у студентов-иностранцев. Национальность считают фикцией (первое утверждение) 67 % мигрантов из стран ближнего зарубежья, 44 % русских и 17 % иностранцев. Между тем согласие с утверждением «Национальность — это всего лишь строчка в документе. На самом деле никакой национальности не существует» говорит вовсе не о стремлении к этническому равенству, как может показаться, в том числе и самому респонденту, а о небрежении как родной, так и другими культурами.

На то же явление указывает и согласие со вторым утверждением («В моей родной культуре и в культурах тех, с кем я общаюсь, нет ничего особенного, ничего такого, с чем хотелось бы ознакомиться ближе»): 22 % русских, 37 % мигрантов из ближнего зарубежья и только 7 % иностранцев.

Наконец, третий маркер этнокультурной маргинальности («Есть такие национальности, которые вызывают у меня симпатию, но, к сожалению, они очень далеки от меня») указывает на нежелание интегрироваться, усваивать элементы культур, с представителями которых индивид постоянно соприкасается. Таким образом, 80 % мигрантов из СНГ (этот показатель оказался для нас неожиданным) и 16 % иностранцев, возможно, сами того не подозревая, указали на отсутствие стремления принимать культуру русских, 34 % которых, в свою очередь, выразили неприятие культур мигрантов.

Ответы на прямые вопросы, направленные на определение культурной идентичности, не всегда дают точное представление об изучаемом феномене. Полученные эмпирические данные могут быть неточными и неполными, поскольку респондентам сложно оценить свою культурно-идентификационную позицию. Поэтому для уточнения маргинальных тенденций требуются более тщательные изыскания. Так, оптимистичные высказывания, согласующиеся друг с другом ответы говорят либо о стремлении усваивать новую культуру, либо сохранять свою. Оптимизм характерен также для бикультуралистов, обнаруживающих высокую адаптивную способность, уважение к разным культурам, а значит, наибольший интеллектуальный и личностный потенциал.

Противоречивость ответов, нелогичность, обнаруживаемая при их сопоставлении, неизменно свидетельствуют о тенденции к культурному маргинализму. Это ответы депрессивной окраски, выдающие пессимизм, разочарование, неверие в свои силы, низкую адаптивную способность.

Таким образом, мы попытались выявить состояния культурной идентичности респондентов на основе ряда косвенных показателей. Такими показателями явились удовлетворенность студентов осуществлением смысла жизни и измерение их потенциальной ориентации на отъезд.

В данном случае использовался краткий и упрощенный вариант методики Дж. Крамбо для измерения удовлетворенности осуществлением смысла жизни, адаптированной В. Ядовым и К. Музырбаевым [см.: Музырбаев] и нашедший практическое применение в работе Н. М. Лебедевой [см.: Лебедева]. Вслед за Лебедевой мы предположили, что процесс дезадаптации или адаптации этнической группы по типу психологической защиты в условиях инокультурного окружения будет сопровождаться снижением общей удовлетворенности осуществлением смысла жизни, т. е. распад группы как субъекта межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия, снижение позитивной групповой самоидентификации «ударят» по смыслообразующим сторонам личного бытия человека.

Методика измерений ориентаций на отъезд разработана Н. М. Лебедевой, вопросы построены по типу предыдущей методики. Предполагалось, что при дезадаптации общности в инокультурной среде (или выраженной адаптации по типу этнокультурной изоляции) должна повыситься ориентация (или психологическая установка) на отъезд у членов группы с нарушенной позитивной идентификацией, что может служить показателем внутренней дезинтеграции группы, снижением внутригрупповой суггестии, разрушением группы как самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия либо просто показателем отсутствия у группы такого качества самостоятельного субъекта (табл. 2).

Таблица 2

Косвенные признаки состояний культурной идентичности

№ п/п	Начальная часть утверждения	Вариант продолжения утверждения	Распределение ответов, %		
			Ру*	БЗ*	Ино*
Удовлетворенность осуществлением смысла жизни					
1	Моя жизнь...	...в моих руках, и я сам управляю ею	19	92	52
		...не в моих руках и управляется внешними событиями	81	8	18
2	Моя жизнь...	...пуста и неинтересна	66	96	43
		...наполнена интересными делами	34	4	57
3	Каждый день обычно кажетсяновым и непохожим на другие	40	80	21
		...совершенно похожим на все другие	60	20	79
4	В жизни я...	...еще не нашел своего призвания и ясных целей	56	77	57
		нашел свое призвание и ясные цели	44	23	47
Измерение ориентации на отъезд					
5	Молодым лучше...	...продолжать жизнь на земле своих отцов и дедов	74	47	64
		строить жизнь на новом месте	26	53	36
6	При наличии возможности...	...уехал бы учиться в другую страну	8	30	36
		я бы все равно отсюда никуда не уехал	68	62	44
		уехал бы учиться в другой регион России	25	4	2
7	Моя Родина — место, куда я обычно...	остался бы на Родине и получал образование там	68	4	18
		...поскорей хочу вернуться не спешу возвращаться	75	49	49
8	В России мне...	не спешу возвращаться	25	51	51
		...хорошо	80	92	62
9	В Нижнем Новгороде мне... Своими жилищными условиями...	...плохо	20	8	38
		...нравится	62	88	68
		...не нравится	38	12	32
		...доволен	26	73	77
		...не доволен	74	27	23

* Расшифровку сокращений см. в примеч. к табл. 1.

Обнаружилось, что 92 % студентов из ближнего зарубежья считают, что жизнь в их руках, и они сами управляют ею. Но при этом пустой и неинтересной свою жизнь считают 96 %, а наполненной интересными делами — только 4 %. Между тем каждый новый день обычно кажется новым и непохожим на другие у 80 % студентов-мигрантов, и лишь 20 % воспринимают новый день как совершенно похожий на все другие. Налицо крайняя противоречивость ответов. Несогласованность и противоречивость высказываний и ответов сви-

детельствует о маргинальных тенденциях: индивид уверен в общем несовершенстве жизни и своем бессилии перед ним.

Не сожалеют о том, что учатся в России, 62 %, а 30 %, если бы на то была возможность, *непреренно бы уехали в другую страну*, 4 % предпочли бы переехать учиться в другой российский регион.

Свою Родину считают местом, *куда хочется поскорей вернуться*, 50 %. Другая половина опрошенных не спешит возвращаться на Родину. В целом, в России чувствуют себя «хорошо» 92 %, «плохо» — 8 %. Своими жилищными условиями довольны 73 %, остальные — не довольны. И при этом 88 % утверждают, что им нравится в Нижнем Новгороде.

Итак, в данном блоке вопросов ответы рассогласованы. Поэтому приходится говорить о сложном, кризисном состоянии идентичности мигрантов. Отдельные маргинальные тенденции сопровождаются всплесками альтруизма и оптимизма: все это говорит о сложном культурно-идентичностном поиске, происходящем в их среде.

В среде иностранных студентов в оппозиции *моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею — моя жизнь не в моих руках и управляется внешними событиями* индусы затруднились в выборе. В беседах они пояснили, что «очень сложно объяснить, кто именно управляет нашей жизнью». Такое мнение скорее всего обусловлено восточно-индуистским восприятием существования: понятиями кармы, предопределенности и т. д. У китайцев и африканцев подобные установки не обнаружены: соответственно 82 % и 65 % из них в своем большинстве уверены, что их жизнь в их руках.

Но при этом *пустой и неинтересной* свою жизнь считает половина китайцев, а другая половина — *наполненной интересными делами*. Очень похожая картина — у африканцев. И лишь индусы настроены позитивно и считают свою жизнь насыщенной и интересной (76 %).

Вместе с тем не сожалеют о том, что учатся в России, 82 % китайцев и 79 % индусов. А африканцы (69 %), если бы на то была возможность, «непреренно бы уехали в другую страну». Однако в другой регион России для продолжения учебы иностранные студенты не спешат (в среднем лишь 11 % в трех группах).

Свою Родину считают местом, *куда хочется поскорей вернуться*, 67 % африканцев и 55 % индусов. Китайцы (86 %) не спешат возвращаться на Родину. Вместе с тем студенты всех трех групп (78 %) своими жилищными условиями довольны, и 67 % утверждают, что им нравится в Нижнем Новгороде.

Итак, в данном блоке вопросов ответы достаточно противоречивы. И если африканцы и индусы преимущественно все же сохраняют основные признаки моноидентичности с родной культурой, то у китайцев налицо тенденция к маргинальности, порождающей депрессивный тип, равнодушный как к родной, так и к новой культуре.

Наконец, выбирая в оппозиции: *продолжать жизнь на земле своих отцов и дедов — строить жизнь на новом месте* африканцы (75 %) выбирают первый вариант, а китайцы (73 %) и индусы (69 %) выбирают второй вариант, что свидетельствует о частичном отказе от моноидентичности.

У русских невыраженность ориентации на отъезд и выраженная любовь к Родине, причем как к «большой», так и к «малой», вроде бы свидетельствуют не в пользу маргинальности. Вместе с тем явная неудовлетворенность осуществлением смысла жизни говорит об обратном. Так, 81% русских полагают, что собственная жизнь *не в их руках и управляется внешними событиями*, 66 % считают свою жизнь *пустой и неинтересной*. Каждый новый день представляется 60 % *совершенно похожим на все другие*. Последние данные свидетельствуют, что в среде русских маргинальные тенденции прогрессируют даже более активно, нежели у мигрантов. Напомним, что, к примеру, только 8 % выходцев из СНГ считают свою жизнь управляемой внешними событиями, и только 20 % считают свою жизнь депрессивной безнадежной рутинной (*каждый день обычно кажется совершенно похожим на все другие*).

Маргинальную тенденцию частично подтверждает ответ на вопрос «Что Вас больше эмоционально задевает?», раскрывающий отношение студентов к оскорблениям по этническим мотивам (рис. 3).

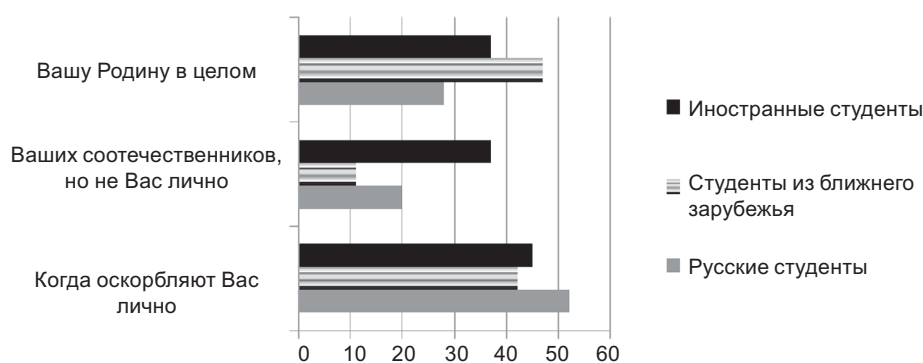

Рис. 3. Отношение студентов к оскорблениям на национальной почве

Русские студенты оказались наиболее маргинально настроенной группой. Большинство из них (52 %) отдали предпочтение индивидуализму в ущерб культурной близости, ответив, что больше всего их эмоционально задевают личные оскорбления, а не оскорбления Родины (маркер культурно-политической близости) или их соотечественников (маркер духовной близости).

В двух других выборках маргинально настроенных индивидуалистов тоже немало: 42 % выходцев из бывших республик Советского Союза и 45 % иностранцев. У иностранных студентов в равной степени (по 37 %) представлены маркеры культурно-политической и духовной близости. У студентов из ближнего зарубежья маркер духовного притяжения представлен слабо (11 %), но активен маркер близости культурно-политического плана (47 %).

Таким образом, можно сказать, что маргинальные настроения присутствуют во всех трех группах опрошенных, но вопреки распространенному мнению эти настроения в ряде случаев становятся более заметны среди носителей при-

нимающей культуры, нежели среди мигрантов. А это значит, что принимающее общество зачастую само не может предложить этническим меньшинствам культурно-идентичностных ориентиров, поскольку само переживает внутренний духовный кризис. Неспособность признать собственное духовно-идентичностное состояние побуждает принимающее общество, особенно его элиту, приписывать меньшинствам разные формы нецивилизованности и неспособность к интеграции, что наблюдается сегодня в Западной Европе [см.: Черненко; Джордано].

Налицо ситуация, в которой маргинальные тенденции в среде мигрантов сопровождаются аналогичными тенденциями, а также растерянностью и дезориентированностью русского населения, оказавшегося не готовым к возрастанию культурной разнородности общества.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о тенденциях активной маргинализации общества, причем как в среде его исконно адаптированных членов (в нашем случае они были представлены русскими студентами), так и в среде среднеадаптированных (мигранты из ближнего зарубежья) и малоадаптированных (иностранные студенты).

Достаточно сложно говорить о том, как следует оценивать выявленные тенденции. В любом случае маргинальность — как одна из категорий постмодернизма — не приемлет максималистских оценок. Например, А. Налчаджян указывает на одаренность и пассионарную роль многих маргиналов, но он же уверен в том, что за маргинальность приходится дорого расплачиваться. Так, исследователь приводит в пример раннюю смерть актера и спортсмена Брюса Ли, который, «будучи маргиналом», переживал огромную физическую нагрузку» [см.: Налчаджян, с. 196].

Между тем, принимая во внимание разнообразие мнений в вопросе о маргинальности, ее можно классифицировать как отсутствие устойчивой культурной идентичности, порождающее личностный конфликт и, как следствие, контрастное сочетание внешней приспособленности с тотальной дезадаптированностью, характерной для полиэтничной массовой городской среды.

Алексеева Е., Тузова Т. Деконструкция // История философии : энциклопедия. Минск, 2002. С. 292–293.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 23–24.

Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. М., 1997. С. 271–285.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. 366 с.

Гафанова Ю. В. Маргинальный опыт Мишеля Фуко // Studia culturae. Вып. 3 : Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философ. фак. Санкт-Петербург. гос. ун-та. СПб., 2002. С. 161–165.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 2005. 552 с.

Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социол. журн., 1995. № 6. С. 56–65.

Джордано Р. Письмо в защиту Германии [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2010. 13 окт. URL: <http://lenta.ru/columns/2010/10/13/brief/>.

- Козырев Ю. Н., Козырева П. М.* Дискурсивность социальных идентичностей // Социол. журн. 1995. № 2. С. 23–30.
- Крылова Н. Л., Прожогина С. В.* Метисы: кто они? : Пробл. социализации и самоидентификации. М., 2004. 216 с.
- Лебедева Н. М.* Социальная психология аккультурации этнических групп : дис. ... докт. психол. наук. М., 1997. 310 с.
- Левада Ю.* Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. — М., 1993. 112 с.
- Мазуренко И. В.* Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 22 с.
- Мальшев И. В.* Тот, кто «не в ногу» // Маргинал. искусство. М., 1999. С. 62–63.
- Мид М.* Взросление на Самоа // Культура и мир детства. М., 1988. С. 88–171.
- Музырбаев К.* Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия // Рабочий класс на рубеже 80-х годов. М., 1981. С. 76–81.
- Налчаджян А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000. 407 с.
- Носенко Е. Э.* Факторы формирования еврейской идентичности у потомков смешанных браков // Диаспоры. 2000. № 3. С. 87–114.
- Оганов А. А.* Феномен маргинальности в культуре // Маргинал. искусство. М., 1999. С. 64–65.
- Поломошнов А. Ф.* Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 42 с.
- Попков, В.* «Классические диаспоры» к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
- Русанова А. Г.* Особенности культурной идентичности студентов в областном центре России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 22 с.
- Савченко И. А.* Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 2010. № 2. С. 281–296.
- Усманова А. Р.* Маргинальность // Новейш. филос. слов. Минск, 2003 С. 670–671.
- Хвыля-Олинттер Н. А.* Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа : автореф. дис.... канд. социол. наук. М., 2010. 24 с.
- Чебоенко О. В.* Культурно–символический потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности молодежи : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2007. 21 с.
- Черненко Е.* Чужого не надо. Европа ужесточает политику в отношении иммигрантов // Коммерсантъ. 2010. № 204 (4504). С. 9.
- Шубин Ю. А.* Традиция как ресурс социально-культурной идентичности личности в современном обществе : дис. ... канд. культурологи. СПб., 2009. 177 с.
- Шуклинова М. В.* Национально-культурная идентичность студентов провинциальных вузов : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 152 с.
- Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4. С. 40–60.

Статья поступила в редакцию 20.01.2011 г.

ПОЭТИКА САКРАЛЬНОГО СЛОВА

УДК 27-29 + 27-42 + 091.3 + 82-97

Н. Ф. Сгибнева

«ЯКО НЕ ПРОСТО НИЩЕТА СПАСАЕТ И БОГАТСТВО ПОГУБЛЯЕТ...»: О БОГАТСТВЕ И НИЩЕТЕ В СБОРНИКЕ ПРОПОВЕДЕЙ КОНЦА XVII в. «СТАТИР»

Рассматривается проблема отношения к материальным ценностям, богатству и нищете в рукописном сборнике проповедей «Статир», созданном в конце XVII в. неизвестным автором в городе Соликамске и Орле-городке — центре владения Строгановых. На основе анализа ряда поучений устанавливаются связи с традиционными представлениями о богатстве и нищете, сложившимися в русском средневековом обществе, и вместе с тем делается вывод о творческой самостоятельности, самобытности автора сборника, открывшего новые грани в осмыслении указанной проблемы.

Ключевые слова: духовная культура Урала XVII в.; строгановский культурный регион; сборник проповедей «Статир»; проблема отношения к богатству и нищете.

Рукописный сборник проповедей «Статир», написанный анонимным автором в 1683–1684 гг. в Соликамске и Орле-городке, — уникальное явление в истории духовной культуры Урала¹. Уже первые исследователи «Статира», преимущественно церковные авторы, в конце XIX в. высоко оценили ораторское мастерство пермского проповедника, поставив сборник его проповедей в один ряд с произведениями таких ведущих писателей второй половины XVII в., как Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский и др. [см.: Малышевский, с. 453–454; Поторжинский, с. 289–303]. Позднее, в XX в., исследователи-филологи А. Н. Робинсон, Б. А. Успенский,

¹ В настоящее время «Статир» хранится в Отделе рукописей РГБ [см.: ОР РГБ, ф. 256, № 411]. Далее ссылки на эту рукопись приводятся с указанием номера листа в скобках.

А. С. Елеонская, П. Т. Алексеев, А. С. Демин, Д. Буланин, Л. С. Соболева, Н. А. Мудрова, так или иначе обращавшиеся к сборнику проповедей орловского священника, единодушно отмечали талант и художественный дар писателя. Однако, несмотря на неослабевающий интерес исследователей к рукописному сборнику конца XVII в., уровень его изученности до настоящего времени во многих аспектах остается недостаточным [см.: Сгибнева, с. 87–89].

Пристального внимания заслуживает сюжетно-тематическое своеобразие «Статира». Часть поучительных слов сборника посвящена толкованию историко-догматических вопросов, однако доминируют в сборнике поучения нравоучительного характера, посвященные вопросам христианской этики, общественной и личной морали. Эти поучения очерчивают целый ряд проблем, волновавших общество на пороге Нового времени: пьянство, отношение к труду, нравственность и достоинство священнослужителей, негативное отношение прихожан к пастырю и их равнодушие к вере и т. п.

Особое внимание автор «Статира» уделяет проблеме отношения к материальным ценностям — богатству и нищете. Интерес к этой теме во многом обусловлен сложившимися в русском средневековом обществе традициями в восприятии нищих людей. В представлении древнерусского человека нищие, убогие, неимущие люди никогда не были изгоями, напротив, своим присутствием (и символическим значением в глазах народа) они создавали особую атмосферу, которой было проникнуто древнерусское общество.

Возникновение и существование самого института нищенства связано с системой христианских верований. Согласно повсеместно распространенным христианским представлениям, нищие, убогие люди находятся ближе к Христу, в них видели образ самого Христа, который по евангельскому мифу был первым нищим на земле, не имел никакого имущества, не знал, где голову преклонить, и при этом призывал не заботиться о пище и одежде, жить, как «птицы небесные», которые «не сеют, не жнут, не собирают в житницы» (Мф. 6 : 26). Не богатство, а нищета обрела в христианстве силу духовной ценности, став нравственным идеалом, ведущим к вечному спасению. Многочисленные слова и поучения Отцов Церкви — Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, являвшиеся излюбленным чтением в Древней Руси, — возвеличивали нищету, возводили ее в моральное достоинство, доблесть, выделяющую человека из остального мира, делающую его избранным Богом. Милосердие к нищему было провозглашено фундаментальной и первейшей добродетелью христианина: милосердием христианин уподоблялся человеколюбивому Богу, очищал свои грехи, спасал душу. Раннехристианские писатели разработали целую систему образов, мотивов, сюжетов, поддерживающих высокий образ нищего в сознании древнерусского человека и внушающих читателям необходимость милосердия и нищелюбия.

Автор «Статира» во многом следует сложившимся в рамках святоотеческой традиции представлениям о богатстве и нищете и вместе с тем создает целый ряд оригинальных образов и сюжетов, высвечивающих новые грани в осмыслении этой темы. Из 156 проповедей сборника 22 проповеди посвящены

обсуждению указанной проблемы. Одной из самых интересных нам показалась проповедь на 30-ю неделю по Пятидесятнице (см. приложение). В ней автор развивает идею разумного и ответственного отношения и к богатству, и к нищете. И то и другое состояние, по мысли проповедника, может служить как добру, так и злу, все зависит от самого человека, который наполняет их духовным смыслом: «не погибели ходатай бога[т]ство, нищета сп(а)сению, но вся въ произволении нашемъ лежитъ — бл(а)гое и злое» [л. 362]. В проповеди рассматриваются условия, при которых состояние богатства признается праведным, а нищета — добродетелью и, наоборот, когда оба этих состояния превращаются в порок.

Богатство, по убеждению проповедника, само по себе нравственно нейтрально, более того, в самом факте его существования автор видит определенный промысел Божий: «Но вся к ползѣ и ко сп(а)сению н(а)ш(е)му строяй пребл(а)гий Б(о)гъ, ибо не возбранитъ и многое богатство от добродѣтели...» [л. 129 об.]. Однако богатство сопряжено для его обладателя с целым рядом обязанностей и по отношению к себе, и по отношению к обществу (ближним). Богатый человек должен наживать свое состояние честным, праведным трудом, не испытывать чрезмерной привязанности к материальным благам и жажды накопительства, «ибо не злато въ богатомъ осуждается, но лакомство» [л. 363 об.]. Обязательным условием для всех богатых людей является милосердие, только тот богатый, кто «питаетъ нищия, помогаетъ бѣднымъ, созидаетъ ц(е)ркви, размножаетъ хвалу Б(о)жию, покоитъ слуги его», по мысли проповедника, «поистиннѣ богатъ на земли и на н(е)б(е)си, здѣ — пред ч(е)л(о)в(ѣ)ки, а на н(е)б(е)сѣхъ — пред Б(о)гомъ» [л. 362].

В противовес этим требованиям автор рисует реалистичные картины произвола богатых, неправдою наживающих свои состояния: «...горе, иже созидаютъ домъ свой в неправдѣ и горницы свои в судъ, друга своего работою отягощаютъ и мзды не воздаютъ ему, иже себѣ созидаютъ дома пространны и горницы широки, окна себѣ отворяютъ и сотворяютъ своды кедровы, пишутъ же червцемъ, а убогихъ стесняютъ и малыя хижицы ихъ разоряютъ и заслонивше высоотоу стѣнною всегда имъ нощъ сотворяютъ» [л. 290]. В создаваемую картину «роскошной» жизни богатых автор привносит детали современного ему быта — описание богатой избы, что делает рассуждения проповедника конкретными, наглядными и вместе с тем более драматичными.

Обличительные интонации усиливаются, когда речь заходит о безжалостности и немилосердии богачей. Автор с возмущением пишет о тех богачах, которые больше заботятся о питейных домах и своих псах, нежели о благосостоянии церкви и нищих, последователей Христа: «...а инии от множества бога[т]ства внѣ своего ума бываютъ: псовъ множество питаютъ, и бесловесныхъ скотовъ златомъ облагаютъ, блудилища и корчемницы зиждутъ, а ц(е)ркви Хр(ис)т(о)вы во убожествѣ презираютъ, и нищия, иже есть уды Хр(исто)вы, гладомъ помираютъ и от мраза растѣваютъ. Сихъ без милости отгоняютъ и двери пред ними затворяютъ, ниже едину укруху от псовъ подати хошуть...» [л. 125 об.]. Рисуя контрастную картину довольства богачей и сопутствующие им страдания нищих, писатель использует свой излюбленный прием

антитезы, усиливающий впечатление от «безумия» богатых людей. Проповедник отказывает им в разуме, находясь «внѣ ума» от богатства, они в утрачивают свое человеческое естество: «онѣ, богачь, не внять вѣры... но страстию несыт(о)вства пленен, естество ч(е)л(о)в(ѣ)ческое измѣниша и всякаго звѣря летѣйши сталь... » [л. 290].

Своего рода кульминацией в размышлениях о ненасытных и немилосердных богачах становится эпизод, в котором автор пишет об абсолютном бессердечии богачей: «и ни единого милуетъ: ни друга, ни сродниковъ, ни брата, ни сестру, ниже самого о(т)ца, родившаго его и воспитавшаго, ни мать щадить, болѣзновавшую, ниже жену, ни своихъ чадъ, ни ц(а)ря боится, ниже с(вя)тая срамляется, ниже с(вя)щенника чтить, но всѣхъ помысломъ нахотя убиваетъ и всехъ свободныхъ в работу плѣняетъ» [л. 125 об.—126]. Примечательно, что в группе лиц, которым немилосердные богачи отказывают в помощи, на первом месте оказываются друзья и родные, за ними следуют государь и священники. Очевидно, выстраивая такую последовательность, автор ориентировался прежде всего на интересы паствы.

Осуждение бессердечия и немилосердия богачей сменяется в сборнике пафосом обличения страстной привязанности к богатству, которое в этом контексте приобретает негативную оценку, становится источником зла и многих пороков. Орловский проповедник с помощью развернутой метафоры создает впечатляющую картину негативного воздействия богатства на человека: «Что бо сего бесчестнѣе, аще бы кому тѣло красное было и всѣхъ превсходящее добротою? Бога[т]ство же, пришедши, обѣщало бы ся сотворити тѣло студно и вмѣсто здраваго недужно, вмѣсто же спрятаннаго — опухлое. И вся уды труда воднаго исполнивше над улобы и лице, // отвсюду сотворило бы пухнути: надуло бы ноги и паче бервень тяжчайшая сотворило бы, надуло бы утробу и всякия делвы болши содѣлало бы и не хотѣло бы и ко врачу исцелитися отпустити. Еда ли бы ты далъ богатству на тѣле власть таковую, почто же далъ еси на д(у)ши, еже не послушати законовъ Б(о)жиихъ?» [л. 368 об.—369]. Автор сопрягает в единое целое тело и душу человека: болезненное, изможденное тело становится метафорой больной души, пораженной недугом обогащения.

Подобные метафоры были характерной особенностью барочной проповеди XVII в. По наблюдениям М. С. Киселевой, изучающей проблему влияния барочной культуры на проповедническое искусство XVII в., «внимание к телу в текстах проповедей XVII в. ничуть не меньше, чем к душе и чувствам человека. Для барочного автора тело становится источником множества метафор и сравнений, доносящих до слушателя главную тему его наставлений, адресованных человеку, спасающему свою душу», этими метафорами, отмечает исследовательница, были щедро насыщены тексты проповедей Симеона Полоцкого — одного из ярких представителей барочного красноречия XVII в. [Киселева]. Автор «Статира» также неоднократно прибегает к барочным развернутым метафорам, соединяющим духовное и телесное начала в человеке, что делает слово проповедника осязаемым, наглядным, осязаемым, способствует заострению обсуждаемой проблемы.

Сребролюбие выделяется проповедником как один из главных грехов, «корень всѣмъ злымъ». Сребролюбцы однозначно будут осуждены, так как из-за алчности Иуды был продан Христос. Иуда «стрелою вождельнїа пронзеса и на продание Сп(аси)т(е)л(е)во устремися. Сихъ ради нѣсть мошно сребролюбивому мужу Хр(ис)та видѣти, понеже онъ на сребрѣ продадеса» [л. 207 об.]. Свои рассуждения пермский проповедник нередко подкрепляет ссылками на тексты любимых авторов, откуда заимствует соответствующие образы, мотивы, сюжеты. Так, например, из творений византийского богослова Иоанна Лествичника (VII в.), выделившего сребролюбие в особую степень греха, препятствующего восхождению к Царским вратам, он заимствует емкое метафоричное определение сребролюбия, которое «есть идолопоклонение, невѣрствие д(у)ши, немощи извѣстница, старости волхвъ, гладу провозвѣстникъ, бездождю воспоминатель, ев(ан)г(е)лский ругатель и самовольный отступникъ» [л. 204]. Ср.: «Сребролюбие есть поклонение идолам, дочь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвестник голода, гадатель о бездожии» [Иоанн Лествичник, с. 258].

Наиболее предпочтительное для христианина состояние анонимный автор видит в добровольной нищете: ссылаясь на евангельские слова, он напоминает своим слушателям, что «нищета есть вѣчному животу ходатай, а не богатство» [л. 364]. Добровольно выбранный путь нищеты выступает в его поучениях как духовный крест, который необходимо нести достойно, с присущими истинному христианину смирением и терпением. Утешением нищим, по мысли проповедника, должен служить образ самого Христа, смирившего свое величество и явившего миру пример последней нищеты. В поучении на Рождество Христово он пишет: «О, ч(е)л(о)в(ѣ)че, въ паки ти реку: познай дне сего величество, яковая тебѣ Хр(ис)товымъ рождествомъ даровашася; како Б(о)гъ великий, Ц(а)рѣ крѣпкий, Властлинъ страшный, въ послѣднюю нищету сниде, от величества въ смирение, от пресвѣтлаго и высочайшаго н(е)б(е)си на землю...» [л. 48 об.—49]. Автор убеждает своих слушателей, что повторением кенотического пути Христа через нищету, страдания, смирение и терпение возможно спасение, стяжание Царства Небесного: «такожде и нищии, аще кротцѣ и бл(а)г(о)даря Б(о)га нищету терпятъ, не ропщутъ, ни проклинаяще богатыхъ (разрядка наша. — Н. С.), тогда бл(а)жени будутъ и Ц(а)р(с)тво Н(е)б(е)сное восприимуть...» [л. 362 об.]. К традиционному представлению о том, что нищие должны смиренно переносить свое бедственное положение, с благодарностью Богу, проповедник добавляет требование безропотного отношения к богатым, что свидетельствует о стремлении автора сгладить существующее в обществе напряжение. Писатель выступает за мирные отношения между людьми разных сословий.

Вместе с тем проповедник не склонен идеализировать всякую бедность и нищету. Основываясь на личных наблюдениях, он рисует неприглядную картину, когда нищета превращается в промысел, порождая в нуждающихся людях злобу, зависть к богатым, склонность к праздности, лжи и лицемерию: «И мнози нищии во очесѣхъ богатыхъ ласкають, а отшедши, злѣ проклинаяють, ибо не препитания ищутъ, еже бы живу быти, но чтобы упиватися и объядатися

и в праздности жити и тако Хр(ис)товымъ именемъ собирають, а в руке диаволи предають, ибо убогия укрухи собравши да в корчемницу относятъ, измѣняюще на незаконное пианство и на скаредную табаку» [л. 362 об.—363].

Горестное сокрушение проповедника вызывает та категория нищих, которые не желают жить своим трудом, умышленно причиняют себе физические увечья, при этом упрекают в своем бедственном положении ближних, проклинают Бога. Бездеятельность таких нищих и праздность, по убеждению проповедника, намного опаснее для общества, чем произвол богачей: «И неравное зло нищий з богатымъ содѣваетъ: богатый, злѣ богатству потребляя, похищать, лихоимствуетъ, насилуетъ, похоти безмѣтная, нелѣпая дѣяннн, смѣшнн, чарованн, обаянн и иная вся люта обрященн от богатства рождающася. А в нищеть паче сихъ и бестуднѣ творять, нежели в богатствѣ: ропщутъ и проклинають себе, и ближняго ласкають, худость тѣлу притворяють, и многажды и Б(о)га худятъ и судъ Его праведный укоряють, а д(е)нь рождения своего проклинають и родившаго ихъ о(т)ца и матеръ скаредуютъ хулными г(лаго)лы...» [л. 362 об.—363 об.].

В своих оценках и созданных образах нищих проповеди «Статира» переключаются с обширным сочинением «Слово о милости», написанным в 70—80-е гг. XVII в. чудовским иноком Евфимием, учеником Епифания Славинецкого. Поставив перед собой задачу показать, что такое милосердие и каково его место среди иных доброт, в чем его значение для человека, Евфимий Чудовский рассматривает в своем сочинении многочисленные варианты людского страдания, требующие поддержки и помощи: вдовы, оставшиеся без мужей в нищете с детьми, сироты, не имеющие ни родителей, ни попечителей, бедные крестьяне, у которых пал скот, пришельцы. Однако писатель с нескрываемым негодованием отзывается о той категории нищих, которые «здравы суца, не велми состарѣвшися, еще могуца каковое дѣло имѣти», но не желают жить своим трудом, спекулируют на своем нищенстве, превращая его в промысел, легкую добычу. По мнению Евфимия, подача милостыни таким нищим (он называет их «тунеядцами», «гуляками скитающимися», «леностными гуляками», «лживыми просителями», «блудниками и пропойцами») делает подающего «общником греха» и умножает «леность» попрошайек [см.: Слово чудовского инока Евфимия о милости, с. 9—67].

Решительно осуждает праздность, тунеядство и безделье и автор «Статира», но вместе с тем он неоднократно обращается к своей пастве с призывом к активной деятельности и труду. Проповедник оценивает труд как важное средство воспитания души, восхождения ее к Богу. Он полагает, что любой труд может быть источником радости, приносить удовлетворение. Неизменные симпатии автора вызывают неимущие труженики, которые, несмотря на всю тяжесть своего труда, остаются преданными своему делу. Например, в поучении на 8-ю неделю по Пятидесятнице он с любовью вспоминает виденного им некогда убогого рыбака, который не имел никаких «сосудовъ ловитвенныхъ», только «едину удицу», много времени проводил на берегу реки, «часто удицу мещущи и ничтоже извлекающи», но продолжал свое дело «со многимъ тщаниемъ», и только благодаря своему неустанному трудолюбию «нача

на кийждо д(е)нь пищу и веселие приобрѣтати» [л. 165 об.]. С уважением автор пишет и о земледельце, который засевал «плодная и неплодная мѣста», долгое время не получая плодов, но продолжал «по вся лёта, нескудно съмена истощевать» и в «нечаемую годину» земля принесла ему «плод сторичный и пожа плод с радостию дѣлания своая рукояти» [л. 166]. Проповедник заключает, что терпение этих тружеников достойно восхищения и подражания.

Представления анонимного автора о необходимости труда и активной деятельности, направленной на преобразование земной жизни, во многом перекликаются с идеями западноевропейских гуманистов, высоко оценивавших трудовую активность человека, ориентированную на общее благо. Тема труда, например, нашла яркое воплощение в творчестве выдающегося мыслителя эпохи Возрождения Эразма Роттердамского (конец XV—XVI в.), выдвинувшего «новую этическую норму, в соответствии с которой не богатство, не социальное происхождение, а труд должен определять место индивида в обществе» [Урманова, с. 172—178].

В России вторая половина XVII в. ознаменовалась возникновением большой группы предприимчивых деятелей, активных в разных областях жизни, от хозяйства и торговли до политики и культуры [Очерки истории СССР, с. 53—56]. Уникальность строгановского региона, особенно культурных гнезд Соликамска и Орла-городка, где был написан сборник проповедей «Статир», по мнению Л. С. Соболевой, «состояла в том, что в сравнительно короткие сроки на территории, связанной экономическими, культурными и человеческими узами, возникает тип жизни, ориентированный на предпринимательские ценности. Быстрый взлет региона объяснялся насыщенностью его людьми нового типа» [Соболева, с. 17—54]. В этом аспекте ориентация автора «Статира» на энергичного, деятельного человека оказалась чрезвычайно своевременной и актуальной.

Приложение*

ПОУЧЕНИЕ В Н(Е)Д(Е)ЛЮ 30-Ю ПО СОШЕСТВИИ С(ВЯ)Т(А)ГО Д(У)ХА

Яко прелщаетъ диаволь прелестию мира сего, яко музыкою, и яко не просто нищета сп(а)саетъ и богатство погубляетъ, и на блудниковъ
[Часть 1]

Л. 361 Якоже бо иногда прегордый Навоходоносоръ, царь Вавилонский, постави образа златаго и всѣмъ своимъ велможамъ и воемъ, и всякому сану и возрасту, яже имѣ под областью своею, повелѣ поклонитися идолу, распали же и печь пламенемъ страшнымъ, яко возвышатися пламению на четыредесять девять лактий и непоклоняющихся ту ввергаше.

Тако и превзятый Навуходоносоръ, мысленнаго Вавилона, царь вѣка сего¹ прелестнаго, постави кумирь златолюбия и всѣхъ подручныхъ своихъ от всякаго

* Автор выражает благодарность профессору Л. С. Соболевой за помощь, оказанную при подготовке текста к публикации.

¹ Вписано над строкой.

сана² понуждает поклоняться злату и работати ему, яко Б(о)гу. Постави же и печь нищеты³ и не поклоняющихся златолюбию вметаше в сию. А яко умысли Навуходоносоръ всякая гудения красная, согласия мусикийская, могущая ч(е)-л(о)в(ѣ)ку изумленна сотворити.

Тако и здѣ диаволь показуеъ во очесѣхъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ прелести и мечтания мира сего, красоту временную всякими видами: славу многую, красоту и крѣпость тѣлесную, златая сокровища, вещи драгоценныя, ризи свѣтлыя, рабовъ множество, коней и колесницъ, сель стяжания, высокая здания, // — и прочая вся прелести, ими же лстить ч(е)л(о)в(ѣ)ки, яко мусикийскими игранми, даже работають вси ч(е)л(о)в(ѣ)цы мамонѣ.

И яко тамо негли мнози не хотѣша поклонитися идолу, но страхом печи повиношася воли царевѣ, тако и здѣ мнози бы хотять послѣдовати Хр(ис)ту, но за боязнь нищеты возвращаются от Хр(ис)та и имѣнню работають. Яко и сей богачь возвратися, скорбя имѣнниа ради, и о семъ намъ показываютъ яснѣйши ев(-ан)г(е)лская словеса от Луки г(лаго)ля сице: «Во время оно приступи ко Ии(су)су нѣкий князь, гл(а)го: «Учителю бл(а)гий, что сотворю, животь вѣчный наслѣдую?» Рече же ему Ии(су)съ: «Что мя гл(а)голаши бл(а)га? Никто же благъ, токмо единъ Богъ. Заповѣди вѣси: не прелюбы твори, не убий, не укради, не лжесвидѣтельствуй, чти о(т)ца твоего и м(а)т(е)рь твою». Он же рече: «Вся сия сохранихъ от юности моя». Слышавъ же сия Ии(су)съ, рече ему: «Еще единого недокончалъ еси, вся елика имаша продаждь и раздай нищимъ и та имаша сокровище на н(е)б(е)си и гряди въ слѣдъ мене». Онъ же, слышавъ се, прискорбень бысть, бѣ бо богатъ зѣло. Видѣвъ же его Ии(су)съ, прискорбна бывша, рече, како неудобь имущии богатство въ Ц(а)р(с)твие бл(а)гие внидуть и прочая. //

Л. 362 Азъ же, любимицы мои, от сихъ словесъ ев(ан)г(е)лскихъ хочу бесѣду положити, Хр(и)ста милостиваго молю, да дастъ мнѣ помощь ко гл(а)гола нию, а вашего благочестия прошу, дадите ми о Г(оспо)дѣ послушание со вниманиемъ.

Вѣмъ, что не толико потребень явлюся, елико не полезень сия гл(а)голющи: «Мнози бо хотять богатѣти, а не нищетою жити». Но обаче внушите разумно обои богатии и нищии, яко не погибели ходатай бога[т]ство, нищета сп(а)сению, но вся въ произволении нашемъ лежитъ — бл(а)гое и злое. Аще бо кто и многое имать богатство от праведныхъ стяжаний и расточаетъ добрѣ, — питаетъ нищия, помогаетъ бѣднымъ, созидаеъ ц(е)ркви, размножаетъ хвалу Б(о)жию, покоитъ слуги его, — таковой поистиннѣ богатъ на земли и на н(е)б(е)си, здѣ — пред ч(е)л(о)в(ѣ)ки, а на н(е)б(е)сѣхъ — пред Б(о)гомъ, и а(н)г(е)лы его имать похвалу. Паки же аще начнутъ содержати богат[ст]во и собирати неправедно, — от лихоимства и хищения, — и в томъ упование полагаги, и все во свое чрево изнуряти, на объядения и пьянства, на блудъ и тщеславия, а нищия презирати, тогда не точию не внидуть до Ц(а)р(с)тва Н(е)б(е)снаго, но и в муку геенскую отсылаеми будутъ на мѣсто зѣло убогое идѣ же скудно и нечимъ купити единой

Л. 362 капли студеной воды прохладити свой // языкъ въ пламени геенскомъ. Яко об. оный богатый иже во многомъ изобилии живяше по вся дни питашеся многими сладкими брашны и благоуханными драгими напои, а Лазаря нищаго презираше и за то лютѣйшую муку приять.

Тако жеде и нищии, аще кротцѣ и бл(а)г(о)даря Б(о)га нищету терпятъ, не ропщутъ, ни проклинаяще богатыхъ, тогда бл(а)жени будутъ и Ц(а)р(с)тво Н(е)-

² Вписано над строкой.

³ Вписано над строкой.

- б(е)сное восприимуть и лоно Авраамле со онымъ нищим Лазаремъ. Но азъ не сия зрю в нищихъ, ибо колико злое богатии творять, нищии же сугубо. Богатии имѣннѣя похищаютъ, а нищии же с(вя)тотатъствуютъ, иже лицемѣрствуютъ, нищетою покрываютъ свою злобу: смышляютъ себѣ недуги лестнѣ и бѣсомучение ложное, трудницы нарицаются, доброволнѣ предаются бѣсу и трудятся в суете. И мнози нищии во очесѣхъ богатыхъ ласкають, а отшедши, злѣ проклинають, ибо не препитания ищутъ, еже бы живу быти, но чтобы упиватися и объядатися и в праздности жити и тако Хр(ис)товымъ именемъ собирають, а в руке диаволи предають, ибо убогия укрухи собравши да в корчемницу относятъ, измѣняяще на беззаконное пианство и на скаредную табаку. А идѣ же имѣние ихъ будетъ,
- Л. 363 тамо будетъ и д(у)ша ихъ // во огни негасимомъ. И нѣсть о семъ многого вопроса потреба, сами бо извѣстно вѣсте: аще бы кто нищему далъ все имѣние свое, еда ли бы отречь не взяти или бы оныхъ попекся худшихъ себе, но у всѣхъ бы хр(ис)толюбцевъ, аще бы ему мошно единъ бы м(и)л(о)ст(ы)ню принялъ. И чимъ разствуеть нищій з богатымъ? Злымъ возжелѣниемъ и несытъствомъ, и неравное зло нищій з богатымъ содѣваетъ: богатый злѣ богатству потребляя похищаетъ, лихоимствуетъ, насилуетъ, похоти безмѣтная, нелѣпая дѣяннѣя, смѣшеннѣя, чарованнѣя, обаяннѣя и иная вся лютая обрящещи от богатства раждающася. А в нищетѣ паче сихъ и бестуднѣе творять, нежели в богатствѣ: ропщутъ и проклинають себе, и ближняго ласкають, худость тѣлу притворяють, и многожды и Б(о)га худятъ, и судъ Его праведный укоряють, а д(е)нь рождения своего проклинають и родившаго ихъ о(т)ца и мать скаредують хулными г(лаго)лы. Симъ горе вамъ [по словеси Златоустаго]⁴, убогимъ и грѣшнимъ, здѣ злѣ страждете, а онамо ожидаетъ васъ некончаемая мука, за небл(а)годарство и злонравие ваше!
- Ибо не просто богат[ст]во богатыхъ погубляетъ, тако не просто и нищета
- Л. 363 нищихъ спасаетъ. // Яко богатии за немилосердие гинуть, тако и нищии за об. терпѣние и бл(а)годарение спасаются, паки же со противнымъ образомъ богатии м(и)л(о)ст(и)вии сп(а)саются, а нищии за небл(а)годарство погибають.
- Якоже нѣкто гл(аголе)тъ: «Ибо не злато въ богатомъ осуждается, но лакомство. О, нищій, зриши ты богатаго, близ себе злато имуща, у тебе же азъ зрю сребролюбие и несытное вожелѣние: сребра не имаши, а сребролюбие имаши». Зрите, не правду ли предрекохъ? Яко нѣсть богатство на погибель и нищета ко сп(а)сеннѣю, аще творять грѣхъ, тогда и нищии въ геену пойдутъ мучитися и богатии, добро творяще, внидутъ во Ц(а)р(ст)во Н(е)б(е)сное вѣчне веселитися.
- Прочее побесѣдуемъ от словесъ ев(ан)г(е)лскихъ. Прииде бо сей богатый, хотяше живота вѣчнаго видѣти, но не хотяше тѣщету прияти тлѣннаго богатства, нѣсть бо нѣсть, еже злато любити, да и животъ вѣчный получитьи. Сей бо богачъ прелстися в помыслѣ, яко же разумѣеть блаженный Феофилактъ, яко сей златолюбивъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ мнѣше Ии(су)са, указати ему образ, им же вѣчно бы жилъ з богатствомъ и наслаждался бы покоя и веселия и славы многия удержаниемъ богатства.
- Л. 364 Но Г(оспо)дь обли//чи его злое смышление и сказа, яко нищета есть вѣчному животу ходатай, а не богатство. И яковая онъ о животѣ вѣчномъ помышляше, таковая и о Хр(ис)тѣ Б(о)зѣ: мнѣше з богатствомъ вѣчнѣ жити и ко Хр(ис)ту приходитъ, яко къ просту ч(е)л(о)в(ѣ)ку. Сие от Хр(ис)т(о)в(ы)хъ словесъ разумѣемъ, еже рече ему Г(оспо)дь: «Почто мя гл(агола)ши бл(а)га? Никто же бл(а)гъ, токмо единъ Б(о)гъ. Ты же, яко къ просту ч(е)л(о)в(ѣ)ку приходиши

⁴ Заключено в квадратные скобки автором.

ко мнѣ. Почто приложилъ, дидакаль, учителю благий? Аще мниши мя единого от многих? Нѣсть бо никто же от ч(е)л(о)в(ѣ)къ благу, токмо единъ Б(о)гъ. Аще ли мя хоцещи блага гл(агола)ти, то поистиннѣ бл(а)гъ есмь и источникъ бл(агос)ти, азъ есмь животъ вѣчный и, вѣруяй въ мя, имать животомъ вѣчнымъ жити⁵, азъ есмь пребл(а)гий Б(о)гъ и развѣ мене нѣсть инъ. Азъ есмь бл(а)гъ воистинну и бл(а)гостию моею возлюбихъ весь род ч(е)л(о)в(ѣ)чь. Смири свое величество и ты! Мя н(ы)нѣ зриши въ зрацѣ ч(е)л(о)в(е)ч(ѣ)скомъ и мниши, яко себе или яко прочиихъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ, и гл(агола)ши со мною со дерзнове-ниемъ и бес [с]рама зриши лице мое, иже предстоятъ мнѣ со страхомъ херувими и серафими, не смѣюще зрѣти лице мое, покрываютъ крилома лица своя, и вся н(е)б(е)сная чинопачалия со трепетомъ предстоятъ мнѣ. Но познай мя, яко воистинну бл(а)гъ есмь: // аще бо и ч(е)л(о)в(ѣ)цы блази, но не истинною, но по

Л. 364 об. прѣчастию вся бо елика ч(е)л(о)в(ѣ)къ сотворитъ не своя, но Божия». Отсыла-
етъ же Господь юношу до законныхъ заповѣдей: не прелюбы сотвориши, не уби-
еши и прочая. Зри главизну злобы: положи Г(оспо)дь не прелюбы сотвориши. Мнози бо иныхъ многихъ страстей свобождаются, а блудомъ несытства яти быва-
ютъ. Гл(аголе)тъ же блаженный Феофилактъ: «Поне же огонь по естеству и внутрь
еже обитати, и яко великъ и злообразенъ звѣрь — ярость. Иная бо согрѣшения,
иную часть тѣла оскверняютъ. Сей грѣхъ д(у)шу и всего ч(е)л(о)в(ѣ)ка. О семь
б(о)ж(е)ственный ап(о)ст(о)ль завѣщаетъ: «Не вѣсте ли, яко ц(е)рк(о)вь Б(о)га
жива есте, и д(у)хъ Б(о)жий живетъ въ васъ. Аще убо кто растлѣтъ ц(е)рк(о)вь
Б(о)жию, растлѣтъ того Б(о)гъ». Зри, ч(е)л(о)в(ѣ)че, бойся похотнаго змия, да не
уязвить ти д(у)шу, ибо жилище д(у)ха с(вя)т(а)го есть, не избѣжиши бо трепетна-
го суда Б(о)жия, аще растлѣши ц(е)рк(о)вь д(у)ха прес(вя)т(а)го.

Оле, сея проклятыя злобы, колики наведе пагубы на род ч(е)л(о)в(ѣ)ч(е)ский и погуби многихъ внезапною см(е)ртию. Сего ради проклятаго грѣха разруши Б(о)гъ мѣръ потопомъ, сожже пять градовъ содомскихъ огнемъ и сѣрою и со

Л. 365 всѣми окресними веси погибнуша. // Сихемъ и со всѣми людми сожжесе, поне
же [е]дину дщерь Иаковлю насилова. Ирѣ Ианнанъ, с(ы)н(о)ве Иудины, за не-
чистоту и скверную похоть лютѣ и внезапу от Б(о)га погибоша. Все колѣновения
миново потребися насилія ради, яко о семь пространно писано в Книгахъ Судей
И(зра)ил(е)выхъ, во главѣ 28. Блуда ради убиенъ бысть Амонъ, первенецъ Д(а)-
в(и)д(о)въ. Семь мужей Сарринныхъ погуби демонъ. Блуда ради прелстися
Соломонъ, пожре идоломъ. Самсонъ очию лишися и от иноплеменникъ поруга-
ся. Д(а)в(и)дъ много бѣдъ пострада, убиена быста два старца, оболгающая Суса-
ну. И вкратцѣ рещи, яко презѣльная мучения и пагубы посылаше Б(о)гъ за грѣхъ
сей скверный. Мы же, братия, бѣжимъ от сего огня, то избавимся и геенскаго.
Таковая творящи Ц(а)р(ст)вия Б(о)жия не наслѣдятъ.

Грѣхъ плотский есть огонь геенский, его же вещь есть чревообъядение, пла-
мень, студодѣяние, пепель, нечистота, дымъ, бесчестие, конецъ, мука, разруше-
ние плоти, сокращение живота, растлѣние добродѣтели, закона преступление.
Мнози бо погибаютъ от сихъ, иже преобидѣвши Б(о)га, предаются сей страсти и
болотъ. И великъ грѣхъ убийство, но рѣдкое сие случается. По Феофилакту,
Л. 365 красти легче, во лжесвидѣтелство же рѣдко въпасти есть. Тѣм же есть⁶ тяжкое
об. прежде исправляетъ Хр(ис)тосъ, еже блуд. По сем же и лжесвидѣтельство второе
положи. Третье же — к родителемъ покорение, ибо сие велие зло и см(е)ртная

⁵ Написано на полях рукописи.

⁶ Вписано на полях рукописи.

казнь. Ея же самая истинная правда сп(а)ситель рекъ: «Аще кто злословить о(т)ца или м(а)т(е)рь, см(е)ртию да умретъ.

А у насъ не точию злорѣчатъ чада родите[ле]й, но и уязвляють, и отрицаются, и от дому изгоняють. Но онъ, юноша, рече: «Вся сия сохранихъ от юности моя». Господь же рече ему: «Еще единого недокончалъ, иди и продаждь имѣние твое и дай нищимъ, и имаша сокровище на н(е)б(е)сѣхъ, и гряди вслѣдъ мене». Он же отиде, скорбя. Виждите сего богатаго безумие: болшую часть закона сохранилъ, а во единой попользея и отъ сп(а)сителя отдалися, отъ радости а(н)г(е)лския отиде къ плачу, и отъ веселия пр(а)в(е)дныхъ к рыданію вѣчному, отъ вѣчнаго живота въ бесконечную см(е)рть, отъ свѣта н(е)б(е)снаго во тму преисподнюю. Не возможе взыти на н(е)бо легкостію нестяжаниемъ, погрузися въ безднѣ ада многостыжаниемъ, не восхотѣ ц(а)ря славы зрѣти, на престолѣ сѣдѣща в д(е)нь его пришествия, но избра и сатаню во адѣ быти и вмѣсто пресвѣтлыхъ а(н)г(е)ловъ мерскихъ бѣсовъ зрѣти.

Л. 366 Виждь, слушателю, истиннаго хр(и)стианскаго закона жи//тие, яко главизна есть ему нестяжание вся бо елика имаша, рече: «Продаждь и дай нищимъ, аще ли что останеть, тому и рабъ будеша. Раздай же не нищимъ богатымъ, но нищимъ, поне же нестяжаниемъ ч(е)л(о)в(ѣ)ку подобаетъ ину добродѣтель творити: любовь, м(и)л(о)сть, постъ, чистоту, молитву, — аще вся сия совершиши, а м(и)л(о)сти не покажеша, тогда добродѣтель твоя ни во что будетъ и осудишися со онѣми бу[йн]ими дѣвами. Они бо главизну добродѣтели избраша и жестокое житие проидоша, д(е)вство и чистоту сохраниша, а ея м(и)л(о)сти не имѣша, отсланы быша от чертога свѣтлаго во тму кромѣшную на мучение вѣчное. Яко и сей юноша услыша Хр(ис)та, гл(а)голюща: «Продаждь имѣние и послѣдуй мнѣ, си есть и в прочихъ добродѣтеляхъ буди мнѣ ученикъ и пр(ис)но послѣдуй мнѣ, не единъ убо д(е)нь утрѣ, нижи два дни, но до [к]ончины своей, ибо мнози у насъ днесь посятятся, а утрѣ объедаются, упиваются, днесь милостыню даютъ, а утрѣ злѣ похищаютъ». Но Хр(ис)т(о)ву рабу на кийждо д(е)нь достоинъ о себѣ внимати и на Хр(ис)та взирати, той бо не сотвори грѣха, ни обрѣтесе лестъ во устѣхъ его. Тако и рабу его подобаетъ блюсти д(у)шу свою от грѣха, аки зѣницу ока.

Л. 366 об. Обѣща же Господь златолюбцу оному на н(е)б(е)сѣхъ бо//гатство, но не внять князь, рабъ бо бѣ окаанный тлѣннаго⁷ богатству, не можетъ рабъ Христовъ быти, но поне же стражъ бысть плѣненный серебру, не можетъ разлучитися от него, того ради слыша о скорбѣ: идѣже бо живота вѣчнаго похотѣ, ту ему и своего богатства лишитися завѣща, и сихъ ради не получи, одержимъ страстию сребролюбия. Похотѣвають бо и н(ы)нѣ мнози вѣчнаго живота златолюбцы, но безмѣстно и всуе. Г(о)сподь же, видя его прискорбна, рече, како неудобъ имущии богатство въ Ц(а)р(с)твие Б(о)жие внидуть, удобѣе бо есть велбуду сквозѣ иглинѣ уши пройти, нежели богату въ Ц(а)р(с)тво Н(е)б(е)сное внити. Рѣша же слышавшии, то кто можетъ сп(а)сень быти. Онъ же рече: «Невозможна от ч(е)л(о)в(е)къ, возможна суть от Б(о)га». Яко тогда уч(е)н(и)цы удивившася и рѣша, кто можетъ сп(а)стися. По нѣкоихъ же разумѣнію видаху бо ап(ос)т(о)ли, яко вси ч(е)л(о)в(е)цы пекутся о тлѣнныхъ и желаютъ богаты быти, а нищии избилнаго питания ищутъ.

Тако бо и насъ мнози хочутъ воспросити: кто н(ы)нѣ не любитъ злато⁸ и не собираеть сокровища? И мало таковыхъ, иже законъ Б(о)жий исполняютъ.

⁷ Вписано на полях рукописи.

⁸ Вписано над строкой.

Ни друже, не мози тако мыслити, но послушай Б(о)ж(е)ственного Писания: Л. 367 мнози бо и н(ы)нѣ добродѣтели исправляютъ, а еже вы не вѣсте, нѣсть // мнѣ сие дивно и не осуждаю васъ. Поне же нѣкогда Илиия, непшева, единъ быти праведникъ, рекъ: «Г(оспо)ди, олтари твоя раскопаша и пр(о)р(о)ки избиша, остахся азъ единъ, и ищутъ д(у)шу мою». Но услыша б(ожес)твенный отвѣтъ, яко «оставихъ себѣ семь тысячъ мужей, иже не поклониша колѣнъ своихъ предъ Вааломъ».

Тако и н(ы)нѣ много иматъ Б(о)гъ вѣрныхъ своихъ рабовъ, иже не поклоняютъ колѣнъ сердца своего предъ идоломъ златолюбия и прочей прелести мира сего, но и нищету зъ бл(а)годарениемъ терпятъ. Мнози бо сия исправляютъ отъ чесна инокующихъ, иже верси горамъ постигоша и в пустыняхъ куца своя поткоша, и в горахъ, и в простѣхъ земныхъ, точию со звѣрми обитаютъ. Сии бо посмѣваются всей прелести мира сего, сами живутъ кромѣ всякой печали. Еще на земли, яко а(н)г(е)ли, н(ы)нѣ Б(о)га славятъ д(е)нь и ночь.

И что о сихъ г(лаго)лю: мнози бо сия исправиша, иже посредѣ мира живутъ, и женою и дѣтми пекущихся и дань ц(а)рю даяху, а ничимъ же менши иноковъ и пустынножителей добродѣтели творятъ и отъ единого Б(о)га токмо сии славу имутъ. Сии бо по писаниемъ нарицаются тайныя свѣтила, ихъ же миролюбцы и грѣхлюбцы не могутъ знати, и по своимъ злымъ и темнымъ сердцамъ не вѣру- Л. 367 ютъ уже на земли и пра//веднику быти. И тако помрачившеся диаволомъ, гл(аго- об. д)л(ю)тъ [покрывающе свою злобу грѣха]⁹: «Не намъ единымъ мука будетъ, н(ы)нѣ и вся вселенная равно с нами согрѣшаеть». Но о сего злаго безумия, а не вѣси, яко единъ праведникъ лучше тысячи беззаконникъ, но познай инии бо предъ тобою согрѣшиша явѣ, а отай и покаяшася и оставление прияша, а ты диаволомъ лстимъ въ беззаконии живешъ и на всякъ д(е)нь новыя грѣхи творишъ и гл(аго- л)шъ: «Не единъ азъ согрѣшаю и нѣсть н(ы)нѣ праведника».

Но о семъ слышаль еси: аще бо утаися сие отъ с(вя)т(а)го Илии, колми паче утаиль естъ Богъ у насъ грѣшнихъ. А еже невозможно спастися симъ ч(е)л(о)в(ѣ)-комъ, иже уповаютъ на богатство, а не на Б(о)га, отъ златолюбныхъ, имъ же обращается злато вмѣсто Бога, яко и чревообъяснымъ чрево Богъ бываетъ, не по естеству, но по дѣйству работы ихъ. Отъ сихъ никакожъ возможно кому спастися безъ м(и)л(о)с(е)рдия Б(о)жия, котории на Б(о)га не уповаютъ и помощи отъ него своему сп(а)сению не ищутъ. Сами связаны суще крѣпко пленницами сребролюбия, яко и сей богатый не може въследъ заповедей Хр(ис)т(о)выхъ поити и сп(а)стися.

Часть вторая того же слова. Коликъ смѣхъ, иже почитаются злата ради, и на украшающияся жены и д(е)вы

Л. 368 Н(ы)нѣ же истяжемъ, братия, кая намъ слава отъ богатства, точию послѣднѣе бесчестие и укоризна, точию не поскорбите въ послушании не наша бо сия бѣда, но премудраго и пресладкаго учителя всея вселенныя Иоанна Златоустаго, изъ его же словесъ ничто же ино собиратися можетъ, точию, яко пчелами отъ цвѣтовъ сладкий медъ. Тако и нами отъ его учения сладкое утѣшение.

Кая бо намъ отъ богатства слава, егда насъ почитаютъ имѣния ради и что сея чести несладостнѣйшее; егда за потребу имѣний бываетъ, егда не отъ произволения, ниже отъ усердия, не ты бо приемлешъ честь, но богатство. И сего ради паче всѣхъ бесчестна творить богатящагося.

⁹ Заключено автором в квадратные скобки.

Аще бы тебе мнози други велми любили и почитали быша и нѣкогда бы рекли тебѣ: ты бо ничесо же есть достоинъ, но почитаем тя злата ради. И чтобы тебѣ сего бесчестнѣе было. Зри, яко бесчестию виновно есть богатство, поне же самыхъ стяжавшихъ честнѣе есть, паче же немощи знамение, нежели могутства, какъ обо нѣсть безмѣстно, землѣ и пеплу [еже есть злату]¹⁰ непщеватися намъ равну быти, и намъ онаго ради почитатися. Лучше бо есть не почитатися, нежели тако почитаему быти.

Л. 368 об. Рцы бо мнѣ, аще бы кто тебѣ рекъ, яко «никоя // тебе чести лепшую достойна быти, но твоихъ ради ты слугъ почитаю». Убо что сего бесчестия было бы горшее. Аще ли рабовъ ради студно почитатися, тоя же д(у)ши и естества общаго с нами: много паче хужше и срамнѣе, еже почитатися стѣнь ради и дворовъ и сосудовъ златыхъ и ризъ свѣтлыхъ: смѣхъ поистиннѣ и студъ сия суть, лучше есть умрети, нежели сими почитаему быти.

Ибо иная есть мы бо я вменяемъ себѣ в честь, яко паче бесчестие, поваровъ руже творять, а вамъ почитаемою быти, тѣм же имъ должны есмы бл(а)годать воздати: ибо свинопасове подаютъ богатую трапезу и ткачевѣ и волнопрядашии и рудничныя дѣющии и пиротворцы и трапезотворцы. Нѣсть ли убо лучши, еже не почитатися, нежели имѣти бл(а)г(о)д(а)ть от чюжей чести? Поистиннѣ хотящую богатитися душу скверну содѣловаеть имѣние.

Л. 369 Что бо сего бесчестнѣе, аще бы кому тѣло красное было и всѣхъ прев[о]сходящее добротою. Бога[т]ство же пришедши обѣщало бы ся сотворити тѣло студно и вмѣсто здраваго недужно, вмѣсто же спрятаннаго опухлое и вся уды труда воднаго исполнивше над улобы и лице // отвсюду сотворило бы пухнути, надуло бы ноги и паче бревень тяжчайшая сотворило бы, надуло бы утробу и всякия делвы болши содѣлало бы и не хотѣло бы и ко врачу исцелитися отпустити. Ед[в]а ли бы ты далъ богатству на тѣле власть таковую, почто же далъ еси на д(у)ши, еже не послушати законовъ Б(о)жиихъ.

Аще ли тѣломъ зъ богатствомъ сей недугъ не хоцещи прияти, како д(у)шу презираеши и не сие токмо, но и иное мучение приемлющую, ибо огницами отвсюду содержится, возгорѣни от зноя и огницу оную никто же погасити можетъ, еже богатство недуговати творить. Ничто же бо обрѣсти недужнѣе д(у)ши и бесчестнѣе, иже безмѣстныхъ возжелѣннѣй исполненную, иже хоцетъ богатѣѣти.

И како возможно обличие вожелѣннѣй д(у)ши изобразити: аще бо звѣремъ бессловеснымъ нареку горши есть, ибо звѣрие аще и продерживы суть, свое приемлютъ естество, а множае ничто же взыскують. Серебролюбець же и звѣрей естество превзыде. Ибо что богатыхъ несмысленнѣе будетъ и что лихоимца безумнѣйшее и кто от разумныхъ не почудится безумию тѣхъ, они бо злато мняще честь себѣ, ано паче безчестие и безумие.

Л. 369 об. Хоцу же и о бестудствѣ женъ рещи нѣчто: // стыждуся порядуся порядку и с чести безумная дѣяннѣя ихъ, кое бы имъ смышление показати; или бы яковую хитрость, еже бы всѣхъ краснѣйшу себе показати [явити]¹¹, и всѣхъ бы очи зрящихъ на ся обратити, аще бы возможно и власы златыя имѣти имъ, устнѣ бы имъ златѣ и брови и все бы тѣло и ставшимъ златомъ помазатися. И вѣмъ, что не вѣруете мнѣ гл(аголю)щу, не пшую же, яко и посмѣяваетеся, обаче смѣха вашего не стыжуся, азъ исповѣмъ, еже слышахъ и обрѣтохъ въ писании и вижу и самъ

¹⁰ Заключено в квадратные скобки автором.

¹¹ Вписано поверх строки.

н(ы)нѣ своима очима: ибо и здѣ пришла еси Б(о)гу помолитися, а облагаешися златыми плетенми, но рцы ми: «О, безумная жено, но вѣси ли гдѣ вниде, ед[в]а бо ликовствовати пришла еси здѣ, ед[в]а ли на бракъ приобшати, ед[в]а ли на показание пришла еси; на бракахъ бо и торжищи, тамо золотая, тамо плетения, тамо ризы многоценныя имуть время, а здѣ ничто же о сихъ потреба».

Ибо пришла еси просити м(и)л(о)сти, молитися о грѣсѣхъ, молитву содѣяти о них же прогнѣвало Б(о)га, просити Вл(а)д(ы)ку и м(о)л(и)тва того устроить хотящи: почто украшаешися себе, нѣсть сие молящиися образъ, како возможеши
Л. 370 воздохнути, како прослезитися, како с прилѣжаниемъ помолитися // сицевымъ образомъ обожившися, и аще слезы излиешъ смѣхъ будетъ зрящимъ слезы: небо златомъ одѣятися плачущей подобаеъ быти: поне же сѣнь есть и лицемѣрие, како бо не смѣхъ, еже от единыя мысли, толико тщеславие и надмение и любочестие, от тоя же паки и слезы проливаются.

Но, о жено, отими оное лицемѣрие, да Б(о)гъ не поруганъ бываетъ, сия бо кощунниковъ и плясалниковъ суть, иже в пѣснехъ чрезденствующихъ. Женѣ же честнѣй не подобаеъ сихъ творити, но со стыдѣниемъ и целомудриемъ не убо блудящихъ подражай, симъ бо образомъ оныя многихъ привлекають рачителей. И откуда многая злая прияша, и откуда сия родишася, явѣ яко от грѣхолобивыя д(у)ши, и от вождельныя и от многоаго богатства. От сихъ бо вся бываютъ: златомъ облаганныя, бисеры драгими, ризами многоценными, лицъ натирание, подписание очесъ, разламанное ступание, гласъ ухищренный, око удобъ обратное и всякаго блуда исполненное, излишнѣе попечительное одѣяния, одежды, ризы, поясъ золотый, запястие, обуши высокия и во всемъ украшении чесномъ устроятъ богатство, но вся паче бестудства суть и безумия.

Л. 370 Потерпите ми мало молю // яснѣйшее слово изреку, да не мозите озлобитися
об. на мя, ниже опечалитися, аще бо отречено женамъ, аще мужемъ бесчинно украшатися, колми паче дѣвамъ, кая бо д(е)в(и)ца златыми облагается, кая же плетенми, ибо имъ мошно есть и худыми ризами украшатися, паче золото обложенныхъ, аще бес[с]тыдствовати начнуть.

Егда бо зѣло будетъ лазуровидная риза и поясомъ спрятанная со многимъ опасствомъ, окрестъ персии, по подобию и жена игрилице плащущихъ, тако яко ниже в широту расходитися, ниже въ тонкости стеснятся, но обоимъ быти среднимъ и многия имѣти на персѣхъ *враски*, коликихъ и златообложенныхъ, не паче ли доволни будутъ сия прелстити.

Что же егда обуца на чернѣ зѣло блѣщащися собою, яко и в живописаниихъ приличное будетъ подражающе, яко широту кверху имѣти многую, что же егда обличия на тиранми не украшаешися, умываешися же со многимъ опасствомъ и прилежаниемъ и стираешися на челѣ обличия много большее покривало, таже свыше одежду налагаешися, яко да бѣлымъ черное сияеть, чтобы кто рекъ очесъ бесчисленная оная обращения, опасная опоясания одежде, всей гла//вѣ окрестъ
Л. 371 обвитой, руке белѣющися и ступания умѣренная и иная начинания всякаго злата паче могущая невоздержаную д(у)шу яти.

Оле, жены и дѣвы, престаните сихъ начинаний, возлюбите красоту д(у)х(о)вную! Слышите пр(о)рока, гл(а)голюща ко тщерямъ иеремийскимъ, сице гл(а)голетъ Господь: «Поне же возгордѣшася дщери Сиони и ходиша высокою выею и помизаниемъ очнымъ и ступаниемъ ногъ, ризы влекущее по долу и ногами купно красующися». И смиритъ Господь вся княгини дщери Сиони и будетъ имъ въ вони мѣсто добрыя смрад и в пояса мѣсто ужемъ препояшетеса и вмѣсто утвари гл(а)вы твоея лысину имѣти будеша.

Нѣсть бо малъ грехъ, но зѣло великъ, доволенъ прогнѣвати Б(о)га, доволенъ весь трудъ дѣвства погубити. Хр(ис)та имаши жениха почто рачителемъ ч(е)л(о)в(ѣ)комъ угождаеши и к себѣ привлекаеши, то яко прелюбодѣйствующую осудит тя тогда. Почто не украшаешия утварию, яже тому угодною, яже тому любимую: стыдѣниемъ, целомудриемъ, честностию, целомудреною одеждею?

Оле, богатства и неистовства! Вопрошаютъ мнози: почто разбойницы, почто мужеубийцы, почто злая сия диаволь въведе? Правду гл(агола)ши, диаволь се сотвори, а ты почто украшаешия и драгия вещи любиши, блюда серебряная, а Хр(исто)въ удъ подъ угломъ лежитъ, от мраза погибаетъ, ты пресыщаешия, а Хр(исто)въ удъ гладомъ умираетъ, а не зриши его и не помилуеши. Но обаче возлюбленнии, престаните от злая и сотворите бл(а)го, украсимъ себе красотою возлюбленную Хр(ис)ту, помилуемъ нищия, да и сами помилувани будемъ въ день страшный воздаяния праведнаго. Да сподобимся одесную ц(а)ря славы стати и речетъ намъ м(и)л(о)ст(и)вый свой и пресладкий гласъ: приидите бл(а)гословеннии с(ы)н(о)ве и дщери О(т)ца Моего н(е)б(ес)наго, наслѣдуйте уготованное вамъ Цар(с)твие искони мира. Его же и даруй намъ милостивый Ц(а)рю Хр(ис)те Б(о)же, получитьи, идѣ же ты ц(а)р(с)твуеши со О(т)цемъ и со С(вя)тымъ Духомъ, яко бл(а)гослове)нъ еси, во бесконечныя вѣки. Аминь.

Иоанн Лествичник, прп. Лествица. М., 1997.

Киселева М. С. «Ключ живота и смерти»: антропология русского барокко в православной проповеди XII в. [Электронный ресурс] // Человек в культуре русского барокко : материалы междунар. конф. URL : <http://barocco2006.narod.ru/kiseleva.htm> (дата обращения: 25. 12. 2010).

Мальшевский И. И. Русский приходской священник — проповедник XVII века // Тр. Киев. духов. акад. 1861. № 4. С. 453—454.

Отдел рукописей (ОР) РГБ. Собр. Румянцева. Ф. 256. Ед. хр. 411.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / под. ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955.

Поторжинский М. А. Историческая хрестоматия, для изучения истории русской церковной проповеди. Киев, 1879.

Сгибнева Н. Ф. Памятник уральской словесности XVII в. «Статир»: итоги и перспективы изучения // Камский путь: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Строгановские чтения 3 : Лингвистический и эстетический анализ текста и речи). Соликамск, 2007. С. 87—89.

Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк 2 : Рукописная традиция строгановского региона. Екатеринбург, 2005. С. 17—55.

Слово чудовского инока Евфимия о милости // Памятники древней письменности. СПб., 1894. 3—67.

Урамнова Л. П. Тема труда в творчестве Эразма Роттердамского // Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 172—178.

Статья поступила в редакцию 17.02.2011 г.

УДК 2-475.5 + 82-97

Т. В. Ицкович

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Рассматриваются способы экспликации категории времени в тексте православной проповеди. Показана системная взаимосвязь этих категорий в тексте проповеди, основанная на христианской картине мира. Установлено соотношение разновидностей категории текстового времени с композиционно-тематическим членением проповеди (духовная тема — концептуальный хронотоп, предметная тема во всех ее разновидностях — объективный хронотоп).

Ключевые слова: религиозный функциональный стиль; жанр православной проповеди; текстотип; текстовая категория времени.

Проповедь наряду с такими жанрами религиозного стиля, как молитва, исповедь, послание, в настоящее время активно изучается в лингвистике [см., например: Прохватилова, 1999, 2005; Розанова; Салимовский]. Один из возможных подходов к описанию жанра, понимаемого как видовой способ реализации функционального стиля, как тип текста, — это подход к а т е г о р и а л ь н о т е к с т о в о й [см.: Матвеева]. Набор текстовых категорий, обусловленный принципом отражательности, включает в себя наряду с категориями темы, композиции, тональности категорию времени, неразрывно связанную с категорией пространства. Категория времени в тексте проповеди представляет особый интерес для исследования, так как отражает типичную для религиозного сознания картину двоемирия — мира земного (профанного) и мира небесного (сакрального) [см.: Топоров]. Первый из них связан с координатой объективного времени текста [см.: Москальская], второй — с координатой времени концептуального (отражение реального времени на уровне идеальных сущностей, выведенных на базе анализа реальности, — концептов и концепций [Топоров, с. 5], — разновидностей, отражающих религиозную христианскую картину мира).

Категория времени воплощается в тексте различными средствами и способами. Вслед за И. Я. Чернухиной будем выделять такие виды лексических сигналов времени, как прямые и косвенные т е м п о р а л ь н ы е у к а з а т е л и, понимая под «прямыми» слова с темпоральным значением и числительные датировки, под «косвенными» — «имена исторических лиц... номинации исторических реалий; наименования служебных чинов и социального положения лиц; названия учреждений, организаций, обществ и членов обществ и под.» [Чернухина, с. 57–58]. Применительно к грамматическому выражению времени в тексте проповеди отметим, что оно играет дополнительную по отношению к лексическим показателям роль: грамматическое время входит как составная часть в метахудожественную структуру произведения. С помощью грамматического времени осуществляется деление текста на композиционно-тематические фрагменты и устанавливается связь между частями текста, т. е. осуществляется процесс внутритекстового упорядочивания информации [см.: Тураева].

Разновидности категории времени накладываются на типологию тем в тексте проповеди. С предметной темой соотносится объективное время, в котором выделяются следующие разновидности: 1) объективно-сакральное время, соотносимое с предметно-сакральной темой, 2) объективно-профанное время, соотносимое с предметно-профанной темой и 3) объективно-ситуативное время, соотносимое с предметно-ситуативной темой. В свою очередь, с духовной темой будет соотноситься концептуальное время.

Начнем характеристику названных разновидностей с объективно-сакрального времени, которое соотносится с реальным временем, отражая события, произошедшие в истории человечества и играющие важную роль в формировании христианской концепции. Объективно-сакральное время в тексте проповеди может эксплицироваться как за счет прямых, так и за счет косвенных темпоральных указателей.

В числе прямых указателей наиболее активны числительные датировки, как, например, в катехизической проповеди архим. Кирилла «Праздник иконы Казанской Божией Матери»:

...Прославляем явление милости Божией Матери православной державе Российской, выразившееся в чудесном избавлении нашего дорогого Отечества в 1612 году нашествия иноплеменников; памятно избавление нашей земли милостью Божией Матери от владычества поляков в 1612 году; весь народ и воины три дня постились; воины наши 22 октября с Казанской иконой Божией Матери без особого труда взяли Москву, во второй половине шестнадцатого века, в 1579 году Казань пострадала от пожара; более всего прославилась икона Казанской Божией Матери во время борьбы нашего Отечества против нашествия и владычества поляков в 1612 году [см.: Кирилл, 1999].

Также в текстах проповедей присутствуют слова и словосочетания с отсылочным темпоральным значением: контекстные субституты *в ту скорбную пору, тогда, вместе с тем, первое время, затем, тогда, снова*. Нередко слова с прямым темпоральным значением выступают в роли композиционных скреп, продвигающих повествование в проповеди.

Большую роль при экспликации объективно-сакрального времени в проповеди играют косвенные темпоральные указатели. В качестве косвенных темпоральных указателей часто выступают имена собственные: в частности, в экзегетической проповеди архим. Кирилла «День памяти первоверховных апостолов Петра и Павла» — имена исторических лиц: греческий архиепископ *Арсений*; апостолы *Петр* и *Павел*, святой апостол *Петр* (назывался он также *Кифою* или *Симоном*), *Иаков* и *Иоанн Богослов*, император *Нерон*, апостол *Павел* (назывался он также *Савлом*), от ученика *Христов* *Анания*, святитель *Иоанн Златоуст*, святой *Ефрем Сирий* [см.: Кирилл, 2000б].

В качестве косвенных темпоральных указателей в проповеди выступают наименования служебных чинов и социального положения лиц, употребляемые часто вместе с именами собственными: *святой апостол, первоверховный апостол, ученик Христа, святой, император, первосвященник, суд Синедрiona и римского прокуратора* (в догматической проповеди митр. Антония Сурожского

«На Воздвижение Креста Господня») [см.: Антоний, 2011б], при этом следует отметить, что в тексте проповеди название профессии может заменяться перифразой: *яростный гонитель христиан, ревностный проповедник христианской веры*.

Особую роль при экспликации объективно-сакрального времени играют номинации реалий. Так, в догматической проповеди архимандрита Кирилла «Слово на Вход Господень в Иерусалим. О встрече Господа» находим следующие номинации, характеризующие описываемое событие: *на молодом осле, сопровождаемый множеством народа, зеленые пальмовые ветви, постлали Ему свои одежды* [Кирилл, 2000а].

Фиксированной точкой отсчета на шкале сакрального времени будет являться реальное сакрализованное событие, ставшее поводом для произнесения проповеди. В рамках сакрального времени также возможны явления проспекции и ретроспекции, особенно в знающей, воцерковленной аудитории: *Вспомните, как... вспомните события, которые предшествовали этому... а после, как мы знаем, произойдет...*

Таким образом, при экспликации объективно-сакрального времени в тексте проповеди важную роль играют как прямые (числительные датировки и слова с темпоральным значением), так и косвенные темпоральные указатели (номинации исторических реалий, имена исторических лиц, наименования служебных чинов и социального положения исторических лиц).

Еще одна разновидность объективного времени в тексте проповеди — это объективно-профанное время, которое, в соотношении с реальным, отражает события дня сегодняшнего, время, в котором живут и прихожане, и проповедник: *сегодня мы видим, вчера я услышал, на исповеди мне сказали*. Точкой отсчета на шкале объективно-профанного времени будет являться, так же как и при реализации объективно-ситуативного времени, ситуация «здесь и сейчас», но с присоединением мира вокруг церкви, мира обычного, обывательного.

Рассмотрим на примере текстов проповедей возможные варианты экспликации профанного времени. Так, в проповеди архимандрита Кирилла «Мысли о вечном» ярко представлена предметно-профанная тема, с воплощением которой в тексте связана категория объективно-профанного времени [см.: Купина, с. 127—131]. В тексте проповеди используются такие прямые темпоральные указатели, как слова с темпоральным значением: *недавно, сейчас*. Большую роль в экспликации профанного времени играют косвенные темпоральные указатели, в роли которых могут выступать, например, субституты: *мы, вы, мы с вами, нас*, что сразу переводит слушателей в ситуацию «здесь и сейчас». Также в роли косвенных темпоральных указателей выступают номинации, обозначающие современные реалии, как это происходит, например, в проповеди архимандрита Германа «Проповедь перед чином изгнания злых духов из человека» [Герман]: *полстакана самогону, с 20-го этажа, крест носили... в кармане зажатый, на булавке приколотый, идут в театры, цирки, кино, стадионы заполняют, рынки и базары, телевизор, мультики, спектакли и тысячесерийные фильмы на погибель душ наших*.

Часто в текстах проповедей встречаются повествовательные фрагменты, рисующие современную действительность. Такие фрагменты текста наполнены косвенными темпоральными указателями:

А дети сейчас не слушаются родителей. К нам приходят часто родители, плачут: «Помогите, Церковь Христова, последняя надежда на вас! Защитите! Погибаем!». Спрашиваем: «Что такое?» Они все говорят: «Вы знаете, сын, брат и зять курят, пьют и блудят, сноха и невестка тоже от них не отстают — пьют и табак нюхают. Дети и внуки вообще не подчиняются. Живем как в аду. Приехали из Владивостока на последние деньги». «А как же вы обратно будете добираться? Ведь одиннадцать тысяч километров!» — спрашиваем их, а они отвечают: «А мы на электричках, а кое-где и короткими перебежками, по шпалам...». Вот до какого позора мы с вами дожили. До чего довело нас безбожие [Герман, с. 23–24].

Фрагменты текста, отображающие профанную действительность и реализующие тем самым категорию профанного времени, могут использоваться автором как иллюстрации к аргументу или выступать в качестве повода для дальнейшего рассуждения. Так происходит в нравоучительной проповеди митрополита Кирилла «Мысли о вечном»:

Недавно я прочитал статью о том, как один трудовой коллектив перечислил на счет дома престарелых часть своей прибыли и сделал, казалось, очень доброе и хорошее дело. Но вот что удивительно: не почувствовали этого доброго дела несчастные насельники дома престарелых. Почему так? Может быть, хозяйственники неправильно распорядились этими деньгами, а может быть, не почувствовали эти люди реального соучастия с их горькой судьбой, реального милосердия? Я предвижу вопрос: соучастие с чьим-то горем? А разве в нашей жизни мало горя, неприятностей, трудностей, скорбей да и, в конце концов, вот этой повседневной суеты, которая кружит голову и мешает людям жить иногда нормальной, спокойной и целостной жизнью? Много мы говорим о дефицитах, о длинных очередях, о потере человеческого достоинства в погоне за пищей, одеждой, ставшем уже нарицательным мылом и зубной пастой. Своевременен ли в это трудное время говорить о соучастии другому горю, другому страждущему человеку? [цит. по: Купина, с. 127–128].

В данном примере отражается реальное время создания и произнесения проповеди. Реалии, отраженные в номинациях профанного времени, могут быстро устаревать, что относится и к приводимому фрагменту, отражающему конкретный исторический период в развитии России — 90-е гг. XX в.

Ретроспекцией на шкале объективно-профанного времени могут быть исторические события, происходившие во времена советской власти (часто с негативным оттенком), до революции (с позитивным): *при советской власти, до революции, ранее*, события из жизни прихода, религиозной жизни епархии: *вспомните, как мы начинали, во время последнего визита правящего архиерея....* Так, в катехизической проповеди архимандрита Германа «Проповедь перед чином изгнания злых духов из человека» время советской власти характеризуется следующим образом:

Кому-кому, а нам с вами нужно винить во всем самих себя. Потому что из-за греховного, атеистического воспитания три поколения выросли в безбожии, и, не

зная законов Божиих, все нагрешили тяжкими грехами. Вот эти-то грехи и лежат на нашей совести. Вот из-за этих грехов мы с вами и болеем [Герман, с. 10].

Перспекция в данной разновидности объективного времени — надежды на лучшее будущее прихода, всей Церкви, на возрождение России: *когда мы сделаем ремонт, когда мы построим новый храм, если мы будем бороться с грехами, когда Россия духовно возродится.*

Таким образом, при экспликации объективно-профанного времени в тексте проповеди наиболее частотны прямые (слова с темпоральным значением *недавно, сейчас*) и косвенные (субституты *мы, нас* и др.) темпоральные указатели, а также большую роль играют номинации, отражающие профанную действительность, тем самым являясь указателями профанного времени.

Продолжим характеристику разновидностей объективного времени в тексте проповеди описанием объективно-ситуативного времени. Данный подтип отражает реальное время события проповеди, т. е. время ее произнесения, с помощью прямых темпоральных указателей. Так, в текстах проповедей при реализации объективно-ситуативного времени встречаются следующие слова и словосочетания со значением времени: *сегодня* мы празднуем, *во время литургии* был прочитан отрывок из Евангелия, *в праздник Рождества Христова, в эти дни Рождественского поста, в настоящий день, в заключение всех великих праздников*, мы слышали *сегодня* притчу о мытаре и фарисее. Слова *сегодня, ныне*, названия праздников, отмечаемых в этот день (*Рождество Христово, Пасха, Преображение Господне* и др.), указания на текст Евангелия, прочитанного на службе (*притча о мытаре и фарисее, притча о сеятеле* и др.), являются наиболее точными, однозначными темпоральными указателями, увязывающими текст проповеди со шкалой реального времени, точнее, с точкой хронотопа «здесь и сейчас».

Употребление дат характерно более для письменного варианта проповеди, когда сразу после названия принято указывать дату произнесения проповеди: *митрополит Сурожский Антоний «По поводу ремонта в соборе», 29 октября 1972 г.; митрополит Сурожский Антоний «О несении тягот друг друга, 15 мая 1988 г.* Зачастую в сборниках проповедей помещаются тексты, посвященные одной теме, но произнесенные в разные годы. Так, существует несколько вариантов догматических проповедей митрополита Антония Сурожского, посвященных празднику Рождества Христова: 1969, 1970, 1974, 1979 гг. Даты, употребляемые при экспликации ситуативного времени, могут уточняться при помощи слов с темпоральным значением, которые указывают не только на день произнесения проповеди, но и на определенный момент праздничной службы: *митрополит Антоний «Рождество Христово. После чтения Патриаршего Послания, 1970 г.»*. Числительные, обозначающие дату произнесения проповеди, могут заменяться указанием на праздник, время проведения которого является общеизвестным в религиозной среде: *архимандрит Кирилл «О молитвенном поминовении усопших (проповедь в мясопустную родительскую субботу)»*. Возможно совмещение данных признаков: проповедь *митрополита Сурожского Антония «О причащении. Великий пост 1967 г.»*.

В ряду праздников, отмечаемых Церковью, главным является праздник Воскресения Христова, Пасхи. Праздник Пасхи служит некоей фиксированной точкой отсчета, по которой определяются все другие события церковного календаря, праздники, чтения определенных отрывков из Евангелия, причем следует отметить, что праздник Пасхи регламентирует события не только после него (время проведения праздника Вознесения, Троицы и др. — то, что называется «Триодь цветная»), но и до него (чтение притчи о блудном сыне, притчи о мытаре и фарисее и др. — «Триодь постная»). Пасха как точка отсчета отражается в реализации событийного времени в тексте проповеди. Так, в названии экзегетической проповеди митрополита Антония присутствует данный темпоральный указатель: *Неделя 3-я по Пасхе. Святых жен мироносиц*. Так как время празднования Пасхи определяет время празднования Троицы, или Пятидесятницы (в самом названии праздника заключено указание на время проведения Троицы), то праздник Троицы тоже может выступать в виде фиксированной точки отсчета на шкале ситуативного времени, как это происходит в апологетической проповеди архимандрита Кирилла «В неделю 1-ю по Пятидесятнице, Всех святых» [см.: Кирилл, 2000б].

В устной форме повышается роль темпоральных указателей, обозначающих начало и конец проповеди для слушающих: возглас священника *Во имя Отца и Сына и Святого Духа* служит специфическим темпоральным указателем начала проповеди, возглас *Аминь* означает конец проповеди. В письменной форме такими границами выступает заглавие и слово *Аминь* или дата после текста.

В тексте проповеди при экспликации ситуативного времени возможны также темпоральные указатели, отсылающие за пределы данного текста, как в прошлое (ретроспекция [см. об этом: Гальперин]): *вчера мы говорили о..., на прошлой литургии читался... отрывок*, так и в будущее (проспекция [см.: Там же]): *далее мы продолжим, завтра мы будем отмечать...* Так, например, в катехизической проповеди архимандрита Кирилла «Слово о молитве преподобного Ефрема Сирина», состоящей из двух бесед, произнесенных последовательно в разные дни, во второй беседе отмечаем следующие темпоральные указатели, отсылающие слушателя к сказанному ранее, в предыдущие дни:

В предыдущей беседе мы с вами, дорогие братья и сестры, останавливались на молитве преподобного Ефрема Сирина... В прошлый раз мы разобрали первые четыре прошения, в которых преподобный Ефрем Сирий просит Господа, чтобы Он не дал ему духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия. И ныне мы продолжим нашу беседу [Кирилл, 2000а].

Можно сделать предварительный вывод о том, что объективно-событийное время эксплицируется в тексте проповеди при помощи прямых темпоральных указателей (слов и словосочетаний со значением времени) и числительных со значением датировки, причем среди прямых темпоральных указателей присутствуют специфически религиозные — названия христианских праздников, евангельских отрывков, а также характерные только для проповеди сигналы начала и окончания текста: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа* и *Аминь*.

Концептуальное время реализуется в тексте проповеди при развитии духовной темы, когда проповедник анализирует духовный смысл реальных событий, наставляет слушателей, сравнивая современное состояние духовного мира человека и образец, идеал, к которому надо стремиться всем, — жизнь Иисуса Христа и святых: «События священной истории придают смысл событиям, совершающимся в настоящем, они объясняют состояние вселенной и положение человечества относительно Бога» [Лихачев, с. 272–273]. Точкой отсчета для концептуального времени служат события земной жизни Христа (рождение Христа — начало нашей эры, начало нового летоисчисления).

Рассмотрим на примере конкретных проповедей, как реализуется в тексте концептуальное время. В нравоучительной проповеди архимандрита Кирилла «Мысли о вечном» мы видим использование слова с темпоральным значением *всегда*, косвенных темпоральных указателей перифраз *многовековой опыт, христианская традиция, наша вековая народная традиция, церковное предание*. Подобная картина наблюдается и в текстах других авторов. В качестве темпоральных указателей при реализации концептуального времени используются имена собственные *Иисус Христос, Иоанн Златоуст, Иоанн Богослов, Ефрем Сирин* и др. Подобная же ситуация наблюдается и при экспликации объективно-ситуативного времени, но в последнем случае имена собственные создают атмосферу конкретного времени, когда происходили описываемые события. В случае же употребления имен собственных при реализации концептуального времени можно говорить об эффекте наложения прошлого времени на события, происходящие в настоящем.

Как уже отмечалось выше, особенность концептуального времени в христианстве заключается в том, что оно отражает события, которые всегда живы и повторяются во времени настоящим: «Ветхозаветные и новозаветные события... относятся к прошлому, но в каком-то отношении они одновременно являются и фактами настоящего» [Там же, с. 272]. В той части проповеди, где реализуется духовная тема, проповедник использует как высший авторитет факты, отраженные на шкале концептуального времени, поэтому использование имен собственных в данном случае будет служить для слушателя своеобразной связью времен. В проповеди архимандрита Германа «Проповедь перед чином изгнания злых духов из человека» мы встречаем следующие темпоральные указатели концептуального времени: *поэтому Христос Спаситель учит нас, просит нас Христос, святой Иоанн Златоуст в «Слове о злых духах» говорит, Господь призывает к покаянию, апостол Павел говорит, святитель Иоанн Златоуст, живший в 4-м веке, также говорит в своем «Слове о Кресте», Христос говорит в Евангелии, святые отцы считают* [Герман]. Подобная картина наблюдается и в проповедях других авторов. Так, в проповеди архимандрита Кирилла «В день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла» [Кирилл, 2000б] мы встречаем следующие темпоральные указатели концептуального времени: *о любви его святитель Иоанн Златоуст говорит, святой Ефрем Сирин говорит, и святитель Иоанн Златоуст учит, один из египетских отцов рассказывал другому подвижнику*.

Концептуальное время представлено в тексте проповеди в большей степени косвенными темпоральными указателями, в роли которых выступают имена

собственные. Прямые темпоральные указатели используются при экспликации концептуального времени существенно реже, что обусловлено характерологическими особенностями данного типа времени.

В целом, можно сделать вывод о том, что для каждой разновидности времени в тексте проповеди существует определенный набор темпоральных указателей с различным соотношением прямых и косвенных видов, определяемый сущностной характеристикой анализируемого типа времени.

Особого внимания требуют грамматические формы времени [см.: Салимовский] в тексте проповеди. Хотя обычно стилисты отмечают их дополнительную, вторичную текстовую роль, жанр проповеди характеризуется использованием определенных видо-временных глагольных форм в соответствии с выделенными нами разновидностями категории времени.

При анализе текстов проповедей выявилась следующая картина. Глагольные формы настоящего времени используются при экспликации различных видов времени, каждый раз выступая в разном значении. Так, например, происходит при выражении объективно-ситуативного времени, отражающего ситуацию «здесь и сейчас»: *Святая Церковь торжественно совершает память, Церковь прославляет добродетели, мы празднуем, творим память, в продолжение Великого поста мы слышим, Церковь вспоминает всех тех, Церковь, словами Самого Христа, сурово и ясно нас предостерегает, Святая Православная Христианская Церковь... всегда во всеуслышание исповедует* и др. В данном случае глаголы в форме несовершенного вида настоящего времени обозначают «ситуацию в ее развитии во времени» [Падучева, с. 25]. Напомним, что ситуативное время, соответствуя аналогичной теме, обозначает композиционную рамку проповеди, встречаясь во вступлении и, реже, в заключении.

Иное значение глаголов настоящего времени выступает на первый план, когда в проповеди эксплицируется объективно-сакральное время, отражающее идею не просто воспоминания о празднуемом событии, но его свершения в новом реальном времени («настоящее репортажа»): *Он **вступает** в столицу Израильского царства...; Но теперь ученики на горе Фаворской **видят** такое преславное Преображение Господне... в этом Преображении собственными уже глазами **созерцают** славу Божества Своего Учителя...* (проповедь архимандрита Кирилла «Слово на Вход Господень в Иерусалим») [Кирилл, 2000а]. Объективно-сакральное время, релевантное той же теме, соответствует основной части проповеди.

Также настоящее время используется при экспликации концептуального времени, как это происходит в проповеди митрополита Антония Сурожского «Неделя 3-я по Пасхе. Святых жен-мироносиц»: *И вот **встает** вопрос перед каждым из нас: мы **знаем**, что Христос одержал победу; мы **не можем уподобиться** ни женам-мироносицам, ни Иосифу Аримафейскому, ни Никодиму в том смысле, что мы **не можем вернуться** даже воображением к страшным дням кажущегося поражения Спасителя. ...И мы все, все без исключения бываем постоянно пораженными; мы устремлены к добру — и **отпадаем** от добра; мы **верим** в добро — и **изменяем** добру; мы **стремимся** изо всех сил к тому, чтобы быть достойными человеческого звания, — и это нам **не удается*** [Антоний, 2011а].

Глаголы в данной форме при реализации концептуального времени имеют вне-временный, вечный смысл, это настоящее время, охватывающее всю жизнь человечества. Как отмечает Д. С. Лихачев, «в проповедях очень часто говорится о пороках, грехах и добродетелях, свойственных, с точки зрения проповедника, многим людям на протяжении всей истории человечества. ...Это настоящее время богословского обобщения» [Лихачев, с. 275]. Композиционно концептуальное время соответствует следующей за сакральной частью проповеди при ее традиционном развитии, выполняя функцию разъяснения слушателям духовного смысла описываемого события.

Следует отметить, что при экспликации объективно-сакрального времени наиболее частотны глагольные формы прошедшего времени. Так, в проповеди архимандрита Кирилла «В неделю 1-ю по Пятидесятнице, Всех святых» мы встречаем следующие примеры:

Поэтому ныне мы празднуем память древнейших Патриархов — праотцев, которые, веруя Божественным обетованиям о Пришествии в мир Искупителя, *жили* этой верой, пребывая на земле яко странники и пришельцы (Евр. 11: 13). Творим память ревностных Пророков, которые, предвозвещая Пришествие Христово, *обличали* пороки и нечестия народа своего, *пробуждали* его приготовить себя покаянием к сретению грядущего Господа, грозили судом и казнями нераскаянным, за что и *терпели* поношения, гонения и страдания от своих единоплеменников [Кирилл, 2000б].

Аналогичная ситуация наблюдается и в других текстах, как, например, в проповеди митрополита Антония Сурожского «На Воздвижение Креста Господня»:

О пророке Данииле хочу сказать только одно: он *был брошен* на растерзание диким зверям за то, что *отказался* хоть один день остаться без молитвы; он *отказался* спасти свою жизнь...; ...Три отрока *отказались* поклониться идолу и *были брошены* в печь огненную, так страшно разжженную, что она издала *обжигала* подходящих к ней; и царь-мучитель *решил посмотреть*, как они страдают; и он *подошел* как можно ближе к этой печи; и *обратился* он к своим советникам [Антоний, 2011б].

Формы прошедшего времени употребляются в повествовательных фрагментах текста наряду с формами настоящего времени, создавая картину реальных событий и позволяя слушателю максимально ощутить описываемое время:

Он вступает в столицу Израильского царства, во святой град Иерусалим, сидя на молодом осле, сопровождаемый множеством народа. Все соединилось для того, чтобы встреча эта была самою торжественною: толпы людей следовали за Иисусом Христом от Вифании до Иерусалима; одни при этом постилали на дороги свои одежды, другие резали зеленые пальмовые ветви и бросали их по пути шествия Спасителя или потрясали ими в воздухе (проповедь архимандрита Кирилла «Слово на Вход Господень в Иерусалим. О встрече Господа») [Кирилл, 2000а].

Личные глаголы в форме будущего времени используются в заключительной части проповеди, когда автор, назидая слушателей, обращается к будущему

времени их жизни, наставляя, выражая уверенность в том, что прихожане изменят свою жизнь:

Эта великая радость израильского народа *будет* для нас еще понятнее, если мы *вспомним* те условия, в которых находились тогда иудеи. Мы *проявим* свою любовь к Нему и радость о Его Пришествии тогда, когда *сбросим* с себя нашу греховную духовную одежду, загрязненную пороками, и *оденемся* в одежду чистоты, невинности и правды; когда *откажемся* от злой воли своей, и *облечемся* в нового человека, и себя всецело *предадим* в волю Христа Спасителя; когда безропотно и с покорностью *будем нести* свой крест, с любовью и самоотвержением переноса все скорби. Такая наша встреча Христа *будет* самой лучшей и приятной для Господа. Если таким образом *будем* мы *служить* Господу всем своим сердцем и с радостью и преданностью *будем встречать* Его, то Он еще в сей земной жизни *исполнит* наши сердца радостью духовной, а что еще важнее, *переменит* эту радость на вечную в Жизни Будущей, которой *не будет* конца (проповедь архимандрита Кирилла «Слово на Вход Господень в Иерусалим. О встрече Господа») [Кирилл, 2000а].

Если мы *не будем* друг друга тяготы *нести*, если мы *не будем* изо всех сил *поддерживать* друг друга, если мы *не будем* постоянно, милосердно, вдумчиво, щедро *относиться* друг ко другу именно в моменты, когда нам кажется, что наш ближний, наш друг не достоин ни себя, ни нашей дружбы, мы *не исполним* закона Христова (проповедь митрополита Антония «Неделя 3-я по Пасхе. Святых жен, мироносиц») [Антоний, 2011а].

Скопление в заключительной части проповеди глаголов в форме будущего времени является, на наш взгляд, жанрообразующим признаком проповеди.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для каждой выделенной нами разновидности времени в тексте проповеди характерны наиболее типичные глагольные формы, их распределение в тексте также связано с композиционно-тематическим членением последнего.

Религиозный стиль и его жанровое своеобразие представляет интерес для современной лингвистики. Произведенный анализ показал системную взаимосвязь категорий в тексте проповеди, основанную на свойственной христианской картине мира дихотомии «земное — небесное». В основе систематизации категорий в тексте проповеди лежит тематическое деление на предметную (земное) и духовную (небесное) темы. Выделенные нами разновидности категории текстового времени напрямую соотносятся с композиционно-тематическим членением проповеди, создавая единый комплекс: духовная тема — концептуальный хронотоп, предметная тема во всех ее разновидностях — объективный хронотоп.

Анализ образцовых текстов показал, что системная взаимообусловленность текстовых категорий является типологической чертой жанра проповеди, характеризующая его принадлежность к религиозному стилю. Представляется, что системная взаимосвязь категорий в тексте проповеди формирует ее особую воздействующую силу.

Антоний (Сурожский), митр. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди [2011б] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metroplit-anthony.org.ru/index.htm> (дата обращения: 23.03.2011).

Антоний (Сурожский), митр. Воскресные проповеди [2011а] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metroplit-anthony.org.ru/index.htm> (дата обращения: 23.03.2011).

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.

Герман (Чесноков), архим. Проповедь перед чином изгнания злых духов из человека. Сергиев Посад, 2002. 40 с.

Кирилл (Павлов), архим. Время покаяния. [2000а] [Электронный ресурс]. URL: www.savva.org.ua/Pravoslavie/knigi/pavlov1/main.htm (дата обращения: 23.03.2011).

Кирилл (Павлов), архим. Ищите прежде Царствия Небесного [2000б]. [Электронный ресурс]. URL: lib.eparhia-saratov.ru/books/kirill/contens.html (дата обращения: 23.03.2011).

Кирилл (Павлов), архим. Похвала Божией Матери. М., 1999.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Русское красноречие : хрестоматия. Пермь, 1993. 147 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. 360 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990. 172 с.

Москальская О. Я. Грамматика текста. М., 1981. 183 с.

Мостепаненко А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969. 266 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования : (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996. 464 с.

Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999. 364 с.

Прохватилова О. А. Традиции русской речевой культуры и современная духовная речь // Зап. Гор. ин-та: Риторика в системе коммуникативных дисциплин. Ч. 1. СПб., 2005. С. 61–63.

Розанова Н. Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // И. А. Бодуэн де Куртенэ : Ученый. Учитель. Личность / под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 2000. С. 25–41.

Салимовский В. А. Семантический аспект употребления слова в функциональных стилях речи : (на материале ряда семантических групп глаголов). Иркутск, 1991. 136 с.

Салимовский В. А., Сулова К. С. Экспликация догмата как жанр догматической проповеди // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 4. Саратов, 2005. С. 280–292.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005. 816 с.

Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979. 219 с.

Чернухина И. Я. Элементы организации художественного текста. Воронеж, 1981. 115 с.

Статья поступила в редакцию 27.12.2010 г.

УДК 2-475.5 + 82-97

И. А. Истомина

РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ В ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Анализируется тематическое своеобразие записанных автором в храмах Урала православных проповедей. Выделяются собственно религиозные темы, получающие общественный резонанс, и темы гражданские. Характеризуются информационно-просветительская, дидактическая, коммуникативно-прагматическая функции текста современной проповеди.

Ключевые слова: православие; церковно-религиозный стиль; проповедь; культурно-фондовая информация.

В лингвистических трудах постсоветского времени активно обсуждается проблема возрождения церковно-религиозной русской речи вообще и жанра проповеди в частности [см.: Крылова]. *Проповедь* — это «речь священнослужителя, обращенная к прихожанам, обычно произносимая в храме и содержащая наставления и рекомендации верующим» [Скляревская, с. 319]. Расширение аудитории храмовых проповедей, цикл телевизионных передач «Воскресная нравственная проповедь» (1990), публикации речей проповедников — все это способствовало привлечению общественного внимания к речи проповедников. В стилистике возникают термины «церковно-проповеднический», «проповеднический» относительно функционального стиля [см.: Крысин].

Поскольку репертуар жанров церковно-религиозной речи не исчерпывается проповедью, в исследованиях по функциональной стилистике последних лет для обозначения «функциональной разновидности современного русского литературного языка, обслуживающей сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящейся с религиозной формой общественного сознания» [Стилистический энциклопедический словарь, с. 612], стали употреблять термин *церковно-религиозный стиль*.

Проповедь в системе жанров церковно-религиозного стиля (обзор жанров см.: [Ицкович]) сохраняет особую социально-нравственную и дидактическую значимость. Такие характерологические черты устного исполнения проповеди, как немногословие, спокойствие, искренность, благожелательность, ритмическая мерность, отличали «речь культурных людей вообще» и служили «знаком их статуса как носителей отечественной культуры» [Михальская, с. 64]. Эти общие особенности речевой манеры проповедника соответствуют национальному риторическому идеалу, находят положительный эмоциональный отклик аудитории. Востребованность проповеди в значительной степени определяется актуальностью тем, которые разрабатываются проповедниками.

Задача проведенного нами исследования — выявить тематическое своеобразие современной православной проповеди. Собранный методом включенного наблюдения материал, извлеченный из личного архива автора, составили тексты храмовых проповедей уральских священнослужителей.

Для решения поставленной задачи целесообразно использовать категориальный подход к тексту как «коммуникативно детерминированной речевой реализации авторского замысла» [Матвеева, с. 12]. Под категорией понимается «общий и существенный признак (свойство, параметр) всех текстов», «определенная закономерность» текста [Гальперин, с. 12]. Традиционно в трудах по лингвистике и стилистике текста выделяются такие универсальные категории, как *целность* (целостность, интегративность) и *связность* (когезия). Принято выделять два аспекта целостности: 1) содержательный, подразумевающий тематическую определенность речевого произведения, и 2) модальный, предполагающий наличие в тексте точки зрения автора, его отношения к теме, к интерпретируемой действительности [см.: Гальперин; Солганик; Степанов; и др.]. Отметим, что в тексте проповеди модальная целостность основывается на отношении православия к миру. Точка зрения автора-проповедника, его отношение к миру базируются на учении Христа, на христианских заповедях. Категория связности носит смысловой характер и имеет четкое формальное выражение: в текстах используются специальные языковые средства, играющие «сцепляющую» роль, обеспечивающие взаимосвязь отдельных высказываний и композиционных фрагментов целого текста [см.: Николаева; Стриженко, Кручинина].

Православная проповедь — тематически целостный текст. Под темой лингвисты понимают предмет речи, «свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом» [Новиков, с. 23]. Важно, что тему составляют смыслы различного объема. Поэтому разграничивают тему как общую категорию текста и *микротему* как ее составляющую [Купина, с. 108].

Фактором, обуславливающим выбор темы текста православной проповеди, является *событие*. Это может быть знаменательная дата церковного календаря (*Сегодня большой праздник. Сегодня мы празднуем верховных апостолов Петра и Павла*); ассоциативно связанное с церковным календарем событие общегражданского характера (*Вот буквально недавно, 14 сентября, нашему государю, Дмитрию Анатольевичу, 44 года было*); праздник, приобретающий особую значимость для Уральского региона, обычно связанный с именами местнотимых святых (*Всех поздравляю с праздником — днем Всех Святых, в Земле Екатеринбургской просиявших*).

Тематика проповеди выстроена прагматически: священнослужитель стремится «заставить аудиторию поверить в правильность его точки зрения, доказать или опровергнуть какие-либо положения» [Стернин, с. 205]. Задача каждого проповедника — активная пропаганда Слова Божиего, укрепление веры и ее нравственных основ.

В открытом тематическом пространстве современной проповеди можно выделить собственно религиозные темы (например, темы покаяния, чудесного исцеления, молитвенного подвига, грехопадения, вероотступничества и др.) и темы, приобретающие особое общероссийское и региональное социальное звучание (например, тема экономического кризиса).

Проповедь на собственно религиозную тему, как правило, приурочена к определенному церковному празднику, который выделяется пропо-

ведником в начале речи после традиционного обращения: *Дорогие братья и сестры! Наступил Успенский пост, и мы как истинные воины Христовы должны объединиться* (15.08.2007, храм Вознесения Господня, о. Георгий); *Мы сегодня празднуем Успение Божией Матери* (28.08.2007, храм Вознесения Господня, о. Николай).

Далее могут следовать пересказ и интерпретация ключевого события, разрабатываться светская тема, ассоциативно связанная с церковным праздником. Собственно религиозные проповеди в большинстве своем сегодня рассчитаны на неинформированную аудиторию. Репродуцирование фрагментов Евангелия как канонического текста, не утратившего своей актуальности в наши дни, сопровождается разворотом культурно-фоновой информации в ориентации на адресата. В функции разворота культурно-фоновой информации выступает свободный пересказ евангельского сюжета, который предваряется авторским уточнением значения тематического понятия: *Успение — «не смерть, но сон»* (ср. словарное толкование понятия — «мирная кончина» [Скляревская, с. 389]). Подобные развороты выполняют просветительскую функцию, устраняют лакунарность, свойственную необученному религиозному сознанию. Необходимо отметить преобладание проповедей-толкований. Приведем соответствующие примеры: *Апостол и евангелист Матфей сегодня нам с вами предложил следующую историю из жизни Господа нашего Иисуса Христа и Его ближайших учеников — двенадцати апостолов* (29.07.2007, храм в честь иконы Божией Матери «Всецарица», о. Игорь; далее следует евангельский сюжет в свободном пересказе); *Сегодня мы с вами слышали повествование евангельское об исцелении Господом расслабленного* (27.07.2008, храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», о. Александр). Речевой сигнал *расслабленный*, не являющийся общеизвестным, сопровождается экспрессивным комментированием: *Расслабленный, то есть парализованный, даже не мог пальчиком пошевелить*. В силу того, что проповеди-толкования евангельских сюжетов, прецедентных имен и высказываний базируются на библейском материале, их тематика варьируется в зависимости от того, в каком тематическом поле осуществляется разворот. Например, рассказ о расслабленном позволяет слушателю соприкоснуться с чудом. Пересказ проповедником фрагментов из Евангелия содержит культурно-фоновую информацию, не всегда знакомую массовой аудитории. Задача проповедника — пересказать нравственно ориентированный, впечатляющий эпизод, предложить аудитории интерпретацию прецедентного сюжета, следовательно, сделать доступным Слово Божье. Тематическая цепочка в тексте часто выстраивается следующим образом: отталкиваясь от евангельского повествования, оратор проецирует зафиксированное в Евангелии событие на каждого из слушающих, как правило, выстраивает аналогию, основанную на темпоральном переключении (первый век новой эры — XXI век; описываемые библейские события репрезентируются как реально переживаемые, повторяющиеся из года в год) и обобщении: христианские ценности и установки неподвластны времени. Проповедник призывает к необходимости жить по-христиански.

Текст проповеди выходит за пределы собственно церковной тематики. В подобных текстах популяризация Слова Божьего естественно соединяется

с актуальными проблемами современности. Одна из центральных — тема падения нравственности — развивается в границах оппозиции «нравственные устои — безнравственность». В функции тематических регулярно используются слова с корнем *нрав-* и номинации *закон, заповедь*. Например, в проповеди, посвященной вопросу христианского спасения:

А то народ настолько безнравственно стал жить и не соблюдать никаких нравственных устоев, ни *законов* Божиих, ни *заповедей* Божиих. Ведь это горе народа за безрассудно прожитую жизнь, за нарушение *законов* гражданских (29.06.2007, проповедь, посвященная теме веры; Иоанно-Предтеченский собор, о. Иоанн).

Устойчива аналогия между Законом Божьим и государственными законами:

Наша конституция имеет статьи, и на нас воздействуют, нас привлекают к ответственности, дают сроки исправлять свою жизнь. А толку? Как дальше жить, как исправиться? (29.06.2007, Иоанно-Предтеченский собор, о. Иоанн).

Мысль священнослужителя движется от формулировки темы безнравственности к общей для всех проповедей теме Закона Божьего, выступающего как фундамент нравственно-гражданской позиции самого проповедника, включенной в контекст реальной действительности (*безрассудно прожитая жизнь — привлечение к ответственности*). Употребление фигуры тождества (*законы Божии — законы гражданские*), риторические вопросы (*А толку? Как дальше жить, как исправиться?*) усиливают свойственную проповеди дидактическую тональность.

Падение нравственности традиционно трактуется как причина страданий, болезней и бед. Поэтому каждый проповедник ориентируется на разработку безусловной доминанты духовного как фундамента решения мирских конфликтов, которая, например, лежит в основе развития темы *д е п р е с с и и*:

Есть материальное благосостояние — нет мира в семье или нет совсем семьи, есть физическое здоровье, но нет духовного, и душа мучается, душа страдает, болеет так называемой депрессией (сейчас очень распространенное явление). Человек имеет всё, но не имеет главного — не имеет мира в душе своей (28.08.2007, храм Вознесения Господня, о. Николай).

Депрессия как диагноз состояния современного общества является, по мнению о. Николая, следствием бездуховности. Душевная болезнь, сопоставимая с одним из семи христианских смертных грехов, — унынием, исходящим по христианским представлениям из неверия в Божью благодать. Микротема материального блага вне духовного начала — компонент сквозной для проповедей темы *б е с о в с к о г о*; микротема душевного здоровья — одна из составляющих сквозной темы спасения души, *д у х о в н о с т и* человека. Существительные *дух, душа* выступают как ключевые слова проповеди, номинирующие базовые концепты христианской картины мира.

Как следствие безверия рассматривается проповедниками распространение *о к у л ь т и з м а* и *в р а ч е в а н и я*:

Сейчас развелось очень много целителей, ложных врачей, которые пользуются бесовскими силами. Для того чтобы привлечь к себе, они притворяются православными. Это все объявляется через средства массовой информации: через телевизор, через газеты; на рекламе у них там изображаются иконы, свечи, будто бы они исцеляют, но они применяют всякие бесовские заговоры (09.08.2008, Храм на Крови, о. Василий); Мы можем верить во что угодно: кто-то верит в суеверия, кто-то верит экстрасенсам, колдунам, астрологам кто-то верит, но есть вера истинная в Господа нашего Иисуса Христа. И вот эта вера, она единственная спасительная. Любая другая вера, она ничего не стоит, потому что это вера, как правило, ложная. Мы не знаем, так ли оно, и веруем в звезды. И вот сегодня звезды так сошлись, а завтра так сошлись, сегодня нам это не надо делать, завтра то не надо делать. Глупости все это (28.02.2010, храм в честь пророка Божиего Илии, о. Сергей); Почему Господь не совершает над нами чуда? Почему мы боеем, испытываем страдания, почему чуда нет? И мы уже готовы верить колдунам, экстрасенсам, ясновидцам — вот где мы ждем чуда! Господь с вами! Какие это чудеса? Это ложь, это обман, это люди, которые идут против Бога (24.01.2010, храм в честь пророка Божиего Илии, о. Сергей).

В приведенных извлечениях из текстов христианских проповедей присутствует четкое указание на источники безнравственного. Носители и распространители безнравственного — конкретные лица (*целители, ложные врачи, экстрасенсы, колдуны, астрологи*) и СМИ (*телевизор, газеты, реклама*), суеверия. Задача проповедника — установить различия между православной верой (*истинной, единственной спасительной*) и верами ложными. Все лживое (*ложный, ложная вера, ложь, обман, суеверие, притворяться, будто бы*) номинируется, представляется как *бесовское зло, бесовские заговоры*. В бесовский мир обмана и зла погружается микротема ожидания чуда. Стилистическая доминанта проповеди — свойственная книжной речи возвышенная тональность. Однако в рассуждениях об экстрасенсорике и астрологии появляется сигнал — разговорно-сниженное слово «глупости» [СОШ, с. 133]. Разговорный элемент вводится проповедником в текст с целью доказательства тезиса о неприемлемости оккультных учений. Обращение к *ложным верам* расценивается оратором как отступление человека от Бога. В группе тематически определенных фрагментов текстов выделяется также микротема декоративного православия, профанирования, которая поддерживается номинациями собственно церковных атрибутов (*свечи, иконы*), помещенных в ситуативный обстановочный контекст, не соответствующий им.

Нравственная проблематика связывается с изображением человека в обыденных обстоятельствах. В проповедях вербализуется тема греха:

А если ты раздражаешься и ругаешь других, если ты совершаешь грехи курения, пьянства, так какое же чудо может совершить над тобой Господь? Нет, не может (24.01.2010, храм в честь пророка Божиего Илии, о. Сергей); Не надо завидовать: «Ах, как хорошо! Смотри-ка у соседей-то дочка и техникум закончила, и институт закончила, и удачно какого хорошего парня нашла себе в мужья! А наша — ой, блудница! Что ты будешь делать! Ох, как у меня душу сжало, как зависть-то меня мучает, что у соседей какая прекрасная дочка, а у меня такая нерадивая!» (20.12.2011, храм в честь пророка Божиего Илии, о. Валерий).

В первом тематически определенном фрагменте текста развивается микротема ненадлежащего поведения в быту, которая поддерживается видовыми номинациями грехов (*нелюбовь к ближнему, злословие, курение, пьянство* и др.), относящимися к тематической сфере безнравственного. Вербализуется тема чуда, которое рассматривается как Божественное, реальное вознаграждение за веру истинную, за праведничество. На живом типовом примере развивается тема зависти. Она включает контрастные микротемы благополучной жизни (образное представление социальных стереотипов «хорошее образование», «счастливое замужество») и неблагоприятной жизни (образное представление стереотипов неустроенности). Установка «Не надо завидовать» соответствует нравственным устоям православия, относительно которых оцениваются деяния, эмоции, помыслы мирянина. Образ жизни, противоречащий евангельским предписаниям, характеризуется проповедником как греховный, безнравственный.

В своих проповедях уральские священнослужители развивают темы, приобретающие острое социальное звучание для всей страны, во-первых, и обладающие особой региональной значимостью, во-вторых. Тематическую определенность получает освещение событий текущего момента:

Экономический кризис стал частью нашей сегодняшней жизни. Об этом говорят люди, встретившись на улице или в общественном транспорте: что с заработной платой, кого сократили. Об этом приходится нам вспоминать в магазине, подсчитывая деньги в кошельке. Экономическая тема занимает все большее место в газетах, на телевидении и радио. И в изменениях курсов валют, биржевых индексов, цен на нефть, в пространственных интервью экспертов люди пытаются уловить какую-то закономерность, понять, что нас ждет завтра (архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий).

Экономическая тема поддерживается номинациями примет времени: *заработная плата, сокращение, курс валют, биржевые индексы, цены на нефть, интервью экспертов*. Номинации типовых локусов (*улица, общественный транспорт, магазин*) подчеркивают укоренение проблемы экономического кризиса в повседневной жизни.

Отдельные темы могут быть вмонтированы в пространство уральских городов. В текстах используются соответствующие топонимы и урбанонимы: *Чудотворный образ Божией Матери прибыл в город Екатеринбург, находится в Храме на Крови; Вот у нас есть прекрасный верующий Боровских* (Вячеслав Боровских — психолог, автор и ведущий программы «Первая натура» на телеканале «Союз», радиопрограммы «О душевном здоровье» в эфире радио «Воскресенье») *в Полевском* (город в Свердловской области); *Сегодня престольный праздник Новотихвинской женской обители, в храме Александра Невского* (Новотихвинский женский монастырь в Екатеринбурге).

Российская история в контексте Урала часто представлена развернутыми повествованиями о семье Николая II. Частотны номинации *Храм на Крови, Ипатьевский дом*:

...В Храме-на-Крови... 90 лет тому назад трагическое произошло событие, произошло мученическая кончина святой царской семьи, и это нам о многом говорит:

о том, чтобы мы помнили нашу историю, извлекали уроки и старались обращать свои взоры к Богородице, Которая всегда спасала Русскую землю в тяжелейшие ее времена (проповедь по случаю проводов иконы Божией Матери Феодоровской; 30.07.2008, Храм на Крови, иеромонах Даниил); Великая княгиня Ольга... *в Ипатьевском доме*, чувствуя приближение смерти, писала в своем дневнике... (проповедь, посвященная 1020-летию со дня крещения Руси; 24.07.2008, Храм на Крови, о. Максим).

Тема нравственного подвига страстотерпцев погружается в пространство действующих и разрушенных в советское время уральских храмов, восстановленных в постсоветский период. Лейтмотивы святости, мученичества подкрепляют идею значимости осмысления трагического события, произошедшего на Урале, для духовного обновления верующих.

Уральцами опознается темпоральный сигнал *Царские дни*. Екатеринбургская епархия ежегодно (в период 13–20 июля) проводит комплекс духовно-просветительских мероприятий. Проповедники напоминают прихожанам о совершенном злодеянии:

В Царские дни, когда мы отмечали 90-летие со дня убийства царской семьи, к нам прибыла икона Божией Матери Феодоровская, которая являлась для дома Романовых особой святыней, и она является для нас величайшей святыней (30.07.2008, Храм на Крови, архиеп. Екатеринбургский и Верхотурский Викентий).

Лексический состав текста и грамматические формулы совместности (*к нам, для нас*) формируют тему единения. Икона Божией Матери Феодоровская (в честь которой иноверным невестам наследников русского престола давалось отчество *Феодоровна*), прибывшая в Екатеринбург, приобретает символическое значение: соединяются временные пласты (дореволюционный, революционный и современный). Покаяние в связи с трагической гибелью царской семьи объединяет народ.

Мы описали тематическое своеобразие современных храмовых проповедей. В рассмотренном текстовом материале выделяются базовые смысловые оппозиции: «Божественное, праведное, истинное — бесовское, греховное, ложное»; «духовное — материальное». В центре внимания проповедников — христианские ценности и установки, которые становятся специальными объектами осмысления.

Православная храмовая проповедь адресуется аудитории, готовой к освоению основ христианского мировоззрения. Выполняя информационно-просветительскую и дидактическую функции, современная православная проповедь реализует функцию нравственной терапии. Этому способствуют разговорный стиль, драматизация, выход на приметы современного бытия.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.

Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

Крылова О. А. Толерантность, речевые жанры и функциональные стили современного русского литературного языка // *Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности* / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. Екатеринбург, 2003. С. 199–209.

Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура* : сб. памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 135–138.

Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.

Михальская А. К. Пути развития отечественной риторики : утрата и поиски речевого идеала // *Филол. науки.* 1992. № 3. С. 55–67.

Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1977. Т. 36, № 4. М., С. 304–313.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

Об экономическом кризисе [Электронный ресурс] / архиеп. Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. URL: http://orthodox.etel.ru/2009/14/07/poslanie_o_krizise.htm (дата обращения: 15.02.2011).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М., 2008.

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 2007.

Степанов Г. В. Содержательный и формальный аспекты в литературно-критическом анализе художественного произведения // *Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения.* Кишинев, 1977. С. 3–12.

Стернин И. А. Практическая риторика. М., 2006.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.

Стриженко А. А., Кручинина Л. И. Об особенностях организации текстов, относящихся к разным функциональным стилям. Иркутск, 1985.

Статья поступила в редакцию 11.02.2011 г.

УДК 27-534.5 + 82-97

А. А. Красильникова

СОВРЕМЕННАЯ ГИМНОГРАФИЯ В ЗЕРКАЛЕ СТИХОВЕДЕНИЯ (ОПЫТ АНАЛИЗА ВОСКРЕСНОЙ СТИХИРЫ)

Дается филологический анализ гимнографического текста на материале Воскресной стихир.

К л ю ч е в ы е с л о в а: церковное богослужение; гимнография; стихира; филологический анализ.

Церковное богослужение является уникальным общественным институтом, который транслирует и актуализирует древние тексты. Механизмом актуализации становятся тексты, звучащие во время богослужения. Когда-то и кем-то созданные, переведенные, отредактированные и не отредактированные, все они в кон-

кретном месте и времени «присваиваются» участниками литургии, которые на момент их исполнения становятся соавторами.

Естественно, для такого соавторства необходимо понимание «пересоздаваемого» текста, что требует от участников богослужения проникновения в поэтическое сознание иных эпох. Одновременно при восприятии богослужебных текстов продолжает работать современное поэтическое сознание, что позволяет хотя бы в качестве эксперимента сделать богослужебную гимнографию объектом имманентного филологического анализа (столь блестяще продемонстрированного М. Л. Гаспаровым [см.: Гаспаров, с. 9—20]), анализа гимнографических текстов в их данности, в том виде, в котором они предстают современному поэтическому сознанию участников богослужения.

Посмотрим, что может дать такой анализ на материале Воскресной стихиры на стиховне 6-го гласа. Она примечательна тем, что, кроме своего обычного употребления, из года в год поется во время Крестного хода на Пасху.

На стѣхобнѣ стѣхѣры. Гласъ 6:

**Воскрѣніе твѣсѣ хрѣтѣ спсе, ѿггланъ покѣтѣ на небѣхъ, ѿ насъ на землѣ
сподоби, ѿтѣмызъ ѣрдцемъ твѣсѣмъ глѣбнѣти.**

Слоговая структура стихиры: 11—9—8—9 (4 + 5), т. е. последний стих разбивается цезурой на два колона. Интересно, что данная стихира имеет размер — п я т и с т о п н ы й хорей¹ со сложным ритмом, ударной клаузулой (т. е. дополнительными слогами) в первом стихе, усеченными стопами в остальных стихах (в третьем стихе последняя стопа отсутствует полностью). Вслед за К. Ф. Тарановским [см.: Тарановский, с. 372—404] воспользуемся схемой, различающей сильные и слабые икты².

¹ П я т и с т о п н ы й, если учитывать мелодическое выделение последних слогов, за счет которого выполняется правило ударной константы, если же не учитывать, тогда перед нами четырехстопный хорей с ударными и безударными клаузулами. Данная стихира прекрасно вписывается в традицию жанрового и тематического использования пятистопного хорей. Изучая эту традицию, К. Ф. Тарановский пришел к выводу о синэстетической связи между ритмическим движением русского хорей и ритмом человеческого шага, а также выявил взаимосвязь с тематикой пути, жизни и смерти, мотивами тишины и диалога с небесами. Обращает на себя внимание то, что эти мотивы прослеживаются как в элегической традиции лермонтовского «...пустыня внемлет Богу» и реминисценций из моления о Чаше в «Гамлете» Б. Пастернака, так и в фольклорной традиции (например, стилизации С. Есенина «Шел Господь пытать людей к любви»), вплоть до эпического «Воскреси!» В. Маяковского в поэме «Про это». Интересно, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...», с которого в русской поэзии началось активное употребление пятистопного хорей, особенно в тематике пути, получило исключительную известность, будучи положенным на музыку и войдя в обиход в качестве песни. Ср. также характеристику 6-го гласа на основании текстов песнопений, которую дает прот. Б. Николаев: «Шестой глас — это глас “сени смертной”, глас гробовой, глас глубокой ночи, а потому и мелодия его — мрачная. На это указывают нам и песнопения самой Великой Субботы (канон, кондак и стихира — славник на “хвалитех”), а также и воскресные песнопения (тропарь, кондак, 1-я, 2-я и 3-я стихиры на *Господи воззвах*). <...> Шестой глас — это глас глубокий: он передает глубокую скорбь, сраженную, конечно, небесным утешением...» [Николаев].

² Цезура не отмечена, чтобы облегчить вертикальное чтение схемы.

<pre> (1) . . . x x x x x x x x (x x) . . (2) x x x x x x x x . . (3) x x x x x x x . . (4) x x x x x x x x </pre>	<p>(1) Воскресение Твое Христе Спасе, (2) Ангели поют на небесех, (3) И нас на земли сподоби, (4) Чистым сердцем Тебе славити.</p>
--	---

По теории Р. О. Якобсона, метр — это код (*code*), а ритм — сообщение (*message*), так несет ли какое-либо сообщение ритм данной стихире?

В первом стихе сверхсхемное ударение совпадает с синтагматическим («Христе СпаСе»), подчеркивая его, а с другой стороны, оно реализует ритмическую инерцию чередования сильных и слабых иктов. Ритм второго стиха, состоящий из правильного чередования сильных и слабых иктов, течет плавно и равномерно, совпадает с ритмом музыкального размера 2/4. Таким образом, второй стих на ритмическом уровне реализует семантику пения, о котором в нем говорится.

В первой стопе третьего стиха ударение смещено с 1-го слога на 2-й, при этом стопа состоит из односложных слов, т. е. явление укладывается в рамки классической силлаботоники. Смещенное ударение здесь совпадает с синтагматическим, следуя за ним и подчеркивая его (соседние икты к тому же атонированы). Этот стих короче всех остальных: в нем всего 4 стопы, при чтении в конце него образуется пауза (при пении предпоследний слог распевается и длительность соответственно «выравнивается»). Со слов *на земли сподоби* происходит переход от плавного альтернирующего ритма первых двух стихов к полнударному. Таким ритмическим курсивом выделяется фраза *...Сподоби чистым сердцем...*

Последний стих делится цезурой на две части, так что образ действия (*чистым сердцем*) оказывается обособлен с обеих сторон. Во втором полустиишии снова наблюдаем смещение ударения, причем оно происходит из-за инверсии. В результате *Тебе* подчеркивается ритмически, синтагматически и музыкально (сильный икт распевается, и на него приходится самая высокая нота мелодии). Стоило бы всего лишь поменять слова местами на *славити Тебе*, и метрическая схема была бы соблюдена, ритм тек бы спокойно, без «порогов». Но тогда смысловой акцент перестал бы быть столь ярким, а последний стих не зацеплял бы внимания и скатывался в формульную концовку. Таким образом, имеющийся ритмический курсив превращает концовку в финальный аккорд и просьба о достойном славословии переходит непосредственно в славословие.

На наш взгляд, метрический анализ свидетельствует о том, что течение ритма в этой стихире изоморфно ее семантическому рисунку. Иначе говоря, *message* ритма совпадает с *message*'м текста, а выбор «кода» адекватен художественной задаче.

На звуковом уровне текста обращает на себя внимание эвфоника — повторение определенных гласных и согласных звуков. Характерно повторе-

ние не только единичных звуков, но звукокомплексов, скрепляющих текст по горизонтали и по вертикали.

- (1) **Воскресение Твое** Христе Спасе,
- (2) **Ангели** поют на небесех,
- (3) И **нас** на земли сподоби,
- (4) Чистым сердцем Тебе славити (*т/д, во, ан, ли*).

Так, **во** в слове «Воскресение» подкрепляется в «Твое», переходит в **по** в «поют» и повторяется в «сподоби». Аналогично пронизывает всю ткань стихир *т/д*, сообщая ей твердость, некую мужественность и эпичность. Отдельно отметим концы стихов — вертикаль *Христе Спасе — небесех — сподоби — Тебе славити*, скрепляемую звуками *с, б/п, т/д, е* и образующую своеобразную цепочку ключевых слов. Кроме того, в отдельную пару за счет ударного гласного выделяются *Спасе — славити* и встают в параллель с *Ангели... И нас...*

- (1) Воскресение Твое Христе Спасе,
- (2) (2) Ангели поют на небесех,
- (3) И нас на земли сподоби,
- (4) Чистым **сердцем Тебе** славити (*с, е, се*).

Теоретически можно было бы сделать явной перекличку *Христе — небесех* (а заодно и обойтись без клаузулы), однако для современного уха она звучала бы несколько банально, а перекличка ***Спасе — сподоби*** исчезла бы.

Таким образом, весь текст оказывается пронизан фонетическими связями, как горизонтальными, так и вертикальными, тем не менее благодаря своей вариативности они не носят навязчивого характера. Вид благозвучия, который создают эти связи, сходен, на наш взгляд, с той работой звукокомплексами и «пучками согласных», которую использует Б. Л. Пастернак и которая придает ткани стиха особую полнозвучность и «полнокровность».

Если анализировать вокализм стихир, опираясь на работу К. Ф. Тарановского о звуковой ткани русского стиха [см.: Тарановский 2000а, с. 347—357], то следует отметить преобладание компактных гласных среди ударных (***а, е, о***). Дистинктивный признак компактности обычно ассоциируется с чувствами простора, полноты, величия, уравновешенности, силы и мощи. Среди гласных решительно преобладают также «светлые» (***е, и, а***) и высокие (***и, е***). При этом общий рисунок величия, света и высоты контрастирует с инструментовкой на губные, т. е. низкие, согласные, которая дает тональность эпической печали и отрешенности [см.: Якобсон]. Следует отметить также аналогичный контраст между семантикой текста и семантикой используемого музыкального гласа и ритма.

Чтобы лучше увидеть структуру текста и его тенденции, проанализируем нашу стихирку по частям речи, памятуя положение Гаспарова о том, что каждое существительное есть в потенциале образ, а каждый глагол — потенциально мотив [см.: Гаспаров. с. 9—20]:

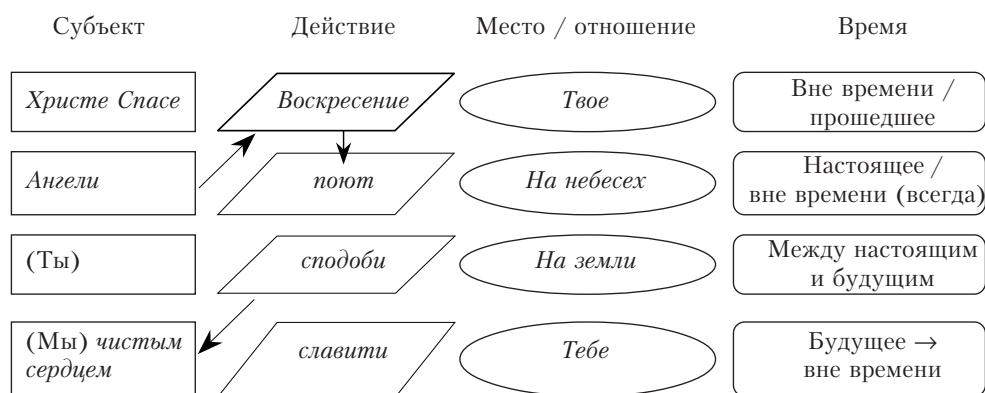
существительные	глаголы	прилагательные	местоимения
<i>Воскресение</i>	<i>Поют</i>	<i>чистым</i>	<i>Твое</i>
<i>Христе</i>	<i>Сподоби</i>		<i>Нас</i>
<i>Спасе</i>	<i>славити</i>		<i>Тебе</i>
<i>Ангели</i>			
<i>Небесех</i>			
<i>Земли</i>			
<i>сердцем</i>			

В лексическом составе стихир преобладают существительные, причем почти половина из них — действующие лица. Первым названо событие — *Воскресение*, оно конкретизировано притяжательным местоимением *Твое* и сразу же авторизовано обращением (*Христе Спасе*). Другое действующее лицо *ангели*, с ними связаны понятие пространства (*на небесех*) и действие (*поют*). В следующем стихе дается параллель — действующее лицо «мы» (*нас*), место (*на земли*), но еще не само действие, а просьба «удостоить» совершить его должным образом (*чистым сердцем*).

Таким образом, предметный мир стихир состоит из действующих лиц, точек пространства, события и инструмента действия (*сердцем*). Время выражается грамматически: от настоящего *поют*, через повелительное наклонение, связывающее настоящее и будущее, к будущему, которое проявляется в инфинитиве и обретает вневременное значение. Эмоциональный план вербализуется единственным прилагательным (*чистым*) и относится к характеристике образа действия.

Следует отметить также эстетическую роль некоторых грамматических форм, таких как звательный падеж (*Христе Спасе*), в котором материализуется коммуникативный аспект текста, и отличное от русского церковнославянского склонение (*ангели, небеси*), которое в данном случае звучит мягче русского и создает особый колорит текста. Для современного слушателя эти грамматические моменты имеют эстетико-эмоциональное значение и, возможно, воспринимаются как элементы стиля.

Схема образов и мотивов показывает динамическую насыщенность текста: на четыре стиха — четыре действия и трое действующих лиц, сопряжение двух топосов.

При минимуме деталей имеющиеся обретают особое значение: таково обстоятельство *чистым сердцем*. Оно было выделено на ритмическом уровне, выделено оно и в плане лексики. Действительно, если бы это обстоятельство не было ключевым, то весь текст носил бы характер риторического упражнения, некоего формального предварения собственно славословия. Точнее, это не столько обстоятельство (*с чистым*), сколько инструмент действия (*чистым*), орган, который способен славить Творца и Спасителя, — чистое сердце.

Таким образом, помимо основного сюжета стихир («Христос воскрес — ангелы поют (об этом) — и мы хотим Его славить»), который синхронен моменту исполнения стихир, включается вневременной, или повседневный, сюжет: «Мы хотим, чтобы Ты очистил наше сердце, чтобы мы могли достойно Тебя славить». Это своеобразная гиперссылка на аскетический опыт Церкви, кроме того, так интериоризируется содержание события: оно переводится во внутренний план, откуда уже и звучит «слава».

Переходя к грамматическим категориям, заметим, что о «чистом сердце» говорится в единственном числе, несмотря на множественное число лирического героя. С одной стороны, этот факт подчеркивает личный, интимный характер славословия, а с другой, напоминает о «Единым сердцем, едиными усты», об единомыслии, с которым подобает возносить славу Богу, и о Церкви как Теле Христовом. Проследив за употреблением местоимений, можно отчетливей увидеть симметричную композицию стихир: *Твое* (Воскресение) — (ангели) — *нас* (сподоби) — *Тебе*.

Параллелизм проявляется в способе развития темы (*на небеси — на земли*), причем это не просто художественный прием, он появляется вследствие выражения в тексте идеи Небесной литургии [ср.: Желтов, с. 388—403]. Ни грамматического, ни синтаксического параллелизма не наблюдается. Из признаков молитвословного стиха, называемых К. Ф. Тарановским [Тарановский, 2000в, с. 257—273], можно отметить сигналы антикаденции в конце 1-го и 3-го стихов, грамматически выраженных звательным падежом и повелительным наклонением соответственно.

В речевом отношении стихира представляет собой адресную речь — отклик на случившееся событие как частный случай глобального диалога между Богом и человеком. Эта реплика от лица человечества, желающего уподобиться ангелам в прославлении Воскресения Христова, переходит в собственно славословие, на что указывает инверсия и ритмическое выделение.

Проведенный анализ свидетельствует о задействованности в той или иной мере всех уровней текста в построении семантической структуры. Так, ритм на синэстетическом уровне дает возможность ощутить величие события и гармоничность ангельского пения, подчеркивает смысловые акценты Церкви торжествующей. Он же рисует неравномерное течение человеческой жизни и твердую поступь Церкви воинствующей. Взаимодействие различных языковых средств рождает высокую смысловую плотность: в частности, анализ линий сюжета говорит о большой информационной емкости текста стихир при минимуме лексических средств.

Подводя итоги анализа, можно сделать выводы об использовании следующих художественных средств:

- ритм как инструмент подчеркивания смысла и характеристики образов;
- фоническая инструментовка текста как средство создания единой звуковой ткани стихир, а также выражения чувств и эмоций; использование звукокомплексов для генерации горизонтальных и вертикальных внутритекстовых связей;
- лаконичность языковых средств: минимум лексики при максимуме смысла, что предполагает активное использование грамматики и синтаксических средств для выражения семантики, в частности семантики времени; минимум прилагательных, смысловая структура текста сконцентрирована вокруг действия (действий, событий) — наследие библейской поэтики, а также проявление аскетической эстетики, которая избегает игры на чувственности и сосредотачивается на созерцании главного;
- стройность и выверенность композиции;
- эстетическая роль отдельных грамматических явлений: звательный падеж, особенности склонения, которые позволяют ощущать текст как древний и сакральный; кроме того, звательный падеж активно формирует пространство диалога, и его замена именительным в русских переводах заметно снижает коммуникативную напряженность текста;
- параллелизм как воплощение идеи небесной литургии и средство развития темы;
- действие как результат интериоризации; цикл «внешнее — внутреннее — действие вовне (Вселенная — небо — земля — человек — Бог)»;
- чувства и эмоции, выражаемые с помощью музыкального гласа, а также ритмико-фонологических средств (еще раз обратим внимание на совпадение семантической характеристики 6-го гласа и семантического ореола 5-стопного хоря в русской традиции).

Обобщая ранее сказанное, следует заключить, что текст стихир стремится воздействовать на все уровни человеческого восприятия вплоть до физического, при этом область чувств и эмоций отдана невербальным поэтическим средствам. Для организации текста характерна изоморфность смысла и художественной формы. Художественные средства используются как акценты на семантически важных местах.

Справедливости ради следует отметить, что порядок слов в этой стихире на церковнославянском полностью совпадает с ее греческим текстом. Тем не менее аналогичные художественные особенности зачастую обнаруживаются и в других стихирах. Особенно неожиданные результаты приносит метро-ритмический и фонический анализ.

Николаев Б., прот. Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православного церковного пения. М., 1995.

Гаспаров М. Л. «Снова тучи надо мною...»: методика анализа // *Гаспаров М. Л.* Избр. тр. Т. 2 : О стихах. М., 1997. С. 9–20.

Желтов М. С., свящ. Описания Небесной литургии в евхаристических молитвах древней Церкви // Эсхатологическое учение Церкви : материалы. М., 2007. С. 388–403.

Тарановский К. Ф. Звуковая ткань русского стиха в свете фонологических дистинктивных признаков // О поэзии и поэтике. М., 2000а. С. 347–357.

Тарановский К. Ф. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // *Тарановский К. Ф.* О поэзии и поэтике. М., 2000б. С. 372–404.

Тарановский К. Ф. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI – XIII вв. // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике М., 2000в. С. 257–273.

Якобсон Р. О. Звук и значение // *Якобсон Р. О.* Избр. работы. М., 1985. С. 30–91.

Статья поступила в редакцию 10.12.2010 г.

РЕЦЕНЗИИ

И. Д. Панькин

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Рец. на кн.: *Русская историография XI – начала XXI века : учеб. пособие / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. – М.: Высш. шк., 2010. – 447 с. – ISBN 978-5-06-005864-2.*

Историография как история исторической науки преподается в высших учебных заведениях России со второй половины XIX столетия. Спецификой этой научной дисциплины является то, что если сама историческая наука является авторефлексией, порожденной историческим процессом, то историография становится авторефлексией второй степени. Историографические труды, особенно учебного характера, не могут появиться ранее того, как исследователи основательно изучат основные проблемы развития исторического процесса. Историографам известно, как непросто создавалась учебная литература по историографии отечественной истории новейшего периода в советское время. Единственный учебник по историографии, в котором освещался ход советской исторической науки, был опубликован как раз на сломе эпох в истории нашей страны [см.: Историография истории СССР].

Современные историографы долго не брались за создание учебной литературы по историографии отечественной истории, поскольку им пришлось искать ответы на два очень сложных вопроса: как следует оценить развитие исторической науки в советский период? какие процессы характерны для исторической науки новейшей России? Только в конце первого десятилетия XXI в. в Москве почти одновременно были опубликованы два обобщающих труда учебного характера по историографии отечественной истории, включающие все периоды в развитии исторической науки. Несколько ранее рецензируемого труда

вышло учебное пособие Г. Р. Наумовой и А. Е. Шикло, выдержавшее уже два издания [см.: Наумова, Шикло]. Характерно, что за создание этих учебных трудов взялись одновременно ученые ведущих вузов и научных учреждений страны.

Рецензируемое учебное пособие создано известными российскими историографами, работающими в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (А. Е. Шикло), Институте российской истории РАН (Н. М. Рогожин), Российской академии государственной службы при Президенте РФ (А. А. Чернобаев) и Уральском государственном университете им. А. М. Горького (В. Д. Камынин). Включение последнего автора в состав данного авторского коллектива является признанием заслуг уральской историографической научной школы на всероссийском уровне.

Авторский коллектив создал учебное пособие, принципиально отличающееся от уже имеющихся учебных трудов по историографии отечественной истории, выпущенных рядом вузов нашей страны.

Первое отличие состоит в широком освещении теоретических и методологических проблем истории исторической науки в России. В. Д. Камынин и А. А. Чернобаев с современных научных позиций осветили основные этапы развития исторической науки в России, раскрыли особенности мировой историографии истории России, ответили на такие важные вопросы, как соотношение историографии и политики, восприятие историографической науки научным историческим сообществом. Заслугой авторов можно считать то, что они сформулировали свою точку зрения на историографию как самостоятельную отрасль исторических знаний. Острой полемичностью характеризуется позиция ученых по таким вопросам, как принципы периодизации историографии, предмет, методология и методика современных историографических исследований. Особенно важным, с нашей точки зрения, представляется выделение «проблемной» историографии в особый жанр современных историографических исследований (с. 7).

Второе отличие рецензируемого учебного пособия заключается в том, что на его страницах реализованы все основные научные парадигмы, которые применяются в современных историографических исследованиях. Коллектив авторов подобран таким образом, что часть глав написана с позиций антропологического подхода к анализу научного исторического сообщества, когда особый интерес проявляется к личности творца исторического знания, бесконечному богатству содержания его интеллектуальных усилий. Это главы, написанные Н. М. Рогожиным и А. А. Чернобаевым, посвященные исследованию творчества таких выдающихся русских историков, как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Впервые на страницах учебного пособия, адресованного студентам, опубликована обширная иконография, посвященная жизни и творчеству ученых XVIII — начала XXI в., занимающихся изучением истории нашего Отечества.

Большая часть глав посвящена анализу отдельных периодов в развитии исторической науки в России от начальных этапов древнерусской историографии до наших дней. Историография рассматривается как история исторической

науки, огромное внимание уделяется вопросам организации научных исследований в России, но в то же время — как проблемная историография. Любой историк, занимающийся разработкой конкретных проблем отечественной истории, может узнать из данного учебного пособия о своих предшественниках в изучении избранной проблемы исследования. По каждому периоду развития исторической науки в учебном пособии приведен исчерпывающий список историографических источников и новейшей историографической литературы.

Принципиальным моментом в современной историографии является отношение к развитию исторической науки в России в XX — начале XXI в. Авторы учебного пособия впервые отказались от традиционной крупномасштабной периодизации данного процесса, его деления на дореволюционную, советскую и постсоветскую науку. Вместо этого они выделили конкретные этапы в ее развитии, подчеркнув тем самым преемственность в развитии исторической науки в России в XX — начале XXI столетия.

Рецензируемое издание существенно отличается и в подходе к анализу развития исторической науки в период существования Советского государства. В. Д. Камынин и А. А. Чернобаев избегают пользоваться термином «советская историография», которую ее наиболее яркие критики (Ю. Н. Афанасьев и др.) обычно сводят к деятельности только историков-марксистов и исходя из этого характеризуют ее как своеобразный «политизированный» и «заидеологизированный» научный феномен, мало что внесший позитивного в развитие мировой и российской историографии. По мнению авторов учебного пособия, такой односторонний подход к исторической науке периода 1917—1991 гг. оставляет за ее пределами историков «старой школы» и «мелкобуржуазных историков» 1920-х гг.; «объективистки» мыслящих ученых 1930-х гг., не воспринимавших принципиальные основы марксистско-ленинской теории; «инакомыслящих» историков последующих десятилетий (с. 284). В. Д. Камынин и А. А. Чернобаев считают: «Для воссоздания всесторонней картины развития русской историографии XX столетия необходимо изучить творческое наследие ученых всех школ и направлений отечественной исторической мысли, как проживавших и работавших в Советской России (СССР), так и оказавшихся за границей» (с. 285).

На наш взгляд, авторам учебного пособия не удалось избежать традиционных подходов к решению некоторых вопросов, что проявилось в абсолютизации ряда событий советской истории, их влияния на историческую науку. Одна из глав называется «Октябрьская революция и историческая наука», хотя в ней речь идет в том числе и о таком интересном этапе в развитии исторической науки, как «нэповская историография». Ученые по-прежнему выделяют «историческое значение» XX съезда в развитии исторической науки.

Заслуживают особого внимания читателей главы, посвященные современному периоду развития российской исторической науки, написанные признанным авторитетом в области исследований этого периода. В современной исторической науке практически утвердилась периодизация этого этапа, данная В. Д. Камыниным еще в конце 90-х гг. XX столетия. Автор очень подробно проанализировал причины, которые привели к радикальным переменам в ис-

торической науке в нашей стране, а также изменения в организации научных исследований на рубеже XX — XXI вв.

Пока еще нет изданий, в которых были бы столь всесторонне изучены новые подходы, проявившиеся при исследовании многих проблем отечественной истории, и были бы столь крупные достижения в развитии «проблемной» историографии. В то же время, по нашему мнению, весьма неоднозначно может быть воспринята попытка авторов разделить изучаемые современными исследователями проблемы на традиционные и привнесенные в российскую историографию «постмодернистскими» явлениями и процессами.

Современные студенты, а также историки-исследователи получили в свои руки книгу, которая может стать объектом дискуссий. При этом никто не сможет отрицать новаторский характер данного учебного пособия и его полезность в обобщении материала, накопленного российской исторической наукой в период с XI по начало XXI в..

Историография истории СССР. Эпоха социализма : учебник / под ред. акад. И. И. Минца. М. : Высш. школа, 1982.

Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. [2-е изд. — 2009].

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О работе диссертационного совета по историческим наукам Д 212.286.04 в 2010 г.

В феврале 2010 г. вышел приказ Рособнадзора, который открыл новую страницу в деятельности диссертационного совета по историческим наукам в Уральском государственном университете: после некоторого перерыва в связи с утверждением нового состава совета была возобновлена его работа. Следует отметить, что произошли определенные изменения как в составе совета, так и в направлениях его работы. Обновился состав совета: сократилось число членов; из 19 человек 5 были введены вновь в состав совета; председателем был назначен доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России *Д. А. Редин*, заместителем председателя — доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения *В. А. Кузьмин*, ученым секретарем доктор исторических наук, заведующий кафедрой документационного и информационного обеспечения управления *Л. Н. Мазур*. В сравнении с прежним регламентом сократился список специальностей: совету было разрешено принимать к защите диссертации по двум специальностям: 07.00.02 «Отечественная история»; 07.00.03 «Всеобщая история (Древний мир и Средние века, новая и новейшая история)».

Первое заседание совета состоялось 16 апреля 2010 г. На нем были рассмотрены общие организационные вопросы, а также назначены эксперты по 4 кандидатским диссертациям, защита которых состоялась в июне — июле 2010 г. Всего в течение года совет провел 13 заседаний, на которых были заслушаны 1 докторская (специальность 07.00.02 «Отечественная история») и 11 кандидатских диссертаций, в том числе 7 диссертаций по специальности 07.00.02 «Отечественная история» и 4 диссертации по специальности 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)».

Большинство диссертаций были посвящены историко-правовой и политико-идеологической тематике и отличались глубоким изучением источников и научной литературы.

- По своей фундаментальности и широте постановки проблемы выделяется докторская диссертация *Д. О. Серова* «**Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.**», которая содержит новаторскую интерпретацию истории отечественной государственности XVII—XVIII вв., основанную на системном подходе к изучению государственно-правовых явлений и институтов, персональных характеристик государственных служащих, а также на учете достижений предшественников и привле-

чении широкого круга документальных источников, значительная часть которых была введена в научный оборот впервые. Это первое комплексное исследование истории фискальской службы и прокуратуры России в контексте реформ государственного аппарата первой четверти XVIII в. В диссертации проанализированы объективные и субъективные предпосылки создания фискальской службы и прокуратуры, определен круг их отечественных предшественников и зарубежных прообразов, рассмотрен вопрос о нормативной основе организации и деятельности фискальской службы и прокуратуры, освещен процесс выработки специфической российской надзорной модели прокуратуры. Особый интерес членов совета при обсуждении диссертации вызвал вопрос о персональном составе прокурорского корпуса.

Тематика кандидатских диссертаций по отечественной истории посвящена проблемам и событиям рубежа XIX—XX вв. и XVIII в., т. е. тем историческим периодам, которые связаны с переломными событиями российской истории и активным реформированием.

- Кандидатская диссертация **К. Д. Бугрова «Идеология и политический лексикон реформаторских проектов Н. И. Панина (60—80-е гг. XVIII в.)»** основана на комплексном анализе реформаторских проектов Н. И. Панина. Результаты проведенного автором исследования позволяют подкорректировать ряд существующих в исторической науке представлений о месте и роли Н. И. Панина в политической жизни России второй половины XVIII в. Новизна диссертации состоит в том, что впервые определены интеллектуальные источники концепции Императорского совета и доказана оригинальная природа реформаторских проектов Панина: в частности, опровергнуто представление о прямом влиянии на них шведской «Эры свобод». Заслугой диссертанта является творческое использование современных методов и подходов к анализу текстов документов, которые позволили ему реконструировать систему таких политических концептов, как «самодержавие», «монархия», «фундаментальный закон», «нация» и др.

- В кандидатской диссертации **М. А. Киселева «Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в.»** выделены и проанализированы основные черты правового регулирования промышленной деятельности в России в условиях петровских преобразований. Большой интерес вызвал тезис автора о том, что в начале XVIII в. произошел переход от дозаконодательной стадии регулирования промышленной деятельности к законодательной — к закреплению норм XVII в., направленных на соблюдение фискальных интересов государства. Подробно исследован процесс формирования системы законодательного регулирования промышленности. М. А. Киселев предложил новую периодизацию, в рамках которой были выделены следующие этапы: 1) с 1715 г. — внедрение элементов меркантилизма в законодательство; 2) с 1717 г. — утверждение меркантилистских принципов в правовом регулировании промышленной деятельности; 3) к концу 1-й четверти века — завершение оформления меркантилистской законодательной системы, ориентированной на максимальное привлечение частного капитала и инициативы в сфере промышленности.

Идеи, предложенные диссертантом, вызвали оживленную дискуссию на заседании диссертационного совета, в ходе которой М. А. Киселевым было доказано, что введение меркантилистской законодательной системы привело к значительной активизации частного капитала в промышленности в 1717—1725 гг. и положительно сказалось на экономическом развитии России.

- В кандидатской диссертации **В. В. Лавринова «Обновленческий раскол в Русской православной церкви в 1920—1940-е годы (на материалах Урала)»** раскрываются сложные и неоднозначные проблемы взаимоотношений церкви и советского

государства. Раскол стал одним из внутренних проявлений этого противостояния. Его история, причины, последствия, рассмотренные с учетом региональных особенностей, подробно представлены в диссертации. Автором была предложена авторская периодизация развития обновленческой церкви на Урале:

- 1922 – середина 1920-х гг. – оформление уральских обновленческих структур;
- 1925 – начало 1930-х гг. – поступательное развитие обновленчества;
- 1935 – 1945 гг. – ухудшение положения и ликвидация обновленческих структур на Урале.

В исследовании уточнена региональная специфика, доказано, что на Урале обновленчество было более широко распространено, чем в целом по стране. Значительное внимание было уделено социальным аспектам обновленчества, в частности роли митрополитов Сергия (Корнеева), Михаила (Трубина), Филарета (Яценко), протопресвитера И. Уфимцева и других церковных руководителей.

• Проблеме религиозно-государственных отношений посвящена кандидатская диссертация **А. Н. Старостина** «**Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XXI в.**». В ней дана развернутая картина истории ислама на Среднем Урале, предложена периодизация развития мусульманского сообщества Среднего Урала в конце XIX – начале XXI в., реконструирован социальный портрет мусульманского духовенства и прослежена его эволюция в изучаемый период. Важным результатом диссертации стало уточнение численности мусульманских культовых сооружений в дореволюционный, советский и современный периоды, действовавших на территории Среднего Урала, выделение типичных черт культовых сооружений и их региональной специфики. Одной из задач диссертации было проведение типологии: было реконструировано четыре типа мусульманских общин, характерных для Уральского региона: 1) сельская, 2) городская, 3) горнозаводская и 4) ярмарочная (сезонная). Большой интерес вызвал факт существования на территории Среднего Урала в 1950–1980-е гг. организованных мусульманских общин, частично сохранивших свои институты (мусульманский священнослужитель, сообщество верующих, отчасти мечеть) и некоторые функции, несмотря на активную антирелигиозную политику государства. Обращаясь к проблемам современности, А. Н. Старостин отметил существенное влияние трудовой миграции из Центральной Азии и Кавказа на мусульманское сообщество Среднего Урала, что привело к усложнению его структуры и обострению взаимоотношений между местными и приезжими мусульманами.

• Кандидатская диссертация **К. Е. Баженовой** «**Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)**» посвящена изучению истории Союзов земств и городов, которая пока еще слабо освещена в научной литературе. Во многом это связано с особенностями источниковой базы, которая рассредоточена по региональным архивам и представлена преимущественно массовыми источниками. В этой связи приоритет приобретают именно региональные исследования, позволяющие в значительной степени компенсировать недостаток обобщающих работ. Автором были тщательно изучены все доступные источники и проведена скрупулезная реконструкция основных направлений деятельности Союзов, региональных особенностей структуры учреждений, проблем функционирования этих организаций. Было доказано, что основными источниками финансирования деятельности земских и городских комитетов были ассигнования земских управ, а также добровольные пожертвования учреждений, организаций, предприятий и частных лиц; охарактеризованы основные формы участия населения в работе земских и городских комитетов Союзов, определены причины свертывания деятельности союзных организаций в начале 1917 г. Основные

формы работы с общественностью, получившие развитие в деятельности союзов в годы Первой мировой войны, в дальнейшем с успехом использовались советским правительством во время Великой Отечественной войны.

• Кандидатская диссертация **А. П. Расторгуева «Власть и средства массовой информации в Свердловской области в период 1985—1991 гг. (проблемы взаимоотношений)»** посвящена анализу отношений государственной власти и СМИ в 1985—1991 гг. Постановка проблемы интересна тем, что в современном обществе СМИ занимают исключительно важное место, оправданно претендуя на роль четвертой ветви власти. Этот процесс «взросления» и институционализации СМИ в современном понимании относится без сомнения к периоду перестройки, проходил он в очень непростых условиях поиска путей диалога власти и журналистов, создания новых правил взаимодействия.

С опорой на обширный источниковый материал были определены объективные причины конфликта власти и СМИ, который развивался в Свердловской области в 1985—1991 гг., введены в научный оборот новые факты, воссоздающие деятельность в Свердловской области в 1986—1991 гг. самостоятельных общественно-политических формирований и отражение этой деятельности в СМИ. Показан процесс политического размежевания в журналистском корпусе Свердловской области на сторонников и противников демократизации СМИ, определены этапы, политические и экономические аспекты трансформации как самой системы средств массовой информации, так и партийно-государственного руководства. Был сделан вывод, что, несмотря на потерю монополии КПСС к 1990 г. в сфере идеологии, а соответственно и в средствах массовой информации, решающее влияние государства на местную печать и региональное теле-радиовещание сохранялось.

• В русле интеллектуальной истории написана кандидатская диссертация **А. В. Лядыгина «Образ Германии в сознании российского общества в 1870—1890 гг. (по материалам прессы)»**. В ней на основе изучения российских периодических изданий сделана попытка проследить эволюцию представлений о Германии в сознании образованной части российского общества от образа союзника к образу противника. Обратившись к этой сложной в методологическом и методическом плане теме, автор сосредоточил свое основное внимание на оценке влияния внешнеполитических событий на общественное мнение. Среди них особое место занимает Берлинский конгресс, связанный с формированием в сознании российской элиты «берлинского синдрома», который определял все последующие внешнеполитические шаги российского правительства.

Большой интерес вызвал анализ основных позитивных и негативных этнических и внешнеполитических стереотипов о Германии и немцах, которые формировались и тиражировались массовой печатью. В диссертации удачно показана роль массовой печати в нагнетании военной угрозы и манипулировании общественным сознанием.

Все кандидатские диссертации, которые защищались по специальности 07.00.03 «Всеобщая история», ориентированы на изучение политической истории зарубежных стран Европы и Азии, затрагивая проблемы парламентского реформирования, военной истории, развития интеграционных процессов.

• Кандидатская диссертация **Е. О. Науменковой «Партийно-политическая борьба вокруг третьей парламентской реформы в Великобритании (1883—1886 г.)»** характеризует основные причины проведения, ход и результаты реформы. Автором была предложена периодизация этого процесса, выделены основные межпартийные противоречия, раздиравшие парламент. Значительный интерес представляет анализ социальных аспектов реформирования, в частности оценка роли и влияния королевы Виктории на разрешение партийно-политического конфликта, разгоревшегося летом — осенью

1884 г. Автором были рассмотрены гендерные аспекты развития избирательного права в Великобритании. Значимым результатом исследования можно считать тезис автора диссертации, который опровергает широко распространенную в британской историографии точку зрения о существовании конституционного кризиса в изучаемый период.

• Кандидатская диссертация **Р. Р. Хамидуллина «Германский офицерский корпус и НСДАП: эволюция отношений (1933–1939 г.)»** раскрывает проблемы взаимоотношений офицерского корпуса и нацистского руководства в 1933–1939 гг. Опираясь на широкий круг источников и литературы, автор делает вывод об изначальной обреченности германского офицерского корпуса, т. к. он был вынужден соответствовать официальным воззрениям НСДАП и той роли, которая отводилась армии в формирующейся системе национал-социализма и тоталитарного государства. В диссертации подчеркнута противоречивость сложившейся ситуации: внешнеполитические успехи Гитлера заставляли военных соглашаться с проводимой нацизмом политикой, несмотря на имевшееся внутреннее неприятие ее у определенной части офицерства. В диссертации обосновано, что к 1939 г. германский офицерский корпус лишился традиционного статуса «государства в государстве», и единственный путь для него заключался в естественно-эволюционном вхождении в систему гитлеровского государства. Диссертантом был сделан интересный вывод о том, что сжатые сроки, отведенные на реализацию программы создания вермахта, стали одной из причин перехода Гитлера к активной агрессивной внешней политике, а внешнеполитические успехи и увеличение армии полностью отвечали интересам офицерского корпуса.

• Кандидатская диссертация **В. В. Хренова «Вступление Турции в НАТО в контексте ее участия в Корейской войне на стороне сил ООН»** подробно освещает эволюцию турецко-американских отношений в период войны в Корее, влияние корейского фактора на предоставление Турции членства в НАТО, внутри- и внешнеполитические аспекты участия воинского контингента этого государства в корейском конфликте на стороне сил ООН. Существенный элемент новизны основным положениям диссертации придают материалы, извлеченные автором из источников на турецком и корейском языках.

Глубокий анализ источников позволил высветить роль личности в принятии внешнеполитических решений. В частности, В. В. Хреновым было доказано, что правительство А. Мендереса рассматривало принятие решения о посылке контингента на Корейскую войну как главное условие включения Турции в НАТО. Одновременно была показана противоречивость политики руководства Демократической партии, которое рассматривало выполнение международных обязательств перед ООН только как способ добиться включения Турции в Североатлантический блок. В результате участие турецких войск в войне на Корейском полуострове способствовало дальнейшему военно-политическому сближению США и Турции.

Все защиты проходили в атмосфере творческой научной дискуссии, основной целью которой было стремление к объективной оценке диссертационных работ.

Л. Н. Мазур, ученый секретарь диссертационного совета

Новые публикации исторического факультета

***Imagines Mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 7. Сер. Интеллектуал. история. Вып. 4. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 424 с.**

Очередной выпуск альманаха посвящен теоретическим проблемам историографии как самостоятельного раздела исторической науки — историографии источниковедения, источниковедению историографии, методологическим аспектам исторической науки и их практическому применению. Историографические практики рассматриваются авторами как классический пример для отработки и углубления подходов интеллектуальной истории к проблемам интерпретации исторического процесса и характеризуются стремлением упорядочить накопленные знания о прошлом.

***Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. Сер. Балкана. Вып. 2. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ, 2010. — 294 с.**

Публикуются статьи российских и зарубежных историков, в которых рассматривается широкий спектр вопросов, касающихся общественно-политического, этнокультурного и демографического развития балканских народов в конце XIX—XX в., а также международных отношений на Балканах в XX — начале XXI в. Альманах представляет интерес для специалистов-историков, аспирантов, студентов и преподавателей высших и средних учебных заведений.

Британская империя: становление, эволюция, распад / под ред. В. В. Высоковой : учеб.-метод. пособие. — Екатеринбург : Волот, 2010. — 188 с.

Учебные материалы освещают процесс зарождения, расцвета и упадка Британской империи, характеризуют основные тенденции ее территориально-административного, торгово-экономического и социокультурного развития, а также формирование имперской идентичности британцев и ее эволюцию во второй половине XX в. Учебные материалы подготовлены на кафедре новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Для студентов исторических и других гуманитарных факультетов вузов.

Главацкая Е. М. История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилёва, И. Л. Манькова [и др.]. Екатеринбург : Сократ, 2010. — 552 с. : ил.

Выход издания приурочен к 125-летию Екатеринбургской епархии. На обширном документальном материале описывается история Екатеринбургской епархии как составная часть многовекового процесса становления и упрочения православия на территории Среднего Урала. В исторической ретроспективе рассматривается широкий круг вопросов: церковно-административное устройство, строительство храмов и монастырей, повседневная приходская и монашеская жизнь, просветительская, миссионерская и благотворительная деятельность церкви.

Издание богато иллюстрировано, в том числе редкими фотографиями, снабжено картами и справочным аппаратом. Рассчитано на широкий круг читателей.

Григорьев Э. А. Екатеринбургский монетный двор : История. Каталог. Документы / Э. А. Григорьев, В. Н. Мещеряков, А. В. Черноухов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 176 с. : ил.

Книга отражает 150-летнюю историю Екатеринбургского монетного двора, занимавшего особое место в ряду дореволюционных предприятий города. Представлены основные вехи рождения и развития предприятия, решены спорные вопросы по истории изготовления плат, перчеканке монеты во второй половине XVIII в., выпуску новоделов. Приведены уточненные объемы чеканки монет, представлен каталог основной продукции, сведения об угольных печатках, вспомогательной продукции предприятия, обширный терминологический словарь монетного и связанного с ним металлургического производства.

Издание адресовано коллекционерам, научным и музейным работникам, краеведам, всем, кто интересуется историей монетного дела и денежного обращения в России.

Документ. Архив. История. Современность : материалы III всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г. / отв. ред. Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 424 с.

В сборник включены материалы докладов участников III всерос. науч.-практ. конф. «Документ. Архив. История. Современность», посвященной 40-летию специальности «Историко-архивоведение» в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Рассматриваются проблемы источниковедения, теории, истории и организации архивного дела и делопроизводства.

Сборник предназначен для историков, архивистов, документоведов, преподавателей и студентов вузов, где ведется подготовка по направлениям «Документоведение и архивоведение» и «История».

Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. за выпуск. Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 384 с.

Рассматриваются проблемы источниковедения, историографии и методологии отечественной истории, теоретические и практические вопросы организации архивного дела; публикуются архивные источники, а также статьи начинающих исследователей.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей, а также может быть интересен специалистам в области архивоведения, документоведения и информационно-правового обеспечения управления.

Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура / В. Т. Ковалева, С. Ю. Зырянова. Екатеринбург : Учеб. книга, 2010. — 308 с. : ил.

В монографии впервые представлены все основные материалы, накопленные несколькими поколениями археологов за 50 лет изучения боборыкинской культуры. В историографическом очерке освещены периоды ее изучения, подходы и методы анализа археологического источника, дана характеристика материальной культуры, рассмотрены особенности духовного освоения мира населением боборыкинской культуры, ее происхождение, датировка и этнокультурная специфика.

Книга адресована специалистам-археологам, преподавателям и студентам вузов гуманитарного профиля, музейным работникам и краеведам.

Комлева Ю. Е. Священная Римская империя германской нации в Новое время : Государственно-политическое устройство: феномен «имперского федерализма» / Ю. Е. Комлева. — Saarbrücken : LAMBERT Acad. Publish. Press, 2010. — 290 S.

Священная Римская империя германской нации позднего периода с ее жизнеспособностью, традициями, сложными институтами представляла собой уникальную форму политического сообщества. Вопрос о том, что стабилизировало это крайне сложное государственное устройство, представляет собой исторический интерес и остается актуальным и сегодня. Данное исследование рассматривает государственно-политическую организацию германских государств как систему «имперского федерализма» — модернизированного по отношению к средневековой империи государственного устройства, при котором субъекты, немецкие чины, являлись как частью имперской федеративной системы, так и частью европейской системы государств. Несомненными плюсами имперского федерализма были конституционная гарантия прав ее субъектов, миролюбивость, не предполагающая динамики внешнеполитической экспансии, способность разрешения социального напряжения путем бюрократического и судебного рассмотрения, антинационализм и веротерпимость.

Работа может быть интересна специалистам по истории конституционно-политического развития Германии, студентам, изучающим историю Германии, а также широкому кругу читателей.

Кручинина Н. А. Политическая элита Великобритании и социальные реформы: формирование основ «государства благоденствия» в период правительств Г. Кэмпбелл-Баннермана и Г. Г. Асквита (1905—1914) / Н. А. Кручинина. Saarbrücken : LAMBERT Acad. Publish. Press. 2010. — 256 S.

Социальные реформы либеральных кабинетов Г. Кэмпбелл-Баннермана и Г. Г. Асквита (1905—1914) стали важным этапом формирования основ британского «государства благоденствия». Они создали в Великобритании первую систему государственного социального обеспечения и заложили правовую основу государственного регулирования отношений труда и капитала. В ходе реформ была выработана концепция новой социальной политики британского государства, на которую в той или иной степени опирались многие последующие британские кабинеты и изучение которой способствует более полному пониманию эволюции британской социоэкономической политики XX столетия. В данной работе в рамках сравнительного анализа взглядов представителей британской политической элиты на социальные проблемы исследована эволюция политической элиты в начале прошлого века, показана ее способность к адаптации новых идей и движений, позволившая гибко реагировать на социально-экономические перемены в стране.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мазур. 2-е изд. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 608 с.

Рассмотрены основные методы и технологии, используемые для решения информационных задач, которые встают в историческом исследовании на различных этапах его реализации, в том числе методы сбора, систематизации, анализа исторической информации. Значительное внимание уделено характеристике методологических аспектов исторического исследования и его разновидностей, а также вопросам использования историками современных компьютерных технологий и количественных методов.

Для студентов высших учебных заведений, а также учителей, преподавателей, исследователей, интересующихся вопросами методики организации и проведения научных исследований по исторической тематике.

Православие в судьбе Урала и России: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН : Изд-во Екатеринбург. епархии, 2010. — 382 с.

В материалах конференции, посвященной 125-летию Екатеринбургской епархии и 200-летию учреждения Екатеринбургского Новотихвинского монастыря, рассматриваются различные аспекты истории церковной организации, приходов, монастырей, духовных учебных заведений Русской православной церкви в широком хронологическом диапазоне. Особое внимание уделено изучению церковной культуры и старообрядчества. Ряд докладов посвящен актуальным проблемам сохранения, систематизации и картографирования церковного историко-культурного наследия.

Материалы конференции представляют интерес для историков и краеведов, архитекторов и искусствоведов, преподавателей и студентов вузов, духовных академий и семинарий, а также всех, кто интересуется историей Русской православной церкви и Уральского региона.

Черноухов А. В. Историческое отделение историко-филологического факультета Уральского университета, 1945–1956 / А. В. Черноухов. — Екатеринбург : Волот, 2010. — 180 с.

В книге отражен послевоенный период жизни исторического (историко-филологического) факультета. Повествование охватывает время с 1945 по 1956 г. — период, изобилующий сложными событиями в жизни страны, университета и факультета.

Адресовано студентам, сотрудникам и преподавателям исторического факультета, университета в целом, широкому кругу читателей, интересующихся историей развития исторического образования.

ЮБИЛЕИ

«Я ВСЕГДА ХОТЕЛ БЫТЬ САМИМ СОБОЙ...»

К юбилею профессора В. В. Блажеса

Написание юбилейной статьи, посвященной заведующему кафедрой фольклора и древней литературы профессору Валентину Владимировичу Блажесу, — задача непростая. Во-первых, потому что сам профессор относится к своим юбилеям как к помехе в жизни, а во-вторых, потому что Валентин Владимирович являет собой внешне более чем обычного и крайне простого человека, что поражает тех, кто имеет представление о масштабе его личности. Биография В. В. Блажеса не изобилует драматическими перипетиями, но это успешная линия жизни, которую человек вычерчивает собственным трудом, терпением и интеллектом.

Родители оказались волею судеб на Дальнем Востоке (Амурская область), где В. В. Блажес окончил школу, а затем служил в армии. Выбор места дальнейшего образования пал на филологический факультет Уральского университета, в процессе учебы определились главные научные интересы будущего профессора. Это были фольклор и древнерусская словесность — предметы,

в наивысшей степени связанные с национальными традициями, требующие проникновения в суть национальной культуры, образа жизни и духовных поисков народа в историческом прошлом и в современности. После окончания аспирантуры и защиты диссертации В. В. Блажес становится преподавателем Уральского университета и уже все дальнейшее время работает здесь, с начала 90-х гг., после ухода профессора В. В. Кругляшовой, заведя кафедрой фольклора и будучи на протяжении 15 лет деканом филологического факультета.

В. В. Блажес уже давно входит в когорту высочайшего класса специалистов-филологов. Работам Валентина Владимировича, за какую бы тему он ни брался, свойственны особая научная честность, достигаемая добросовестной проработкой версий, доскональным знанием материала и постоянным стремлением к новым исследовательским решениям. Ценнейшим качеством научных изысканий является поиск новых источников в архивах и полевых условиях. Среди тем, поднятых и раскрытых на основании новых архивных источников, — сатира и юмор в фольклоре рабочих Урала. Это стало темой и его докторской диссертации, и монографии, вышедшей в 1987 г. Одной из граней темы является обращение к замечательному артефакту уральской словесности XVIII в. — сборнику «Древние Российские стихотворения» Кириши Данилова*. Ему принадлежит оригинальная исследовательская концепция этого сборника, представленная в монографии «Содержательность художественной формы русского былевого эпоса» (1977) и высоко оцененная в отечественной фольклористике. Исследование проблем смеха, народной комедики в разных жанрах фольклора красной нитью проходит через все научное творчество В. В. Блажеса, и его результаты стали классическими для современной фольклористики. По мнению коллег, эта тема не случайна в творческой биографии Валентина Владимировича: профессиональные интересы совпали с личностными качествами только на первый взгляд дотошного и педантичного профессора, а в жизни остроумного и мудрого человека. И эти свойства его характера благодатно ощущают на себе коллеги по кафедре, и его ученики. Статьи Блажеса, посвященные уральской духовной культуре в самых разнообразных ее проявлениях, измеряются десятками, циклы таких статей включены в «Уральскую историческую энциклопедию» и энциклопедию Ханты-Мансийского автономного округа. Наконец, важным этапом не только в биографии Блажеса-ученого, но и Блажеса-организатора науки стала подготовка и издание «Бажовской энциклопедии» (Екатеринбург, 2007). В ней он выступал и как автор многочисленных статей, и как редактор-составитель. Последние пять лет В. В. Блажес отдает много сил реализации такого поворотного для изучения словесности Урала проекта, как «История литературы Урала», где он является не только автором ряда глав, но и редактором и организатором этого многотомного академического издания. У нашего юбиляра есть и новые грандиозные проекты, например, «Энциклопедия Д. Н. Мамина-Сибиряка».

Каждая сторона его деятельности достойна внимания. Глубокое понимание людей позволяет В. В. Блажесу и как руководителю выстраивать оптимальную систему отношений с коллегами и учениками. Говоря о своем кредо руководителя, профессор признается, что главной для него является заповедь: «Не

мешай!» (читай: «Помоги при необходимости, но не мешай без надобности»). При работе с аспирантами главная установка В. В. Блажеса: «Идем от текста». Путешествуя от абзаца к абзацу, аспирант постигает новые, недоступные ранее глубины, а Валентин Владимирович, словно Вергилий, становится его проводником. И действительно, Валентин Владимирович умеет помочь в нужный момент, чаще всего высказав глубокое одобрение постановкой темы, найденными материалами, полученными результатами. Теплые слова о нем готов сказать каждый, кто хоть раз сталкивался по вопросам преподавательской работы или науке. По словам В. А. Липатова, много лет отдавшего работе на кафедре, «кто был деканом, тот знает, что это за работа, кто не был, знает тоже: декан отвечает за все и всегда должен находиться там, где нужнее всего. Все эти годы мне, отвечающему за организацию фольклорной экспедиции УрГУ, приходилось постоянно иметь дело и с Блажесом-деканом, и с Блажесом — научным руководителем нашей экспедиции. Не помню случая, чтобы мы не решали вопросы оперативно: В. В. Блажес всегда оказывался на рабочем месте в деканате». Умение декана ставить достижимые и конструктивные задачи и доводить дело до конца предопределили открытие новой и востребованной специализации — романо-германской филологии.

За достойный, кропотливый, нередко неблагодарный, но такой необходимый труд заслуженная награда — орден Почета, которым В. В. Блажес был награжден в 1995 г. Он — член диссертационных советов в Уральском и Челябинском университетах, член ученого совета Музея писателей Урала.

Пожелаем дорогому Валентину Владимировичу крепкого надежного здоровья, долголетия, новых интересных исследований и новых учеников.

Ученики и коллеги

ВНУТРЕННЯЯ СВОБОДА И ДАР ПОНИМАНИЯ:**К юбилею Л. Н. Житковой**

6 апреля 2011 г. кафедра русской литературы филологического факультета УрГУ отметила 75-летний юбилей Л. Н. Житковой. Вся ее трудовая биография неразрывно связана с Уральским государственным университетом им. А. М. Горького. С 1969 г., вот уже более четырех десятилетий, она работает в УрГУ: сначала заведующей кабинетом русской литературы, с 1971 г. — ассистентом кафедры русской и зарубежной литературы, с 1982 г. — доцентом кафедры русской литературы. Для всех, кто знает Людмилу Николаевну, она остается образцом университетского преподавателя, опытным учителем-методистом, великолепным знатоком классической словесности и отечественной литературной критики.

В течение сорока лет на филологическом факультете и факультете журналистики Л. Н. Житкова успешно ведет базовые учебные дисциплины и специальные курсы: «История русской литературы XIX века (1800—1830-е гг.)», «Теория и история русской литературной критики», «Анализ одного произведения», «Поэтика повествования в русской прозе», «Индивидуальные интерпретационные стили русской философской критики». За это время ею выработаны оригинальные концепции указанных учебных курсов. Творческое отношение к делу, системно-концептуальный стиль мышления — отличительные черты профессионального облика Людмилы Николаевны.

В сфере научных интересов юбиляра — проблемные аспекты творчества русских писателей-классиков, динамика жанровых форм и типология литера-

турно-критического процесса, генезис феноменологической парадигмы русской интерпретационной критики XIX — начала XX в. Среди излюбленных персоналий — А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, А. А. Григорьев, К. Н. Леонтьев, А. М. Скабичевский, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов и др. Кроме того, важное направление научной работы Л. Н. Житковой — исследование литературы Уральского региона. Не случайно защищенная ею в 1974 г. кандидатская диссертация называлась «Писатели круга М. Горького. Творчество Б. Тимофеева». Позднее текст диссертации был переработан в монографию и выпущен отдельным изданием: «Б. Тимофеев. Очерк творчества» (Свердловск, 1984). Л. Н. Житкова является также автором учебного пособия «История и теория русской литературной критики XIX века» (Екатеринбург, 2002) и целого ряда разделов в коллективных монографиях: «Творческий универсум русской культуры» (2008) и «Эволюция жанров в литературе Урала XVII—XX вв. в контексте общероссийских процессов» (2010).

Большое место в жизни Людмилы Николаевны всегда занимала школа. После окончания историко-филологического факультета УрГУ в течение одиннадцати лет она проработала учителем русского языка и литературы: сначала в сельской (Махневской) школе (1958—1961), потом в школах Екатеринбурга и Большого Истока (1961—1969). Людмила Николаевна любит вспоминать эти годы, которые подарили ей радость общения с благодарными учениками, открыли для нее, пожалуй, самое главное — необходимость творческого труда, внутренней духовной свободы. Позднее, уже работая в университете, Л. Н. Житкова продолжала сотрудничать с учителями-словесниками города и области, читая лекции и делясь с ними своим богатейшим профессиональным опытом. Когда в 1989 г. на базе Уральского университета был открыт Специализированный научный центр (лицей), Людмила Николаевна взяла на себя роль куратора филологической работы, читала специальные курсы для учащихся гуманитарных классов, всемерно участвовала в повышении квалификации лицейских учителей-словесников. Вплоть до 2007 г. она совмещала должность университетского преподавателя с работой учителя в гуманитарных классах лицея. До сих пор под ее руководством студенты-филологи каждый год проходят педагогическую практику и достойно представляют свои курсовые и дипломные проекты. Многочисленные поколения выпускников филологического факультета и СУНЦ УрГУ с большой теплотой и любовью отзываются о Л. Н. Житковой как Учителе с большой буквы и духовном наставнике, во многом определившем их дальнейшую профессиональную и человеческую судьбу.

Коллег и учеников Л. Н. Житковой восхищают ее человеческие качества, высокий нравственный облик, то поистине женское изящество, с каким она позволяет себе всегда оставаться собой и в то же время мужественно и последовательно «жить не по лжи». Профессионал высочайшего уровня, филолог от Бога, Людмила Николаевна на протяжении многих лет открывает студентам филологического факультета мир настоящей литературы и подлинных ценностей человеческой жизни, сохраняя при этом способность каждый раз прочитывать по-новому, свежо, ярко, непредвзято уже известные художественные, философские, литературно-критические тексты. Курс литературной критики,

который она преподает студентам, — истинная школа филологического мастерства и одновременно уроки человечности, сердечного постижения фундаментальных вещей. Работая с молодыми людьми, Людмила Николаевна умеет рассмотреть и оценить талант в тех, кто не всегда даже сам догадывается об этом. И тогда она терпеливо пестует, «вращивает» этот талант. Скольким коллегам Людмила Николаевна помогла поверить в себя и утвердиться в профессии!

Она обладает не просто даром понимания, а даром сорадования другому, даром, пожалуй, еще более редким, чем даже сострадание, поскольку радоваться чужому успеху — признак щедрой, открытой души.

Сердечность, внутренняя свобода, порядочность и высочайший профессионализм — это все про Вас, дорогая Людмила Николаевна. Спасибо, что Вы есть у нас, и дай Бог Вам здоровья на долгие годы! Новых творческих свершений!

Коллеги

Список сокращений

БКРС	Большой китайско-русский словарь
вепс.	вепсский язык
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ИРЛИ	Институт русской литературы
карел.	карельский язык
карел.-ливв.	ливвиковский диалект карельского языка
КИТРС	Картотека исторических топонимов Русского Севера
КРС	Коми-русский словарь
люд.	людиковский диалект карельского языка
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РИБ	Русская историческая библиотека
РИО	Русское историческое общество
русск. диал.	русское диалектное слово
СГКЭ	Сборник грамот коллегии экономики
СЗ СССР	Собрание законов СССР
СУ РСФСР	Собрание узаконений РСФСР
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
фин.	финский язык
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей Российский
ЯРС	Японско-русский словарь
ЯРУСИ	Японско-русский учебный словарь иероглифов
SSA	Suomen sanojen alkuperä

Сведения об авторах

Афанасьева, Эльмира Маратовна (elmira_afanaseva@mail.ru). Выпускница Кемеровского государственного университета (1994). Кандидат филологических наук (2000), доцент, зав. кафедрой русской литературы и фольклора КемГУ (650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6; (3842)58-27-45). Сфера научных интересов — русский романтизм, онтология имени в русской литературе XIX в.

Безбородов, Юрий Сергеевич (Yury.bezborodov@gmail.com). Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-43, Valeri.Mikhailenko@usu.ru). Сфера научных интересов — международное право, европейское право.

Белозеров, Михаил Александрович (Mishkander@yandex.ru). Студент кафедры административного права Уральской государственной юридической академии (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; igp@usla). Сфера научных интересов — международное юридическое право.

Боровиков, Дмитрий Сергеевич (dpalochkinskij@yandex.ru). Аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Византии, история военного искусства, военная археология.

Борщ, Елена Викторовна (ev_borshch@r66.ru). Выпускница исторического факультета (1990) и факультета искусствоведения и культурологии (1997) Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат искусствоведения (2002), доцент кафедры музееведения и прикладной культурологии УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-64, Troshina@usu.ru). Сфера научных интересов — французская книжная иллюстрация XVIII в., искусство книги, художественная обработка металла и камня.

Волкова, Татьяна Федоровна (Volkovaf777@gmail.com). Выпускница Ленинградского государственного университета. Кандидат филологических наук (1982), доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского государственного университета (167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Катаева, 9; (8212)43-34-26, philology@syktsu.ru). Сфера научных интересов — древнерусская литература, теория литературы, археография, старообрядческая литература.

Гуменная, Галина Львовна (glgum@sandy.ru). Выпускница Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (1974). Кандидат филологических наук (1989), доцент кафедры русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова (603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; (831)436-15-75). Сфера научных интересов — творчество А. С. Пушкина, пушкинская традиция в русской литературе.

Истомина, Илона Анатольевна (ist-ilona@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Аспирантка кафедры риторики и стилистики русского языка УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-94; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — лингвокультурология, стилистика, риторика, теолингвистика.

Ицкович, Татьяна Викторовна (taniz0702@mail.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1989). Кандидат филологических наук (2007), доцент, докторант кафедры риторики и стилистики УрГУ (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94, irina_verreva@mail.ru). Сфера научных интересов — функциональная стилистика, стилистика текста, лингвистика текста.

Кабинина, Надежда Владимировна (nadia.nvlad2010@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1987). Кандидат филологических наук (1998), доцент кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-397; fasmer@yandex.ru). Сфера научных интересов — топонимика, ономастика, этимология.

Камынин, Владимир Дмитриевич (kamyninv@yandex.ru). Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой евразийских исследований Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Европы и Азии.

Каримов, Денис Александрович (denis.a.karimov@gmail.com). Аспирант кафедры административного права Уральской государственной юридической академии (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; igp@usla). Сфера научных интересов — международное право, европейское право.

Костякова, Юлия Борисовна (uka29@yandex.ru). Выпускница факультета журналистики Ленинградского государственного университета (1990). Кандидат исторических наук (2007), доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и журналистики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, зам. директора ИФиЖ (655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 94; (3902)22-34-82, uka29@yandex.ru). Сфера научных интересов — история журналистики и СМИ Хакасии, Горного Алтая, Тывы.

Красильникова, Алиса Александровна (aa-krasilnikova@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2009). Аспирант кафедры фольклора и древней литературы УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92, izvestia_2@usu.ru). Сфера научных интересов — древнерусская литература, богослужебные жанры.

Лугинин, Леонид Максимович (luginin@inbox.ru). Выпускник факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2008). Ассистент кафедры европейских исследований УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-28-34, agn1154@yandex.ru). Сфера научных интересов — история международных отношений, история Средних веков.

Мангилева, Анна Владимировна (mangilev_petr@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1990). Кандидат исторических наук (1996), докторант Института истории и археологии УрО РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56; (343)351-65-28). Сфера научных интересов — история Русской православной церкви синодального периода.

Морре, Хильда (morre@cilc.nl). Магистр права, магистр искусств Центра международного юридического сотрудничества (Corantijnstraat 67 2315 VN Leiden. The Netherlands). Сфера научных интересов — международное юридическое право.

Мохов, Антон Сергеевич (rkb2009@yandex.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат исторических наук, доцент кафедры Древнего мира и Средних веков УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-38, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Византии, история военного искусства, сфрагистика.

Николаев, Роман Михайлович (R_Nik81@mail.ru). Выпускник факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Аспирант кафедры культурологии УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-74-49, Medvedev10@yandex.ru). Сфера научных интересов — история русской культуры, культурная антропология.

Панькин, Игорь Дмитриевич (igor0303@mail.ru). Выпускник Челябинского государственного педагогического института. Кандидат исторических наук (1988), доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры (454091, г. Челябинск, ул. Российская, 258; (351)237-54-67). Сфера научных интересов — исследование проблематики государственной промышленной политики на Урале в 1917–1941 гг.

Пермякова, Екатерина Валерьевна (kate13.perm@yandex.ru). Выпускница факультета искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Ассистент кафедры истории искусств УрГУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-73-64, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — русское искусство рубежа XIX–XX вв., театральное-декорационное искусство, художественная культура Серебряного века, балет.

Пехал, Зденек (zdenek.pechal@upol.cz). Выпускник философского факультета Университета им. Палацкого (1982). Кандидат филологических наук (1989), доцент, зав. кафедрой славистики Университета им. Палацкого (Чешская республика, Оломоуц, ул. Кржижковского, 10). Сфера научных интересов — русская литература XIX и XX вв., теория литературы, герменевтика литературного текста, интерпретация литературного текста.

Пичугина, Ольга Кузьминична (orich2008@yandex.ru). Выпускница факультета теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР (Ленинград, 1980). Директор Екатеринбургского музея изобразительных искусств, доцент кафедры декоративного искусства Уральской государственной архитектурно-художественной академии (620000, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23; (343)371-65-43). Член Союза художников Российской Федерации. Сфера научных интересов — техники и технологии произведений мастеров западноевропейской живописи XIV–XVII вв.

Савченко, Ирина Александровна (teosmaco@rambler.ru). Кандидат психологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (603950, ГСП-41, Н. Новгород, ул. Минина, д. 24; (831)257-86-63). Сфера научных интересов — социология культуры, этносоциология, психология личности, социально-психологические вопросы управления и лидерства, социокультурные аспекты гендерной динамики.

Сгибнева, Наталья Фанзиловна (sgibneva77@mail.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2000). Кандидат филологических наук (2007), ведущий библиотекарь Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (620000, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 15; 350-24-01). Сфера научных интересов — древнерусская литература, фольклор, литература Урала.

Синегубова, Капиталина Валерьевна (sinegubova@nextmail.ru). Выпускница Кемеровского государственного университета (2006). Ассистент кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ (650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6; (3842)58-27-45). Сфера научных интересов — русский авангард.

Скребова, Екатерина Геннадьевна (dolgorukaja1@rambler.ru). Выпускница факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета (1998). Кандидат филологических наук (2001), доцент кафедры иностранных языков Воронежского

филиала Российского государственного торгово-экономического университета (394030, г. Воронеж ул. Карла Маркса, 67а, (4732)39-07-62; spdo@vfrsute.ru). Сфера научных интересов — синтаксис немецкого языка.

Соловар, Валентина Николаевна (solovarv@rambler.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Югорского государственного университета (628011, Тюменская обл., г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16; (8-3467)-357615; solovarv@rambler.ru). Сфера научных интересов — этнолингвистика, лексикология, синтаксис хантыйского языка.

Суровень, Дмитрий Александрович (Yamato.ur@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1989). Кандидат исторических наук (1997), доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; sea003@usla.ru, igr@usla). Сфера научных интересов — история общества, государства и права древней и раннесредневековой Японии, история Восточной Азии в период древности и раннего Средневековья, процессы формирования классового общества и государства, варварские общества и государства.

Царегородцева, Нина Валерьевна (nina.tsaregorodtseva@usu.ru). Выпускница Свердловского государственного педагогического института (1985). Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского государственного университета им. А. М. Горького (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-74-13, doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — семантика.

Черепанова, Нина Борисовна (Cherepanova01@yandex.ru). Выпускница Пермского государственного университета (1991). Учитель русского языка и литературы в МОУ СОШ № 2, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин Уральского государственного экономического университета (618400, Пермская обл., г. Березники, пр. Ленина, 33; (34242)6-64-66). Сфера научных интересов — поэзия начала XX в., символизм.

Шапошников, Геннадий Николаевич (hshaposhnikov@yandex.ru). Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, экономики и правопедения Уральской государственной юридической академии (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; igr@usla). Сфера научных интересов — экономическая политика.

CONTENTS

HISTORY

- Mokhov, A. S., Borovikov, D. S. Logothetes of the Military (Logothetzs Του Stratiptikou) in 7th – 11th Centuries Byzantium* 6
- The article reviews a number of problems connected with the development of the *Logothetes of the Military (logothetzs tou stratiptikou)* department in 7th – 11th centuries Byzantium with reference to narrative and sigillographic materials. The authors' basic attention is focused on detecting officials in charge with the military logothesion, and reconstructing the *cursus honorum* thereof, identifying 23 persons who exercised the duty of military logothetes from 680 till 1088 AD.
- Key words:** Byzantium, system of military administration, logothetes of the military, prosopography, sigillography.
- Suroven', D. A. Chinese-Korean Ayabito Migrants' Influence on the Statehood and Culture of the Yamato Kingdom (5 AD)* 20
- The author analyzes Old Japanese data on the role of Chinese-Korean *Ayabito (Han Chinese)* migrants lead by Wang-in (Jap. Wani) and Prince Achi-no *omi* in the 5th century Yamato Kingdom, as reflected in *Kojiki, Nihon Shoki, Kogoshyūi*, and *Shinsen shōji-roku*. The article describes the way the *Ayabito* migrants influenced the development of written language, learning, state bureaucracy, the emergence of annals writing, along with the accommodation of the Chinese writing to that of the Japanese language in the 5th century Yamato Kingdom.
- Key words:** Old Japan, Yamato, Nintoku, Oho Sazaki, Richy, Isaho Wake, Wang-In, Wani, Achi-no *omi*, aya, Yamato no Aya, Higashi no Aya, Kawachi and Yamato Provinces, *Kojiki, Kogoshyūi, Nihon Shoki, Shinsen shōji-roku*.
- Louginin, L. M. Domestic Policy Influence on the Moscow State Foreign Policy (1618–1634)* 36
- The article studies the domestic policy influence on the foreign policy of the Moscow State in the 1st 1/3 of the 17th century, testifying to Russia's intensive activity on the international scene. The author analyzes the interaction of governmental authorities of different levels in the aforementioned period.
- Key words:** Moscow state in the 17th century, domestic and foreign policy, historiography.
- Kamynin, V. D., Shaposhnikov, G. N. On the History of Communication Media Development in the USSR: Government Regulation in the 1920s* 50
- The authors analyze the legislation, regulating the development of communication media in the era of the new economic policy of the USSR, singling out the stages of legislation development, along with the factors crucial for the regulation of communication media development and functioning in the country.
- Key words:** government management of economy, legislation, communication, new economic policy.

- Kostyakova, Yu. B.* Khakass Mass Media in the Great Patriotic War: Enemy Image Formation 60
 The article dwells upon the peculiarities of the warfare portrayal of fascists and the formation of the enemy image with reference to the mass media data of Khakassia, revealing and describing the methods and ways of cultivating hatred for fascist invaders in the public and military personnel.
 Key words: Great Patriotic War, history of Khakassia, mass media, information, ideology, fascism.
- Morre, H., Bezborodov, Yu. S., Karimov, D. A., Belozero, M. A.* The Indonesian-Netherlands Integration Union: Propositions and Advantages 69
 The article considers the Indonesian-Netherlands international union between Indonesia and the Netherlands, countries sharing a historic background. As a result of a war of independence Indonesia regained sovereignty, which gave rise to the need to discuss a new objective in the two countries' development. The authors view monarchy as a uniting potential for the integration process of the Netherlands and Indonesia.
 Key words: Netherlands, Indonesia, monarchy, integration.
- Mangileva, A. V.* Justin (Vishnevsky), Bishop of Perm' and Yekaterinburg's Letters to F. L. Karpinsky. Publication of a source 77
 Two letters Justin (Vishnevsky), bishop of Perm' and Yekaterinburg wrote to F. L. Karpinsky, archpriest of the cathedral of St. Catherine in Yekaterinburg, are published, both being of significant interest as reflecting the history of provincial lifestyle in the 19th century. The explanatory article offers evidence in favour of the fact that it was F. L. Karpinsky who was the addressee of the aforementioned letters.
 Key words: provincial lifestyle, Russian Bible Society, Ural Society of the Amateurs of Natural Science.

PHILOLOGY

Linguistics

- Kabinina, N. V.* The Meaning of Russian Nominal Components in the Studies of Regional Toponymic Substrate (with Reference to the Toponymy of Archangelsk Pomorye) 81
 Russian nominal components, i.e. anthroponyms and toponyms, making part of precedent relationships, have a capacity to obscure the substrate toponymic background, thus requiring special scientific attention. Consequently, the author analyzes the results of her studies of the toponymy of Archangelsk Pomorye and formulates a number of propositions relevant to the further research in the sphere of substrate toponymy.
 Key words: anthroponym, Archangelsk Pomorye, Russian nominal components, precedent, substrate, toponym, etymology.
- Solovar, V. N.* The Models of Elementary Simple Sentences with Event Propositions in the Khanty Language: Structure and Semantics (with Reference to the Kazym Dialect) 90
 The article describes the models of elementary simple sentences (ESS) of the Khanty language with event propositions, considering the semantics and structure of the existential, or ontic, sentence, confirming or negating the idea of object, or a class of objects, being/existing and possessing certain characteristics, being present in front of one's eyes, or in the sphere of the speaker's perception of a natural phenomenon, or an object.
 Key words: semantics, subject, predicate, structure, proposition, verb, model.
- Skrebova, E. G.* A Description of Communicative Textual Functions of Compound Continuous Sentences in the German Language 96

The author analyzes compound continuous sentences with regard to their role in the text formation process, revealing that the aforementioned type of sentences possess a system-forming function in denoting meanings like the characteristics of the state of affairs, the addresser's spatiotemporal position, the analysis of the addressee's communicative intentions, the positional determination of self-organization process in textual syntactic constructions. Additionally, the author specifies the types of derivational symmetry/asymmetry of the sentences in question as the basic text-forming scenarios.

Key words: compound continuous sentences, close continuity relations, limited duration relations, communicative register, addressee, basic structures of text formation process, textual symmetry.

Tsaregorodtseva, N. V. Antonymic Correlations with the Meaning of Movement in English Proverbs 106

The author considers the interpretation problems of semantic nature of the antonymic correlations occurring in English proverbs, analyzing the antonymic oppositions with the meaning of movement, and introducing the notion of semantic range to characterize them.

Key words: antonymic correlations, vector antonyms, reversives, semantic range, proverbs.

Literary studies

Volkova, T. F. *The Story of Akir the Wise* in the Pechora Manuscript Tradition 113

The article considers the peculiarities of the four manuscripts of the Old Russian translated *The Story of Akir the Wise* existing among old believing peasants abiding by the Lower Pechora River. The author tracks the connection between one of the manuscripts (namely, Ust-Tsilemsky Collection (Institute of Russian Literature), #12, 17th century) with the third version of *The Story*, revealing its peculiarities, giving grounds to consider the source for the later manuscript created in the Pechora District in the 19th century, by an unknown scribe (The New Ust-Tsilemsky Collection (Institute of Russian Literature), 148) but not connected with the two manuscripts by I.S. Myandin, the famous Pechora scribe of the 2nd S of the 19th century. In the article, the aforementioned manuscripts are considered as two variants of Myandin's special versions. The analysis of Myandin's version of *The Story of Akir the Wise* reveals and characterizes the Pechora scribe's editing methods, and draws connections thereof with previously revealed peculiarities of Myandin's adaptations of Russian stories.

Key words: Old Russian translated stories, Old Believers' literature, Ust-Tsilemsky scribes.

Afanasyeva, E. M. The Motif of Name in M. Yu. Lermontov's Aesthetic Complex of 1830 (*To a Tree and My Will*) 129

The article studies M. Lermontov's aesthetic complex of 1830, picturing the images of death (a withered tree, a poet's tomb) and the determining pole of immortality represented by inspiration and the remembrance of the poet and his name. The posthumous being of the name is equaled to the large-scale realization of the author's fate.

Key words: M. Lermontov, lyrical poetry, motif, name, intertextual dialogue, biographic context, aesthetic complex.

Pekhal Z. N. V. Gogol's *The Nose* as a Reconstruction of an Account of an Event 134

The author gives an interpretation of N. V. Gogol's *The Nose* according to which the textual objective is not the written genre forms but the means of oral genres, with the narrator employing stage mimicry. The account of events adds *spontaneity* to the text. The reproduction of the *element* of hearing plays the role of a spontaneous combination of heterogeneous elements and reveals ambivalent meanings in the structure of the story, with fantastic nonsense and everyday commonness, comic exaggeration and tragic horror, grotesque laughter and various parodies of the foregoing literary forms coexisting and interchanging.

Key words: N. V. Gogol, narrator, oral and written genres, short story, anecdote, hearing.

- Sinegubova, K. V.* The Value of the World of Childhood in Elena Guro's creative work 141
 The author considers the role of children images in Elena Guro's creative work showing that a child is both the subject and the object of depiction, with the child's worldview and its creative potential playing a significant role in the author's value system.
 Key words: Russian avant-garde, Elena Guro's creative work, author's value system, image of a child.
- Cherepanova, N. B.* Waltz poetics in V. V. Hofmann's lyrical poetry 149
 The author studies the peculiarities of V.V. Hofmann's poetics, a little-known symbolist writer, analyzing poems testifying to Hofmann's being the *poet of waltz*, and revealing the originality of Hofmann's poetics. The article proves that the idea of dance as a cultural dominant of the epoch is reflected in the author's creative work.
 Key words: V. V. Hofmann's lyrical poetry, poetics of waltz, dionysism, rhythm.
- Gumennaya, G. L.* Chat and the Narrative Manner in Timur Kibirov's *Toilets* 156
 The author analyzes T. Kibirov's programme speech "I don't pontificate – I chat" as related to his narrative manner in the poem *Toilets* (1991). Kibirov harmoniously joins the deliberately casual and derogated with the lofty and poetic, enabling him to revive and continue Pushkin's tradition, dating back to *The Little House in Kolonna*, and address the problems underlying his own creative work.
 Key words: Timur Kibirov, narrative manner, talk, poetry, Pushkin's tradition.

ARTS AND CULTURE STUDIES

- Pichugina, O. K.* Pictorial and Plastic System of 17th Century Italian Painters: Coloristic Peculiarities 164
 The author studies the coloristic structure of the 1st S of the 17th century Italian paintings, showing a number of typical features, which, alongside with some others, can serve as expert features, testifying to the time and national provenance of a painting. The aforementioned qualities were the result of a number of technical and technological methods based on the optical properties of paint material with the oil binding agent and the use of toned ground.
 Key words: 1st S of the 17th century Italian painting, expertise, colouring, tonal unity, contrast of additional colours, technical and technological methods, optical properties of paste paints.
- Borsch, E. V.* The Transformation of the Russian Book Prints in the Works of 18th Century French Illustrators 170
 The article considers the interesting phenomenon of mutual influence of Russian and French 18th century book illustrations with reference to one of the most impressive French works of the period in question, namely, the book *Journey into Siberia (Voyage en Sibirie)* by Chappe d'Auteroche.
 Key words: book illustration, French and Russian typography, history of Russian book illustration.
- Permyakova, E. V.* The Image of Vaslav Nijinsky in Early 20th Century French Art 185
 The iconography of Vaslav Nijinsky's portrayals created by various painters during his work in Sergei Diaghilev's *Ballets Russes*, is extensive, diverse and geographically varied. The author reviews the most significant portraits of Nijinsky made by French painters in the early 20th century, and analyzes the reasons for the western painters' all-round inspiration evoked by the dancer of genius.
 Key words: Vaslav Nijinsky, *Ballets Russes*, Sergei Diaghilev, portrait, décor.
- Nikolayev, R. M.* The Role of Traditional Values in the Formation of the New Cultural Identity of the Soviet People in Pre-war and War Periods 196
 The author analyzes the problem of traditional values transformation of national culture in the context of the critical conditions of warfare, giving reasons for the formation of the population's cultural identity, and studying the problem of authority mythologization with the help of traditional cultural symbols.

Key words: cultural identity, traditional values, cultural memory, Soviet culture, tradition and innovation.

SOCIOLOGY

Savchenko, I. A. Cultural Identity as a Marginal Tendencies Indicator 209

The article considers the approaches to the *cultural identity* notion interpretations. With reference to the data of an empirical study, the author determines the conditions of the youth's cultural identity in a polyethnic society, i.e. Russian students, students of the near and far abroad, describing the complex and ambiguous character of the phenomenon of marginality and revealing the marginal tendencies dominating in an ethnically heterogeneous youth environment.

Key words: sociocultural relationships, cultural identity, ethnic community, cultural marginality, indicators of marginality, foreign cultural environment, deconstruction.

POETICS OF THE SACRAL WORD

Sgibneva, N. F. "For not only doth misery save and wealth killeth...": on wealth and misery in the *Stater* sermon collection (late 17th century) 223

The author considers the problem of attitude towards material values, wealth and misery in the manuscript *Stater* sermon collection, written by an unknown author in the city of Solikamsk and the town of Orel (rus. *Orel-Gorodok*), the centre of the Stroganovs' possession in late 17th century. With reference to the analysis of a number of sermons, the author draws connections with the traditional concepts of wealth and misery, and states the author's creative independence and originality, as well as his ability to consider the problem in question from new viewpoints.

Key words: spiritual culture of the 17th century Urals, Stroganovs' cultural region, *Stater* sermon collection, problem of attitude to wealth and misery.

Itskovich, T. V. The Category of Time in the Orthodox Sermon 238

The article considers the means of the category of time explication in the Orthodox sermon, demonstrating the systematic connection of the categories in question in the text of a sermon, based on the Christian worldview. Additionally, the author determines the correlation of the variations of the category of textual time with the compositional and thematic structure of the sermon (spiritual theme correlating to conceptual chronotope, and object theme in its every variety correlating to objective chronotope respectively).

Key words: religious functional style, genre of the Orthodox sermon, textual type, textual category of time.

Istomina, I. A. Features of Contemporary Reality in Sermons 249

The author analyzes the thematic peculiarities of the Orthodox sermons recorded in Ural cathedrals, singling out religious topics proper, causing a response from the public, and secular topics. Furthermore, the author characterizes the informative, educational, didactical, communicative and pragmatic functions of the contemporary sermon.

Key words: orthodoxy, religious style, sermon, cultural background information.

Krasilnikova, A. A. Contemporary Hymnography as Reflected in Prosody (an Analysis of Sunday Hymns) 256

The author makes a philological analysis of the hymnographic text with reference to Sunday hymns.

Key words: church service, hymnography, hymn, philological analysis.

REVIEWS

<i>Pankin, I. D.</i> Peculiarities of Contemporary Academic Literature on National History Historiography	264
--	-----

ACADEMIC CURRICULUM

On the work of D 212.286.08 Dissertation Council in 2010	268
New books of the faculty of History	273

ANNIVERSARIES

For V. V. Blazhes' anniversary	277
For L. N. Zhitkova's anniversary	280
List of Abbreviations	283
On the Authors	284

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2011. № 2 (90)

Редактор и корректор *Р. Н. Кислых*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23104 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 24,27. Усл. печ. л. 24,05. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРА

Порядок приема и движения рукописи

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета» является периодическим изданием (4 номера в год).
- Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, аннотацией на русском и английском языках, перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией редакция пересылает автору электронной почтой реквизиты УрГУ для частичного возмещения им расходов на рецензирование, научное редактирование и т. д.
- С аспирантов оплата указанных расходов не взимается.
- Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.
- Статьи на корректуру авторам не высылаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: **Формат** — **Шрифт** — **Размер 14**).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (**Формат** — **Абзац** — **Междустрочный** — **Полуторный**).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (**Формат** — **Абзац** — **Первая строка** — **Отступ 1,25**).
- **Выравнивание текста по ширине** (**Формат** — **Абзац** — **Выравнивание** — **По ширине**).
- **Нумерация страниц** (**Вставка** — **Номер страницы** — **Внизу, справа**).
- **Переносы обязательны** (**Сервис** — **Язык** — **Расстановка переносов** — **Автоматическая расстановка переносов**).

- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — *говорил Маршак*¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (**Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2**).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Например: [Толстой, т. 4, с. 285]. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.09).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92 (кафедра фольклора и древней литературы).

Электронный адрес: izvestia_2@usu.ru